

А. Башкуев

Байки старого шамана

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44
Б33

Башкуев, А. Э.

Б33 Байки старого шамана / А. Башкуев. — СПб. : «Реноме», 2015. — 400 с., [16] с. ил.
ISBN 978-5-91918-670-0

Это история про Железную Дорогу, про подлых шпионов и смелых разведчиков. Это история человека, которого считали то военным медиком, то геологом, то физиком-ядерщиком, а он был «всего лишь обычным железнодорожником». Это история про Урал, Сибирь и Дальний Восток, про нашу страну и нашу Победу...

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

Ограничение по возрасту 12+

ISBN 978-5-91918-670-0 © Башкуев А. Э., 2015
© Оформление. ООО «Реноме», 2015

БАЙКИ СТАРОГО ШАМАНА

*Дедам моим —
Башкуеву Будде Васильевичу,
Баинову Борису Булатовичу
и Садронову Роману Савельевичу —
посвящается*

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

РАССКАЗАННАЯ

САМИМ АВТОРОМ,

ИЛИ ПРОЛОГ

*Я в веселом лесу пил березовый сок,
С ненаглядной пелушкой в столу поговал.
Что имел — не соберу,
что любил — потерял,
Был я смел и удачлив,
но счастья не знал...*

История эта началась где-то в середине апреля 1961 года, когда в полицию Флориды обратились какие-то охотники на аллигаторов, которые сообщили, что в некоем месте болот Эверглейдса они нашли целый катер, набитый оружием, а на берегу трупы четырех человек латиноамериканской наружности. Полиция выехала на место предполагаемого преступления и вскоре нашла неподалеку еще одну машину, на которой, видимо, убитые и приехали, а за рулем ее молодого парнишку. Машина была затоплена наполовину в болоте, а у парня, как и у прочих остальных четырех «хомбре», обнаружались дыры в голове.

Собственно, разборки «бандитос» в этих краях никогда не были редкостью, и большое количество аллигаторов в местных болотах обычно позволяло местной полиции смотреть на все это сквозь пальцы. Так случилось бы и в этот раз. Убитые оказались кубинскими эмигрантами —

«гусанос», которых в те дни было в штате Флорида как грязи, и, сколько бы их друг друга ни перебило, флоридской полиции все было мало. Как раз в эти дни «гусанос» массово высаживались в Заливе Свиной на острове Куба и полицейские поголовно мечтали, что либо они скинут Кастро и наконец-то уберутся из этих краев, либо Кастро их там всех перебьет, и это тоже для полиции было бы выходом. Короче, что бы ни случилось — все к лучшему. Благодстную картинку портил только парнишка. Он тоже был из кубинцев, но в отличие от остальных он уже родился в Америке, то есть считался полноценным гражданином США, и это было совсем другое дело, чем пачки «гусанос», тихо пожираемых местными аллигаторами. Американская Фемида тяжело и обреченно вздохнула, открыла следствие, и колеса местной юстиции пришли в движение.

Сравнительно быстро выяснились причины смерти всех пятерых — выстрелы из снайперской винтовки. Но по мере того как полиция продолжала расследование, то она все больше приходила в легкое изумление, переходящее в полный шок при осознании тех условий, при которых погиб паренек. И дело было признано столь серьезным, что его передали в ФБР. Причины этого были следующими. У убитых гусанос нашли включенными ночные фонарики, то есть в миг их смерти была темная ночь. Была найдена «лежка» таинственного ночного убийцы. От ее места до четырех трупов было примерно триста метров по прямой. Не так много, ежели стрелять днем. Но весьма дофига, если бы пришлось стрелять ночью. А всех четверых положили точными выстрелами — «хирургически». Следователи задумались, каким же должен был быть «прибор ночного видения», который позволил сделать подобные выстрелы? Для той поры основная масса подобной техники была еще тяжела,

батареи для теплового луча весили тогда килограммов по двадцать, и видимость такого прибора позволяла стрелять метров на двести — не более. Триста метров подразумевали некую весьма эксклюзивную батарею и некий более чем специальный прицел. Однако что это была за батарея и что за прицел, оставалось загадкой. Таинственный убийца аккуратно собрал гильзы и оставил лишь удобно утоптанную лежку среди болота. Вкупе с очень хорошей батареей для прибора ночного видения и самим прибором, который был явно лучше, чем те, с которыми местные эксперты сталкивались — класс стрелка в глазах следователей весьма вырос, а его способность не оставлять следов наводила на размышления. А потом... Потом специалисты из Центральной лаборатории ФБР смогли-таки опросить неких свидетелей и воссоздать все события этой ночи. Выяснилось, что четверо убитых были (по крайней мере, двое из них) руководителями высадки в Бухте Кочинос. Вернее, не так. Они должны были командовать специальным отрядом наемников, которым полагалось высадиться в ином месте и отвлечь на себя основные силы «барбудос» огнем и маневром. Однако из-за того, что эти люди на деле умерли в болотах Эверглейдса и никогда не попали к своим подчиненным, их люди заколебались, и запланированной отвлекающей высадки так и не было. Несчастные гусанос тупо поперли буром на Залив Свиной, где их уже ждали — в том числе и кубинские танки, так что итог высадки оказался чуток предсказуем.

Короче говоря, неожиданно выяснилось, что четверо убитых — вовсе не трусили, не предали других, а тупо и тихо умерли посреди бескрайних болот, отстреливаемые по одиночке невидимым снайпером в тот миг, когда они, уже сходя с ума от ужаса и понимания неизбежного, тупо падали по всем кустам подряд из автоматов, надеясь хоть

как-то зацепить убийцу. Но промахнулись. Вернее, они даже ни разу не выстрелили в нужную сторону. С ними, по сути, играли, как сытый кот с перепуганной мышкой. Убийца положил всех четверых ровно четырьмя выстрелами, собрал гильзы и стал уходить. Судя по следам, он даже отошел на немного. И в этот момент за его спиной завелась машина. Племянник одного из погибших не должен был быть этой ночью в том месте. Он сам напросился проводить дядю с товарищами до их катера. И по тому, насколько спокойно убийца уходил со своей лежки, полицейские эксперты были уверены: он точно знал, сколько у него целей, он валил их по степени опасности и самого бестолкового убил последним. Парнишки не должно было быть этой ночью в том самом месте, и не будь его там — местная полиция тупо позволила бы чуток разжиреть аллигаторам. Дело было бы шито-крыто. Но он там оказался. Дядя разрешил ему себя и друзей подвезти, да и забрать домой машину, чтобы не оставлять ее в зарослях без присмотра. Это вообще-то было запрещено его американским куратором, но дядя, видимо, наплевал на куратора. И вот пока в ночи бухали странные выстрелы (они были, наверно, похожи на утробное «уханье филина», ибо сама система неспроста была названа немцами «Филин» — это была снайперская модификация чуть ли не танкового ночного прицела с облегченными батареями и повышенной мощностью и стоила как маленький самолет, поэтому никогда не была в серии), парнишка, видимо, сидел в машине ни жив ни мертв и, возможно, прятался между сиденьями. Потом он то ли увидел, то ли понял, что убийца уходит, и повернул ключ зажигания.

«Филин» был весьма серьезным и тяжелым оружием, в полном комплекте он весил килограммов под тридцать. Однако убийца бежал с ним к разворачивающейся машине

с такой скоростью, будто в руках у него была просто пушинка. Мальчик... он не был сильно законопослушным, не был примерным — обычный, характерный юный латинос. Но он умел обращаться с машиной. Он очень быстро рванул с места, утопил педаль в пол и понесся с места трагедии, очень технично качая корпус машины из стороны в сторону. Попасть в него было практически невозможно. Убийца понял это мгновенно, он даже не пытался попасть в отъезжающего. Вместо этого побежал в сторону от него по зарослям, сплошным джунглям. Следаки, изучая его следы, только ахали и делились мнениями, что этот человек скорее всего всю жизнь прожил в местных мангровых зарослях. Не возникало вопроса, почему убийца побежал наперегонки с машиной. Убитые им люди были из группы, которая была должна напасть на Кубу до того, как американцы начнут там высаживать основные силы вторжения. Если бы мальчишка смог выжить и доехать до первого телефона, вся операция отменилась бы и никакой бухты Кочинос вообще не случилось бы. Мальчишка был обречен. Он не должен был добраться до телефона, иначе все прочее стало бы напрасно. Поэтому ночной стрелок побежал через джунгли. Он бежал очень быстро — почти не ошибался в выборе направления и всегда выходил на прогалины именно там, где был просвет среди джунглей. Короче говоря, по следам это выглядело почти фантастикой, особенно если учесть, что бежал он через джунгли глухой тропической ночью, а ночной прибор «филина» невозможно использовать во время движения.

Убийца бежал через болото, он бежал через джунгли, пересек небольшой местный пригорок и занял позицию, которая была вовсе не столь удобной как прежняя лежка.

«Филина» пришлось устроить на ветвях и лианах. Для прицеливания пришлось встать на колени, но самое главное — особенность его цели. Мальчишка хорошо водил свою машину, он легко разогнался, на большой скорости по этой дороге «качать корпусом» стало опасно, и мальчик просто топил педаль в пол. К моменту смерти скорость его машины достигла примерно 40 миль в час. То есть примерно 60 километров в час — по этой жуткой дороге посреди болота и джунглей. От того места, где стоял снайпер, в момент прилета пули его отделяли примерно 560 метров, эта цифра постоянно будет повторяться американскими экспертами с воистину благоговейным ужасом. Так вот — окно выстрела, то есть время пока машина по этой извилистой дороге шла по направлению полета пули, составляло согласно анализу 1,2 секунды. То есть у нас на ночной дороге была машина, летящая со скоростью 60 километров в час, расстояние до нее превышало полкилометра, временной интервал поражения цели составлял 1,2 секунды. Убийца попал...

Машина продолжала лететь дальше, прошла мимо поворота и сразу увязла в трясине, куда ее стало потихоньку засасывать. Убийца судя по всему поднялся с колен, на которых он делал последний выстрел, даже не попытался найти последнюю гильзу в кромешной тьме (по ней-то эксперты и опознали использованное оружие) и просто ушел, растворившись в ночи. При этом он сделал одну единственную ошибку, которая и поставила на уши все компетентные американские, а потом и британские, а затем и французские и германские и японские органы. Ошибка его была в том, что в условиях крайнего стресса и напряжения, в миг, когда у него не было времени, делал все ПРАВИЛЬНО — «как учили», это-то и вызвало фурор в узких кругах американской контрразведки.

Дело было даже не в том, что убийца был слишком хорошим снайпером, а они такие — наперечет. Дело было не в том, что он бежал по кромешным джунглям как молодой олень, легко перемахивая через любые буераки и заросли, ибо с настолько крутой физической подготовкой людей тоже немного. И даже не в том, что после столь жуткого кросса по сильно пересеченной местности он за какую-то минуту встал в стрелковую позицию и легко «уравнял дыхание», что подразумевает особые психотехники, которым обучают далеко не в каждой подворотне. Убийца совершил гораздо более тяжелую и серьезную ошибку.

Он не просто убил мальчишку, а на скорости в 60 верст в час с расстояния в полверсты и временным интервалом в секунду не просто выплеснул мозги паренька на приборную. Он своей пулей выбил парню продолговатый мозг...

Возможно, вам ни о чем не говорит такая подробность. Однако она очень многое говорит экспертам. Поражают продолговатый мозг именно для того, чтобы мускулы убиваемого мгновенно расслабились и он, даже умирая, не имел сил нажать некую кнопку или там выдернуть чеку из гранаты. Иными словами, учат стрелять в это место исключительно только выпускников спецшкол в контрразведке или, как сейчас говорят, членов команд «Антитеррор». Так не стреляют мафиози, хотя они порою умеют стрелять, так не убивают наркочилеры, хотя убивают они не стыдясь. Но американские эксперты сошлись во мнении, что неизвестный убийца в миг стресса сделал все, как его учили в учебке, то есть на мгновение стал самым обычным стрелком — то ли из ФБР, то ли из НКВД, то ли из Зихердинст, а всех их учат, что бандит в миг своей смерти не должен причинить вред окружающим. Вот ведь глупо, именно на такой штуке прокалываться? Однако... Бандит не станет жалеть окружающих,

и мафиози не станет, и даже какой-нибудь левак террорист замочить пару невинных не постесняется. Такой «глупости» учат только в полиции, или милиции, или германской «крипо», в общем, мысль вы мою поняли.

А это значит, что посреди США бродит некий офицер, выученный в госструктурах неизвестной страны, способный стрелять глухой ночью на полверсты в движущуюся со скоростью 60 километров в час цель, ему нужно на прицеливание не больше 1,2 секунд — при этом он не промахивается. О таком казусе немедленно доложили тогдашнему недавно избранному американскому президенту Джону Кеннеди, а тот при всех своих талантах был слегка к тому же и параноиком. И он почему-то взял в голову, что неизвестный убийца прибыл в США по его душу. К примеру, за тот же казус в Бухте Свиной, ибо, как известно, кубинских «гусанос» доставляли туда на американских эсминцах. А бомбили кубинские аэродромы якобы кубинские летчики, но при помощи американских инструкторов. Кеннеди с чего-то решил, что в ответ на подобные бомбежки и высадки некто — не будем говорить кто — прислал ему вот такую ответку.

Вообразите себе, что живете вы себе кум королю, спите со всякими Мерилинами, причем, по вашим же словам, «во все три возможных отверстия», воображаете себя самым могущественным человеком на свете, и вдруг оказывается, что где-то совсем рядом есть офицер высокого уровня некоего государства, способный стрелять ночью по цели в движении с огромного расстояния за невероятно малый временной интервал, и если он-таки пустит в вас свою пулю, то никакие отсосы Мерилин вам уже не помогут.

Не хочу сказать, что американский президент впал в истерику, но по данному делу все вопросы получили наивысший приоритет, и в ФБР мигом подтянулись спецы в данной

области из всех сопредельных стран НАТО (ну, разумеется, не из всех, а только из тех мест, где действительно готовили снайперов сравнимого уровня), и даже Японии. Эти эксперты на коленках с лупами еще раз облазили все болота Эверглейдса, где произошло это убийство, и с 99-процентной уверенностью доложили, что стрелок получал соответствующее образование в снайперских учебках НКВД, имел немалую практику и, скорее всего, имел немалый чин в структурах подобных советскому КГБ или чем-то похожих. На это указывали особенности устройства лежки, техники преодоления ночных препятствий и прочее, прочее, прочее... То есть при том, что в этом деле полной уверенности у американцев и натовцев никогда не было, тем не менее, получалось, что тот самый Хрущев, который клялся Эйзенхауэру в своей Верности и Дружбе, все же санкционировал некие «активные действия» на территории самих США, в итоге которых был убит их гражданин. А раз столь легко шлепнули мальчишку латиноса, возможно, что с тою же легкостью могут замочить самого Президента Соединенных Штатов Америки. Вот как тогдашнему американскому президенту — Джону Кеннеди — в те дни подумалось, что в свете этаким информации многие его последующие скачки и прочие неадекватности, включая события «Кубинского кризиса» 1962 года, начинают выглядеть чуть-чуть в ином свете. Просто надобно понимать, что, с его точки зрения, Хрущев только что грубо насрал на свои собственные обещания Эйзенхауэру о том, что советские службы никогда, ни при каких обстоятельствах не будут проводить «активных операций» на земле Соединенных Штатов Америки и уж тем более не будут мочить амерограждан на американской же территории. Теперь, надеюсь, вы понимаете, насколько

сильно Кеннеди не доверял Хрущеву в дни «кубинского ракетного кризиса»...

По моему рассказу может возникнуть ложное ощущение, что поиск таинственного стрелка был сравнительно медленным, но это не так. Уже к концу апреля в ФБР была создана спецгруппа, которая занималась исключительно поисками «ночного стрелка из Эверглейдса», и следствие начало разрабатывать два следа. Во-первых, к тому времени было известно, что немцы за 1944 год успели «собрать на коленке» семь «филинов». Один из них оказался в итоге в Баллистической лаборатории ФБР, и американцы в принципе понимали, с чем именно им приходится иметь дело. Особенность «филина» была в том, что, с точки зрения военной науки, он стал определенным прорывом для своего времени. По сути, это был скорее оптический прицел, основанный на принципе работы фотоэлектрического умножителя, к которому был прикручена винтовка «маузер», но разработанная под нестандартный патрон (в данном случае калибр был чуть меньше обычного, насколько именно — мне не известно). Причина уменьшения калибра винтовки состояла именно в том, что без самого «Филина» она не имела смысла, а тот светил «максимум» на 600 метров. Ну, слово «максимум» взято в кавычки просто потому, что для обычной винтовки это не расстояние, а вот для винтовки с ночным прицелом в те годы нормой считались метров 100–200, на большее тогда у объектива не хватало светосилы. Соответственно и идея «филина» состояла в том, что раз мы не можем выстрелить в темноте более чем на 600 метров, то не нужен и стандартный снайперский патрон для передачи убойной силы на большее расстояние. Зато снижение

калибра позволяло иметь меньшее смещение пули по курсу, что повышало точность устройства. Кроме этого на «филине» стоял оригинальный пламегаситель, который позволял не засвечивать позицию стрелка глухой ночью, а также имелось нечто вроде особого резонатора газоотводной трубки, который создавал странный звуковой эффект, позволяющий скрадывать источник звука. Обычные глушители позволяют заглушить звук выстрела, но это достигается за счет определенного снижения точности, а в данном случае выходу звуковой волны было решено не препятствовать, но ей придавалась весьма странная форма. То есть вместо обычного хлесткого «щелчка», характерного для винтовки, которую за это порой зовут «плеткой», раздавалось странное утробное «уханье», за что аппарат и получил прозвище «филин». Выяснилось, что звук «филина» имел сравнительно малую длину волны, и поэтому он легко отражался от всех поверхностей — это при обычной громкости выстрела создавало странный эхоподобный эффект, когда человеческое ухо воспринимает звук выстрела, но не может сориентировать слушателя точно на направление этого звука. То есть в отличие от принципа работы «глушителя», принцип «филина» состоял в том, что жертвы слышали выстрелы, но не могли понять, откуда они доносятся. Короче говоря, по полной совокупности своих свойств — та еще была «вундервафля», причем собранная именно «на коленке», да с заоблачным ценником, ибо для умножителя требовалось выращивание определенных монокристаллов, что само по себе для того времени было отдельной технологической сказкой и научным прорывом. В итоге собрали таких «вафель» только семь штук. Техника была весьма хитрая, и это еще весьма мягко сказано, так что по американским

данным ей за последние годы войны было обучено всего только 19 человек — все при этом известные снайперы. После этого 12 из них полегли в боях (причем в массе с обычными снайперками в руках, а не этой сказочной вундервафлей) или точно умерли в плену, трое попали в советский плен и при Хрущеве из плена вышли, трое в плен союзников и сотрудничали, и еще один был настолько тяжело ранен, что вел отныне овощной образ жизни. В любом случае амерские спецы пришли к выводу, что либо у всех доживших до апреля 1961 года знатоков «филина» было железное «алиби», либо им было уже не по здоровью бегать с тридцатикилограммовой дурой душной тропической ночью по флоридским болотам. То есть в ходе расследования выяснилось, что снайперов со знанием «филина» на должность «стрелка из Эверглейдса» не осталось.

Мало того, из семи «филинов» — четыре были утрачены в боях, два захвачены американской стороной и один британской (причина этого в том, что данные «вундервафли» проходили испытания на западном фронте, который немцы считали статичным, а не на динамичном восточном, где им казалось легче потерять новое «чудо-оружие»). То есть в болотах Эверглейдса стрелял «филин», которого по бумагам у немцев не было. Короче говоря, полный тупик. Глухая стена. Однако даже из «глухой стены» можно сделать определенные выводы, и уже в конце апреля появилась аналитическая записка, в которой изучались причины неудачи этого пути расследования и делался единственный возможный в данном случае вывод. Был как минимум еще один неучтенный «филин», который по каким-то причинам не попал в немецкие отчеты. Был как минимум еще один человек, которого также учили работать с подобным оружием, и он

тоже не попал в эти отчеты. Сочетание этих двух факторов, по мнению экспертов, было не случайным. Оно означало, что кому-то в Германии по каким-то причинам нужно было утаить от своих же проверяющих органов наличие дополнительных единиц спецтехники и людей, обученных ею пользоваться. Но шила в мешке утаить невозможно. Бедой «филина» было то, что он довольно неуклюж для транспортировки и его невозможно «сложить» для более компактного перемещения в пространстве. Скрыть в Германии перемещение дополнительных образцов «филина» с их тогдашней системой слежения, созданной гестапо, было невыполнимо. Опять же обучение снайпера новому типу оружия — весьма долгий и «громкий» процесс. Вы не можете сидеть на своем заднем дворе и тренироваться в стрельбе из экзотической вундервафли, чтобы ваши соседи этим бы не заинтересовались и не стукнули куда нужно. Все ж таки в 1944 году немцы в Германии что-то стали подозревать и стали нервными по этому поводу. Невозможно было тренировать снайперов без того, чтобы это не стало известно в гестапо. И американские специалисты из ФБР пришли к выводу, что подобная задача имеет решение лишь при условии, что лишний экземпляр (или лишние экземпляры) «филина» был вывезен (или были вывезены) на испытания куда-то за пределы Германии и там же — вдали от зорких глаз гестапо им учились пользоваться снайперы, о которых германские службы безопасности были не в курсе. Однако сама идея о том, что немцы примутся вывозить из Германии новые сверхсекретные типы оружия для того, чтобы их где-то испытывать, выглядела для американских экспертов настолько дико и удивительно, что сам доклад хоть и был подшит, но, по сuti, оказался отложенным в дальний ящик. Где его

и нашел через какое-то время человек, который в ФБР был самым лучшим следаком. Правда, произошло это лишь через год, зато звали его Джон Эдгар Гувер. Именно он, по мнению специалистов, и смог раскрыть тайну «ночного стрелка из Эверглейдса», сложив разные кусочки всей этой картинки в логичную и приемлемую мозаику, правда, в итоге он счел нужным... пустить свое же расследование вовсе не по тому следу, который сам считал правильным. И у него были на то причины. Но об этом чуть позже.

Второй путь был более хитрым. Суть его сводилась к тому, что убийца точно знал имена тех, кого ему предстоит убивать, место встречи, ибо лежку он приготовил заранее, и был сильно удивлен тем, что на том же месте оказался еще кто-то лишний, так как офицерами из ЦРУ это было запрещено строго-настрого. Из этого следовало, что где-то в ЦРУ есть утечка, она прямо связана с кубинским антикастровским заговором, и если мы хотим отыскать зловещего снайпера — стоит лучше приглядеться ко всем тем, кто в планировании всей этой операции поучаствовал. В том числе и в особенности ко всем офицерам ЦРУ, ибо именно их офицер пытался максимально «зачистить картинку» незадолго до того, как в ней нарисовался неведомый снайпер. Собственно, из-за этого было быстро принято решение — «оградить цеэрушников» от подробностей протекающего расследования, потому что, по мнению аналитиков, один из них точно был «крот». Но что делать, если вам приходится отказаться от службы вашей внешней разведки, тогда как все ниточки ведут в сторону Мордора, то есть Кремля, которым как раз и занималось ваше скомпрометированное теперь разведведомство. На уровне самого Джона Кеннеди в этих условиях было принято политическое

решение, что «внешнюю работу» в этой истории выполняют «внешние аутсорсеры», раз уж сами американские спецслужбы «утратили по этому вопросу доверие». Ну и по старой памяти американцы пошли на поклон к своим старым друзьям / соперникам из секретной службы Ее Величества. Неизвестно, о чем именно говорили между собой руководители двух спецслужб, но согласно апокрифам после долгой и уютной беседы, руководитель американского ведомства вылетел со встречи с красным от злости и гнева лицом и словами: «Этого унижения я ему никогда не прощу!» Присутствующие пришли к выводу, что имелся в виду собеседник из службы Ее Величества — а кого еще цеэрушник мог бы иметь в виду?! Может быть министра юстиции, господина Роберта Кеннеди, который как раз перед этим долго измывался над несчастным, рассказывая тому, насколько хорошо поставлена служба Ее Величества и насколько говенные судя по всему в ЦРУ кадры? На этот счет есть разные мнения. В любом случае стали известны и другие его слова: «Стремясь спасти свою шкуру от русского снайпера, он захлеб лижет жопу этим заносчивым пидорасам, а они из-за этого всю нашу страну в хрен не ставят!» Все-таки интересно, о ком именно, да еще в таком тоне говорил человек по имени Аллен Уэлш Даллес? Кого именно он мог иметь в виду? И насколько его мнение было весомо во внутриамериканской политике?

На дворе стоял конец апреля 1961 года...

Как бы ни было, именно служба Ее Величества получила полный карт-бланш во внешних шагах в деле поимки неизвестного снайпера с болот Эверглейдса, причем американцы открыли для них бесконечное финансирование. Ну, раз «клиент башляет», музыка для него изменяется радикально.

Так среди возможных агентов у английской разведки был один советский офицер с широкими связями. Однако тут была закавыка, дяденька если и хотел «падать, то с большого коня», а британцы, не смейтесь, пожалуйста, не могли выплатить ценник, выкаченный перед ними потенциальным предателем. Есть мнение, что в этом случае британцы просто использовали удачное стечение обстоятельств, для того чтобы заполучить ценного агента, а заодно и проверить американских друзей на «слабо» на тему, действительно ли они готовы заплатить за нужные данные столько, сколько ими было обещано. К полному изумлению британцев, американцы перевели баснословную сумму в течение суток (забегая вперед, доложу, что британши в итоге так и не выплатили всю сумму, а пообещали ее отдавать по частям, и когда наши поймали-таки предателя — сочли, что на том свете предателям 30 сребреников уже не понадобятся, а службе Ее Величества так нужны свободные средства... И американцы судя по всему не были против).

Короче, потенциальному перебежчику показали некий счет в банке и пообещали, что деньги с него либо будут переведены на его счета, а еще лучше целиком поступят в полное распоряжение Иуды, когда он сделает все, что обещано, и когда его тайно вывезут из Союза к баблу и демократии. И Иуда продался. Это случилось в самый последний день апреля 1961 года (с момента выстрелов в Эверглейдсе прошло две недели).

Иуде было дано простое задание — выяснить в Союзе имена тех кадровых офицеров, которые работали «нелегалами» в той же Америке и подходили по трем параметрам: во-первых, интересовали такие разведчики, которые обладали необходимыми навыками снайпера; во-вторых, потен-

циальными связями с делами в фашистской Германии; в-третьих, тесными связями с кубинскими антикастровскими элементами в США.

Работа была весьма сложной и долгой. Иуду торопили и теребили. Ему даже угрожали разоблачением, если он не поторопится. В итоге он сообщил свой самый первый список службе Ее Величества. В нем было 17 фамилий, из них 16 — «тихие американцы», а 17-е было добавлено Иудой на его страх и риск. Против него он сделал приписку: *«Вы меня о том не запрашивали, но есть еще один человек, который живет не в Америке. У него нет ни имени, ни адреса, и он не владеет никакой собственностью. Он — нелегальный эмигрант в Мексике, но считается одним из отцов тамошнего чайна-тауна. Скорее всего, вы найдете его в Тихуане в чайна-тауне в ресторане, где он считается поваром, но на самом-то деле является его негласным владельцем. Ресторан назван по его прозвищу — «Толстый Фан» (Dickker Fan)...»*

Мы не знаем настоящего имени того, кто попал в сводки ФБР под именем «Толстяк Фан», мы не знаем ни его точной даты рождения, ни места рождения, мы даже не знаем, чьего он был роду-племени. Мы даже не знаем, почему его звали именно «Толстяк Фан».

Считалось, что он был агентом советской разведки, ибо на него как на кадрового офицера указал советский предатель. Однако советская сторона не признала его своим офицером. При этом Советы с тою же легкостью в итоге согласились с тем, что еще с полсотни человек, пойманных в Америке по наводке того же Предателя, действительно были кадровыми офицерами советской разведки. А в ситуа-

ции, когда кто-то признается в 50 случаях чего-то там, но наотрез отказывается от 51-го, есть мнение, что, возможно, на это есть причина. Тем более, что в данном случае наблюдалась одна странность. Прочие советские офицеры, сданные этим Предателем, имели настоящие имена и фамилии, а не только агентурные псевдонимы, и эти имена были переданы ФБР одновременно с псевдонимами. Однако о человеке по имени «Толстый Фан» был известен лишь агентурный псевдоним, и он почему-то точно совпадал с его кличкой, под которой его знала вся китайская диаспора, да и прочие не-китайские бандюки со всего Западного побережья. Для советской же разведки совпадение агентурного псевдонима и традиционного прозвища человека на улице было в целом не характерно. Поэтому историки считают, что «Толстяк Фан» был, видимо, как-то связан с советской разведкой и поэтому попал в списки предателей, но, возможно, он действительно не был советским агентом, и поэтому-то его принадлежность к Советам никогда не была подтверждена советской стороной.

Он был видным представителем китайской диаспоры в мексиканской Тихуане и одним из руководителей тамошнего китайского землячества, но, когда о том зашел разговор, китайцы от него открестились, ибо они тут же указали на некие характерные признаки, которые, безусловно, подтверждали их точку зрения, что он не был китайцем. А на вопрос, как мог не-китаец столько лет возглавлять партячейку китайских националистов, они лишь развели руками и с восточным философическим видом вздохнули — *«shit happens»*. Точно известно, что он был агентом, а, возможно, и офицером американского Центрального разведывательного управления (о, как!), но подробности того, кем

он был завербован, что именно делал и почему американское же ФБР за ним так серьезно охотилось — американской стороной не раскрывается. На все вопросы по этому поводу от цеэрушников следует весьма китайский ответ — «*sbit happens*».

Совершенно точно известно, что он долгое время был штатным офицером германского Абвера, то есть германской военной разведки. Работая на сием странном поприще, он умудрился получить пару наград от американского разведывательного ведомства, но когда и при каких обстоятельствах он попал на службу к немцам, источники ФБР опять же умалчивают.

Чтобы не интриговать вас дальше, мы не будем наводить тень на плетень, а просто последуем за официальными фактами, изложенными в некоей интереснейшей книжке, написанной отставными офицерами ФБР в конце 80-х, когда в США про многие дела, включая тайные операции против СССР, говорить стало проще. Книга называлась «Враги Народа» или «История Охоты на Врагов в Америке» (*Enemies of the Nation or History of American Manbunt*).

В первом самом известном выпуске шли истории про Билли Кида, Бонни и Клайда и прочих Аль Капоне и Диллинджеров, то есть всех тех бандюков, которых ловило американское правосудие и отловило-таки. Разумеется, с течением времени в роли «ловцов Врагов Нации» все больше и чаще упоминалось пресловутое ФБР, так что считается, что эта книга есть своеобразный отчет этого американского ведомства «о проделанной работе» и всех наиболее значимых поводах для гордости по этому поводу. Книга имела огромный успех, и вскоре появилось ее продолжение, в котором описывались поимки уже не столь резонансных

«Врагов Нации», как разнообразных маньяков типа Банди или Мейсона. Книга все равно шла на ура, и на гребне всего этого вышло ее второе дополнение, в котором описывались «пограничные случаи», то есть истории, которые нельзя назвать «безусловным успехом», хотя причины у этого разные. Вот именно в этом дополнении и описано дело человека по прозвищу «Толстый Фан».

На самом-то деле «Толстяк Фан» вовсе не был толстым. Вообще. Он обожал носить огромные сомбреро, широкую одежду с большими складками, которые создавали иллюзию большого живота у него и огромного веса. Однако патологоанатомическое исследование трупа давало такие данные: рост — 5 футов 7 дюймов (168 см), вес — 150 фунтов (70 кг). То есть не великан и, скорее, худой, нежели толстый. Поэтому причина, почему у него было именно такое прозвище, для фэбээровцев осталась загадкой. Однако они указали, что термин *Dicker* — во-первых, пришел из немецкого языка, а во-вторых, имеет не только значение «толстый». Вообще само название ресторана покойного невольно настраивало американских туристов на фривольный лад, ибо слово *Dick* на амерских улицах значит и «мужской член», а «Толстый Фан» помимо ресторана содержал и сеть нелегальных борделей, причем на вывесках этих борделей всегда имелся его фирменный знак — нечто вроде такого «колышка с пропеллером» (*fan* — вентилятор/пропеллер). Такое толкование прозвища *Dicker Fan* имело больше смысла, но тоже не соответствовало характеру покойного. В целом это был тихий и спокойный китаец, не озабоченный сексуально и не проявлявший тех качеств, которые бы могли дать повод прозвать его «вертолетом» или «пропеллером». Точное имя его не было известно — у него было множество доку-

ментов на десятки имен, и он порою этим бравировал, говоря, что за известную мзду он может получить в Америке документы хоть на имя Сталина, хоть на имя Гитлера, и всегда при этом смеялся. А на вопрос, как все-таки лучше его называть, он всегда отвечал, что его действительно зовут «Толстый Фан» и это его настоящее имя. Вернее, пару раз он по-пьянке сказал, что это его точное имя — «так, как его немцы слышали». Специалисты из ФБР долго ломали голову над вопросом, как именно должно было звучать имя, которое по-немецки прозвучало бы как *Dicker Fan*, но так ничего и не выдумали. Настоящее имя «Толстого Фана» так и осталось для них неизвестным. Через десять лет один из американских историков, изучавших трофейные немецкие документы, совершенно случайно столкнулся именно с этим прозвищем. Речь шла о Советско-Германской эпидемиологической экспедиции в Бурятию, Монголию и северный Китай, в ходе которой, с официальной точки зрения, шла борьба с местным сифилисом, а на деле советские и германские специалисты отрабатывали совместные эпидемиологические действия на случай ведения противником бактериологической войны. В составе немецкой делегации при этом офицеров военной разведки было чуть больше, чем все (а все прочие, как выяснилось, были в итоге офицерами СД и СС), и промеж себя они порою потешались над «наивными русскими», которые им все «показывают и рассказывают», не сознавая, с кем они ведут разговор. В своих докладных немецкие камрады докладывали: чтобы местное население было готово к сотрудничеству и не пугалось «белых халатов», параллельно Советы устроили этнографическую экспедицию, которую возглавил, по их словам, «местный князь», он же по совместительству «местный министр культуры».

Он-то и уговаривал местное пугливое население не бояться пришельцев и добросовестно проходить все положенные медицинские процедуры, ни в чем немецким камрадам при том не препятствуя. Его-то немцы и прозвали между собой «Толстый Фан / *Dicker Fan*» — притом, что тот не был толстым. Смысл шутки состоял в том, что при Советах этого «князя» заставили поменять «родовую фамилию», которая до того переводилась с местного языка как «Иноземцев», однако там была закавыка. Дело в том, что в средней части фамилии было сочетание букв, которое совпадает с русским обозначением «мужского полового члена», а русские не могли допустить того, чтобы человек с настолько странной на их слух фамилией одновременно стал бы министром культуры... Это выглядело бы как дурной анекдот... Собственно именно из-за этого данного «князя» немцы и стали звать *Dicker Fan*, ибо первый слог фамилии совпал с местным словом «опахало / веер» (по-немецки — *Fan*), а вторым слогом и оказался пресловутый «хрен» (то есть — *Dicker*). Таким образом, из трофейных немецких источников следовало, что в тот раз прозвище *Dicker Fan* оказывалось буквальным переводом на немецкий настоящей фамилии данного «князя», просто переведена она была по слогам: один из слогов был переведен на местном диалекте, а второй — по-русски.

Впоследствии именно эти же самые офицеры германского абвера, которые некогда путешествовали по Сибири, возглавили так называемый «Восточный» *Abteilung* данной организации, и уже описываемый нами «Толстый Фан» из Тихуаны получил именно от них свое прозвище. На основании этого американская исследовательница делала в своей работе предположение, что либо этот «Толстый Фан» был

похож внешне на первого «Толстого Фана», либо он был родом из одной с тем местности, либо, может быть даже в качестве совсем уж безумного предположения, был с ним родственником, и в данном случае мы имеем не просто случайный псевдоним, но проявление весьма характерного германского чувства юмора. Впрочем, эта версия (впрочем, как и многие другие) не нашла своего подтверждения.

Теперь, когда мы немного ознакомились с «врагом народа Америки», вернемся к описанию его жизни и рассказу о гибели. Первые американские сведения о «Толстом Фане» начинаются с 1944 года. В это время он был чиновником в правительстве Чан-Кай-Ши с весьма размытыми полномочиями. Вернее, по американскому мнению, это был банальный «лоббист» — взяточователь, который в совершенстве владел чисто китайским искусством «коу-тоу» (в переводе на русский — «рука руку моет»). То есть этот «милый китаец» предлагал американцам поставлять правительству гоминьдана всякую всячину, а сам при этом использовал некую хитрую «схему откатов», при которой войскам националистов доставалось чуть меньше обычного, а разница шла в карман самому Фану, его китайским друзьям и соответственно — поставщикам из Америки. Сказать, что амеры были обрадованы найти столь любезного и обаятельного господина в китайском правительстве, погрешить против истины: они заглотили этот крючок целиком со всею легкой и большей частью удилица, и работа у них закипела.

Надо сказать, что в отличие от прочих коррупционеров и казнокрадов времен гоминьдана Толстый Фан всегда привлекал американцев несвойственной для прочих китайцев честностью и способностью держать свое слово. Кроме этого сам он жил весьма скромно, и поэтому все считали

его весьма усердным и честным чиновником. То есть при том, что через него сами американцы выносили из казны гоминьдана суммы немислимые, Фан никогда не дал повода заподозрить себя в воровстве самим китайским проверяющим организациям. Сначала это забавляло американцев, потом радовало, потом стало чуть-чуть настораживать. В конце концов, они приперли его к стене набором фактов и задали неліцеприятный вопрос: для чего ему столько денег, если он их не расходует.

В ответ на это Фан совершенно «рассыпался» и признался американским разведчикам в том, что уже давно разуверился в способности гоминьдана победить коммунистов, и поэтому он теперь день и ночь хомячит американские доллары, для того чтобы, когда коммунисты все-таки столкнут местных воров и идиотов в Китайское море, у него была возможность уехать в благословенные штаты и там жить долго и счастливо. А не тратит он денег потому... В общем, у Толстого Фана была одна страшная тайна. На деле он давно и успешно сотрудничал с немецкой военной разведкой. На изумленные вопросы американцев, что именно забыл абвер в глубинных районах Китая, Фан объяснил, что у его немецких хозяев были старые и серьезные проблемы с получением редкоземов для производства легированных сталей для тех же Тигров. Кроме этого германская сторона испытывала недостаток в природных источниках урана для каких-то своих сверхсекретных проектов. И поэтому Фан жил в изумительных ебеньках посреди великой войны, занимаясь организацией добычи редкоземов и урановой смолки на благо Великого Германского Рейха. При этом немцы очень боялись, что на него, тихого китайского чиновника, кто-то обратит пристальное внимание, и поэтому

он все это время и прикидывался ветошью. А он хотел бы жить яркой жизнью, иметь много женщин, выпивки и наркотиков — не для себя лично, а ради продажи их страждущим, и поэтому боготворит Соединенные Штаты Америки, где все его мечты могут легко стать реальностью со всей его будущей благодарностью добрым американским друзьям и товарищам. Амеры понимающе переглянулись, и Толстый Фан тут же стал двойным агентом — германской и американской разведок — одновременно. Разумеется, американцы заинтересовались подробностями сотрудничества Фана с немцами, и вскоре выяснилось самое интересное.

У немецких исследовательских групп существовала проблема. По их сведениям, в Союзе, который отставал от Германии в области исследований новых типов вооружений, была создана служба разведки при комитете вооружений, которой были приданы спецподразделения на фронтах, отслеживавшие появление новых образцов немецкого оружия в зоне боев и при первой возможности пытавшиеся их заполучить для исследования. В итоге, по наблюдениям немцев, после первого же использования новых экспериментальных типов оружия на Восточном фронте уже в первые 20–30 часов во фронтовой полосе фиксировалась нездоровая активность русских разведгрупп и патрулей, которые занимались проникновением в глубь германских позиций в явных поисках той самой новой «вундервафли», только что примененной немцами. Тестирование образцов, предназначенных для поражения живой силы противника, требовало наличия этой самой живой силы. А в ту пору основные массы таковой наблюдались немцами на Восточном фронте, где как раз и создавалась столь сложная для тестирований ситуевина. Но немцы народ хитрый и изворотливый. К счастью для них,

в это же самое время шли активные боевые действия с применением огромных количеств живой силы, причем с трех сторон сразу, посреди большого Китая. Потери этой самой живой силы в процессе войны не поддавались учету и выглядели просто катастрофическими. В этих условиях немецкая военная разведка сочла, что можно очень успешно скрывать десятки людей, убитых в ходе тестирований новым экспериментальным оружием, внутри гор местных трупов.

Сказано — сделано, и вскоре немецкая разведка принялась отрабатывать в основном стрелковые и артиллерийские системы вооружений на удаленных китайских полигонах — по врагам гоминьдановской армии. Вопрос был в цене и уровне продажности местных боевых генералов. Продажность наличествовала, а о цене Толстый Фан умел с ними легко договориться. По мнению немцев, данная метода была, безусловно, успешной, ибо, несмотря на то что Союз был неподалеку, при таких испытаниях не было обнаружено никакой активности русской разведки, и поэтому новые образцы вооружений и итоги тестирований немцам, по их мнению, удалось сохранять в полной тайне. Собственно, русские даже оказывались в неведении насчет того, что у них прямо под носом немцы копали редкоземы с урановой смолкой, так что успех всей этой деятельности был безусловным.

Амеры сперва не поверили во все эти рассказы, но тогда Фан в подтверждение своих слов предоставил им полную техническую документацию и экспериментальные образцы новой авиационной немецкой пушки, о существовании которой американцы ведасть не ведали. При этом пушка оказалась так хороша, что амеры даже создали ее аналог, который с успехом применяли в небе Корейской войны.

По факту именно эта пушка оказалась чуть ли не единственным способом эффективного противодействия автоматическим пушкам русских, которые хоть и были уже следующего поколения, но все же лучше, чем ничего. За этот подвиг Толстый Фан был даже награжден американским правительством. Были и другие хитрые вундервафли, тиснутые Толстым Фаном у немцев, но как раз в это время подобная деятельность стала сворачиваться. Во-первых, в конце войны немцы уже не могли таскать подобные типы оружия на край света, а во-вторых, появился Второй Фронт, и немцы не имели на нем столь же сильного противодействия разведки вооружений, как на Восточном, так что они уже спокойно проводили себе тестирования на Западном фронте, не выезжая никуда из Германии.

Короче говоря, связи Толстого Фана с американской разведкой были весьма сложны и многогранны, и из Китая в Америку он прибыл более чем богатым человеком. Здесь в Мексике он быстро открыл свое дело и занялся контрабандой, сутенерством и крышеванием проституток, а также производством и продажей наркотиков на Западном побережье как США, так и Мексики. При этом он никогда не забывал своих старых и добрых друзей из американской разведки, предоставляя им самых лучших девиц, самый чистый кокаин и так далее. Ну и благодарить конвертами не забывал — постоянно. Поэтому притом, что Толстый Фан быстро стал весьма важной фигурой в китайском преступном мире обеих стран, американская Фемида была совершенно слепа ко всем его невинным художествам. В конце концов, все это происходило внутри китайской среды, и если там даже и убьют проститутку или сдохнут от передоза — кто этих «чинков» считал?

В итоге взаимный фэн-шуй между амерскими спец-службами и китайской мафией достиг того уровня, что цеэрушники попросили «уважаемых людей из китайской диаспоры» помочь им с финансированием кубинских эмигрантов, борющихся против Кастро.

Богатенькие китайцы согласились немедленно, ибо «так ненавидели коммунистов, что даже кушать не могли». Одним из главных спонсоров этой деятельности был именно Толстый Фан. В обмен за свой столь бескорыстный поступок китайский мафиози просил сущую малость. Он хотел быть уверен, что выделяемые им средства «пошли на благое дело, а не на кокс и девок». Ввиду того что нравы «гусанос» были именно таковы, как и опасался спонсор, данная просьба была сочтена разумной, и кубинцы принялись составлять подробнейшие отчеты на тему о том, куда пошли те и эти центы и песо, да с кем такой-то из бандюков встречался, да что они вместе пили и в какой забегаловке. Фан остался доволен, и финансирование от него грядущего вторжения на Кубу тикало, как часы. Очень добрый и отзывчивый это был человек.

Задержание Толстого Фана происходило по всем правилам плутовского романа или на манер итальянских комедий с участием Челентано. С одной стороны, за счет того, что амерские службы историей в Эверглейдсе были три месяца как поставлены на уши, мероприятия по отлову советских шпионов с легкостью начались «все вдруг», ибо там народ даже «спать ложился в лыжи обутыми», но в данном случае речь шла о мероприятиях в сопредельной стране. И поэтому американцы сочли обязательным предупредить партнеров, хотя бы из вежливости. Мексиканская сторона

приказ «гринго» уважительно выслушала, взяла под козырек и спустила в свое управление в Тихуане приказ о всемерном содействии прибывающей группе из ФБР с целью поимки особо опасных преступников.

Офицеры из Тихуаны были оповещены, взяли под козырек и помчались в чайна-таун так быстро, насколько позволяли их старенькие машинки. Надо сказать, что у сотрудников спецслужб часто возникают некие особенности, которые позволяют их легко отличить в толпе местных китайцев и заезжих туристов. То ли слишком деловой вид, то ли оружие напоказ — в кобурах, то ли солнечные очки во все лицо, в общем, напрягли они местное китайское население одним своим видом сразу и не по-детски. Возможно, что в итоге все кончилось бы именно так, как и кончилось, однако нюансы истории таковы, что из этого задержания можно сделать эталонное пособие для контрразведки о том, как делать не надо.

Мексиканские службисты совершенно случайно столкнулись с Фаном чуть ли не у заднего входа в его ресторан, куда он выбежал в ответ на истошные крики китайских детишек, которые, как выяснилось, кричали «Облава!», но мексиканцы этого не поняли. При виде Фана один из троих потянул ствол, второй скрылся за углом, а третий прокричал: «Дорогой Фан! Нам нужно поговорить! Садитесь в нашу машину!»

Толстый Фан в ответ на это закричал по-китайски, и через мгновение улица заполнилась десятком китайцев — работниками ресторана, соседями и просто прохожими. Потом узнали, что Фан кричал, что это — чужеземная мафия, которая приехала, чтобы его убить и просил подмоги у общества. Способность китайцев быстро появляться из

всех щелей и образовывать огромные толпы общеизвестна. Когда на узкой улочке трех оперативников с пухами окружила враждебно настроенная толпа человек в двести, те, даже несмотря на свои пухи, начали ощущать себя неудобно. И для того чтобы разрядить напряжение, старший из них не нашел ничего лучше, чем достать из кармана ксиву офицера контрразведки и сказать китайцам, что они никакие вообще не бандиты, а самые обычные и законопослушные мексиканцы, которые хотят просто поговорить. Не самая лучшая затея в квартале, где большая часть народа — китайские нелегалы, бежавшие из Китая в дни, когда побеждали там коммунисты. Кто-то из китайцев в ответ на это потребовал, чтобы пришельцы немедленно убирались, а если они хотят разговаривать, должны приехать те офицеры полиции, которые приезжают сюда за деньгами по обычаю, и тогда с ними можно будет поговорить за чашечкой водки. В ответ на это контрразведчик сперва закричал, что те офицеры не могут, но когда толпа ему не поверила, пояснил, что их временно отстранили от службы, поэтому сюда сейчас едут какие-то важные «гринго» с особыми полномочиями, которые хотят расследовать отношения местных «уважаемых людей» с местной полицией. И он с помощниками как раз приехал за тем, чтобы приватно обсудить с уважаемым Фаном, что тому стоит сказать, когда «гринго» начнут его о чем-нибудь или ком-нибудь спрашивать (за эту фразу ФБР его потом слегка «за яйца подвесило»).

Эти слова вызвали у все-таки относительно законопослушных китайцев смятение, и они согласились провести гостей к господину Фану при условии, что те придут к уважаемому человеку в дом без оружия. Пока шло небольшое

ощупывание и передача стволов китайцам «на ответственное хранение», в комнате хозяина ресторанчика «Толстый Фан» грянул выстрел.

За время долгой и плодотворной беседы китайцев с латиносами, Толстяк Фан поднялся к себе, очистил все свои сейфы и прочие схронки и сжег все свои документы. Потом сел за стол, достал чистый лист бумаги, чернильную ручку и стал было что-то писать.

Он два раза начинал и два раза останавливался. В первый раз он написал по-немецки — «Дорогой брат...», но остановился, смял лист и бросил его в корзину. Второй раз начал рисовать китайский иероглиф — «брат», но снова остановился. И снова смял лист рисовой бумаги, и снова бросил его в корзину. На третьем листе он то ли начал писать, а потом передумал, то ли просто нечаянно опустил ручку в начало листа и там осталась лишь только точка.

После этого он положил ручку на стол, так и не закрыв ее колпачком, достал откуда-то свой пистолет и выстрелил себе в рот. Так закончилась история человека по прозвищу «Толстый Фан».

Американцы из ФБР прибыли на место через 10 часов.

Сперва им удалось осмотреться, опросить свидетелей и даже получить от них весьма любопытные сведения о том, что в миг самоубийства Фан уничтожил только лишь свои бумаги, но деньги все так и остались в открытых сейфах, и их его заботливые слуги перепрятали для сохранности. Однако потом, по мере того как агенты ФБР все прибывали и помещение ресторана стали разбирать чуть ли не по гвоздику, неизвестные бросили в окно кухни ресторана термитную зажигалку, и ресторан полностью выгорел. Оказалось,

что там в одном из помещений варили какие-то синтетические наркотики, и кто-то из местных счел, что лучше эта лаборатория сгинет в огне, чем и по этому поводу начнется другое расследование. То есть на самом деле фебезоровцы смогли получить лишь само тело Фана, кучу фото с места события, какие-то наиболее очевидные вещдоки. И вообще это все, что они смогли оттуда вынести — из неприкрученного и насмерть не приколоченного — за первые 30 часов, так как потом огонь пожрал все следы. Но и того, что удалось собрать, хватило для вынесения заключения.

Осмотр тела неизвестного по кличке «Толстый Фан» показал, что, несмотря на изрядный возраст (Фану было, по-видимому, за 50), он продолжал сохранять очень хорошую спортивную форму. Костно-мышечный аппарат покойного был в том состоянии, который, без сомнения, позволил ему произвести все те действия, которые совершил «ночной снайпер из Эверглейдса» в апреле 1961 года. Рабочий объем легких был достаточен для того кросса, который проделал неизвестный снайпер, особенности прижизненных травм покойного показывали, что он часто и много стрелял из оружия, схожего со снайперской винтовкой. Это подтверждалось и свидетельствами очевидцев.

Толстый Фан не складывал оригами, он не играл в футбол, не отдыхал в экзотических странах. Его главным хобби была охота. Причем не просто охота, но охота при помощи самого обычного лука. Фан сам собирал и делал луки и потом часами мог стрелять из них на своем заднем дворе. Это было не самым обычным занятием для китайца — а все новое и необычное вызывает интерес у соседей. При этом Фан был человеком компанейским и очень общительным,

он даже организовал нечто вроде клуба лучников для местных детей, где учил правилам хорошей и точной стрельбы из лука по любым целям. (Нельзя сказать, что ученики его чего-то добились. Но в чем была причина, то ли в том, что сам Фан был хреновым учителем, то ли в том, что ученики его оказались южными китайцами, а «китайцы болот» практически не стреляют, нам не известно.) В любом случае дети, с которыми возился покойный, рассказывали какие-то чудеса про его меткость — особенно на охоте в горах, куда он регулярно возил своих подопечных. Ребята рассказывали, что Фан луком умел попадать в цель точнее, чем они из винтовки... На осторожный вопрос следаков, о каких винтовках идет речь, молодые китайцы рассказали в ответ, что Фан предложил им соревноваться: кто больше настреляет дичи в горах — он из лука или они из винтовки — из-за того, что их способности в стрельбе из лука были весьма ограничены. У Фана, по словам ребят, был тайный склад за городом, на котором он держал несколько неучтенных ружей, и во время поездок в горы на охоту он заезжал за оружием и потом учил мальчишек из них стрелять. А уж что он творил из винтовки — следователи не поверили чудесам, рассказанным восторженными молодыми китайцами, вообще. Агенты ФБР наведались по указанному адресу и действительно нашли некий загородный домик, оформленный на подставное лицо, и уютный погреб. Погреб был пуст, но вокруг обнаружили следы смазки, пороха и всего прочего, что могло свидетельствовать о том, что он кем-то использовался под оружейный склад, но был ли это именно Фан и кто это место после смерти Фана очистил, осталось загадкой.

В любом случае то, что Фан использовал большое количество единиц стрелкового оружия и учил с ним обращаться китайский молодняк, наводило на размышления. В итоге было решено, что Фан таким образом заботился об обучении юного пополнения китайской «триады» и соответственно именно члены триады потом позаботились об исчезновении всего используемого им оружия.

Тщательное обследование тела Фана подтверждало рассказы китайских юношей: определенные типы мозолей и все прочее указывало на то, что Фан действительно много времени уделял стрельбе из лука и, возможно, он по факту был скорей лучником, а не снайпером. При этом он свое хобби вообще ни от кого не скрывал, ибо люди не воспринимают лук как серьезное оружие. А звуки выстрела лука не были слышны в набитой людьми Тихуане.

Итак, по своим физическим кондициям Фан подходил на должность ночного снайпера из Эверглейдса и, похоже, имел соответствующий уровень квалификации. А неспособность южных китайцев к снайперскому ремеслу могла объяснить то, почему «уважаемый господин Фан» предпочел самолично залечь на болотах с архаическим «филином», вместо того чтобы припрячь к этому делу бандитов из юного триадного поколения. А дело даже не в том, что китайцы в стрельбе были совсем никакущими. В сущности, Фан выучил их неплохо. Просто есть разница в отношении к процессу стрельбы профессионального лучника и молодого человека, почитавшего калаш вершиной технической мысли и образцом совершенства. Вот как пояснил это эксперт ФБР высокопоставленному лицу: *«Представьте человека, который привык писать гусиными перьями. Он их аккуратно затачивает, самолично готовит чернила в чернильнице,*

потом во время письма следит, чтобы не было клякс и вовремя пользуется пресс-папье. Он точно знает, когда использованное гусиное перо еще можно заточить снова, а когда его уже нужно выбрасывать. А его ученики были из тех, кто учился писать современными ручками-скорострелками с вечным пером. Поэтому он не мог передать им своего мастерства». Таким образом, пришли к выводу, что Толстый Фан был связан с убийством в Эверглейдсе из-за его физических возможностей и способностей.

Широкие и многогранные связи Толстого Фана с кубинскими эмигрантами как на политической основе, так и на почве совместных дел вне закона давали понять, откуда Фан мог слышать про планы высадиться в бухте Кочинос. Дальнейшее исследование дела, в ходе которого паре известных цеэрушников пришлось отвечать в ФБР «под лампой» на ряд весьма нелюбимых вопросов, а потом добровольно выйти в отставку без сохранения пособия, открыло глаза следователям, что Толстый Фан не просто мог краем уха слышать про что-то где-то на Кубе, но и быть одним из основных финансовых доноров всего предприятия. По слухам, дело дошло до того, что Эдгар Гувер от этих известий совершенно вышел из берегов и имел приватный разговор на эту тему с Алленом Даллесом в стиле: *«Ну, хорошо, вы решили, что раз он был связан когда-то с фашистами, то он не мог быть русским агентом. Отлично! Но вы что не видели, что он — КИТАЕЦ?! Китайцы — такие же коммуняки, как русские, и они так же помогают Кастро, потому что он — красный! Вы бы еще искали денег на борьбу с римским Папой в монастыре францисканцев!»*

Итак, иными словами, ФБР — пусть и при явном сопротивлении ЦРУ — удалось привязать Толстого Фана к убитым, их роду деятельности и доказало возможность Толстого Фана точно знать график их передвижения. Кроме того, необходимость передавать кубинцам большие суммы денег наличкой заставила ЦРУ создать для Толстого Фана набор документов, с которыми тот шлялся через границу туда и обратно, причем ходил он в обход всех досмотров и общения с таможенной. По слухам, Гувера (у которого и так было к тому времени не самое лучшее здоровье) чуть не хватил удар от известия о том, что именно ЦРУ делает с американско-мексиканской границей и по этому поводу он даже настоял на приватном совместном докладе с Даллесом в Овальном кабинете самому Джону Кеннеди. Подробности неизвестны, однако после этого Даллес издал приказ о том, что сотрудникам ЦРУ было предложено отныне воздерживаться от любых «спецопераций» в пределах своего государства. (Приказ по какой-то причине потом был отменен, что вызывает лютый баттхерт у всех конспирологов.)

Итак, оставался вопрос о начальном обучении Фана стрелковому мастерству в советской учебке. На помощь пришла стоматология. Покойному тщательно исследовали зубную формулу и выяснили, что четыре ранних пломбы в его зубах были поставлены чуть ли не одновременно, причем качество работ было очень хорошим, и при этом дантисты использовали составы, характерные для зубопротезирования в фашистской Германии. Эксперты осмелились утверждать, что в данном случае можно предположить как минимум офицерский чин данного человека в германской военной иерархии. Но и это не все. В зубах Фана нашли ранний скол, который не требовал пломбирования, и поэтому на

нем осталась оригинальная лигатура, которая была нанесена до того, как в его рот лазили немцы. Мало того, в глубинной зоне одной из немецких пломб были найдены следы более ранней пломбы, замененной немецкими стоматологами. Химический анализ данной лигатуры и следов ранней пломбы соответствовал зубным смесям, используемым в довоенном Советском Союзе, причем применение в них дефицитных для раннего СССР материалов указывало на известное положение покойного в советской иерархии того периода. Эксперты сошлись во мнении, что покойный был в довоенные годы в СССР и, возможно, именно там получал свое образование либо как будущий офицер НКВД, либо как офицер дружественных для Советов режимов, например, как офицер китайских коммунистов, прибывших в Россию для повышения квалификации.

К тому времени ФБР уже знали, что ЦРУ впервые встретило Фана, когда он был чиновником в правительстве гоминьдана и делал все для того чтобы расхищать вверенное ему имущество. В те годы американцы сочли его особо циничным коррупционером, однако в свете совокупности всех новых фактов возникла теория, что Толстый Фан своими коррупционными схемами, подрывавшими боеспособность войск гоминьдана, в реальности работал на китайских коммунистов, которым было проще бить гоминьдановские войска после этого. Именно поэтому он не тратил свои ворованные средства на бухло, баб и наркотики. Он получал свое уже фактом самого воровства, ибо именно оно и было самым главным делом, которое он совершал для своего народа. Деньги были не важны, было важным то, что американские поставщики, ища свою откатную выгоду, поставят

гоминьдану сырые танки с картонной броней и просроченными снарядами.

Таким образом, зубная формула покойного хоть и не говорила, кем он был именно, однако молчаливо подтверждала тот факт, что молодой Фан учился в Советской России стрелковому мастерству. Последняя часть мозаики встала на место и эксперты ФБР пришли к единому мнению, что преступление на болотах Эверглейдса было ими раскрыто. Четверых гусанос и одного американского паренька кубинского происхождения в начале второй декады апреля 1961 года на болотах Эверглейдса порешил неизвестный китайского вида, принадлежавший китайской преступной группировке по прозвищу Толстый Фан. Точные причины его действий не были установлены, так как подозреваемый покончил с собой.

Дело было закрыто...

Стоп. Разбежались...

Для ЦРУ возник самый главный и интересный во всем этом деле вопрос, КОМУ именно служил Толстый Фан.

Согласно документам, полученным Службой Ее Величества от неизвестного американцам Иуды в советской разведке, Толстый Фан был кадровым офицером советской разведки. Но тут было одно большое, огромное «НО»...

В том самом списке, по которому в Америке нашли Фана, была одна странность. Шестнадцать советских агентов были слиты по полной, то есть с их настоящими именами, биографиями, псевдонимами и чуть ли не снимками, чего они в сортире делают, а вот семнадцатый — тот самый Фан — не имел никаких лишних сведений. В присланных

документах утверждалось, что даже те операции, которые проводил Фан, предателю были, в сущности, не известны. Это очень контрастировало с набором улик, переданных им против остальных шестнадцати офицеров.

В итоге шефа американской разведки Аллена Даллеса стали терзать смутные сомнения. Аллен Даллес никогда не считал Британию другом Соединенных Штатов Америки. Со времен эпохальной речи Уинстона Черчилля в Фултоне, с которой и началась «холодная война», Аллен Даллес носился с теорией, что действия британцев в отношении России с Америкой являются как минимум провокацией.

В годы правления Эйзенхауэра появилась памятная записка Аллена Даллеса, в которой тот утверждал, что *«...в случае полномасштабной войны Америки с Россией, во-первых, Америка победит, а Советы будут дотла разрушены, во-вторых, ущерб, который Советы успеют нанести Соединенным Штатам Америки, будет не совместим с дальнейшим существованием США, а в-третьих, при том, что вся Европа при этом будет разрушена, но одна из Европейских держав, а именно Великобритания, от этого не пострадает»*. Аллен Даллес писал, что Советы могут и обязательно разбомбят в случае войны и Лондон, и Глазго, и Манчестер, но русские физически не в состоянии добросить свои бомбы до Мельбурна и Сиднея, Иоханнесбурга и Солсбери, а все это такие же города и столицы Британской короны, как Лондон и Эдинбург. Поэтому-то Британия, по мнению Аллена Даллеса, постоянно провоцирует стороны на начало большого конфликта, потому что *«...в случае большой войны и тотальных разрушений в Европе и Северной Америке у Британии останутся целыми ее центры в Австралии и Новой Зеландии, а также в Юж-*

ной Африке, и поэтому когда в Европе и на территории США выживут лишь обожженные с ранеными, мы увидим корветы с гербами ее Величества на траверзах Нью-Йорка и Норфолка и с них мы сможем услышать ультиматум, в котором будут их требования выдачи Короне всех зачинщиков Бостонского чаепития и всех прочих врагов британской короны для Суда и Повешения».

Поэтому-то речь Черчилля в Фултоне он считал «первостатейною провокацией» и случаем, *«когда мы пошли на поводу у злейшего врага Соединенных Штатов Америки».* Не то чтобы Даллес при этом любил Россию. Просто Британию он любил еще меньше.

В этой ситуации Аллен Даллес предлагал еще раз обсудить особенности дела «снайпера из Эверглейдса».

Если исходить из предположения, что Толстый Фан был советским разведчиком, получалось, что советская разведка только что грубо нарушила их же договор с американскими спецслужбами, в котором Советы обязывались не проводить «активных мероприятий» в Америке в обмен на такое же обещание американцев не делать того же в России. А перу Аллена Даллеса принадлежит и памятная записка 1960 года, в которой тот анализирует советскую мощь, связанную с применением ракетной техники Советами при сбитии самолета Пауэрса, и где он приходит к выводу, что при том, что мощь Советов возросла многократно, но при этом политическая воля Советского руководства ослабла настолько, что Советы и помыслить не желают о распространении своего влияния, сходного с эпохой правления Сталина. Далее Даллес делал вывод: *«С технической стороны возможности СССР выросли, на верхнем эшелоне власти „воля к Войне“ советским руководством совершенно утрачена, и поэтому*

в ближайшие годы Советы не решатся на военное противостояние с Америкой». Эпизод на болотах, если он возник по инициативе Советов, полностью опровергал эту теорию, но Даллес утверждал, что, по его мнению, советское партийное руководство никогда не решилось бы на такой шаг, и это либо инициатива «на местах», либо случайность, либо «Советы здесь ни при чем».

В отличие от руководства СССР руководство Китая под управлением Мао Цзедунa как раз в эти годы совершало ряд крайне недружественных шагов и, по словам Даллеса, «само нарывалось на неприятности». В частности, китайские коммунисты именно тогда вели «подрывную работу» в Гонконге, Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Причем в средствах для активных операций они себя не стесняли. Китайцы никаких договоров с Америкой не заключали хотя бы потому, что самих дипломатических отношений между странами не было. Американцы признавали Китаем крохотный остров Формоза под управлением Чан-Кай-Ши, а гигантский Китай отвечал глобальными обидками, борясь с американским влиянием во всем мире. По мнению Даллеса, события в Эверглейдсе в целом были нехарактерны для действий тогдашнего советского руководства, но полностью соответствовали образу мышления руководства коммунистического Китая. А сами убийства при этом подходе выглядели калькой действий китайских спецслужб в Южном Вьетнаме и Камбодже. К тому же Кастро хоть и считался советским ставленником, но и китайские спонсоры в те годы на острове тоже присутствовали.

Таким образом, Даллес предлагал не тыкать пока обвиняющим перстом во все стороны, а задуматься: что если секретные службы Ее Величества под видом советского раз-

ведчика слили нам китайского офицера. Это могло объяснить такую разницу в подаче материала. То есть русского перебежчика мы и в глаза не видели, что именно он передал англичанам нам не известно, мы имеем лишь документы, переданные нам британцами. Что мешало хитроумным сыновьям Альбиона в кучу советских офицеров подмешать офицера китайского? Особенно если он, судя по всему, проходил в свое время советское обучение.

Ведь в итоге, если мы скажем, что на болотах был советский лазутчик, мы должны будем сказать, что Советы сами нарушили взятое на себя обязательство, слово за слово — и полетят друг в друга ракеты, а в итоге к руинам Нью-Йорка приплывет британский крейсер из Кейптауна, наведет свои пушки и предложит всем выжившим сдаться! С другой стороны, нынче советское руководство поссорилось с китайским руководством и меж ними сейчас охлаждение. Если мы обвиним в этом деле китайцев, мы их сами затолкнем обратно в объятия Советов, а это последнее, что желательно с политической точки зрения.

Поэтому, по мнению Даллеса, к британским документам нужно было отнестись с дозой критики и здравого смысла и не принимать на веру отныне все их рассказы. Не так давно в их рядах были обнаружены и Блейк, и Берджесс, и Филби, так что британцы сейчас рады будут бравых американских разведчиков Даллеса в любом дерьме вымазать (*«чтобы больше не выглядит в этом мире одинокой какашкой»*). С них — *«напыщенных пидоров»* — станется.

Вот что по этому поводу думал Отец и Создатель американской разведки. Опасения Даллеса попали на удобренную почву. Обращу ваше внимание на то, что он был

не просто Аллен Даллес, он был Аллен Велш Даллес, то есть его исконно валлийские корни были так важны для него, что он сохранил свое среднее имя в документах. А у валлийцев есть некая национальная особенность — они печенками недолюбливают англичан. Кстати, за тот масштабный «*fuck-up*», который случился в истории с кубинскими эмигрантами, китайскими бандюками и продажными офицерами американской разведки, любой руководитель госслужбы по идее должен был бы вылететь с нее будто пробка. Однако тут было несколько «но».

Во-первых, Аллан Даллес (ой, извините, Аллан Велш Даллес!) как раз и создал данную службу в Америке. А к отцу-основателю всегда немного иные требования и чуть более мягкое отношение, чем к обычному человеку.

Во-вторых, всем было ясно, что ЦРУ сильно разрослось за те годы. Все начиналось с нуля, людей не хватало, вот и «набирали по объявлению с улицы», а всем известно, что в первом поколении спецслужб может оказаться вообще кто угодно, к примеру, тот же Ленька Пантелеев, если вспоминать нашу собственную историю. Так что тут неча на зеркало пенять, когда у самих рожа крива. Да, не уследил «дорогой Аллен» за всеми клоунами в своей службе... *Shit happens*. Проверка показала, что его личного умысла в этом не было. Проехали.

В-третьих, резоны политические. Хитрость здесь была в том, что основные спецслужбы в США в те годы оказались сосредоточены в руках выдвиженцев одной и той же Демократической партии. И глава ФБР Эдгар Гувер, и глава ЦРУ Аллан Даллес, и даже глава АНБ (в ту пору адмирал Фрост, но его имя не принципиально, ибо они там постоянно менялись) были Демократами, и соответственно их

вотчины были заточены ими слегка для нужд их же партии. Собственно, это не удивительно, потому что традиционно именно Демократическая партия постоянно подпитывалась разнообразными ирландцами и валлийцами из силовых ведомств, ибо эти «не совсем англосаксы» и составляли боевой костяк этих самых ведомств. Причина в том, что служба в полиции или армии, то есть на должности с регламентированными доходами в «стране неограниченных возможностей», классических местных хозяев жизни *WASP*-ов (*White Anglo-Saxon Protestant*) не завлекала. Так что эти вакансии и заполнялись ирландскими и валлийскими католиками, которые при этом начинали люто ненавидеть своих же амерских банкстеров и породившую их Британию. (Ну, еще и евреев до кучи, чем и объясняются антисемитские эксцессы эпохи сенатора-демократа Маккарти.)

Собственно, сам феномен Франклина Делано Рузвельта, который умудрился быть избранным в США четыре раза подряд при крайне негативном к нему отношении всех амерских банкиров вместе с промышленниками, объясняется тем, что демократ Рузвельт имел традиционную «железобетонную поддержку» всех американских «силовых ведомств», то есть армии и полиции. Не мудрено, что именно при Рузвельте возникли и ФБР, и ЦРУ как службы специального назначения с расширенными правами именно силовых ведомств. (Соответственно народ порой недоумевает, как и почему республиканский президент Дуайт Эйзенхауэр, который правил в промежутке между демократами — Рузвельтом-Труменом и Кеннеди, принял ряд изумительных законов, ограничивающих рост американского же ВПК, который он называл «раковой опухолью» на теле Америки,

и заключил несколько секретных договоров с тем же СССР о взаимном ограничении действий спецслужб на «территории США/СССР». А на деле надо понимать так: рост и вес спецслужб внутри самих США, а также быстрое усиление американского ВПК ограничивали права амерских же банкиров, которые любыми путями пытались их такими договорами и указами всячески ограничить. В эпоху республиканца «Айка» Эйзенхауэра такое окно возможностей им предоставилось, так что «крылышки» американскому ВПК, ЦРУ, ФБР и даже совсем молодому еще АНБ американские банкиры в те годы «пообрезали».)

Из всего вышесказанного надобно понимать, что президент Кеннеди и его младший брат — министр юстиции Роберт — могли говорить руководителям ЦРУ и ФБР всякие гадости, те в ответ за глаза называли своих патронов «плейбоями», «миньеджерами» и «беззаботными е*арями», но в реальности и те и эти сидели вместе в одной лодке, а «ворон ворону глаз не выклюет». То есть ЦРУ могло косячить сколько угодно, пока это не выходило наружу и не становилось «достоянием общественности», то есть тех самых «банкстеров», которые в основном контролировали «средства массовой информации» — все могло быть спущено и спускалось «на тормозах».

Иными словами, шеф ЦРУ Аллен Даллес вовсе не горел желанием доложить всему миру, что у его людей случился косяк с каким-то китайцем, жившим в Мексике и торговавшим там наркотой и телками, но которому бравые цеэрушники по каким-то причинам выложили на блюдечке подробности каких-то сверхсекретных своих операций. Обыватель от таких новостей счел бы, что у него в ЦРУ «балаган на

выезде», и для самого управления это все могло плохо кончиться. Впрочем, если бы проблемы были только у него одного, его бы, конечно, не пожалели. Однако проблемы с данной историей возникли и у всесильного главы ФБР Эдгара Гувера.

Суть проблем была в том, что Гувер не просто так пожизненно занимал пост руководителя ФБР, которое сам же и создал. Говорили, что Гувер имел компромат почти на всех американских политиков, и именно это позволяло ему так долго удерживаться во власти. Однако, с одной стороны, компромат, конечно же, был, но не в столь огромных пропорциях, как о том думают. Прикол состоял в том, что при жизни Гувер и был американской властью, вернее, тем самым человеком, который «назначал Президентов». Но чтобы понимать сам процесс, надобно лучше разобраться в тайных пружинах американской политики.

В реальности мир проще, чем кажется. Америка, действительно, «страна желтого дьявола», и все в ней упирается в вопросы бабла: кто башляет, кому башляет, что имеет в обмен на бабло и кто при этом контролирует соблюдение соглашений. Вот вся суть местной политики в одном абстракте. Ах, извините, одно НО: для того чтобы начать кому-то башлять, нужно чтобы изначально у вас бабло было. А вот здесь есть один тонкий нюанс.

Хитрость заключается в том, что в Америке все люди равны, но кто-то при этом немного равнее прочих. Так уж произошло исторически, что ядро первых американцев, то есть первых переселенцев в Америку, — это белые англосаксонские протестанты. Соответственно они заняли все исходные синекуры и по мере возможности гнобили, во-первых, не белых, во-вторых, не англосаксов, а в-третьих,

не протестантов. Впоследствии, когда Америка стала привлекательной для инвестиций, туда пошли деньги с континента, но опять же это были деньги в основном британской аристократии, которая при этом сама из Альбиона не ехала, но направляла в Америку своих управляющих — еврейских факторов. В итоге правящая верхушка тогдашней Америки стала представлять причудливую амальгаму из ВАСП-ов и евреев, управлявших британскими капиталами. Потом евреям это чуток надоело, и они стали рулить управляемыми капиталами уже самовластно, ибо произошла американская революция, и британские капиталы были там экспроприированы самими же их управляющими. Такова тайна первоначального накопления капиталов в ранней Америке. Урок пошел впрок, и во всех остальных колониях британцы тут же перехватили местное управление из рук ушлых факторов в руки истинных собственников, то есть именно в итоге американской революции произошел массовый отток с островов британской аристократии, которая вдруг осознала, что если за деньгами лично не присматривать, то они в ловких руках имеют обыкновение смыться. При этом управление капиталом происходило — «вахтовым методом». Пока британский Лорд был в потенции заниматься делами на своей кофейной, чайной или маковой плантации, он ей занимался. Как только здоровье больше не позволяло, Корона настоятельно рекомендовала ему вернуться домой, а дела за морями передать на попечение наследников. Так вот это имеет финансовую подоплеку американской революции и массовое «изгнание еврейских факторов» из «тропического рая Британской Короны» в итоге осознания Короной сути происходивших процессов.

Соответственно еврейские факторы из Британии побеждали в разные стороны: кто в Европу, но большинство как раз в Америку, так что самая первая американская партия республиканцев, или *GOP*-а (*Great Old Party*), оказалась управляема евреями чуть больше чем полностью, при том, что она продолжала отстаивать интересы текущего руководства и «естественных собственников», то есть белых англосаксов-протестантов. Шли годы, происходили разные пертурбации, и в Америке постепенно накапливались эмигранты не только англо-саксонского корня. Были среди них личности незаурядные, которые смогли подняться из ничего своим умом и талантами, но абсолютное большинство таких эмигрантов занималось поденной работой или было вынуждено идти наниматься в американскую армию и полицию, где получали гроши (это в стране американской мечты и безграничных возможностей). Со временем таких эмигрантов становилось все больше, в армии и полиции служили уже их дети и внуки, и само собой получилось так, что эта среда стала оформлять себя политически. Способом этого оформления и стала демократическая партия. Поэтому чисто исторически партия республиканцев считалась партией белых протестантов англо-германского корня, и она же партией еврейских банкиров, а партия демократическая стала оплотом эмигрантов не английского и не еврейского корня, при том, что с религиозной точки зрения в ней в основном были католики. Основным же компонентом демократического электората к тому времени стали местные силовые ведомства, которые имели внутри себя уже целые династии католических эмигрантов.

Теперь, если вы посмотрите на историю выборов в Америке, вы увидите, что чаще побеждали там республиканцы,

причем по очень простой причине. Сильно был распространен подкуп избирателей, прямые экономические подачки для сомневающихся и так далее. При этом за одну сторону в основном играли финансисты с промышленниками, а за другую — местные копы и солдатские семьи, которые жили на военное жалование. Итог подобных соревнований тугих кошельков и ситуевины, когда противники при этом живут от зарплаты до получки, был слегка предсказуем. (Отдельные флуктуации лишь подтверждали общее правило.) Победители при этом получали исполнительную власть внутри округа, графства, штата, страны и начинали делить федеральный бюджет на работы для федеральных подрядчиков. Почему-то так всегда получалось, что доставались такие государственные работы именно тем, кто башлял на политическую поддержку победителей щедрей прочих. Круг замыкался, и в итоге представители ГОП-ы вкусно кушали бутерброды с икрой, сбрасывая вниз объедки со своего стола своей «подтанцовке», а их политические противники сидели и сосали кто лапу, а кто еще что — кому как повезет, и поэтому американские силовые ведомства очень долго были в полном загоне, а о боевом духе тогдашней американской армии можно говорить лишь с юмором. Нет, когда южане кинули клич о том, что идем бить жидов-толстосумов с Уолл-Стрит, которые хотят отнять у нас наших негров, в тех же южных штатах народ поднялся стремительно, но на одном голом энтузиазме далеко не уедешь, а денег даже на вооружение и амуницию у тех же южан много не было. Сами посудите, основное бабло в те годы в хранилищах той же Уолл-стрит, кто-то декларирует, что идет бить еврейских банкиров на этой улице, то есть, грубо говоря, саму

Уолл-Стрит, и надеяться после этого на то, что оттуда придет финансирование, наверно, наивно.

То есть тот же опыт войны Севера и Юга всем намекал, что сперва нужно найти бабла, а уже потом выпендриваться, как хочешь. Для того чтобы найти бабло, нужно было получить власть, а власть в Америке тех лет могла быть куплена лишь за бабло. Замкнутый круг получается.

Однако как раз в это время Америку настиг финансовый кризис, причем спусковым триггером к этому кризису стало принятие «сухого закона», ибо при этом доходы казны от акцизов на спиртное исчезли, и дефицит покрыть стало нечем. Началась Великая депрессия.

Соответственно тот же самый эвент введения «сухого закона» стал точкой отсчета для быстрого первоначального накопления капитала разнообразными бандюками в Америке. При этом — как неожиданно! — основные боевые порядки бандюков генерировались именно в потенциальном электорате демократической партии, то есть среди тех самых обиженных и обездоленных, которым в стране безграничных возможностей полагался лишь полицейский или сержантский оклад и прочие бонусы, если, конечно, удастся дожить до пенсии.

На эту особенность американской преступности обратил внимание молодой человек Эдгар Гувер, который и пришел к своему начальству с простой идеей. У нас нет такого же количества бабла, как у республиканцев. Зато у нас на улице ирландская, итальянская и мексиканская мафии с пухами, пиками и бейсбольными битами. Давайте заключим с этими парнями на улицах договор: они сами берут со своих сколько нужно, а в обмен заставляют их диаспоры совокупно голосовать за Демократическую партию, а мы, с одной стороны,

закрываем глаза на их существование, если они не слишком лютуют и не больно высовываются, а с другой — закатываем в асфальт тех, кто не готов договариваться (читай — не хочет поддержать голосами Демпартию, или бузит и льет кровь больше положенного, или вообще «отмораживается»). Демпартия подумала и согласилась, ибо иных способов победить на выборах просто не видела. Братки на улицах тоже задумались, и те, кто посмышленей, увидели в данном предложении возможность легализоваться и закончить жизнь в своем доме в окружении семьи и любящих родственников, а не в линии мелом на полу в какой-нибудь забегаловке. Были, конечно, и отморозки, но истории отлова и уничтожения всяких дилинджеров лучше поясняли остальным бандюкам суть предложения и варианты, что будет, ежели оно вдруг окажется бандюками не принято.

В итоге Эдгар Гувер сумел: во-первых, обуздать амерскую преступность за счет того, что она согласилась под его же присмотром перейти на легальное положение, а во-вторых и в главных, демократическая партия под чутким присмотром федеральных агентов Гувера выиграла подряд пять раз честные и открытые демократические выборы (четыре раза при Рузвельте и один раз при Трумэне) при том, что ГОП-ы в открытую тратили тонны бабла для того, чтобы подкупить избирателя. Затраты банкстеров в те годы, только по официальным данным, были в пять-шесть раз больше на предвыборные кампании, чем затраты демов, но... Приходил день выборов, и ирландские, итальянские, мексиканские, польские диаспоры организованно шли на выборы, где их встречали радушные федеральные агенты, местные полицейские и даже местные молодые ребята в наколках и с бейсбольными битами (чисто на случай нападения коммунистов!) — все

друг другу знакомые, все друг другу родственники и все голосуют единогласно, так что целые графства и округа в районах диаспор тогда давали чуть ли не 100-процентное голосование за демпартию. (Только представьте милых старичков и старушек в каталках, которых добрые бугаи с огромными бицепсами доставляют со всего округа для голосования на участок. При этом часть бугаев — в наколках, а вторая — выбрита на полицейский манер, и все друг с другом здороваются и мило раскланиваются.) Вот и весь секрет столь долгого и уверенного лидирования демократов в те интересные времена. Соответственно раз была выбрана «родная администрация», улучшилось финансирование вооруженных сил и полиции, появились ЦРУ и ФБР и так далее. Вот что такое «новый курс» той поры во внутриамериканских реалиях.

Банкстеры могли платить любые бабки кому угодно, но самый последний «штрейкбрехер», приходя на избирательный участок, видел как полицейских, мирно помахивающих своими дубинками, так и пацанов в блатных косухах с бейсбольными битами и хорошо понимал, что после выхода из участка он встретит либо тех, либо этих, причем вторые не вступятся, ибо стоят тут эти ребята именно потому, что по итогам голосования одним поднимут жалованье (или хотя бы не сократят на работе, как это делали республиканцы), а других не станет ловить на улицах власть, если проголосуют все правильно. Вот и весь секрет Гувера. Или причина его столь долгого чиновного долголетия.

«Все мое», — сказала Злато, однако именно Гувер в Америке доказал, что и «Булат» (пусть даже и такой полицейско-бандитский) на что-то годится. (Банкстеры в ответ срали буквально кирпичами от своего бессилия.)

А в истории с Толстым Фаном возникла такая, с его точки зрения, «загогулина». Пока шли поиски, пока шли активные операции, он готов был землю рыть носом, лишь бы доказать способности его управления. Преступника изловили. Пусть мертвого, но изловили. Всем членам активных групп сказали спасибо, всех наградили в размерах оклада, а также специальными медалями и прочими грамотами. Дальше вопрос перешел в сферу местной политики.

Преступник жил нелегально в Мексике и был членом китайской общины. И мексиканская, и китайская диаспоры принадлежали к «Демократической Машине Голосования», созданной с легкой руки Эдгара Гувера. (Да, мы понимаем, что за нею скрывались уши как китайского, так и мексиканского преступных сообществ, но из песни слов не выкинешь.) Обнародование итогов следствия «как есть» заставило бы Гуверовское управление делать нежелательные, с его точки зрения, движения и нарушать сложившийся на Западном побережье фэн-шуй. Соответственно и латинские бандитос, и китайские триады со своей стороны в те дни слали ему дорогие подарки в виде открытия приютов для сирот и бесплатных больниц, лишь бы тело Толстого Фана похоронили поскорее как безымянное и ни в коем случае не привязывали его ни к Мексике, ни к китайской диаспоре. Так что и Эдгар Гувер со своей стороны принялся говорить, что разделяет все опасения Аллена Даллеса, ибо от британцев можно ждать что угодно.

Преступление было, оно успешно раскрыто, давайте все выпьем на радостях, успокоимся, а прошлое ворошить — лишь здоровью вредить! Именно в таком виде (с особыми мнениями Даллеса и Гувера) доклад и попал на стол к аме-

риканскому президенту. В ответ на это пришла убившая всех наповал резолюция.

«Вы меня долго убеждали, что снайпер из Эверглейдса — это огромный русский чекист, способный перепрыгнуть заборы в человеческий рост и в прыжке отстреливать мухе ее заднее крылышко. Вы говорили, что есть русский снайпер, охотящийся на высших лиц нашего государства. Теперь же вы утверждаете, что страшным убийцей был плюгавый старый китаец (таких наши парни в Корее валяли десятками). И вы говорите, что это была то ли ошибка, то ли очередная китайская выходка, на которую нам лучше не реагировать?! Я скажу вам что это.

Это самая дикая и полная чушь (bullshit!), которую я когда-либо слышал!

На самом деле вы не смогли найти «ночного убийцу»! Вы подсовываете мне труп какого-то щуплого китайца при том, что, по вашим же словам, это был двухметровый русский парашютист! Продолжайте расследование и докладывайте мне о нем еженедельно до тех пор, пока русский — именно русский — снайпер не будет пойман.

Снайпером из Эверглейдса, напугавшим столько людей, не мог быть плюгавый китаец!»

Прежде чем ржать и подозревать кого-нибудь в природной трусости, дебилизме или же паранойе, обращу ваше внимание, что в данной резолюции вина автоматически была переложена со столь любезных демократической партии мексиканской и китайской диаспор на «русских парашютистов», которые в политических кампаниях демпартии не участвовали. То есть овцы остались сыты, а волки целы.

Была, правда, одна проблема, которую и предстояло решить ведомствам Гувера и Даллеса. Нужно было найти и отловить пресловутого «русского снайпера», причем он должен был быть явно русским, без всяческих дополнительных коннотаций к прочим диаспорам. Но в этом в неявной форме было предложено разобраться им самим.

Итак, дело «Снайпера из Эверглейдса» обрело второе дыхание, поиски «русского снайпера» вовсю продолжались.

Сразу надо сказать, что одно дело — поимка особо опасного преступника, другое — ловля русских парашютистов в Америке, особенно когда люди знают, что эти самые «парашютисты» — это такая фигура речи, этакий эвфемизм в устах у большого начальства, которое на деле лишь просит, чтобы «сделали всем хорошо». Ну, то есть те же самые группы, которые занимались ловлей снайпера из Эверглейдса, собрали по новой, получили под них финансирование (а как без этого?), а потом пояснили, что начальство считает, что они сработали грамотно, найден настоящий преступник, но начальство хотело бы, чтобы они «поймали еще кого-нибудь». Желательно русского, в крайнем случае можно и англосакса, но явно связанного с Россией. У искомого «преступника» должны были быть следующие параметры:

1. Снайперская подготовка высокого уровня, а именно:

а) снайпер должен был уметь стрелять по «движущейся мишени — желательно по автомобилю — со скоростью 40 миль в час»;

б) снайпер должен был стрелять быстро — «желательно, чтобы он смог произвести точный выстрел с временным интервалом в 1,2 секунды»;

в) снайпер должен был уверенно поражать цели на расстоянии 560 метров, желательно ночью.

Но кудесников такого уровня во всем мире не так уж и много, поэтому задача была немного упрощена: скорость машины, по которой должен был уверенно попадать снайпер, снизилась до 20 миль в час (около 30 километров в час), временной интервал удлинился до 2–3 секунд, расстояние выстрела ночью упало до приемлемых в американской учебке 200 метров.

2. Стрелок должен был быть русским или хотя бы провести долгое время в России, где он мог бы получить снайперскую подготовку и технику преодоления препятствий.

3. Снайпер должен был быть советским коммунистом, или членом американской компартии, или сильно сочувствующим коммунистам.

Однако... Усилия сенатора Маккарти число коммунистов в Америке слегка поубавили. Хорошие стрелки нужны были всем: и мафии, и полиции, и спецслужбам. Даже если на примете у кого-то и были приемлемые кандидатуры, все хорошо понимали, чем пахнет все это для потенциального кандидата, ибо реалисты осознавали, что живым его брать все же не стоит. Во избежание рассказа арестанта о том, что в начале апреля 1961 года он не был в Эверглейдсе, а ухаживал за больной бабушкой где-нибудь в Пасадене в присутствии сотни свидетелей. В общем, отлов реальных преступников — более простая задача, чем высасывание их из пальца с обеспечением их последующей аутентичности. Поэтому люди Гувера подходящей кандидатуры так и не нашли. Однако в этом деле пересеклись интересы как ФБР, так и ведомства Аллена Даллеса. А у того была на примете одна достойная кандидатура.

В эти интересные времена американские спецслужбы вспоминали эпоху Эйзенхауэра с ужасом. К примеру, та же АНБ в годы Айка попросту разбежалась от безденежья и невыплат в срок жалованья. *(Второе рождение АНБ случилось после того, как ее на неофициальное кормление к себе взял «Голубой Гигант» — IBM в годы правления демократа Джонсона, в обмен «силовики» стали лоббировать применение именно мейнфреймов IBM для использования в госструктурах, а с другой стороны, кибернетические гиганты были обречены на сотрудничество с демпартией: они зависели от появления молодых кадров, а математику преподавали в университетах, которые оказались тогда вотчиной демов, ибо тамошние выпускники были востребованы прежде всего предприятиями ВПК с гарантированными окладами, тогда как резервуаром для реснов стали школы бизнеса, откуда выходили молодые специалисты, склонные к получению нефиксированного дохода или даже свободному предпринимательству.)* А искать работу на склоне лет офицерам ЦРУ хотелось не больше, чем сотрудникам ФБР.

А тут как раз в 1959 году один отставной морпех, уроженец Луизианы, то есть знаток болот, в поездке по России попросил там убежища и даже отказался от американского гражданства. Скандал был большой, но в ту пору американские «силовики» думали, «как бы выжить», так что серьезных последствий тогда не последовало. Молодой человек принадлежал к смешанной семье, где отец — англичанин, а мать — французского корня, так что ни к каким национальным особенностям «Демократической партийной машины» он не относился. ЦРУ взяло его в разработку в 1960 году, пока тот жил в России, но дело шло ни шатко

ни валко, в сущности, молодой идиот так и не был никому нужен в Америке, так что разрабатывали тогда его скорее для галочки. Однако со временем, по мере того как ФБР убеждалось в полной бесплодности поисков подходящего «русского снайпера» в Америке, кто-то из фэбээровцев в разговоре с цеэрушником проговорился, что есть у них такая вот головная боль. Собеседник почти в шутку ответил ему, что подобный человек есть у него на примете. Только живет он в России, но по своим данным и знанию тех же болот он вполне мог бы подойти на роль «снайпера из Эверглейдса». Фэбээровец заинтересовался и с этого дня в разработку морского пехотинца, сменившего Штаты на Советы, включилось и ФБР.

Быстро выяснилось, что давешний морпех оказался так же невезуч и несчастлив в Союзе, как и в США, и точно так же никому нах не нужен. Как в Америке у него не было ни одного знакомого — ни сержанта, ни копа, ни бандюка, готового замолвить за него словечко перед демпартией (читай — «фокусниками» из ЦРУ и ФБР), так и в России с него сняли «пенки» наши пропагандоны, а потом благополучно «забыли» несчастного.

Именно в таком виде данный материал лег на стол руководителя ФБР Эдгара Гувера, и он в марте 1962 года сделал замечательное «открытие»:

«В деле „ночного снайпера из Эверглейдса“ меня настораживает то неверное отношение, которое сложилось у наших сотрудников по отношению к тайному агенту русских. Мы все знаем и понимаем, насколько хороши наши солдаты, и мне кажется опасным настрой, с которым мы готовы сказать, что их снайперы лучше. Я уверен,

что именно снайперы нашей морской пехоты дадут сто очков вперед кому угодно: русскому, китайцу, немцу или британцу.

К сожалению, не все из них Верны Родине. Больше того, среди них бывают Изменники и Предатели. Я совершенно уверен, что таинственным снайпером из Эверглейдса был именно американский солдат (marine), который Предал Родину и стал служить коммунистам... Уверен, что следствие должно прежде всего изучать именно эту версию».

А что вы хотите, самый лучший американский следак на все времена практически не ошибался, всегда принимал самые точные, политически правильные решения. Ну и для их исполнения несчастного морпеха стали выманивать из СССР хорошим жалованьем, интересной работой, важным заданием. В итоге недалекий идиот на все это клюнул, при помощи ЦРУ бежал из СССР обратно на Родину, да еще и не один, но и русскую жену с собой прихватил. (Из архивных бумаг ФБР следует, что это было сделано ради того, чтобы морпех был сговорчивей. Когда сиськи вашей возлюбленной или ее прелестные ножки зажимают в тиски китайские или мексиканские бандюки — вы готовы оказать содействие добрым и отзывчивым ребятам из ФБР гораздо легче, чем в ситуевине, когда ваша жена осталась в России, и китайские коммунисты ее за сиськи не мацают. Это планировалось на крайний случай несговорчивости морпеха. Правда, выяснилось, что этот бывший выпускник детского дома так счастлив стать сотрудником американских спецслужб, что готов был на все тяжкие и «за так», и эти жуткие планы в реальности не потребовались. Но из архивов следует, что в ФБР предусматривали все варианты.)

Короче говоря, в мае 1962 года бывший морпех, бывший предатель Америки, отказник от ее гражданства, тайно вернулся домой и со слезами на глазах просил восстановить его американское гражданство. На самом деле, подобная процедура была не очень-то ожидаема, ибо предателей в США обратно не ждали, однако в данном случае молодого человека приняли назад с радостью, и он совершенно уверился, что его и действительно взяли на секретную госслужбу.

В качестве первого задания восстановленный американский гражданин оформил документы постоянного члена «охотничьего клуба» и стал постигать интересную науку стрельбы по движущимся машинам, потому что до этого он о таком занятии не знал. Сперва стрелял и стрелял по спортивной мишени — «бегущему кабану», потом ему стали предлагать пострелять по более изоциренным мишеням типа открытой легковой машины.

Морпех был рад угодить своим добрым товарищам и с удовольствием снимался во время стрельб и вообще в обнимку со своей «карканой», к которой привык, когда служил в морской пехоте. Число фот в его деле, где он запечатлен стреляющим по движущейся машине, поражает воображение.

Так в ФБР появился реальный фактический материал: готовый подозреваемый на роль «русского снайпера», который при этом удовлетворял всем их запросам, какими бы они ни были изысканными, и забытое почти дело «снайпера из Эверглейдса» снова стало обрастать фактическими деталями. Среди них были и такие пикантные, как авиабилеты на имя совсем другого молодого человека из Берлина в Нью-Йорк и обратно именно на апрель 1961 года. В ФБР написали по их поводу пояснительную, что именно по ним наш

герой тайно — под другим именем — въезжал в Америку в это время и потом выехал обратно. (С 1958 года по август 1961-го существовал особый характер путешествий из Западного Берлина в Америку — с облегченным досмотром. Подробности вы можете узнать из знаменитой речи Кеннеди 1963 года «Я — Берлинец!»). Гувер любил учитывать все детали. Тем более, что этот эпизод хорошо увязывал в данной истории использование древнего германского «филина».

Ах да, совсем забыл, я же ведь не назвал вам имя нового «подозреваемого» ФБР. Впрочем, пытливые умы уже догадались.

У незадачливого морпеха из болотистой Луизианы, предавшего сперва Родину, а потом и страну, куда он сбежал, было самое обычное имя. Знаменитым оно станет потом.

Звали его Ли Харви Освальд.

Впрочем, это уже совсем другая история...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

РАССКАЗАННАЯ

ХРАНИТЕЛЕМ ОЗЕРА

до этих краев, и тут нас встретили русские. Было это в правление Михаила Федоровича, который нам очень обрадовался, ибо мы были чуть ли не первым народом, пожелавшим прийти к нему на службу в Русское Царство, и поэтому предки наши были русским государем обласканы. Взамен мы давали русскому царю присягу на монгольский манер (то есть если кто из нас в бою побежит, то после боя казнят весь десяток, а если побежит десяток, казнят сотню и далее), крестились все в православие и стали военнообязанными. За это Царь позволил нам брать местных и делать их своими аратами.

За время пути мы много воевали с аборигенами, ибо они не хотели нас через земли свои пропускать, так что по названию наших бунчуков и тотемных знаков нас звали на тюркский манер «фури» или «бури», что значит — «волки», ибо каждый из наших девяти родов Хонгодоров имеет своим предком Волка. Из этого мы стали называться «бурятами» или «бурятскими/братскими народами», ибо завоеванное нами население тоже стало зваться «бурятами», а самоназвания у нас никогда не было, ведь некогда мы были лишь охраною и обслугою в Ставке Великого Хана, а какое может быть самоназвание у обслуги? А «Хонгодор» всего лишь означает «девять родов» и не более.

Наш тотем Третьего рода — темно-серый речной волк, который некогда водился в зарослях монгольского Керулена. Это был мелкий волк, рыбоед и падальщик. В этом нет ничего удивительного, роды всегда располагались в Степи в виде квадрата три на три. Третий род занимал северо-восточный угол. Север означал Ночь, Холод, Лишения, а Юг — Богатство, Радость и Тепло, поэтому у китайцев по сей день все «южные» цифры почитаются как «счастливые», а «северные», напротив, несут смерть и гибель. Восток означал

Мудрость и Хитрость, в сравнении с Западом, который был стороной Силы и Доблести. Это объясняется тем, что Орда всегда изображалась в виде летящей птицы с клювом, обращенным на Юг. У этой Птицы правая сторона всегда считалась на Западе, а левая — на Востоке, поэтому западные Небожители для моих предков всегда числились добрыми и хорошими, а восточные — злыми и очень недобрыми.

Так что если задумываться, то Третий род всегда выглядел самым недобрым среди всех девяти, а волк наш считался самым злым и коварным. Его древнее имя «бобр» — волк-рыбод, волк-падальщик. Если хотите, вы можете его сегодня увидеть на гербе города Иркутска, правда, там он выглядит скорее как кот, ибо волки-рыбоды уже давно вымерли.

Вы знаете, как в древности монголы хоронили своих умерших? Люди в основном умирали зимой от голода, холода и лишений. Зима в наших краях — время наименьших осадков, поэтому всю зиму овцы могут жить на подножном корме, сжевывая прошлогоднюю промерзшую насквозь траву. Зато от больших холодов и отсутствия снега земля промерзает насквозь и становится крепка, как гранит. А у кочевников-скотоводов в обиходе никогда ни лопаты, ни узбекского кетменя не было. Стало быть, тело умершего зимой в землю закопать невозможно. Тело невозможно и сжечь, ибо в голой, продуваемой ветрами степи всегда недостаточно дерева. А тело захоронить надобно, ибо иначе по весне оно оттает, загниет и начнет разлагаться, распространяя вокруг себя заразу с миазмами. Поэтому покойника оборачивали в кошму или просто обматывали старыми тряпками, чтобы лошади не пугались, и пускали по телу табун. Лошади измельчали промерзшее тело своими копытами и разносили останки на многие версты. И тогда на раздроб-

ленные останки приходили следующие за племенем волки-падальщики, которые могли разгрызть эти малые куски мяса. Вот от этих волков-падальщиков наш Третий род и произошел. Мы совершали последнее омовение умершего, готовили лошадей к ритуалу, успокаивали и опаивали чем-нибудь родственников, ибо в сравнении с иными способами упокоения усопших этот все-таки выглядит совсем варварским. Но раз тело нельзя ни захоронить, ни сжечь, а по причине мороза тело целиком волкам не угрызть, это было самым лучшим решением. Людям говорили, что умерший возвращается к Предкам, что это сами Предки в образе волков-рыбодов приходят за ним. Смешно. Мой дед как-то сказал, что самыми закоренелыми атеистами обычно становятся служители культа. Не знаю. Наверное. Я часто думал, что многие решения, которые я в жизни принял, тесно связаны с тем способом, которым предки мои избавлялись от тел своих умерших. Пусть грязно, пусть жутко, но иного выхода не было. Любой хороший Шаман знает это. Именно поэтому наш Третий род испокон веков был родом Севера/Ночи и Востока/Злой Мудрости.

А дальше... Когда мы приняли русское подданство и крестились все на православный манер, соборованием и отпеванием покойных занялись русские батюшки. И предки мои утратили прежнее ремесло. Зато мы получили под управление озеро. Выглядело оно так.

Я тогда еще ходил в школу, а после — в гимназию. Отец работал путевым инженером в Иркутске (тот был вполне себе губернским городом, тогда как Верхнеудинск — уездным, и родовитые буряты даже с этой стороны озера в те годы обычно в Иркутске работали). То есть я ходил в школу в Иркутске, но на лето меня с друзьями отправляли домой, в Мысовск, через озеро Ольхон. Каждое лето

нас после школы везли сперва на Ольхон, и там мы молились у Камня. Это называлось «Поклонись Духам Камня на Западе». Там, на Ольхоне, приходил день, когда обычный северный ветер «байкал» сменялся на южный «култук» и тающий лед начинал уходить на север. Тогда нас сажали на речной кораблик или буксир — или уж как получится — и мы кто на камбузе, кто в капитанской рубке, а кто и в угольном погребе плыли домой через Озеро. Теплый южный ветер растапливал путь среди льдин, и от этого казалось, что перед нами сам Байкал ото льда очищается. Местные араты всегда выходили нас встречать и думали, что лед тает не от того, что пришел июнь и подул теплый ветер, а потому что это «маленькие шаманы» плывут и лед при этом растапливают. Соответственно осенью, в сентябре-октябре, в Мысовске для нас сооружали баркасы, и мы под парусом с попутным «шелонником» выходили из устья Мысовки, и уже в море сильный «баргузин» нас подхватывал и нес назад в иркутскую школу — на обучение. Это называлось «Доверь судьбу восточному ветру». Наши паруса опять же араты и прочие рыбаки видели и про себя знали, что навигация на священном море закончена. По традиции в июне «маленькие шаманы» с запада на восток по морю плыли, и с этого дня можно было в море идти — ловить рыбу, а в конце сентября — в октябре опять же «маленькие шаманы» с востока на запад назад возвращались, это значило, что на море на лодках в этом году теперь делать нечего. То есть плавать-то можно, но если налетит «сарма» или там начнет тянуть сильный «баргузин», а ты в море, то сам ты кругом виноват, и винить в своей глупости уже некого.

А на том берегу мы с братьями жили у моего деда Софрона Степановича, который и был Хранителем Озера.

Жил он в огромной, просторной избе с русской печкой, сложенной в незапамятные времена, и араты были уверены, что саму избу выстроили именно вокруг печи, которую якобы некогда сложили неизвестные древние колдуны и волшебники. Дед круглыми днями сидел перед нашей избой на завалинке, курил огромную трубку, принимал от аратов нехитрые их подношения и иногда — очень редко — поднимал над избой огромное белое полотнище, которое издали, с озера и Улундинского тракта, было видно, и все рыбаки с капитанами знали, что идет шторм, ибо белый цвет — знак опасности.

Собственно, в этом и состояли обязанности Хранителя Озера — он всегда знал, когда придет шторм и оповещал народ в округе об этом заранее. А откуда он это знал — было неведомо. Одним словом, чародей и волшебник. Я всегда любопытствовал, как дед это делает, а тот отвечал, что обязательно все расскажет, когда придет срок. И вот однажды, когда я приехал к деду на очередные каникулы, тот проверил дневник, расспросил про школу, как я учусь, какие у меня отметки и прочее, а после сказал:

— Ну вот, ты уже и готов узнать тайну Озера.

С этими словами дед отвел меня в свою спальню, где стояли шкафы, набитые огромными древними домовыми книгами. Одна из них лежала раскрытою на столе, и дед предложил мне прочесть то, что там написано. А там русским по белому было проставлено то число и стояла аккуратная запись *«06:00. Ясно. Ветер северный, слабый. Температура воздуха 15 градусов. Температура воды 8. Давление 714 мм рт. столба. Склянка — чиста. Тихлон»* и так далее (за точность цитаты уже не ручаюсь, но суть вы поняли).

Я этой записью всерьез озадачился, и дед рассказал мне, что в незапамятные времена, когда наши предки только прибыли к озеру из-под Великой Стены, здесь им было все в новинку. Монголы вообще не любят воду, не умеют плавать и не купаются. А тут как раз нашему роду достались в управление береговая черта, магический остров Ольхон и само озеро. Ну и сама жизнь нас заставила полезть в воду. Многие утонули, погибли и без следа в Озере сгнули. Поэтому, чтобы люди не гибли, появился Хранитель Озера. Это был человек, который принялся собирать приметы, легенды и предания местных аратов, прочих тунгусов с эвенками и на основании этих примет стал шторма на море предсказывать. Были тогда первые Хранители Озера, как и все степные буряты, кочевниками, путешествовали они по всему берегу, и приметы были у нас собраны со всего побережья. Так вот именно Мысовка на восточном берегу возле места, где хребет Хамар-Дабан обрывается в Байкал, оказалась тем местом, где эти приметы лучше всего наблюдались и просматривались, и поэтому Хранители Озера стали постепенно оседать именно в этом краю. А приметы были простые и в то же время красивые.

К примеру, считалось, что все они — не просто так, а результат действий духов предков, которые пытаются таким образом связаться со своими потомками и предупредить их о грядущей опасности. Например, вы находитесь на мысе на восточном берегу озера и наблюдаете за закатом. Если солнце садится в синее озеро, все хорошо, и дальше будет такая же ясная погода. А вот если на закате солнце воду как будто кровью окрашивает, то это из моря поднимается кровь предков, которая вопиет о том, что вот-вот будет шторм и надо бежать вывешивать белое полотнище. Ну и так далее.

И вот однажды, когда очередной Хранитель Озера, глава Третьего рода сидел на берегу и курил свою трубку, к нему подъехали русские, спешили, с уважением поздоровались и стали расспрашивать, кто он такой и что именно он делает. Предок все им рассказал, показал свои записи (тогда они были на уйгурском) и... Тут русские замахали руками и сказали, что так дело не пойдет. Записи нужно обязательно перевести на русский и вести их каждый день. По два раза — утром и вечером. А чтобы пухнувшие гробухи по степи в кибитке с собою таскать не пришлось, приезжие русские засучили свои рукава и построили предку русскую рубленую избу с настоящей огромной русской печью с одним лишь условием, чтобы он больше никуда с этого места не кочевал, чтобы записи все его были отныне на русском и делал он их регулярно и каждый день. Сам делал, сыну своему приказал, внуку и — прочее. А чтобы никто его при этом не обижал и не трогал, выдали ему грамоту — в дни моей молодости была она уже почти черной от старости, где было сказано, что *«...согласно Указу Его Императорского Величества Петра Алексеевича, Илье боярскому сыну Софронову отныне назначена служба Хранителя Озера, которую он обязуется нести честно и вечно, передавая ее по наследству, а в награду за нее он освобождается от всех податей и имеет право брать со всех проплывающих мимо оброк омулем, чаем, табаком и проч.»* (цитата может быть неточна, ибо давно это было, и я ее уже немного запамятовал). А потом долгие годы предки мои переводили исходные тексты с уйгурского на русский, делали в гробухе все новые записи, старые записи перечитывали и внимательно анализировали. В итоге обнаруживались новые все более сложные приметы, о которых те же

араты были вообще без понятия. Эти приметы становились все более непостижимыми для внешнего наблюдателя, и в итоге араты стали считать нас колдунами, магами и волшебниками, хотя на самом-то деле в шаманском деле не место, вообще, сказкам и суевериям. Учет и контроль. Каждодневная работа, сбор информации, сверка с имеющимися данными, анализ поступающей информации и точный прогноз на базе анализа. Вот и все колдовство! Мой дед говорил все это немного иначе, но я лишь передаю смысл сказанного.

К примеру, я спрашивал — что значит «тихлон»? На это он отвечал, что так говорил ему заезжий русский, который гостил у него целое лето по молодости. Он думал, что «тихлон» от русского слова «тихо». Раз на улице ясно и тихо, значит — «тихлон». Русский рассказывал, что здесь в Сибири каждый год возникает огромный «сибирский тихлон», из-за которого такие холода и зимой мало снега. Вот дед мудреное словцо и запомнил. А русский гость, как безумный, то в эту тетрадь сунется, то в другую — и аж смеется от радости. Все лето гостил, сколько мог из гроссбухов в журналы свои переписывал, а когда назад в столицу вернулся, прислал огромный ртутный барометр с объяснением, как им пользоваться, склянкой в которой перед штормом возникают кристаллы и вертушки всякие, чтобы знать скорость ветра. А потом долгие годы присылал хорошего чаю, вкусный табак и диковины всякие, а взамен дед посылал ему копии своих записей.

Разумеется, просто в чистом поле или, верней, на мысу между огромным горным хребтом и озером отдельная изба стоять не могла. Времена были всякие: места наши каторжные, так что вскоре прапрадедову избу огородили высоким забором с острыми кольями, вокруг нее поднялись дома наших слуг, или родственников. Так как царский патент

в наших краях был не у многих, как-то получилось, что младшего сына в роду стали отдавать церкви, а родовое гнездо стало считаться выселками местного монастыря. Так что Великий Шаман отныне был главой рода, сам Мысовск вокруг него управлялся купеческой гильдией кяхтинских купцов, которые в самом Мысовске опять же были все членами нашей фамилии, а рядом стоял Монастырь Старой Веры, где настоятелем был глава одной из младших ветвей нашего рода. То есть в одном месте были и Великий Шаман, и Купеческий Совет, и Настоятель Мысовского монастыря. Причем, в отличие от монастырей у раскольников, мы получали благословение от Православного Митрополита, ибо мы ни с Патриархом, ни с Синодом не ссорились, а преследовать нас проку не было. Один был Православный монастырь в округе, а вокруг сплошные дацаны да шаманские огнища. Вам интересно, что теперь с дедовской избой сталось или с патентом от имени самого Петра Первого? Нынче в той самой избе — современная метеостанция. Я ездил туда, беседовал с метеорологами. Их там жило трое: русская пара и один бурят, который там лишь работал. А сама изба стояла за зданием местной дорожной станции. Ее и не видно теперь между старым пакгаузом и водокачкой. Мне метеорологи не понравились — худые, вертлявые, ни в одном ни виду, ни значимости. Вот и не несут им омуля, а потому и станция сейчас в запустении. Настоящий Хранитель должен быть с виду солидным, красиво трубку курить, умно молчать, уметь людей слушать — а это так... вертихвостки... Люди сами должны Хранителю и омуля, и чай, и табак, и араку нести, да еще просить, чтобы принял. А им бы я и за деньги ничего не принес! А документы пропали: то ли их сдали в архив, то ли попросту выбросили, ибо люди, которые там нынче живут, вертлявые.

Хотите узнать — раз уж я на пенсии — почему я не захотел как дед стать Хранителем? Над этим я много думал. Я всю жизнь то в обкоме, то в министерстве сидел. И ко мне всю жизнь люди шли — кто с проблемой, кто с делами, кто за советом, а кто и спасибо сказать. И вот представьте себе, что тем же самым людям нужно что-то на озере. Приходят они с подарками к Великому Шаману-Хранителю, а там — опять я. Боюсь, это будет выглядеть несколько неожиданно. Да и не солидно сидеть мне в избе меж пакаузом и водокачкой. Спрашиваете, почему ее при строительстве станции не снесли? Эта прадедова изба и была некогда зданием и правления Мысовского порта, и Дорожной станцией. Именно с нее Дорога на той стороне озера началась. Случилось это при моем деде, который и саму избу, и всю нашу землю вокруг, как православный, железной дороге пожертвовал.

История эта начиналась с того, как однажды к деду моему, сидевшему как всегда на завалинке у нашего дома, приехали посетители. Дед издалека узнал Бориса, главу Шестого рода, который отвечал за подготовку учителей и врачей для народа. Борис даже написал целый справочник по определению лекарственных растений в наших краях и издал его на свои средства в Петербурге. Он обычно жил на западном берегу Озера в Шолотах, где даже построил каменный дом в три этажа с настоящим балконом и после этого перестал кочевать. За это его не любили знатные родовичи с запада, к тому же у него родовая фамилия была Башхуев, что обычно переводили как «чужой человек». Смеяться тут не над чем, если это произносить, то совсем не похоже на то, что вы подумали. Это такая особая буква, которой нет в русском. А само словосочетание к нам при-

шло из китайского, где оно означает не «чужой человек», а «умник из хууэйцзы». Хууэйцзы — это, по мнению китайцев, люди, которые веками жили на западе в Синьцзяне и исповедовали ислам. А китайцы они потому, что не уйгуры, которые живут в тех же краях. В древних летописях этот народ называли юэчжи и говорили про них, что они не китайцы-хань, не монголы-сяньби, не тюрки-гунны или сюнну, но потом они вроде бы слились с китайцами, но по-прежнему в их краях легко отличить местного хууэйцзы от настоящего китайца с востока. К ним относится целая династия генералов по фамилии Ма, которые в начале этого века даже отложились от Китая в Синьцзяне и назвали себя Синьцзянской республикой. Правда, потом они помирились с Мао, разбив его главного врага среди коммунистов по имени Готао (так как сам Мао не мог воевать со своими же коммунистами), и тот за это сделал их коммунистами и даровал право и дальше править их озером Лобнор и Таримскою впадиной, а потом даже сделал их главными в создании китайской атомной бомбы. По внешности эти самые хууэйцзы сильно отличаются и от китайцев, и от монголов, и от уйгуров с кыргызами, но главная их отличительная черта — это то, что они мусульмане. И так как мы тогда воевали то с енисейскими кыргызами, то с их сродниками якутами (а у кыргызов — ислам), к Башкуевым в народе всегда отношение было чуть настороженным. Почему Башкуевым, а не Башхуевым? Потому что внук того «дяди Бориса», когда стал нашим министром культуры, а потом моим сватом, ибо моя племянница вышла замуж за его сына, в фамилии букву сменил, ибо не может быть министра культуры с такою забавной фамилией. Старые монголы по сей день смеются, что само название озера Байкал переводится с тюркского «большая вода», а в языке у нас

нет ни слова «бай» — «большой» или «богатый», ни слова «куль» или «кель», что означает «вода» (как в названии «Иссык-Куль», например), а это значит, что мы здесь пришельцы. Самое близкое и созвучное, что есть у нас, это слово «гул» — «огонь», но к озеру его применить невозможно. А вообще, с буквы «К» что в бурятском, что в монгольском начинаются лишь три слова — «красноармеец», «колхоз» и «коммунизм». Так откуда же она взялась в древней фамилии? Согласно преданию предок их был бродячим врачом, которого наши предки поймали в степи и привезли тяжело раненного легендарного хана Галдана лечить. Простые шаманы и лекари от него отступились, а этот иноземец его легко вылечил и стал навсегда личным врачом. Не то чтобы у него был выбор, конечно. Вот так полтысячи лет назад некий бродячий лекарь из хууэйцзы и стал нашим главным Врачом и Ученым, а дети его — знатными монгольскими родовичами. Но в память о предке они даже после присяги России и Крещения долго еще носили Крест с Полумесяцем.

Поэтому за глаза весь Шестой род в народе не считали монгольским, и это для простых аратов было серьезно. Именно из-за того, что родовичи из Шестого рода не считались монголами, испокон веков к ним то приймаками, то приказчиками, а то и советниками принимали местных ссыльных, которых особенно много пришлось по итогам восстания в Польше в 1860-х. Поэтому-то врачами и учителями в Шолотах для всех прочих улусов набирали литовцев и евреев с поляками. Многим это не нравилось, однако польские да еврейские советники умели и знали многое, и поэтому Шестой род считался у нас одним из самых богатых. К примеру, сам Борис мечтал наладить поставки колбасы из своего удела в столицу, да не просто колбасы, а с местными пря-

ностями. Ради этого он много ездил то туда то сюда и все искал способ, как доставить в столицу свою колбасу или вяленую баранину. Многие смеялись над этим странным желанием, хоть Борис и умел деньги нажить. Шутка ли — первый каменный дом в три этажа в наших краях. Когда такой человек перебирается для разговора с тобой через Озеро — у него дело есть.

Поэтому дед Софрон встал к подъезжающим, гости спешили, и главы родов трижды облобызались между собой. Где-то засуетилась прислуга, готовя бузы и барашка для встречи гостя, появилась большая тарелка со свежим омулем, посыпанным мелко нарезанным чесноком и черемшой, и обязательная молочная водка — арака. Сам Софрон предпочитал пить обычную китайскую рисовую, но дорогого гостя принимать рисовой выглядело весьма несолидно.

Борис попробовал и такого омуля и сякого, очень хвалил и между второй и третьей рюмкою как бы невзначай обмолвился: не продаст ли Софрон ему омуля бочек сто или двести? Все знали, что Борис любил рыбу, Шестой род столь же черный, что и наш третий, так что и его степной темно-рыжий предок Волк тоже был «рыбоедом», как и все волки-предки «черных» родов, но обычные араты предпочитали баранину и того же омуля ели лишь тогда, когда есть было нечего. Про бурят, как и про монголов, неспроста говорится, что в жизни есть три удовольствия: «есть мясо, ехать на мясе и вонзять мясо в мясо». Собственно, «рыбоедами» у нас и были всегда три рода Востока — Третий, Шестой и Девятый. Шаманы, учителя да поставщики развлечений. Девятые раньше содержали дома терпимости, балаганы и винокурни, а нынче стали артистами, режиссерами и учеными. Среди моей родни только у них целых три академика. Шестые были учителями и врачами для хана

и нойонов, а нынче сват мой, к примеру, профессор, народный учитель. А наш род был шаманским, так мы и занимаемся по сей день идеологией. Вот читаю вам лекции в Высшей партийной школе... И кажется мне, что в жизни мало что изменилось.

Но я отвлекся. Как я уже говорил, монголы едят больше мясо. Рыба для нас скорее в диковинку. Собственно, лишь в трех наших родах, что произошли от волков-рыбодов, можно увидеть, как подают на стол рыбу. И за это, кстати, прочие родовичи считали нас «черными». С другой стороны, для выпаса мяса нужен кочевой образ жизни, а рыба склоняет народ к жизни оседлой. Поэтому и осели наши три рода лет на сто-двести раньше чистых кочевников, а оседлая жизнь легче капиталы накапливает — вот и получилось со временем, что оседлые роды становились богаче, а те, кто по старинке, «как завещали нам предки», отары гонял, остались как голь перекатная. А из этого в нашей истории вообще все события растут. Простые араты верили, что те, кто продолжает кочевья с баранами, живут по законам Вечного Неба и предков, а значит, наши «черные» роды предали заветы с традициями, не якшались с нами, и из-за этого «черные» рода с «белыми» не женились, не смешивались. А очень плохо жениться меж родственниками, и так как мы внутри «черных» родов — давно все друг другу родня, ничего не осталось кроме как жениться на русских, отдавать за них дочерей, а еще за ссыльных поляков с евреями. Я думаю, именно это смешение крови и стало причиной того, что дети из наших родов были образованнее, смысленее и успешнее, чем у остальных степняков. А может быть, все дело в рыбе и фосфоре. Мне один знакомый еврей, главный врач при нашей поездной армии в дни войны, очень много про фосфор в рыбе рассказывал и уверял, что в древнем

Израиле правители были умней, чем у филистимлян, потому что у них там в озере Кинарет рыба с большим содержанием фосфора. Я даже потом заказывал анализ содержания фосфора в омуле, но там не нашли ничего необычного. Так что, думаю, тут было дело в смешении кровей, а не в фосфоре. Ибо ничем другим столь разительного отличия в истории родов «черных» и «белых» я объяснить не могу. А в те далекие годы, про которые я веду речь, разница между сравнительно образованными родами «черных» и обычных «белых» в жизни и достатке была уже очень заметная, и многие думали, что все дело в рыбе. Вот и дед мой Софрон, когда дядя Борис попросил у него двести бочек соленого омуля, решил, что ученый сосед придумал, как из рыбы «зелье мудрости добывать». Ведь хорошо было бы — вытопили из рыбы «зелье мудрости», выпили, и вот уже все — вроде умные. И дед мой сразу решил, что в этом предприятии соседа он точно участвует.

Поэтому Софрон степенно кивнул и отвечал, что рыба у него есть, не вся хороша на стол гостю, но с божьей помощью — к осени нужное количество его люди наловят. На это Борис сразу сказал, что ему не нужна слишком уж хорошая рыба, была бы съедобная. И к зиме ему нужно будет бочек пятьсот. Софрон лишь удивленно приподнял бровь, и Борис рассказал, что в поисках средств доставки его колбасы к столице он встретил нужных людей и те по секрету ему намекнули, что готовится строительство железной дороги от Челябинска на восток, и именно железная дорога будет лучшим способом доставки его колбасы до столицы. Проблема же была в том, что в дело брали только своих — православных христиан Старой Веры. И как раз так случилось, что принимали мы Присягу на Верность России при царе Михаиле Федоровиче, то есть еще до появле-

ния никонианцев, а когда произошла эта проклятая Реформа, наши Предки сказали, что дважды Присягу принять невозможно и отказались второй раз перекрещиваться. В те годы в наших краях шла вечная война с курыканами, якутами и прочими кыргызами, а чаще всего с маньчжурами и китайцами. Местные казаки были вооружены пушками, но кавалерию для них поставляли лишь наши предки. К примеру, красноярскую крепость трижды осаждали кыргызы, и все три раза крепость осаду выдерживала до подхода монгольской конницы. Так что настаивать на том, чтобы предки из-за какой-то ерунды перекрещивались, русские не решились, вот и вышло, что по сей день Бурятия считается самым «староверческим» регионом России. А наши братья по вере, которых утесняли тогда церковники-никонианцы, особо на нашу помощь в строительстве железной дороги надеялись. Борис рассказал, что отдал в общий кошт все свои свободные деньги и спросил, готов ли Софрон для общего дела и истинной Веры всеми деньгами рискнуть, а то и пожертвовать.

Дед Софрон на это крепко задумался, а потом и спросил, зачем тогда Борису нужны бочки с омулем. На это тот отвечал, что обещал в Москве помощь в строительстве — и людьми, и провиантом, и прочим, а в обмен эту помощь засчитают, как будто бы деньгами. В качестве мастеров Борис предлагал использовать ссыльных, которых он уже выкупал с местной каторги в обмен на вечное их поселение, а в качестве рабочей силы — китайцев. Китайцы в отличие от монголов больше едят рыбу, поэтому для прокорма их нужна рыба, а так как рабов на строительстве будет много, то и качество рыбы не обязательно. Софрон, сообразив, что на вылов рыбы он сможет поднять всех своих слуг и аратов и за выловленное с ними честно расплачиваться, сразу обра-

довался. А так как денег у нас в роду никогда много не было, в качестве своего пая дед вложил в дорогу все земли рода — от Мысовки и вниз по Улундинскому тракту — в сторону Кяхты. Не так чтобы было много, но это практически все, что имелось у нас тогда за душой.

Так друзья и соседи ударили по рукам, а на Байкале затеялось большое строительство баркасов, изготовление рыбацких сетей, смоление бочек и прочее. А на прощание Борис попросил, чтобы дед Софрон взял с собой своего старшего сына Савелия. Братья по вере не желали давать работу на будущей железной дороге «не своим», и поэтому свой инженер-путеец, по мнению Бориса, всем нам был нужен. Сам же Софрон поехал с Борисом в столицу, а оттуда — за море, в Англию, в Ньюкасл, для железной дороги пароход покупать. Тогда была такая политика, раз паромную переправу строили в наших краях, то на всех переговорах по приказу царя мы присутствовали, особенно в Англии. Англичане туземцев не жаловали, и нашим всегда было в радость поставить в этом деле для них запяточку. Мол, вы своих сипаев пушкой расстреливали, а мы своих себе видим ровней. Ну, не то чтобы дед или дядя Борис там принимали решения, но нужный колорит на всех переговорах вносили. Опять же, раз они считались акционерами и совладельцами дороги, то и полагалось, чтобы в деле о пароходах им полагалась какая-то должность. Разумеется, раз речь шла об очень больших деньгах, то и речи не было, чтобы «по знакомству» стать капитаном или даже старпомом такого паромы, но поскольку дед мой был шаманом и знал байкальские воды как свои пять пальцев, то его англичане учили на лоцмана. Верней, раз он и так уже был по профессии капитаном, то не самой профессии лоцмана, а работе с современными приборами. В итоге он до запуска

парома так и капитанствовал на своем старом буксире, таскал баржи через Байкал из Мысовки, а потом был капитаном парома «Байкал», когда нужно было подменить их капитана или когда его попросту не было. Не многие хотели навсегда остаться жить в Мысовке, которая так и считалась выселками Троицкосавского монастыря. К примеру, когда паром запускали, то капитаном и старпомом на нем сперва стали два брата Заблоцких из Иркутска, которые были хорошими инженерами. Они тоже были капитанами временными и собирали паром, когда его по частям привезли по «северному морскому пути», а потом по Енисею из Ньюкасла, но переехать в Мысовку они не решились, так что дед долго был временным капитаном парома, когда смены ему не было.

Я хорошо помню те дни, когда дед, пока мы жили летом в Мысовке, надевал железнодорожный китель и фуражку и важно шел на работу на пристань. Он был единственным из бурят, кто ходил по Мысовке в форме, и поэтому араты принимали его за капитана, а он их не разубеждал. Настоящий шаман. А отца моего они тоже забрали на обучение в Петербург, правда, тогда в Ньюкасл он не ездил. Отец потом часто рассказывал, как дед повез его на учебу в столицу, сказав, что сделает его капитаном на пароходе. А в Петербурге вдруг выяснилось, что привезли его учить на инженера путей сообщения. Ведь в те годы паровозов-то еще не было. Они тогда назывались все пароходами. Так что отец мой думал тогда, что едет учиться в мореходку — быть капитаном того самого парохода на Байкале, который дед с дядею покупать в Англию ехали. Только как было ему в институт поступить, ежели был он до этого лишь помощником капитана буксира или капитаном, но на рыбацком баркасе. Ну, на этот случай у дяди Бориса Башкуева был

хороший приказчик Владимир Горский, ссыльный из Вильны. Сам дядя моего деда больше собирал новые травы по округе для своего лечебника да разрабатывал рецептуру для колбасы, которой он мечтал накормить всю столицу, а всеми денежными делами у него занимался вот этот самый еврей по фамилии Горский. Правда, когда у него срок ссылки весь вышел и ему можно было вернуться, документы ему выправили то ли на Гурвича, то ли на Гурвица. Нет, по документам пишется «Гурвич», но латиницей, а когда с финнами приходится разговаривать, так они «цокают», потому что не умеют выговорить букву «Ч» и получается «Гурвитьц». Ну да это не важно.

В общем, уговорились деды с Горским, что в обмен на свободу и деньги немалые, он, помимо прочего, и отца моего школьной премудрости выучит. И учился он у этого Горского года два математике, литературе, наукам естественным, чтобы в институте экзамены сдать. А заодно много они промеж собой разговаривали, что у нас в стране хорошо, а что плохо, и можно ли сделать так, чтобы все стало лучше. Так что приехал отец в Петербург уже сильно распропагандированным и первым делом, еще до экзаменов, разыскал ячейку местных марксистов. А путь от нас до Петербурга не близкий. Даже на лето отец ездил скорей за границу, а не на Родину. Был он платным студентом, ни в чем не нуждался, так что и охранка на него не косилась, бог миловал. Мне потом знакомые его сказывали, что прозвище у него было Ханыч. Кто-то решил, что раз хорошо живет, то ханский сын он — не меньше. Вот и прилипло к нему это прозвище. А он был не ханского, а шаманского рода, ну да это не главное. Опять же по делам железной дороги приходилось отцу много ездить, так что стал он курьером нашей партии. Под видом богатого отпрыска

ездил по делам в Англию. К примеру, в 1902 году, когда в Лондоне собрался Второй съезд РСДРП, отец ездил туда по делам закупки новой паровой машины в Ньюкасл, а при этом захватил с собой «троих слуг», которые и были депутатами съезда, а потом провез с собой назад несколько нелегалов: они прятались в паровом котле, когда сюда ехали, а отец им еду в машину носил. Горский? Нет, тот, которого убили в Москве, был Загорский, эсеры его убили, а отца моего учил просто Горский.

Дело в том, что сам Горский загорелся со временем идеей колбасного заводика и отошел от марксистов. По условию освобождения ему нельзя было селиться в столичных провинциях, и поэтому дядя Борис построил свой колбасный заводик не в столице, а в далекой Финляндии. Почему там? Сперва от нас туда везли мясо, а мясо было хорошее, поэтому продать его надо было задорого, чтоб дорогу отсюда туда окупить. К тому же в Москве бурят тогда не было. Тут ведь дело такое — далеко мы жили от обеих столиц, а за любым делом глаз нужен. Поэтому хорошо, когда рядом есть свой человек, который за делом присмотрит. Когда дела ведутся в Китае — пусть даже и за стеной — своего человека туда прислать можно. Хоть он по облику и монгол, но мало ли в Китае монголов? Довольно надеть китайский наряд, с умным видом говорить цитаты Конфуция, и китайцы со временем привыкают, думают, что, мол, полукровка иль еще что. А как монголу затеряться среди русских?

Рассудили то дело так. В ту пору вся наша знать отправляла детей учиться. Понятно, что совсем одного, без родни, без хорошего знания русского языка отправлять мальчика боязно. К счастью, при Священном Синоде в ту пору была уже отдельная коллегия для буддистов. У нас

в Прибайкалье знать была давно Православной, но на востоке за Озером местные бурятские племена агинцев и хоринцев исповедовали буддизм. Отсюда вокруг Синода в Санкт-Петербурге и возникла небольшая колония на Петербургской стороне — на Каменном острове, где богатые и знатные родовичи выкупали дома и разрешали там жить тем богомольцам и ламам, которые приезжали по делам в столицу. Мы в свое время с ними обо всем договорились и на подставные бурятские имена выкупили там пару домов, как будто бы мы тоже буддисты, ибо буддистам в России жить было проще, чем приверженцам Старой Веры. Вот именно в этой колонии и жил мой отец, когда учился инженерному делу в Санкт-Петербурге. А раз появилась колония, в ней можно было и спрятать того, кто бы стал тайными глазами и ушами за делами заводика. Ибо, по словам моего отца, хорош был дядя Горский, но совсем уж чистых и честных у нас не отправляют на каторгу, как бы они потом ни оправдывались. А в писании сказано, что тот, кто вовремя поможет грешнику не оступиться и вернет его на путь истинный, заслужит Царство Небесное. И поэтому нужен был за сиим гешефтмахером хоть какой-то надзор. В Москве это было сделать нельзя, поэтому решили строиться возле Санкт-Петербурга. Однако поблизости вокруг него мяса было мало, а провоз туда был слишком дорог. Пришлось отказаться от мечты дяди Бориса, чтобы везти само мясо, стали возить только сушеные травы и пряности, а сам заводик поставили в финском Выборге, чтобы было много воды для завода, чтобы была трава для свиней и коров и берег залива был у завода глубокий, а течения помогали везти груженую баржу к Петербургу. Учет и контроль, внимание к деталям — вот что самое важное для шаманского ремесла, равно как и на колбасном заводике. Так что Володя

Горский из марксиста и бомбиста уже в этом веке стал фабрикантом Гурвицем, а дядя Борис и потом его невестка Агриппина его партнерами на той фабрике. Но до того как он стал фабрикантом, Горский хорошо про классовую борьбу да историческую неизбежность рассказывал. Вот так отец мой и стал коммунистом.

Интересно, что потом стало с фабрикой? Разбомбили ее уже в зимнюю войну, когда с боем у финнов мы брали Выборг. Зато до того она много хорошего принесла. Пока она работала, пара моих сватьев, по наказу наших товарищей, уехала жить в те края и на прибыли от фабрики пустила в тех краях свои корни. Или в сопредельной стране, ибо граница между Финляндией и Швецией для финских граждан была в те годы открытой. Так что не до конца отошел ото всех наших дел товарищ Гурвиц, а может, и не отходил никогда. В партийной работе ведь так: кто-то агитирует, кто-то листовки расклеивает, кому-то легче удаются грабежи для пополнения нашей кассы, а кому-то сподручнее для всей нашей партии зарабатывать. В этом смысле мы, староверы, были всегда на особицу. Деньги к нам легко шли. Слышали про купца Мамонтова или Морозова? Они, когда умирали, завещали все свои миллионы большевикам, нашей партии. Знаете почему? Потому что умирали они без наследников, а тихо не оставить капиталы большевикам было никак невозможно. Вот и происходили скандалы от этого. А ежели была у старовера-владельца, скажем, разумная дочь, как у Горского, или понятливый внук, как у дяди Бориса, то и деньги оставались все внутри партии. Так что мечтал дядя Борис построить свой колбасный заводик в Финляндии, а в итоге все мы навсегда стали большевиками. Я думаю, что вышло все к лучшему. Это и называется — исторической неизбежностью.

Другой исторической неизбежностью стали дела вокруг постройки желдорпути. Народу в наших краях по причине сурового климата всегда было немного. Причем много было кочевников или давешних кочевников. Это значит, что ни бурят-монголу, ни киргизу лопату в руки не дашь: к земляным работам они непривычны. Это значило, что в наших краях кочевое местное население можно использовать лишь для разведения скота на мясо для тех же работников, для подвоза воды, или шпал, или щебня, но не на самом строительстве. Местных русских при этом было немного, а из центральной России работники на строительство дороги не ехали. Зато в сопредельном Китае народу было навалом, жили там люди бедно, а местные чиновники были продажными, так что набирать народ на тяжелые земляные работы там было можно. Теперь представьте себе, на строительстве железной дороги было восемь тысяч русских работников, которые на стройке командовали, так как имели хорошую квалификацию и редкую специальность. А простые земляные работы исполняли двести тысяч китайцев, причем китайцев, мягко говоря, разных. Начинали строить сразу с двух сторон, из Миасса под Челябинском и из Владивостока, а к нам дорога позже пришла. И так как на востоке китайских работников было чуть больше, то с той стороны стройка быстрее шла. Но и намучились там с ними изрядно. Китайцы все время норовили работу бросить и через реку домой убежать. Получат расчет за месяц, ноги в руки и плывут через реку в Маньчжурию. А там хунхузы, которые не любили китайцев. Сидят каждый месяц на другой стороне у реки и ждут, когда китайцы, получив деньги, от работ побегут через реку. Поймают китайцев, отберут деньги, хорошо если просто зарежут, а обычно еще — поглумятся, помучают, а потом бросят труп в реку. Реки Амур и Ус-

сури в тех краях — к нам текут и плывут китайские трупы с выдавленными глазами да перерезанным горлом аккуратно после зарплаты каждый месяц мимо строительных лагерей в нашу сторону. Китайцы их видят, плачут, бросают работу, но все равно после новой получки кто-то сбегает и потом опять плывет с распоротым брюхом вниз по реке. А напасть на хунхузов нельзя, китайцы из-за этой железной дороги и так на нас косятся, думают, что мы вместе с дорогой хотим у них землю забрать. Все время они так и думали, и их чиновники предъявляли претензии. А в реальности потом выяснилось, что они сами и оповещали хунхузов, когда китайцы от работ через границу с деньгами пойдут.

Раз нельзя на сопредельную территорию против хунхузов ходить, значит было принято решение работников охранять. Поручили это местным казакам. Стали они у реки сами бегущих с работы китайцев ловить, то бишь им жизни спасать. Да только казаки тоже были разные, и стали китайцы жаловаться, что когда их казаки ловят, то на работу возвращают назад, а деньги все отбирают. Это сразу подхватила иноземная пресса, и даже вскоре в газете «Таймс» появилась статья, что, мол, казаки нарочно грабят работающих на стройке китайцев. Одно слово — «англичанка гадит». И поэтому от правительства поступил приказ в наших краях, когда к нам дорога придет, обустроить китайских работников, а денег у них не отнимать и не обижать ни за что.

Сказано — сделано. В наших краях начальство закрыло все каторги: Шилку, Нерчинск, Акатуй и другие — и переделало их под рабочие лагеря для китайцев, чтобы они с деньгами от работ убежать не смогли. Ибо одно дело первые лагеря на Амуре, где народ жил в соломенных шалашах с крышей из китайской бумаги, а другое — прочная царская каторга с крепкими и теплыми зданиями, высокими

заборами и всеми прочими радостями. Охрану же для лагерей набирали из наших нукеров, причем на любой проверке должно было считаться китайцем: вроде это не китайцев поселили на царской каторге и охраняют подданные Российской империи, а сами китайцы туда поселились, и теперь сами себя охраняют, и к месту работ конвоируют.

А дальше возникла щекотливая ситуация. Хунхузы постоянно за китайскими работниками охотились. И вот пришел день, когда целые полчища этих самых хунхузов-маньчжур напали на нашу дорогу, грабили и убивали рабочих китайцев, а полчища их вторглись на наше священное озеро Далай-Нур, куда впадает Керулен, колыбель самого Чингисхана! Китайцы поголовно бежали с работ на китайской земле и толпами переходили нашу границу. До наших земель те места, где все это случилось, были сравнительно далеко, но и у нас по всем улусам поскакали гонцы с известием, что хунхузы нарушили древнее перемирие и напали на Далай-нур, который их предводитель Хан Абахай, основатель династии Цинь, пообещал оставить монгольским в обмен на верность ханов Южной Монголии. Нас это мало касалось, ибо мы с Абахаем воевали и ни о чем в жизни не договаривались, однако дома у нас вскоре появился русский полковник, который собрал всех наших знатных родовичей с обеих сторон Великого Озера. Звали его фон Эссен, и он сказал нам, что хунхузы преступили все свои клятвы и мы должны помочь нашим младшим братьям в Китае, которые остались жить под Стеной. Монголы исстари воевали за земли для своих кочевьев вокруг Далай-нур, ибо в этой безводной степи вода — это Жизнь, и за нее не жалко биться с врагом до смерти. Дед сказывал, что у него лично было сомнение, что те предатели, кто пошел на службу к «гаминам» (это

оскорбительное имя китайцев, которое я не стану переводить, хоть оно и сходно по смыслу с понятием «пидорас»), заслуживают, чтобы мы своими нукерами за них в войну вписывались, но горячие головы из «белых» родов (а у нас есть поговорка, что в «черных» родах попадаются умные монголы, а в «белых» — красивые) сразу же закричали, что мы пойдем на помощь нашим братьям против китайских агрессоров. Тогда Эссен дал нам грамоту от самого нового «Белого Царя» Николая (а Царь Александр как раз в те дни умер) о том, что мы имеем дозволение поднять свои бунчуки против хунхузского нападения и нашествия. А после этого к нам по Енисею и Ангаре стало прибывать оружие для войны против хунхузов. Наш род на это не подписался, ибо у нас была хорошая торговля с китайцами, равно как и наши сродники из иных «черных» родов, что кормились от торговли по Улундинскому тракту и Кяхты, а вот западная голытьба из «белых» родов все гурьбой побежала записываться добровольцами. А потом на долгие годы уехала воевать в Китае. После выяснилось, что хунхузы тогда воевали с японцами, которые побили их без числа, и огромные маньчжурские армии, дабы не быть разбитыми, стали отступать в нашу сторону. Тогда царское правительство испугалось, что десять миллионов китайцев с оружием в руках хлынет через нашу границу, и дабы этого не случилось, решило их связать боем на их территории. А русских на такую войну воевать не пошлешь, ибо все скажут, что Россия вторглась в Китай, вот и пришлось срочно формировать боевые отряды из наших бурят-монголов. Так что все выяснилось, но для публики тут у нас даже собрали хурал всех монгольских племен по поводу маньчжуро-китайской агрессии, и там было написано прошение к русскому Царю, чтобы тот не гневался на нас и оказал нам свою помощь.

После этого мы вместе с японцами оказались будто молотом и наковальней, между которыми растаяли последние маньчжурские армии, а маньчжурская империя Цинь осталась в Китае совсем без сил и оружия. Монголы плохо копали насыпи для дороги или катали рабочие тачки, но воевать народ был всегда по жизни приучен, и хунхузские художества пошли на убыль. Японцы же, осознав, что такая война для них самих может плохо закончиться, осыпали серебром южных монголов — баргутов с чахарами — для того чтобы те пришли в наши края воевать за японцев вокруг озера Далай-нур, и с этого момента обычно считают начало Гражданской войны в Китае. В войне между братьями нет ничего хорошего, наши предки пришли из-под китайской Стены, и само близкое звучание слов «бурят» и «баргут» наводит на размышление. Для всех монголов озеро Далай-нур было священным, и в сражениях за него сошлись мы и те самые баргуты из Китая, к которым мы с самого начала якобы шли на помощь. Вот что бывает, когда в народе есть роды умные, а есть — красивые, и решения принимают последние. И все же раз война пошла за озеро Далай-нур — колыбель Чингисхана, то на нашей стороне была правда, раз враги наши воевали ради того, чтобы на Далай-нур появились маньчжуры с японцами. Враги в ответ говорили, что с нами на берега священного озера шли с севера русские, но и в те годы, и уже в советское время русские власти всегда подчеркивали, что Россия не претендует на область озера Далай-нур. В свое время им не верили. Но уже потом, когда СССР помог Монголии победить Унгерна, сам товарищ Сталин, как нарком по делам национальностей, подтверждая эту границу, в этом месте сделал особый выступ, уступая область озера союзной Монголии. Все скептики были посрамлены, а японцам и сказать было нечего.

Так что вся вина за начало Гражданской войны в Китае лежит на маньчжурах с японцами.

В ту пору японцы как раз в силу вошли. Пока мы строили дорогу в Китай, они напали на циньский Китай и захватили именно те области, в которые наша дорога шла и которые китайцы отдали нам под торговые концессии. Россия прибегла к международному арбитражу, и нам вернули те земли, ибо деньги уже были плачены, но японцы затаили на нас немалое зло. Поэтому за всеми печальными и трагическими событиями вокруг постройки дороги можно было искать их гадкий след — и не ошибиться.

Нам был приказ — работать с китайцами вежливо, аккуратно и вдумчиво. Ни в чем рабочих не обижать, от любых бед и разбойников их спасать, и за каждого убитого хунхузами китайца головой отвечать будут наши охранники. В общем, сам погибай, а рабочего китайца с носилками, лопатой, тележкой и тачкой выручай. От работы их ничего отвлекать не должно. А нукеры наши и рады, готовы хоть неделями в боевом строю по степи скакать, лишь бы самих не заставили брать в руки лопаты и тачку. Так и шло это строительство в наших краях. В отличие от строительства амурской или уссурийской дороги китайцы у нас не бежали, от работы никогда не отказывались и не бастовали ни разу за все годы стройки. Опять же умерло их на нашем участке много меньше обычного. Секрета в том, почему у нас вышло так, а на Амуре и Уссури иначе, нет. У нас китайцы содержались в тепле и уюте в помещениях каторги, у каторги была защита хорошая — и от побегов, и от хунхузов. Опять же с беглецами проводилась работа. Чисто воспитательная. Побегит такой, его поймают, на самый край Монголии, на край Степи, отвезут, поставят перед первыми песками великой Гоби и скажут: «Хотел бежать, беги —

Китай там. Ежели небеса сжалются, то недели через три — если все время по дороге в Китай будешь идти, из песков выйдешь. Да, вот тебе бурдюк с водою, вот сушеное мясо, вот сушенный творог, ибо мы — люди хорошие, не звери лютые. Тем, кто в пустыню идет, обязательно еду и воду даем, обычай такой. Ты, когда устанешь, мил человек, ближе к гребню бархана ложись, на кости-то не смотри. Внизу никто не лежит, в Гоби лишь днем жарко, а ночью, наоборот, холодно. И холодный воздух там скапливается. Мы, монголы, к морозу приученные, а китайцы внизу бархана за одну ночь замерзают. Так что кости их потом все равно вниз скатываются. Так ты, ежели дойти хочешь, вниз не спускайся, а поверху иди. Тогда будет шанс. Наши предки этот путь оттуда один раз прошли, так что дойти можно. Проверено». И вот пока говорили мы бегуну все эти вещи, а он слушал, глаза его округлялись, становясь почти европейскими, а под конец бросался китаец перед нашими на колени и слезно просил не отпускать его никуда, ибо перейти одному человеку Гоби совершенно невысказано. Это в Европах среди мягкого климата человек один сможет выжить, а в Китае — в толпе затеряется. А у нас — Великое Вечное Небо, бесконечная дорога среди камней и барханов и ты один аки перст перед Великой Пустыней и весь в Руце Божией, лишь сам во всем виноват и за все решения — сам ответчик. Или со всеми, одним караваном, или еще лучше — народом, или никак. Такова Истина.

Вот и не умирали шибко китайцы в наших краях. Нормально питались они тем же омулем, никуда с работы не бегали и работали исправно, споро и качественно. Китайцев тогда было так много, что рыбацкая артель уже не справлялась, и пришлось деду строить рыбозавод. Потом уже в дни Великой Отечественной на нем делали копченого омуля

и посылали его по железной дороге на фронт и вообще в глубь страны. Земли у нас сравнительно скудные, пшеница еле всходит, так что все Прибайкалье в те годы выжило благодаря нашему омулю. Да и голода в 30-е, когда хлеб по всему свету не уродился, у нас не было. Опять же рыба спасла. Вернее, целый завод. И ведь рыбы не так много было, после войны она в Байкале считай что закончилась. Еще при Сталине в 1952 году закрыли завод, ибо решили байкальскую рыбу спасать. Но на войну и на голод всей стране этой рыбы хватило. А ведь подумаешь, что все начиналось с того, что дядя Борис хотел в столицу колбасу продавать, и начнешь в Бога веровать. Чудны дела твои, Господи. То бишь дорогу-то, может, и без его колбасы выстроили бы, но рыбозавода тогда не было бы. А может, и все равно бы он выстроился, ибо историческая неизбежность и марксистский детерминизм, не так ли? В общем, хоть бурят-монголы на постройке самой дороги и не шибко работали, но накормить китайцев смогли, от хунхузов их защитили. Работа была организована. За это нашему участку дороги от властей и начальства — всем поощрение. Опять же у отца моего было задание партии — приобщить китайцев к мировому рабочему движению, ибо он был схож с ними внешне, а русским агитаторам китайцы не верили. Китай всегда был огромной страной, и поэтому для эсдеков в те годы было важно создать в Китае филиал нашей партии. Чтобы, если здесь совсем уж прижмут, в соседней стране была уже рабочая ячейка — миллионов так на десять-двадцать.

А раньше как было: раз появились китайцы, то с ними вместе пришли и тамошние «боксеры», или ихэтуани, которые принялись среди китайских рабочих да и среди местных аратов порядки свои устанавливать. А с ними —

опиум, проституция и все прочие китайские мерзости, про которые наши люди и слыхом не слыхивали. Сродники мои Шамбуевы из Девятого рода всегда на тракте в Пекин держали и дома с девицами, и трактиры с китайскою водкой, и балаганы, но опиума или там «мальчиков для развлечения» у них никогда не было. Людям порой надо развеяться или там «разговеться», ибо «не покапаешь — весь отдых насмарку». Что значит «покапать»? Это перед тем как выпить, монголы первые капли «жертвуют духам предков», вокруг себя водку «капая», то есть разбрызгивая. Это нормально, так всегда делали. Водку пей, да дело разумей. Опять же — встретил в пути красну девицу, грех с нею не прилечь на кошму, если силы есть. Но опиум или там проституты... Это выше моего понимания.

И вот тогда дед мой, дядя Борис, дядя Бадма из Девятого рода (Девятки больше прочих родов с Китаем работали, потому им христианские имена было носить не с руки), кто на паях в строительстве дороги участвовал, обратились к тайши — местному наместнику — с просьбой дозволения организации местных отрядов не только ради войны за священное озеро Далай-нур, но и против китайской преступности. Сам тайши и так имел свою малую местную армию, которую русские власти использовали в щекотливых историях, когда нельзя было использовать русских. Ибо если бы русские каратели поехали усмирять мятежных якутов, то выглядело бы это так, что те же либералы в столицах да газетах на дерьмо бы изошли, а если подавлять мятеж поехала местная армия, то снаружи это выглядит как межплеменная вражда, и никто не обращает внимания. Так что если вы помните историю гражданской войны, то можете спросить, откуда у красных партизан возникли такие силы в наших краях. Откуда такая боевая

выучка и слаженность. Ведь не может не пойми кто перекрыть железную дорогу и высадить на снег самого Колчака, если люди для такого не подготовлены! А вот все оттуда, с того самого дозволения царя в конце прошлого века — дозволить возвращение бурят-монгольских нукеров с войны вокруг озера Далай-нур и создать из них «рабочие боевые дружины на железной дороге» для борьбы с китайской преступностью. В итоге те отряды, которые по дозволению царя были сформированы еще в конце прошлого века как «отряды монгольских ханов», в начале нашего века уже стали считаться «отрядами православных рабочих дружин на железной дороге» и вспомогательными силами нашей полиции, хоть на самом деле в этих отрядах никто на строительстве дороги фактически не работал, но сама жизнь заставила сперва выдать боевых нукеров за неких «монгольских добровольцев», поехавших на защиту монгольских святынь, а потом их же выставить как «православных дружинников». Из-за этого в центральной России думали, что здесь весьма много русских, а о том, что западные монголы — православные, в России многие не задумывались. Но надобно понимать, что в отличие от исходных отрядов «монгольских добровольцев», которые поехали отвоевать у маньчжур озеро Далай-нур, в «православные дружины» стали записывать и русских работников на строительство железной дороги. А приезжих русских у нас было мало, а те, что были — в основном ссыльные или каторжники. Опять же в руководстве работ были инженеры-путейцы, а их Институт всегда считался оплотом нашей социал-демократии. Читали тетралогия Гарина-Михайловского «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты» и «Инженеры»? Так вот он работал как раз в наших краях на строительстве железной дороги, и, по его словам, все инже-

неры на стройке были у нас левых взглядов и даже открытыми социалистами. Иными словами, кадровых военных неграмотных бурят-монголов объединили в одни боевые отряды со ссыльными революционерами-пропагандистами для борьбы с китайской преступностью и стали ждать, что получится. Ну, скажу сразу, от своих идейных да образованных товарищей по «православным отрядам» наши бурят-монголы быстро научились книжки читать да задаваться вопросами про всю нашу жизнь и социальную справедливость. Я не знаю, в чью именно голову пришла эта светлая мысль — смешивать потомственных кадровых вояк с людьми образованными — порою я думаю, что это был чей-то социальный эксперимент, но в итоге получились вполне себе боевые отряды. Правда, в Гражданскую они сперва были за Колчака, так как тот считался социалистом — против царя и за Учредительное собрание. Однако потом народ разобрался, что он за фрукт и повернул оружие в верную сторону. А как иначе?

Поймите правильно: китайцы прибывают на работу в количестве миллиона-двух, просят их принять за Христа ради, а завтра их, уже работающих, приходят рэкетировать эти самые «боксеры», и вот они уже сторонники китайской преступности. А прикиньте-ка, что такое пара миллионов китайцев, вооруженных холодным оружием, среди нашей Сибири, а во главе них — курильщики опиума! А за ними сзади маячит Япония, причем японского шпиона порою не отличишь от китайца, а за японцами тень Британии, которая только и знает, что гадит нашей стране! Тут от такой банды в два миллиона штыков регулярные армии не спасут. Надо народ хоть как-то вооружать. Так и начиналось становление будущей Советской власти в наших краях. Сперва с того, что всех мальчиков и юношей стали готовить к воз-

можному подавлению китайского бунта. Бег, прыжки, борьба и подтягивание. А конному делу учить не было смысла, в наших краях, чтоб от юрты до сортира доехать, как говорят, монгол садится на лошадь. Затем их уже как православных стали учить работе с холодным и огнестрельным оружием. В школе меня, к примеру, учили, как по запаху найти опиум и тому, что торговцы опиумом страшнее, чем душегубы-каторжники. Ведь китайцев в те годы было больше, чем монголов и русских в наших краях, притом все китайцы или состояли в преступных сообществах, или платили им дань. А когда случилось восстание боксеров в Китае, мой отец с дедом и всеми нашими людьми с оружием в руках окружили Акатуйскую каторгу, где был рабочий лагерь китайцев, и целую неделю их всех там обыскивали и переводили в соседний лагерь. С тех пор Акатуев у нас стало два — Старый Акатуй и Новый. И это не шутки — на трех строившихся участках на юге Читы китайцы взбунтовались и срыли даже железнодорожные насыпи, я уж не говорю про рельсы со шпалами. Всех русских с монголами при этом убили. В общем, когда отрубленные головы русских инженеров китайцы на пиках выставили, а нас, как азиатов, стали звать примкнуть к их восстанию, тут уже всем стало ясно, что с ними разговоры закончены, а нашим рабочим отрядам еще тогда, при царе, было на руки огнестрельное оружие выдано. Так что когда после революции, а потом после Победы над Гитлером принималось решение о выселении всех китайцев, то после Гражданской дед, а после Победы — я проголосовали «за» выселение, и на это есть причины. Однако не надо всех китайцев считать одинаковыми. Те из них, кто вступал в большевистскую партию, были совсем иными. Они вместе с нами боролись с торговцами опиумом и не считали китайцев лучше нас — не-китайцев.

Поэтому с ними у нас всегда был мир и взаимное уважение. У меня самого с давних пор было много друзей-китайцев, однако со времен Мао там все изменилось, и слишком сильны у них те же боксеры-националисты. Вы их узнаете по тому, как они кричат и становятся в свои стойки, а потом кулаками и ногами размахивают. Увидите такое — помните, что стрелять в них надо без промаха, иначе отрубленные головы наших инженеров с железной дороги вашими головами пополнятся.

В общем, когда закончили строительство в 1903 году, был у нас пир на весь мир. Я всю жизнь прожил с серебряной столовою ложкой, всегда носил ее в сапоге за голенищем. На ложке были выбиты цифры «1903» и знак Дороги. Это была ложка моего отца, а тот в том году на железной дороге работал, и его за работу по запуску Дороги премировали. Ну, как работал, он как раз получил тогда патент инженера-путейца, вернулся из Санкт-Петербурга и аккурат успел попасть в списки работников. Когда шла война, многие удивлялись, почему я ем серебряной ложкой (может, какой фон-барон), а потом увидели, что у всех, кто с нашей дороги, бывали такие ложки. Да она у меня и сейчас в номере. Попросите кто-нибудь ее из номера принести. Она там на тумбочке. А — вот она. Видите, пожелтелая вся, потому что это не чистое серебро. Тут велика примесь меди. Это китайское серебро низкого качества, а на хорошие ложки у Дороги тогда денег не было... Только построились, и поезда тогда еще не пошли. Меня еще даже на свете не было, а ложка эта то событие помнит.

Потом все пошло хорошо и даже совсем замечательно. Дорога в наших краях тогда была чуть-чуть не достроена, и поезда через Байкал перевозил дедов паром, на котором он служил лоцманом, а капитаном там был Алексеев —

зять дяди Бориса Башкуева, так что в эту пару лет мы много отстроили. Дед поставил новую церковь и даже хотел ставить новый дом — каменный. А потом случилась война с Японией. Отец просился тогда добровольцем на фронт, но его не взяли, ибо у него была путейская броня. Тогда он пошел на строительство Кругобайкальской дороги. Это триста без малого верст по самому берегу Великого Озера, и все это сквозь сплошную скалу. Сама дорога идет от Мысовска дальше на юг, потому что у Мысовска начинается долина реки Улунды, которая течет с хребта Хамар-Дабан, южнее Улундинского тракта дороги через наши горы отродясь не было. Именно поэтому дорога от Мысовска резко уходит на восток — до самого Нерчинска, а оттуда поворачивает и идет почти столько же обратно в знаменитую Кяхту, которая тогда звалась Троицкосавск и была нашей границей с китайцами, а иначе через горный хребет Хамар-Дабан перебраться нет ни малейшей возможности. Поэтому-то три «черных» рода Востока — Третий, Шестой и Девятый, которые всегда контролировали Дорогу от Мысовки до Кяхты, и стали самыми богатыми среди наших родовичей.

Так что пробиваться вокруг Байкала по Улундинскому тракту, по которому и идет нынче Транссиб, пришлось сквозь скалу. Триста верст дороги, и на каждую версту — вагон динамита. Они совершили подвиг. Отец мой при этом не был инженером или тем, кто это все проектировал. Он был вчерашний студент сразу после института. Но в те годы он взрывному делу выучился и стал обычным взрывных дел мастером. Ему за заслуги выдали памятную медаль как строителю Кругобайкальской железной дороги и участнику нового метода построения туннелей в горах. За эти самые туннели он и получил патент на взрывных дел мастера,

ведь там надо было не просто взорвать, а так взорвать, чтобы скала выкрошилась и в то же время верхний свод ее не упал. По рассказам деда, они потом еще долго меж собою посмеивались, ибо дед якобы с укоризною отца все ругал: мол, зачем ты скалы на Байкале взорвал, сделав паром наш ненужным? А отец ему отвечал, что Отечество в опасности, снаряды паромом из страны в Китай не навозишься, нужно, чтобы дорога была общая. А дед ему — так ведь ты меня работы лишил, на что я весь род наш содержать теперь буду? Шутил так...

На самом же деле, как самого опытного капитана на Байкале и крупного акционера, деда назначили Правлением дороги навигатором самого нашего первого парома, парохода «Байкал». Это был большой пароход на триста пассажиров и двадцать семь товарных вагонов. Правда, вагоны были — двухосными, маленькими — не то что нынче. Пароход в разобранном состоянии сюда привезли из Ньюкасла по Енисею и три года подряд собирали из отдельных деталей. Был он спущен на воду в 1899 году. Об этом в нашей родовой Мысовке долго висела на старой пристани памятная доска. Через год появился на Озере второй пароход, но его приписали с этой стороны Озера в Иркутске, и его стоянка была вот здесь, у Листвянки. Он был сильно меньше, но быстрее, чем наш первый «Байкал», так как его делали в том же Ньюкасле, но не по британскому, а по германскому образцу ледокольного типа. Британцы делали корабли широкие и вместительные, но из-за раннего появления льда на Байкале, наш «Байкал» не мог пробиться через толстую льдину, и нарочно для этого случая купили вот этот паром-ледокол «Ангара». А так как на ледоколах иная техника управления, там капитаном был немец. Не из акционеров, а из наемных. Ходили они по Озеру два рейса

в сутки, то есть за день по четыре раза через все Озеро. Два раза туда и два раза обратно. И сперва дело было нехитрое. А потом пришла война, и дед на своем пароходе по Байкалу снаряды возил. Пушки, лошадей, войска... В августе 1905 года «Ангара» среди Байкала застала сарма, как соломину, вон на те камни у самой Листвянки выкинула. Капитан у ледокола был немец — не местный, вот и пропустил указания на шторм ближе к ночи. Наверно, устал: они же ведь всю войну туда-обратно ходили четырежды в день через Озеро. Шторм, туман, дождь, а все равно — армии нужны были снаряды да пушки. Те же японцы не просто так под Новый год войну начали. Знали, что зимой на Озере кончается навигация, а пока не было Кругобайкальской дороги, с октября по июнь вся железная дорога у нас ложилась спать на зиму. Так что как открылся Байкал, в том году он круглые сутки был у штурвала и водил пароход от Байкала до Мысовска и обратно. Когда наступила зима, оба парохода в одном строю шли, впереди «Ангара» пробивалась сквозь лед, а за нею «Байкал» со всем грузом. Единственный был год на Озере, когда корабли зимой шли. Лед был в те дни до двух метров... Так что устал немецкий капитан, я так думаю. Завершилась война поражением, он и расслабился. Шутка ли — полтора года за штурвалом без покоя и отдыха! К счастью, «Ангара» была маленькая, ее с камней сняли, долго чинили, а потом она встала на прикол в глубокий резерв, так как построили Кругобайкальскую дорогу, и паромы через Озеро потеряли значение. К великому сожалению...

Почему к сожалению? Дело это печальное, в другой раз расскажу.

Ну, так о чем это я? Как я уже говорил, Дорогу нашу староверы держали, и мы же — построили. А деньги в стране

были скорей у евреев. И было тогда так, что две трети производства в стране — за нами, а три четверти денег — за ними. Когда появилась дорога через Сибирь, от китайской торговли очень большая для нас, староверов, прибыль была. Вот и сделали тогда наши экономические противники все, чтобы мы войну проиграли. Была в те годы Южнорусская группа, та самая, которая потом выпестовала генерала Деникина. Ну, это лишь на словах она Южнорусская. Сами, если хотите, можете посмотреть, кто в те годы торговал углем и селитрой с Японией, и вы обнаружите, что это все те же самые, кто выкормил после Деникина. Нет, не совсем что евреи, то есть евреи, конечно, но там у них сложно. Просто люди подыскали момент, когда староверы поиздержались, вложили все свои наличные средства в победу для нашей страны, а потом эти сволочи устроили тут у нас беспорядки и революцию. Проще пареной репы — среди Японской войны забастовку на Обуховском заводе, лишь бы армия не получила снаряды. А когда возник вопрос: как же так надавили на безвольного царя, который разрешил во время войны забастовки. И вся страна сразу начала бастовать. Стоимость дороги от забастовок упала, активы наши все обесценились, и скупили их эти неназываемые друзья у нас — по дешевке. И что самое любопытное — не пошли им эти иудины деньги впрок. Все эти Сарафы и прочие производители сахара и угольные короли войска Донского — все плохо кончили. Все их сахарные заводы и шахты были с англичанами да французами — на концессии. И поэтому все они от Сарафа до Рябушинского были вхожи к французам с американцами. А у тех и у этих уже после Русско-японской начались трения с японцами в Азии. И японцы стали от своих бывших друзей требовать дальнейшей работы во славу микадо — уже против новых работодателей. Тех,

кто отказывался, сдавали французам с американцами. Сараф якобы умер, а на деле был казнен французами в Астрахани, как японский разведчик; заместителя Деникина утопили опять же французы прямо в Лозаннском озере, когда выяснилось, что все это время он предавал их японцам. Самураи — люди особые, им палец в рот не клади. Наши марксисты думали, что Русско-японской войной можно пользоваться как прологом к социалистической революции, а японская охранка сочла, что все они теперь японские агенты на содержании у микадо, и сдавала их нашим же жандармам за малейшееслушание. Вот и получается, что вроде бы боролись за права для народа, а стали вражескими лазутчиками, и враг же шантажировал их за то, что они ему Россию победить помогли. Вот такая японская благодарность. Вы знаете, что по-японски «спасибо» звучит «аригато»? А от какого японского слова произошло это самое «аригато»? Не знаете? Верно. Нет такого слова. Японское слово «аригато» — это искаженное португальское «спасибо» — *«obrigado»*, привезенное им туда португальцем Васко да Гама пятьсот лет назад. А до этого в японском не было слова «спасибо», и прежде чем помогать им, не знаящим ни к кому благодарности в этой подлой войне против нас, тем же «старым марксистам и ленинцам» стоило бы хоть немного догадываться, кому именно они против Родины своей помогают. В Писании сказано, что Господь любит детей своих, а Нечистый своих детей и слуг мучает. Раз решили японцам добровольно помочь, так чего удивляться, что те потом заставили их всех на себя по гроб жизни шпионствовать! У японцев в культуре нет понятия «благодарность», так чему же мы изумляемся? А у «верных марксистов-ленинцев» при этом не было ни старого Шамана, ни Учителя, который бы им сумел вовремя рас-

сказать что и как. Вот и вышло все так, как оно вышло. Экономическая борьба может быть всякой, для капитализма не может не быть конкуренции. Но все имеет свои рамки. Те, кто пошел против своей страны, против Родины, как евреи из Южнорусской группы, поддерживая сперва против России японцев, а после ставленника Антанты Деникина, — Предатели и Враги народа. Если Царь встает на их сторону — прочь такого Царя, и в дни Февраля все мы, староверы, были против этого упыря первыми. И даже если они потом «перековываются», и тот же Троцкий берет их под свое крыло после Гражданской, я думаю, что «черного кобеля не отмыть добела», так что их справедливо и правильно Сталин расстреливал. Только не повторяйте моих слов простым людям, я не могу сказать, что всех, кто участвовал в забастовках посреди Русско-японской, когда мы тут в ледяном крошеве Байкала в кромешной тьме груз возили для армии, переправляя пушки да снаряды для фронта, потом постреляли за дело. Даже притом, что это все были старые большевики-ленинцы. Но это так — большинство из них в годы первой революции были евреями, вся столичная партийная верхушка содержалась в те дни на деньги евреев из Южнорусской группы, а тем было важно, чтобы наша страна войну проиграла, и они сделали все ради этого. Однако, зачем потом удивляться, что мы их всех поименно запомнили и за это предательство в тридцатые к стенке поставили?! Можно колебаться в вопросе идеологии, но нельзя свою страну предавать — я лично так думаю. Те, кто организовывал забастовки посреди Русско-японской войны, знали, что именно они делают, поэтому, когда их расстреливали, они точно знали, за что их расстреливают. Или догадывались. Вы, думаете, почему Троцкого не пустили в Америку и тогдашнюю американскую

компартию в Америке разогнали? Да потому что в Русско-японскую они все помогали японцам, и те их потом этим всем шантажировали. И все, что тут случилось потом, произошло именно из-за этого. Так что разговоры про обилие японских шпионов в наших краях в тридцатые возникли не на пустом месте. Всех старых большевиков-ленинцев в Сибири японцы считали агентами. Слыхали про нашего разведчика Рихарда Зорге? А вы знаете, почему его японцы прошляпили? Потому, что он к ним заехал через Германию, а с той стороны — через нацистов — они наших не ждали. А с этой стороны сами «старые большевики» им спалили всех наших разведчиков, и продолжалось это аж до 1938 года. Зорге приехал в Японию через немцев потому, что они стали злейшими врагами японцам в наших краях.

Случилось это из-за того, что Россия в Азии постоянно враждовала с Британией. И в конце прошлого века наша страна сильно округлила себя за счет Средней Азии, выпихнув оттуда Британию. А британцы в ответ принялись пестовать армию и флот Японии — против нас, ибо начались тогда столкновения у нас с японцами на Курилах, и против Америки, потому как именно американцы напали в 1867 году на Японию и свергли тамошнего сегуна. Так что англичане практически создали всю японскую армию как этакий клин против нас и Америки. И помогали они японцам в Русско-японскую сильнее прочих. А главным врагом британцев везде была растущая в силах Германия, и немцам важно было, чтобы в наших краях был серьезный противовес англичанам и японцам. Может быть, помните: в те годы кайзер Вильгельм даже называл себя Адмиралом Атлантики, а нашего бездарного Николашку звал Адмиралом Тихого океана. И вот когда самураи у нас Русско-японскую войну выиграли, немцы перепугались, что япошки теперь

захватят весь наш Дальний Восток и союзная им Британия усилится настолько, что начнет угрожать немецким колониям по всему Тихому океану. Поэтому они нам прислали сюда горы оружия и своих инструкторов, чтобы обучать рекрутов.

Однако при этом те же немцы считались нашими самыми страшными врагами в Европе и поэтому, присылая свои карабины, пулеметы и пушки, они уговорились, что мы будем их использовать на местах и не потащим в Европу. И мы свое обещание сдержали — вот откуда у нас потом взялся огромный Восточно-Сибирский корпус, который завоевал тогда пол-Китая, и вот откуда взялись несметные армии барона Унгерна. А с войсками тогда получилось совсем интересно. Вы знаете, как японцы победили нас в Русско-японскую? Про флот и дела на море разговор особый, а вот почему Россия в эту войну, не проиграв ни одного сражения на суше, все время от врага отступала? А потому, что нас японцы все время умудрялись обойти с флангов, и мы отходили, чтобы не попасть в окружение. А получилось это из-за того, что у японцев была хороша кавалерия. У нас тогда думали, что война кавалерии сведется к тому, что мы будем, как в Отечественную войну 1812 года, с ними вместе шашкой махать. А они, после того как проиграли вторжение в Японию той же Америке, перестроили свою кавалерию по американскому образцу и вооружили ее шестизарядными карабинами с автоматической обоймой. Так что самураи объезжали нас по более широкой дуге и начинали плотно обстреливать. Из шестизарядного карабина, даже не целясь, пуль можно много выпустить, а если при этом быстро менять обоймы — получается, что наши кавалеристы не могли против них в сабельную атаку пойти, а одиночными выстрелами из винтовки против карабинов много

не навоюешь. Вот и получалось, что стоило кавалеристам с обеих сторон подальше оторваться в степь или заросли гаоляна от основных сил, у японцев сразу появлялся перевес в огневой мощи. Наши конники от этого отходили, а японцы нашу армию в итоге с флангов охватывали. И это было настолько тяжело и безнадежно, что указом царя в те годы многие казачьи полки в наших краях были расформированы — по причине тяжелых потерь и начавшегося от этого среди них дезертирства. Так что, когда пришла революция, все сибирское казачество было тогда зло на царя за то, что он их по итогам Русско-японской лишил чинов и всех иных привилегий. Поэтому-то в Сибири в отличие от иных окраин белых возглавил социалист Колчак, который был тоже против монархии.

Теперь представьте, казацкие полки в Русско-японскую были разбиты японской конницей наголову и у нас тут расформированы. По Портсмутскому миру мы обязались вывести свои части из китайской Маньчжурии, и за этим следили британцы. Они считались союзниками, но пуще других следили за тем, чтобы наши солдаты и казаки не выходили в Китай южнее Амура. А китайские войска разгромлены китайскими националистами и разбежались, и поэтому никакой власти в Маньчжурии больше нет. Кроме японцев, которые обучают местных бандитов — хунхузов и прочих монголов — баргутов с чахарами, чтобы они шли в набеги на нашу сторону. Значит, надо границу держать, а как с бандитами справиться, ежели они грабят и сразу уходят на сопредельную сторону, а нам туда нельзя следовать, потому что таковы условия мира, и наши якобы союзнички за этим следить каждодневно приставлены. Однако на всякую хитрую задницу найдется свой пролетарский подход. Японцы не могут на нас нападать, но они для этого вооружают

хунхузов и баргутов с чахарами. Хорошо. Мы не можем на них нападать, но кто нам мешает отплатить им той же монетой. Есть игры, в которые можно играть и вдвоем. Если на краю света, в непролазной тайге или бескрайней степи, азиаты режут и стреляют друг друга, то причем здесь Великие Державы. Это называется межплеменные разборки да война между ханами. России с Японией запретили в это дело вступать, ну так и азиаты воюют теперь не японскими «арисаками» или винтовками Мосина, а британскими «энфилдами» да американскими «спрингфилдами» с одной стороны, да германскими «маузерами» с другой. Причем здесь Россия с Японией? Ах, монголы с бурятами одеты в русскую форму, так и хунхузы с баргутами тоже одеты в форму японскую, так чем наши местные союзники хуже, чем японские прихвостни? Мы их согласно договору о мире не вооружаем (их, вообще, по слухам, вооружает Германия, вы об этом задумайтесь), а насчет того, что людей нельзя в нашу форму одеть, этого в Портсмутском договоре никогда не было. Мы, русские, все договоры соблюдаем до йоты в той мере, в коей их соблюдают наши противники.

Пошли проверять, и вышло, что те же немцы завезли к нам тяжелые пулеметы Маузер. Пулеметы были тяжелые, по штатному расписанию их было много, так как думали их использовать против карабинов японцев, поэтому под каждый пулемет полагалось три лошади. А один пулемет по немецким расчетам был положен на трех человек. Когда все эти расчеты попали к забайкальским казакам, те взвыли. Они приходили на войну со своими лошадьми, и лишних лошадей под пулеметы у них отродясь не было. Скучная у нас здесь природа, лошади в хозяйстве нужны — так что много лошадей для добровольных отрядов против японцев с хунхузами у казаков быть просто не может. Зато у тех же

бурят с монголами, которые еще не отошли от кочевого образа жизни, лошадей в табунах было много, но все они были маленькие. У монголов ноги короче, чем у русских, поэтому на монгольской лошади хорошо едет монгол да поклажа, например, тот же пулемет Маузер, а вот русскому ехать нельзя: у него ноги в землю чуток упираются. Вот и была тогда отговорка, что русских в эти полки не берут, потому что у них ноги длинные, да потому, что немецкие офицеры русских не жалуют. А на деле солдат на войну готовили в наших краях, но воевать им предстояло в Китае, там где России по договору нельзя было силы держать, поэтому и русских тренировать в лагерях смысла не было, но открыто сказать это простым людям было нельзя. Собственно, этот опыт нам потом пригодился, когда мы отправляли наших добровольцев в интербригады в Испанию. Так что новые батальоны составлялись из тех самых «православных дружинников» с железной дороги, которым после окончания строительства не стало привычной работы по охране работающих китайцев, а распускать их по домам никому не пришло уже в голову, ибо части это были вполне боевые и прежними боями за Далай-нур, борьбою с ихетуанями и охраной китайцев сплоченными. Но теперь уже все знатные родовичи обязаны были в них пару лет прослужить в качестве офицеров. А отличали эти новые «немецкие» полки с батальонами от исконно казацких по шевронам и погонам. Искони казацкие полки носили желтые погоны и шевроны с лампасами, а новые «немецкие» — темно-синие, васильковые. Поэтому-то потом армия барона Унгерна звалась порой «Желтой армией», а соответственно, полки НКВД и нынешние части КГБ имеют васильковые знаки различия. Вы спрашиваете, что случилось потом и почему про эти части сейчас мало написано. Да потому,

что японцы с хунхузами нападали на наши города и поселки по всему Амуру, и чтобы их отвлечь, наши «васильковые» полки по мере формирования уходили на сопредельную сторону и под видом частей то ли монгольских, то ли китайских отгоняли тех же хунхузов на юг от границы. Нас от китайцев в наших краях отделял горный хребет Хамар-Дабан. В нем был один лишь проход — Улундинский тракт, который за перевалом переходил в тракт Троицкосавский, и на выходе из гор, на самой границе, стоял Троицкосавск, нынче Кяхта. Дальше на восток хребет постепенно снижается, и на его склонах начинается река Амур, которая дальше становится основной границей. Хунхузы и баргуты прорывались на нашу сторону именно в этих низких предгорьях — там, где в Амур впадает река Аргунь и лежит священное озеро Далай-нур (по-монгольски озеро — это «нур», а не «кель», сравните: Лобнор, Далай-нур и Байкал, — чувствуете разницу?). Так что враг шел по невысоким сопкам вокруг Далай-нура и по долине Керулена, с которого некогда начиналась Монголия, и в этих краях после Русско-японской не стало вообще никакой власти. А граница это немалая — две тысячи верст мелкосопочника, в котором тогда не было оседлого населения. Это сейчас там появился Улан-Батор, или горно-обогатительный комбинат Эрденет. А в те годы будущий Улан-Батор был просто стойбищем вокруг родников, из которых в этой дикой пустыне все время была вода и поэтому появился буддистский монастырь, причем не обычный дацан, а урга (в переводе на наши понятия «дацан» — это буддистская церковь, а «урга» — это скорее кафедральный собор). И так как урга стояла одна в этих краях, это стойбище так и называлось. Все равно что на русской карте было бы место, которое бы называлось «Собор». Это чтобы вам было понятнее. Соот-

ветственно раз никакой власти в местной степи на тот момент не было, а главным и единственным населенным пунктом, причем населенным исключительно буддистскими ламами, была местная урга, то и армии никакой там отродясь не было, ибо нищенствующие ламы — весьма плохие вояки. И как этими ламами от японских самураев границу нашей страны защищать тогда было загадкой.

Поэтому было принято решение: штаб-квартирой Восточно-Сибирского корпуса сделали нынешний Улан-Удэ, а тогда Верхнеудинск, потому что это был последний крупный город на Улундинском тракте в Китай. Все села и поселения вдоль тракта стали военными лагерями, и с той поры все эти села и города — Джида, Шилка и Акатуй и все прочие — стали военными базами, а позже — гарнизонами и даже аэродромами, а вся область к востоку и югу от Верхнеудинска уже с 1907 года была объявлена «закрытой зоной» Российской империи. В наше время эта зона даже расширилась, и тех же ссыльных или прочих преступников запрещалось пускать на восток — дальше Иркутска или на запад дальше Читы. Помните:

«Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
горная стража меня не видала,
в дебрях не тронул прожорливый зверь,
пуля стрелка миновала...»

Да, «Славное море, Священный Байкал»... А вы можете нынче на карте найти пресловутые Шилку или же Акатуй? А нет их на карте теперь. Как корова языком слизала. А ведь крупнейшие были каторги, туда декабристов возили в царские времена. А пропали бесследно, так же, как пропали города типа Сарова. Только Саров исчез уже в советское время, а Акатуй, Джиду, Шилку и Нерчинск перестали рисовать на карте еще в царские времена. Нынче все насе-

ление там работает в военных гарнизонах да на полигонах с аэродромами, а в те годы люди на прежних каторгах учились военному делу, и их потом отпускали домой на побывку. Причем отпускали с личным оружием, и от этого оружия у нас в краях было много. Именно поэтому к нам тогда приезжал революционер Иван Бабушкин, ибо, когда оружия кругом было много, старые большевики думали, что легко иголку затерять в стоге сена. Однако поймали его в краю, где у каждого было оружие — проще легкого. Равно как для европейцев все азиаты на одно лицо и в жизни они сходу не отличат бурята от баргута, так и в оружии верные большевики-ленинцы в этом деле «рамсы попутали». Пусть и было оружие здесь у каждого, но все русские были с «мосинками» русского образца, а монголы и буряты — с немецкими «маузерами». А Бабушкин вез английские «энфилды» и пулеметы системы «гочкис». Все знали, что такие были лишь у хунхузов с баргутам и выдавали им их японцы. Могло быть, что это трофеи, хоть нас и заставляли взятые в бою «энфилды» и «спрингфилды» на утиль сразу сдавать, да и стрелять из них, привыкнув к маузеру — было совсем неудобно. Но пулемет «гочкис» даже по тем годам, по воспоминаниям стариков, был хорош и легче штатных «максима» иль «маузера», поэтому его часто брали трофеем. Вот только у Бабушкина его «гочкисы» были в смазке, а стало быть, только что японской разведкою выданные, потому его сразу и подписали в расход, как шпиона-лазутчика, а старые большевики долго после этого носу не казали в наших краях. Поняли, что на пустяке обмишулились. Потом, уже перед самой войной, пришло предложение переименовать наш Мысовск в город Бабушкин, в честь героя. Мы все поддержали это предложение единогласно. Он ведь и впрямь был герой революции, а то, что

через наши края английские винтовки везти, когда все тут ходят с оружием, — это все равно что на себе мишень нарисовать и надпись: «Я — японский шпион!» — ему было неизвестно. Это же не отменяет того, что он был герой, верно? Ну, получил от японцев винтовки, чтобы свою страну Предать и Разрушить, но ведь это же он ради мировой революции. Мы единогласно сочли, что надобно это обязательно увековечить, чтобы все наши и дети, и внуки об этом помнили.

А после того как переименовали Мысовск и Верхнеудинск да засекретили Шилку, Нерчинск и Акатуй — карта стала совсем не той, как была в старые времена. Нынче вы уже и не сыщете места квартировки Восточно-Сибирского корпуса, куда перед Первой мировой войной вывели из действующей всех русских офицеров германского корня, чтобы они к немцам не перешли. А на этих старых — еще царских — каторгах за высокими заборами со рвами и колючей проволокой немецкие офицеры денно и нощно готовили волонтеров нерусской внешности для войны с хунхузами и баргутами. В этом смысле нам, бурятам, неслыханно повезло. Мы всегда были крупнейшим народом за Уралом в России, мы на протяжении всей истории были верны России и нашим Клятвам, и поэтому именно в наших краях оказалось больше всего мобресурсов, когда Россия подчинилась ограничениям Портсмута.

После войны мне довелось много времени провести с одним пленным японцем, который некогда готовил отряды хунхузов для войны против нас. Он нас консультировал по неким вопросам. Мы его провозили по нашим краям, он увидел наши лагеря подготовки и в Акатуе, и в Нерчинске и сказал очень важную вещь: «Теперь я знаю, почему мы проиграли вам войну в Азии. Мы точно так же учили воевать

против вас — местных, маньчжур и баргутов, но честно скажу, я никогда не считал их равными нам, японцам. А вы, я гляжу, учили, кормили и воспитывали своих бурятов с монголами не хуже, чем своих русских. В итоге на поле боя ваши солдаты были сильнее, чем наши. Наши воевали как собаки, выученные защищать господина, а ваши — сражались за свою страну, за свою Родину. Мне теперь ясно, что иного исхода у этой войны быть не могло. И все равно я не считаю всех этих подзаборных хунхузов и вонючих баргутов равными нам, японцам. И это печалит меня, ибо это значит, что исход борьбы был predetermined свыше!»

Не знаю я, как к этому относиться, но в роду у нас бытует такая история. Когда завершилась Русско-японская, а вокруг Байкала дорогу построили, деда с его экипажем перебросили на восток — на Амур. Пока строился мост через реку, чтобы соединить Амурскую дорогу с Транссибом, они должны были организовать паромную переправу в этих краях по типу Байкальской. Ну, работа с виду простая — обычная. Необычной там была местная жизнь и быт местных. Мы привыкли, что наши бурят-монголы были кочевым народом и как раз оседали в те годы, но мы всегда думали, что китайцы-то — оседлые. А тут работают они на строительстве, работа тяжелая, они получают гроши. Приходит расчет раз в месяц, и каждый раз под расчет половина китайцев с места снимается и убегает обратно в Китай с заработанным. А с той стороны реки — хунхузы, воспитанные японцами, которые этих самых китайцев ловят, режут, отнимают у них все деньги, а трупы отправляют плыть по Амуру. И вот раз в месяц, после зарплаты, с той стороны по реке мертвые китайцы плывут. Жуть. Доработали бы до конца, когда мы их с конвоем до китайских

провинций организовано через маньчжурскую территорию доведем, проблем для этого никаких. А эти все бегут и бегут, а хунхузы их режут в плавнях. Или вот еще чудеса: приходят на стройку тигры. Все китайцы бросают работу, кричат: «Увы, к нам сам царь леса за обедом пришел!» Прячутся от тигра в своих шалашах и там плачут. А шалаш-то — с десятков веток с лапами ели или лиственницы, обтянутый снаружи китайской бумагой. То-то тигра стены этого шалаша остановят! Так тигр приходит ночами и ест их по одному. А проблемы-то при этом нет никакой. На строительстве дороги на восемь тысяч русских было триста тысяч китайцев. И чтобы ими командовать, было решение, что русские мастера с китайцами будут через нас общаться. Ибо китайцам проще, когда им азиаты приказывают. А русским проще не общаться с местной гопотой да оборванцами. Ну так, пришел тигр — позови любого из наших — и нет тигра, а есть хорошая тигровая шкура — в подарок начальнику или родовичу. Так нет же — прячутся по шалашам-палаткам и плачут. Бросают работу, клянут весь свет, но тигру дать отпор не решаются. Так я думаю, что все эти хунхузы с баргутами издевались над китайцами на манер этих тигров. И опять же — смелыми они были лишь до тех пор, пока в ответ на их мерзости жертва лишь падала на колени да горько плакала. А там, где были уже мы — вместо китайцев, там легко возникла Монголия, а баргуты с хунхузами улепетывали по Степи так, что только пыль столбом!

Вы знаете, почему у современной Монголии именно такая странная форма? Воткните в глобус иглу в точку, где Троицкосавск, то есть русская земля с той стороны от хребта Хамар-Дабан, и отмерьте ниткой расстояние, которое конница проходит по степи за десять дней. Это и есть

нынешняя Монголия. Все города и улусы, которые мы могли защитить от китайцев, хунхузов и баргутов, базирясь в Троицкосавске, получили свободу и в декабре 1911 года объявили о создании Монгольской национальной республики. А те области на западе, которые мы не могли защитить, но которые оказались прикрыты нами от японцев в Маньчжурии, тоже получили свободу и стали называться Урянхайский край, а позже Танну-Тувинской республикой. Да, на юг она уже, чем на Восток и Запад, и поэтому не выглядит как этакий полукруг, но на юге — пустыня Гоби, а мы там двигались медленней и поэтому туда продвинулись меньше. Китайская империя Цинь в те годы уже дышала на ладан, и там творилось черти что. Японские лошади были непривычны к сухому климату и местной траве и поэтому в Степи долго не жили. В итоге японцы закрепились в относительно влажной (я был там — страшная жара и вечно стоящая в воздухе влажная пыль) Маньчжурии, а мы их вместе с китайцами из сухой Монголии вытеснили. И там, где реально прошла линия раздела между нами и японцами, появилась нынешняя Монголия. Я помню еще тех людей, которые приняли участие в объявлении независимости Монголии. Маньчжурия стала по факту японской, а Монголия — нашей, но война на том не затихла. Считайте, что воевали там многие наши до победы коммунистов в Китае, то есть до 1949 года — а это без малого полвека непрерывной войны всех против всех. Так что в 1917 году многие наши «васильковые» полки воевали глубоко в Китае, и практически вся Гражданская война для многих моих родичей прошла стороной. Считайте, что весь китайский Северо-Запад, где позже спасались от гонений китайские коммунисты, был под нашим контролем, только

это секрет, ибо на словах мы войск в Китай в те годы не вводили. Но я не думаю, что случайному наблюдателю из Европы удалось бы по лицу отличить мою родню в «васильковом» от обычных китайцев. Все ж таки наши предки вышли сюда из окрестностей Пекина лишь в начале XVII века, стало быть, прошло триста лет. А сильно ли народ за этот срок на лицо изменится? Поэтому и ушли все поставленные нам немецкие пулеметы, карабины да пушки в Китай, а там, как сахар в чашке чая, растаяли. Вот и вышло, что на всех фотопластинах тех лет запечатлены местные ламы, колоритные нойоны в местной одежде, а то, что за ними стоят такие же монголы, но в русской форме, этого на фотографиях было запечатлеть не положено. А иначе как бы все эти ламы с нойонами отбились от японских захватчиков? Да и китайцев сами по себе нищие местные монахи вряд ли выгнали бы. Однако всякое действие рождает противодействие. Японцы выбили нас из Маньчжурии, мы в ответ — их из Монголии. Японцы увидели, что мы построили своеобразную крепость, этакий незримый кулак с опорой на Байкал и решили нанести нам ответный удар. Сбоку зайти...

Часть II

Надежда (1912–1932)

*Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дощит гроза!
Прощай, отчий край,
ты нас — вспоминай,
Прощай, милый взгляд —
не все из нас придут назад!*

Когда отделили мы от Китая Внешнюю Монголию, а потом в конце 1911 — начале 1912 годов и Урянхайский край, японцы поняли, что войну в Азии они нам проигрывают. В честном бою — в конной сшибке в степи или в долгой перестрелке в горах да глухой тайге — их хунхузы с баргутами нам и ошибки, и перестрелки проигрывали. Так что к западу от Амура наши войска до пустыни Гоби дошли и отсекали тем самым японцев от дальнейшего продвижения в Туркестан и Центральную Азию. Однако на востоке все выглядело иначе. Пусть хунхузы с баргутами не могли в большой силе через Амур перебраться, но надобно понимать, что Бурятия — это, по сути, последний район на границе со сравнительно большим местным населением. И это самый дальний от России на востоке район, где мы России всю историю были верны и дружелюбны. Дальше на востоке и севере, вдали от границы, жили якуты — большое тюркское племя, родственное кыргызам,

которое некогда и дало название Байкалу, и всем рекам, и горам вокруг него. Практически все эти имена тюркского корня, а не монгольского, зазорного в этом ничего нет — так происходило всегда исторически, много есть на свете племен, которые жили некогда в одном месте, а потом переехали жить в другое. Так вышло, что некогда местные племена были разбиты монголами, и кто отхлынул на запад и стали именоваться кыргызами, а кто на восток и на север, и нынче зовутся якутами. Были племена эти оседлыми, поэтому принялись против гостей враждовать, когда в Сибирь пришли оседлые русские. А враг моего врага — мой друг, так русские навсегда подружились с нами, кочевниками, против местных товарищей. На протяжении многих веков то кыргызы, а то якуты восставали против пришельцев (и нас, и русских), и японцы решили этим воспользоваться. Их ставленники — хунхузы с баргутами — не могли уже перейти через границу, чтобы дальше бандитствовать, зато японские шпионы с лазутчиками стали возить деньги и листовки кыргызам с якутами, призывая тех восстать против русских. Все эти листовки говорили о том, что японцы — азиаты, равно как и кыргызы с якутами, и они готовы защищать своих братьев против европейских поработителей. А нас бурят-монголов они называли платными шавками колонизаторов и призывали убивать так же, как русских. До Киргизии было дальше — там японцы смогли раскатать местное население много позже, поэтому там мятеж начался только в годы Первой мировой — в 1916-м, когда кыргызы, считая себя «младшими японскими братьями», принялись убивать местных русских, причем руководили ими там как японские, так и британские офицеры с азиатскою внешностью, так что все тогдашние разговоры про извечную вражду Европы и Азии были только прикрытием

извечной борьбы России с Британией, помноженной на аппетиты японских милитаристов в наших краях. Но войска от участия на фронтах Первой мировой они у нас хорошо отвлекли на подавление киргизского бунта и, стало быть, свое дело сделали. А от Якутии до Японии было ближе, сюда японские шпионы с агентами быстро просачивались, японца зачастую по внешности не отличить от якута, так что здесь события случались быстрее. Как только самураи разожгли ненависть в местной гольтибге против всех европейцев, в тех краях грянул мятеж. Все работники с русской и европейскою внешностью от убийств и погромов попрятались на местных заводах и приисках и стали требовать от начальства выплатить им гроши и отпустить на Большую землю, чего и добивались японцы. Ведь народу в тех краях было мало, если бы все русские, напуганные якутами, от туда уехали, то кому потом это все защищать? И появились бы там самураи, а якутов они потом бы потихоньку вырезали, как вырезали уже своих айнов. Вот так — опять-таки без войны — японцы думали у нас отнять эти земли. Их понять можно, у них земли кот наплакал, а народу там всегда было много. Вот и придумывали они, как бы вокруг произвести запустение и потом на опустыненные земли самим перебраться. Очень упорный и хитрый народ. Я разговаривал с другим пленным их генералом после войны. Спрашивал, чем, по его мнению, он, японец и, стало быть, азиат, лучше европейца иль в частности — русского? Вот я бурят и монгол, и ничем себя лучше русских и вообще европейцев не чувствую. Что со мною не так? А он отмахнулся и сказал мне, что все разговоры эти — для стада. В реальности им, японцам, заповедано править Азией, а все прочие азиаты достойны лишь быть их рабами или умереть, освободив свою землю потомкам Аматерасу. Ну, что ж, я

понял. Жаль лишь простые якуты с кыргызами, одураченные японцами, в те года этого сообразить не смогли. Вот и вышло из этого то, что вышло.

Заводскому начальству на Ленских приисках был отдан приказ: не допустить выезда русских работников, ибо, если оттуда уедут все русские, место их быстро займут японцы, потому что иных инженеров с мастерами в тех краях взять было неоткуда. И дирекция не нашла решения лучше, чем перестать платить работникам жалование в надежде, что те не уедут оттуда без денег. В ответ началась забастовка и волнения меж населения приисков. Тогда туда были переброшены части как «желтые» — умирять русских, так и «васильковые» — разбираться с якутами. Много лет с той поры утекло, а с того самого дня пошла лютая вражда между нами и «желтыми». Вроде бы все вместе были, одно дело делали, но казаки в желтых лампасах шли на виду, а наши в тайге — незаметно. Приказ был такой: отсечь местных от приисков, но в итоге выстроились мы в два кольца, причем изнутри окружения видели одних только «желтых». Ну и когда стали стрелять — виноватыми во всем оказались одни казаки. А кому охота одним во всем быть виноватыми? Пошли разговоры и прочее. Потом стали постреливать. И вскоре так получилось, что казаки с желтыми лампасами стали врагами нашего «местного ополчения». А так как казаки со временем были за «Бога, Царя и Отечество», а наши старшины все были сплошь Старой Веры и против царя, то грядущий раскол у нас шел строго по цветам нашей формы. «Желтые» в итоге оказались у нас все за «белых», а «синие» частично были за Унгерна, а потом стали «красными», а частично сразу уже были — «красными». Так что тогда, в дни Ленских расстрелов, и пробежала «черная кошка» меж нами и казаками. И когда

пришло время, то Иркутск с Верхнеудинском и всеми военными базами по Улундинскому тракту стали за Советскую власть, а Забайкальские казаки из Читы, Благовещенска и Хабаровска бились за старый порядок. А еще якуты были злы на наши «немецкие» части, и раз мы стали «красными», то в Якутии долго еще после Гражданской от нас прятались «белые».

Только не подумайте, что чуть ли не на Лене «желтые» стали в «синих» стрелять. Был в Японии такой человек — Кендзи Доихара, который как раз в те годы работал и с киргизами, и с якутами. Именно ему принадлежит идея, что надо самураям возглавить борьбу всех азиатов с европейскими колонизаторами. Был он тогда всего лишь капитаном и, переодевшись якутом, возглавлял смуту в тайге. Так как деятельность его признали успешной, он получил за якутское восстание орден, был отозван на обучение в Высшую военную академию, а по ее окончании направлен военным атташе в Пекин. Вот он-то и возглавлял до поражения японцев в войне всю эту возню против нас. Сперва он сам придумывал воззвания для азиатов, чтобы они «сбросили ярмо русских», а когда стало ясно, что наши бурят-монгольские «синие» полки остались верны нашей Родине, этот самый Доихара развел агитацию среди забайкальских казаков, что их полки по итогам русско-японской были распущены, сами казаки сняты с довольствия, а средства их отныне на наши бурят-монгольские части расходуются. Статьи эти выходили из-под пера людей с русской фамилией, облика этих неизвестных — обычно пейсатых — товарищей казаки не видели, но угольки недовольства по всему Амуру этот самый Доихара раздул, и перед самой империалистической местные казаки были японской разведкой против нас, азиатов, уже шибко распропагандированы. Именно

поэтому в Забайкалье появились потом русские фашистские партии — такие как Русский фашистский союз или Русская нацистская партия, и все они содержались на деньги именно японской разведки. Метода это не новая: не получилось зайти с одной стороны, заходят с другой, так что не смотрите, что на словах говорят все эти деятели, смотрите, что они делают, и тогда выяснится, что один и тот же шпион одним говорит про то, как велики якуты и как угнетают их русские, а другим — как велики сами русские и как неблагодарны им те же якуты. Это сейчас мы вспоминаем все эти вещи с улыбкой, а в те года Доихара весьма преуспел и именно за успехи в его работе в Китае и Восточной Сибири, где этот самый Кендзи стал начальником разведслужбы — сперва Квантунской армии, а потом и руководителем разведки всей Японии. В 1912 году он получил первую свою имперскую награду именно за Ленские события, которые мы знаем как «ленские расстрелы», а в 1920-м — орден «За работу с русскими нацистами» и «Выделение из состава России Дальневосточной Республики». Так что могайте на ус, ребятки, за что японцы своим ордена и медали дают. Вся Советская республика была в те годы в «огненном кольце фронтов», но в наших краях враги были особо коварными, да с подвывертом.

Как бы ни было, после Ленских расстрелов совсем иная у нас жизнь пошла. Железная дорога на Китай в наших краях у Читы поворачивала. Там она шла по Маньчжурии по прямой на Харбин, а оттуда была вилка в две стороны. На юг — в сторону Порт-Артура и Дальнего, отнятых у нас японцами, а на север шла ветка на Владивосток. После русско-японской войны ветка на юг была нами утрачена, и так как японцы стали шастать по всей Маньчжурии — а по Портсмутскому миру мы имели право держать там

пятнадцать человек на километр железной дороги, считая стрелочников и путейцев, — власть испугалась, что японцы столь хлипкую охрану дороги сомнут, и тогда Владивосток будет точно так же отрезан, как и Порт-Артур. Тогда резко ускорили строительство так называемой Уссурийской дороги от Владивостока до Хабаровска, которую потом соединили с основной дорогой возле той же Читы. Причем железную дорогу построили, а наземной дороги там отродясь не было, потому что возили все для строительства Уссурийской дороги из Китая. То есть дороги были, но все они шли за Амур на сопредельную территорию. И вот когда случились события в Якутии, возникла угроза, что вспыхнет большое восстание, а Уссурийская дорога окажется перерезана. Чтобы этого не случилось, управление Уссурийской дороги передали в управление КВЖД, и все железные дороги восточней Читы стали управляться не из Владивостока или Хабаровска, а из Харбина. А командовал тогда дорогою Дмитрий Леонидович Хорват, и поэтому все, что южнее и восточней Читы, с 1912 года стали звать не иначе как «Хорватией», или «Заамурским пограничным округом». Ну сам «округ» был и до этого и представлял из себя охрану КВЖД, но вот с тех пор, с Ленских расстрелов, из-за страха очередных восстаний в тайге все руководство дорогой с той стороны переселилось в Китай, Хорват командовал всеми нашими частями от Харбина до Читы и Владивостока. А на этих частях лежало ограничение по численности согласно мирному договору с японцами в Портсмуте, и поэтому Хорват вывел все свои части из-под общерусской Присяги. То есть у нас появилась организация, которая давала свою Присягу на Верность, отличную от обычной — «За Веру, Царя и Отечество». Я лично думаю, что именно со всех этих дел, с появления «не совсем русского» Заамурского

пограничного округа и начался тогда потихоньку распад Российской Империи. Туда призывались на службу лишь члены семей работников или кадровые военные, а все обеспечение едой и одеждой в тех краях шло из Китая, и форма у тех солдат была не зеленой, как у нас — защитного цвета, а оливкового цвета, потому что по заказу Хорвата ее шили американцы. Да и вообще, в тех краях в «благословенной Хорватии» с 1912 года все обеспечение шло скорей из Америки, а не из центральной России, и я думаю, что если бы и дальше так шло, то стал бы весь наш Дальний Восток американской колонией. Не то чтобы американцы сюда к нам рвались что есть мочи. Просто их напугали Ленские события, так как все знали, что они по происхождению были японские. И британские — соответственно. То есть все тогда думали, что вот-вот японцы рассекут наши силы и прорвутся из Маньчжурии на север в Якутию, где их встретят бунтующие против русских колонизаторов якуты. Это, вообразите, какой кусок сразу японским самураям отваливался! Вот американцы и поперли всеми своими средствами, чтобы собрать из владений КВЖД и наших сил на Дальнем Востоке эту самую «счастливую Хорватию», которая бы встала стеной на пути у японцев. Ну и поехали их военные инструктора, экономисты, даже американские переселенцы на наш Дальний Восток, чтобы «бороться с японской агрессией». То бишь, с одной стороны, были они против «японской агрессии», а с другой — завозили в те года своих колонистов сотнями, если не тысячами. То, что люди легко присягали «Хорватии», к сожалению, понятно. Когда проиграли мы Русско-японскую — многие части на Дальнем Востоке, или в Маньчжурии — взбунтовались. Как раз дороге вокруг Байкала закончили, пошли эшелоны с пушками, снарядами и провиантом. Стали прибывать новые части.

И вдруг, всем спасибо, война проиграна, пора возвращаться в места дислокации. Ну и волнения вспыхнули. Тогда многие полки, особенно местного базирования, были окружены полками, прибывшими из России, и там по приказу наместника Алексеева каждого пятого офицера по жребию публично расстреливали. Была даже такая считалка: «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять!»

Расстреляли людей, а потом наместника Алексеева сняли не только из-за поражения в Русско-Японской, но и за эти расстрелы и отдали под следствие, хоть он и был внебрачным сыном самого царя Александра Второго, стало быть, доводился тогдашнему Николашке дядюшкой. Злоба людей за эти расстрелы была такая, что упразднили само наместничество — лишь бы Алексеева отсюда убрать, но сделать вид, что все идет, как задумано. Полки из центральной России затем на свое место уехали, а те самые полки, в которых командиров расстреливали на Дальнем Востоке остались. Ибо бунтовали именно местные, которых поражение в войне никак не устраивало. Ну и закипело негодование. Алексеева считали убийцей, а Царя Николашку ему потатчиком и укрывателем преступления, и от этого начались волнения против всего дома Романовых. Потом по мирению в Портсмуте Хорват получил право на содержание за Амуром нашей погранстражи при условии, что они будут приносить присягу ему, отличную от общерусской. И местные офицеры массово пошли на службу в «Хорватию», ибо русскому царю, который позволил дяде своему наших же офицеров расстреливать, они служить не желали. Винить их за это, я думаю, не за что. Если вы дали слово Родину защищать и биться за нее не щадя живота своего, то не дело вас именно за то, что вы желаете биться за Родину — перед строем расстреливать. И можно было б

понять, если бы расстреливал боевой офицер, а то ведь Алексеев был — книжный червь, царедворец, который проиграл все свои битвы и с поля боя первым всегда улепетывал. В общем, крепко обмишулились все Романовы, прислав в наши края этого Алексеева. Он, может быть, и был добрым дядей царю, но в военных делах от него всегда был один вред и смятение. Я думаю, что именно после правления Алексеева в наших краях все у нас здесь стали против монархии. А правительство наше смотрело и только ушами хлопало. Из Центральной России все это было не видно, а у нас тут всем стало ясно, в какую сторону вся эта катавасия со «счастливой Хорватией» клонится и насколько много в наших краях вдруг стало Америки. Любой честный человек в эти годы понимал: творится что-то весьма нехорошее, и поэтому нужно что-то решать, а царь со своей камарильей, получается, не видели, как здесь на Востоке нашу страну буквально на куски рвут и во все стороны так и растаскивают.

Западной границей «счастливой Хорватии», которая впоследствии в наших краях стала называться Дальневосточной республикой, стала как раз Чита, от которой в две стороны теперь уходила дорога — на юг в Китай и на восток к Хабаровску. А в нашу сторону от Читы начинались владения так называемого Восточно-Сибирского корпуса, который состоял из наших этнических немцев и совершенно «бескорыстно и безвозмездно» вооружался против японцев кайзеровской Германией. Немцы очень боялись за свои владения в Азии со стороны японцев, которые были дружны с британской империей, но и на появление американцев в «благословенной Хорватии» они тоже смотрели с нескрываемым ужасом. Так что не было еще революций, не было еще гражданской войны, а в наших краях все уже было по-

делено Японией, Америкой и Германией. И дружбы никакой меж ними уж не было. Наши «васильковые» части из бурят-монголов под немецким командованием с этого 1912 года стали все чаще перестреливаться с «желтыми» частями забайкальских казаков под началом американских инструкторов, и все вместе мы постоянно воевали с хунхузами и баргутами, которых вооружали японцы. Границы с Китаем практически никакой уже не было. Никто точно не знал, где проходят границы Монголии, которую образовал наш Восточно-Сибирский корпус и где точно находится «счастливая Хорватия» в «заамурской области», где находятся так называемые Меньцзян — независимое государство баргутов и чахаров — или Маньчжоу — независимое государство маньчжур, которое японцы в одностороннем порядке объявили среди разваливающегося Китая. В целом, мы были союзны «Хорватии», а «Меньцзян» союзен «Маньчжоу», но никто в этом не был уверен. Мы, «васильковые», то и дело перестреливались с теми же «желтыми», а баргуты то и дело воевали с хунхузами. Или, как говорил наш преподаватель истории на высших партийных курсах: «Тут не хватало только британцев — японских союзников. Они должны были вооружать Меньцзян, или Маньчжоу, а других оставить японцам, и вот тогда в ваших краях была бы полная картина маслом — война четырех армий, за каждой из которых своя Великая Держава, которая свою колониальную армию вооружает, тренирует и полностью оплачивает, и все это на границах нашей страны! Прекрасная иллюстрация того, до чего загнил в те годы царский режим».

Вы спрашиваете, чем закончилась эта война? Кайзеровская Германия напала на нашу страну, поставки оружия от нее прекратились, и поэтому в Ургу зашли вновь китайцы. А потом туда пришел барон Унгерн, и под его знамена

встали почти все «васильковые» и выгнали китайцев из Монголии в один пых. Но это было потом, а тогда в 1912 году заамурский правитель Хорват настоял, чтобы из Забайкалья (то есть из его «Хорватии») убрали главного «забайкальского казака» — барона фон Ренненкампфа, героя подавления восстания ихетуаней, ибо, мол, хорватовские «желтые» казаки считают того «засланным казачком» от немецких «васильковых» частей. В итоге фон Ренненкампф оказался чуть ли не единственным немцем, который попал на Первую мировую в рядах русской армии, ибо обычно немцев выводили отовсюду в наши края, а раз фон Ренненкампфа выгоняли из наших краев по требованию американцев, то его просто некуда было девать, кроме как на запад, в губернаторы Виленской губернии. Вот такой исторический парадокс — гримаса истории. Короче говоря, всех дельных командиров, кто хоть как-то в ту пору прославился, высылали с Дальнего Востока по просьбе Америки, ибо американцы, как коршуны-падальщики, мигмом чувуют, где гнильем завоняло и со всех сторон слетаются туда, как на падаль. А грифы и коршуны — не бойцы: они отпора боятся, вот и выгоняли с Дальнего Востока дельных командующих.

Опять же в ту пору, в 1912 году, случилась и такая оказия под ударами со всех сторон рухнула китайская Империя Цин. Именно тогда на ее землях и образовались созданные нами нынешняя Монголия, Тува, которая звалась в те годы Урянхайский рай и Заамурская область, а также созданные японцами Ханство баргутов и чахаров, или Меньцзян, а также Государство маньчжур Маньчжоу и прочие Тибеты и Непалы с Бутанами. Про Непалы с Бутанами — как-нибудь в другой раз, а для нашей истории стали важны еще два государства, которые позже исчезли, но сильно

повлияли на все эти события. Дальше на запад от Монголии и на юг от Тувы — в долине Тарима и вокруг озера Лобнор — всегда жили хууэйдзи, как их называли китайцы, или юэджи на монгольский манер. На внешность они весьма отличаются от всех азиатов, их ни с китайцем, ни с монголом не спутать. Но при этом с незапамятных времен юэджи считали себя китайцами, и говорили на местном диалекте китайского с примесью вымершего сейчас тохарского языка. Когда наши «васильковые» создали Монголию, а южнее нас возник баргутский Меньцзян, земли юэджей оказались от Китая отрезанными, и они объявили там у себя Синьдзянскую республику, которая с тридцатых годов стала называться даже Синьдзянской советской республикой, но при этом юэджи считали себя китайцами и воевали с баргутами, пытаясь пробиться через их земли с Китаем на воссоединение. Воевали они еще дальше на западе с новой Туркестанской республикой, которую в Турфанской долине создали уйгуры с кыргызами. При этом Туркестанская республика по горам имела проходы на юг — в Тибет и Индию, и по этим дорогам к ним туда поступала британская помощь. Когда в 1916 году у нас в России восстали кыргызы, то их база была именно в Туркестанской республике, и оттуда им шла военная помощь, приходили британские инструктора. Если вы слышали имя английского разведчика Лоуренса Аравийского, то вот он как раз был в двадцатые годы одним из главных политических советников в Туркестанской республике и тамошним резидентом британской разведки. Поэтому Туркестан считался нашим явным противником, и туда без объявления войны был послан наш Восточно-Сибирский корпус. И так как юэджи из Синьдзяна воевали с британскими выкормышами в Туркестане, мы с ними очень дружили, хоть они себя считали китайцами. А так как они же

при этом воевали и с баргутами из Меньцзяна, с которыми тогда рубились наши «васильковые» части, то дружба с ними была очень крепкой.

Вижу, вы немного запутались, так вот вам подсказка. У нас мало знают китайский, потому, чтобы лучше разбираться во всех этих Меньцзянах с Маньчжоу, запомните: «чжоу» — это «страна», причем страна в пределах Китая, вроде нашего русского княжества. «Цзян» — это тоже страна, но вне пределов Китая, что-то вроде заграничного «графства» по русским понятиям. Сами китайцы зовут себя «хань», но граждане Китая уже называются «синь», или «цинь». Тут такая же разница, как в словах «русский» и «россиянин». То есть внутри Китая они отличают «хань» от всех прочих, но за границей они все считаются «синь». Так внутри России мы отличаем русского от еврея или татарина, но за границей мы все считаемся русскими. В отличие от «хань» или «синь», которые себя считают китайцами, есть еще «мень», то есть — «варвары», или те, кто не считает себя китайцами. Поэтому Маньчжурия по-китайски звучит как «Мань-чжоу», то есть «страна внутри Китая, населенная варварами». Монголия звучит как «Мень-цзян», то есть это «иноземье, населенное варварами», а сами монголы означают «ман-гул», или «варвары Огня и Пустыни». Соответственно за «Меньцзяном», или Монголией для китайцев лежит «Синь-цзян», или «иноземье, населенное китайцами».

То есть для китайца все очень просто: в центре Мира — Китай, или Срединная Империя. На ее окраине — «Мань-чжоу», то есть «наша земля, населенная варварами», дальше «Мень-Цзян» — «чужая земля, населенная варварами», и наконец — «Синь-Цзян», то есть «чужая земля, населенная почти китайцами». Думаю, так понятнее, почему «Мань-чжоу» и «Меньцзян» всегда были против Китая, а «Синь-цзян» — обычно наоборот.

И это наоборот случилось в 1919 году, когда мы в союзе с Синьцзяном разгромили баргутов из Меньцзяна и юэчжи пробили себе коридор домой, в «родной Китай», но там их не ждали. В Китае было тогда правительство гоминьдан-националистов, которые считали, что Китай должен быть для китайцев. К ним с боями пробилась юэчжи, которые себя считали китайцами, а лидеры гоминьдана, когда с ними встретились, стали плевать и говорить, что юэджи по внешности не китайцы, верят в Аллаха, а не Конфуцию, и, вообще, какие-то они странные. И с 1919 года юэджи в Синьцзяне стали воевать против китайцев, которых возглавил потом Чан-Кай-Ши, потому что китайцы в гоминьдане их не считали китайцами. Поэтому они долго колебались, и даже был момент, когда они переназвали себя Советской Республикой, чтобы присоединиться к России, ибо воевать с огромным Китаем их малой республике было невыносимо. Зато их считали китайцами вожак коммунистов Мао Цзедун, и когда стало ясно, что юэджи раз за разом побеждают в своих горах войска гоминьдана, то Мао начал свой знаменитый Великий Поход на Север именно для того, чтобы соединиться с юэчжами, которые считали себя китайцами, но не были схожи с ними по внешности. И когда Мао в середине тридцатых прорвался-таки к юэджам и разместил свои войска в землях рядом, генералы юэджей сразу стали все коммунистами, а Мао их всех обласкал и продвинул по партийной линии. Потом они заняли Туркестан и разгромили второй раз Меньцзян, который опять учредили было японцы, и на этом Республики Синьцзян и Туркестан исчезли навсегда с карты, так как победители не мыслили себя вне Китая. Такова официальная история про эти республики. На самом же деле, всем было ясно, что сам по себе «красный Синьцзян» против британцев в Туркестане

и японцев Меньдзяна в одиночку не выстоит. К счастью, те же Башкуевы согласно преданию были юэчжи, и поэтому все потомки и родственники этого рода были внешне как две воды с настоящими хууэйцзы. Поэтому уже после победы советской власти в наших краях всех отличившихся краскомов этого рода из «васильковых» попросили повоевать в тех краях, как будто бы они были мусульмане-китайцы. Сват мой Бадм Будеич дослужился в итоге до генерала китайской армии, и у него была именная сабля с гравировкой от китайского маршала Чжу Дэ. Но и в этой истории есть лукавство. На деле все они были генералы и старшие офицеры армии Синьцзянской советской республики или армии «генералов Ма» — так их тогда называли. Ма — это известная фамилия генералов юэчжей, которые стали известны в китайской истории со времен Троецарствия, и так как юэчжи в отличие от соседей были оседлыми и у них в те века уже была своя письменность, Ма стали считаться родом знаменитых китайцев по указу самого Цинь Ши Хуанди. А поскольку китайцы не различают лица юэчжей, так же как мы не умеем отличать лица разных негритянских народов или корейца от китайца, то со временем все видные военные из юэчжей для китайцев стали зваться по фамилии Ма, ибо китайцы не умели их одного от другого по лицу отличить. Так что и все наши генералы из «васильковых», которых послали туда с «братской помощью», известны в истории под фамилией Ма. На мой взгляд, эта история перекликается с историей о том, как наши предки четыреста лет назад пришли в русское подданство и с тех пор, точно как юэчжи, которые видят себя китайцами, наши хонгодоры всегда считают себя русскими. Я думаю, что в этом есть некая аналогия. Но я отвлекся.

Как видите, в 1912 году империя Цинь в северной своей части распалась на множество отдельных частей, все из них враждовали между собой. А в империи Цинь была удивительная традиция, по которой все их договоры были очень цветистыми. Так последний договор по установлению границ и «вечного мира и дружбы между Россией и Китаем» в Нерчинске между империей Цинь и Российской империей был освящен как обеими сторонами, так и тибетским далай-ламой, который тогда сказал, что видит меж двумя империями «небесную связь». Россия обрела царя в 1613 году, а империя Цинь появилась в 1616-м, мол, пока стоит Вечное Небо, стороны будут жить в вечном мире и согласии, но когда одна из империй падет, то вскорости падет и другая. Империя Цинь погибла в 1912 году, и сразу в наших краях появились листовки с этими словами древнего далай-ламы. Это поверье быстро достигло столиц, и очень многие враги российской монархии поверили в него полностью и всем сердцем.

Как раз в ту пору в столице строили дацан, который стал самым крупным буддистским дацаном во всем мире. Сперва он был обычный и маленький, и строительство его шло за государственный счет. Но когда по столицам пошли гулять слухи о «небесной связи» между империей Цинь и домом Романовых, строительство дацана, которое продолжалось чуть ли не бесконечно, взяли в свои руки люди, назвавшиеся «буддистами», а также те, кто называл себя «буддистами сочувствующими». Проект дацана был полностью переделан, он стал гораздо больше по размерам, чем был по проекту, для него были закуплены гранитные плиты, и поэтому сделали его на века. При этом дарители открыто говорили, что строят «Усыпальницу Российской Монархии». Тогда в это строительство внесли свою лепту

все староверы, евреи и протестанты. Был такой известный политик Милюков, который, сделав пожертвование на дацан, в те годы сказал, что он готов заплатить в три раза больше, лишь бы далай-лама, который жил за два века до этого, оказался и впрямь провидцем, и если он провидцем окажется, то Милюков обязательно обречется по буддистским канонам наголо и всю жизнь ходить будет в желтом. Ну, весь в желтом он потом не ходил, но после Февральской революции он и впрямь обрился, как буддистский монах, правда, объясняя всем, что это он против тифа, и потом обязательно носил желтый галстук или хотя бы платок, иногда носовой, иногда — шейный. Соответственно на Дальнем Востоке — местные желтые лампасы забайкальских казаков тоже стали символом ожидания исполнения предсказания древнего далай-ламы, а определение «желтые» стало применимо к местным частям в смысле, что они — русские, но против монархии. На этой волне слухов о предсказании далай-ламы и почти массового психоза насчет неизбежного падения дома Романовых пошло новое веяние — вспоминать подробности Договора между нашими предками и русским царем. А там, помимо безусловного обязательства служить Белому Царю Верой и Правдой, был и пункт о праве наших ханов на вооруженный мятеж в том случае, ежели Белый Царь отступится от Веры в Христа. С одной стороны, пункт был настолько очевиден, что на него не обращали внимания, однако как раз в это время Царь Николай подписал Указ о мерах по поддержанию евреев в их стремлении вернуться на Землю обетованную, то есть о рассмотрении возможности переселения евреев на историческую родину — в Палестину. Для этой цели уже существовавшее Русско-Палестинское общество, которое до этого занималось арендой недвижимости на Святой

земле, стало обязано помочь евреям бороться с турками для освобождения Палестины.

Дьявол таился в деталях. Россия, как страна православная, исторически обязывалась бороться за Гроб Господень, дабы очистить город Иерусалим от «неверных». Царь, мечтая выселить из России евреев, милостиво передавал им на тот момент турецкий город Иерусалим и окружающую его Палестину. Тем самым он отказывался от своих обязанностей, как царь христианский и «православный», по очищению Иерусалима от «неверных», ибо счесть жидов «верными» никому бы и в голову не пришло. Тем самым он дал право потомкам бурятских ханов, которые приняли православие в начале XVII века, на восстание «против того, кто пошел против веры Отцов / Веры Предков». Немного притянуто за уши, но из-за этой коллизии, которую раскопали среди документов былого времени, как раз в эти годы в России пошла небывалая мода на бурят и все бурятское. Любой потенциальный бунтовщик и мятежник, который смог бы доказать свое родство с нашими семьями, принявшими тогда свое православие, имел юридическое обоснование «быть неверным дому Романовых». Из этого и проистекает феномен Бадмаева, который стал тогда очень популярным восточным целителем в Санкт-Петербурге, а также возникшая мода на «бурятских православных невест», которых тогда с удовольствием брали в жены богатые люди, и после этого они могли получить индульгенцию в их антироссийской и антимонархической деятельности. В те годы многие наши роды очень выгодно породнились в столицах. Но и охранка царская — не дремала.

В начале 1913 года по России массово прошли торжества, посвященные 300-летию дома Романовых. Они были затеяны нарочно, ибо в те годы слухи о «Небесной Связи»

между домом Империи Цин и домом Романовых, которая грозит скорым пресечением династии, стали очень часты и навязчивы. В рамках торжеств произошло первое богослужение в новом столичном дацане, причем ламам было сказано, что если они горячо не помолятся за Романовых, то само строительство будет прекращено, а недостроенный дацан — разрушен. Разумеется, ламы горячо помолились, но дом Романовых это не спасло, ибо «Небесная Связь» — дело хитрое, и если сказано, что падение одного дома мистически связано с обрушением другого — против этого угрозы сломать дацан просто не действуют.

Сам же дацан был построен только в 1915 году, и мы от этого тут натерпелись. Согласно Священному Синоду, возникла новая буддистская епархия, к которой, по его мнению, были приписаны все буряты, а с августа 1915 года по приказу властей в наших краях начали массово закрываться все церкви Старого обряда. Делалось это все потому, что согласно древнему договору право на восстание против несправедного царя получали лишь православные монгольского корня. Стало быть, нужно всего лишь истребить православных бурят, благо все они староверы, или принудить нас отказаться от веры, став буддистами, и тогда древний договор утратит всю свою силу. Идея понятная, но учтите, что преследовать начали тех, кто традиционно был русской опорой в наших краях, да тех, кто служил в «васильковых» частях — и все это посреди Первой мировой, когда Россия проигрывала сражение за сражением! Я лично думаю, что это было все сделано нарочно, ради развала страны, и первую Февральскую революцию устроили у нас враги Отечества и люди не русские. Почти все наши родовичи в те годы не стали спорить с попами-никонианцами, а вместе со своими отрядами ушли в Китай и Мон-

голию — воевать против баргутов с хунхузами, благо войну эту никто не отменял, а со своими претензиями никонианцы за нами в Степь не последовали. Уходили они за кордон зимою 1915-го, а вернулись зимой в 1919 году, так как тогда закончилась война с баргутами и был впервые уничтожен баргутский Меньцзян (японцы возродили его много позже). Поэтому именно в это время в Степи и появляется барон Унгерн, так как до этого времени ему бы нечем было командовать. Именно так в наших краях — царские чиновники да никонианцы оттолкнули лучшие полки, которые иначе бы остались верны Вере, Царю и Отечеству. Другой причиной, почему «васильковые» части в те дни поголовно на войну с Меньцзяном ушли, было то, что к нам прекратились поставки оружия и боеприпасов из кайзеровской Германии. Немецкие инструкторы предпочли на необъявленную войну с баргутами ускакать, чем ждать пока их тут арестуют как немецких шпионов-лазутчиков. А потом и весь Восточно-Сибирский корпус из русских этнических немцев на подавление восстаний кыргызов и чукчей ушел — кто в Туркестан, а кто на Чукотку. Почему японцы Меньцзяну и тамошним баргутам не помогли? А потому что все их части были заняты окружением и осадой германской колонии в Циндао и захватом их Маршалловых и прочих островов в океане. Наши «васильковые» атаквали Меньцзян, который воевал с нами за священное озеро Далайнур именно для того, чтоб японские силы растянуть, но это не помогло. Японцы тогда взяли Циндао и в Маньчжурии сосредоточились, а наши войска за четыре года войны покорили Меньцзян, и японцы туда снова вернулись уже в 1930-х, победив китайских националистов. А уже после того как они возродили Меньцзян, и случилось их нападение на Монголию при Халхин-Голе, так как ни китайцы, ни маньчжуры

не имели прав на те земли, а монголы имели. Поэтому-то японцы так и рвались в эти края, чтобы от лица Меньцзяна получить право напасть на Монголию.

Так что ничего хорошего от царя в те годы мы не ждали, да и не дождались бы. С другой стороны, с шаманами была такая история. Я тогда был еще маленький, а вот старшая сестра моей жены Дарьюшки уже тогда в силу вошла. И когда началась Первая мировая война в наши края повезли раненых. За счет того что немцы за годы до этого военные лагеря нам отстроили, там же были и их лазареты, так как думалось, что они для новой войны против японцев понадобятся. И вот война началась, идет поток раненых, а в наших краях развернуты десятки военных госпиталей, причем в них новое немецкое оборудование, которые мы по договору с Германией не можем везти в Европу, а в госпиталях врачами — переселенные немки, но нет ни нянечек, ни сестер. Вот тогда-то и кинули клич по шаманским родам, чтобы шаманских детей в Иркутск и Верхнеудинск везли, чтобы их там врачебному делу учить. В госпиталях этих тогда ссыльные немки работали — жены русских немецких офицеров из Восточно-Сибирского корпуса — штатных фельдшеров всех на войну забирали, а на замену им и брали шаманок на обучение. Свояченице тогда было вроде одиннадцать, но точно никто не знает: говорили, что она родилась в год, когда в зиму дорогу построили — тогда были сильные холода. И поэтому ей сначала писали годом рождения 1903-й, а потом она уже переправила его сперва на 1906-й, а потом и на 1907-й. Были они с Дарьюшкой из простых — из племени булагатов. Это тоже буряты, но лесные и местные, которые здесь задолго до нашего прибытия в лесах жили, и поэтому шаманы у них были другие —

на нас не похожие. У нас все же умение лечить шло скорее от древних книг, а у них это было как-то все проще, природнее. И вот представьте, малая кроха приходит в лазарет к раненому, берет его за руку, и тому становится легче. Про нее даже слава шла, что, когда человек умирает, надо Матрену позвать, и тогда умрет он легко и покойно. Вот такой дар был у моей свояченицы. Что дальше с ней было? Выучилась медицине, стала военврачом первого ранга, а так как муж ее был хорошего Четвертого рода и комбриг «васильковых», то стала она по чекистской линии следователем. Точно так же, как в детстве, приходила к подследственному, клала ему ладонь на руку, тот успокаивался и как на духу все-все ей рассказывал. Одна из лучших следачек была в Москве в Центральном военном округе. Считай, через душевные беседы с нею почти все арестованные в тридцатых генералы прошли, и ни один не смог утаить что-либо. Я ее один раз спросил: «Как ты это делала, Моня?» А она засмеялась, взяла за руку и говорит: «Все просто, как меня мама учила и бабушка». Смеялась, а я в ее бездонные глаза так и проваливался. Даже сам не знаю, как и почему начал я ей про мою жизнь рассказывать, и так легко мне было от этого, а она просто сидела и слушала. Когда выговорился, Матрена мне говорит: «Вот так оно все и бывает. Сами все начистоту мне рассказывали, за это и медали давали, и ордена. Так что коль обманешь мою Дашеньку, я все узнаю, и берегись тогда, зять! Шучу я. Привычка дурная с моей работы пристала. Шучу я так». Пошутила она, а у меня по спине холод, пот льет и в животе сосет противно под ложечкой, ибо понимаю я, что не должен был душу ей раскрывать, а я ей по сути покаялся, и на душе у меня от того все хорошо и сладко. Очень странное ощущение — страх за себя, ибо Матрена все же следачка. При этом — хорошо, потому что все-таки выговорился.

Не знаю уж, как у лесных шаманов все это делали, но что-то во всем этом было. Потомственные шаманы всегда чуточку циники. Я знаю, как и что надо делать, чтобы произвести впечатление, чтобы мне люди поверили. Но то, что она, лесная шаманка, со мной тогда сделала, в моей голове по сей день не укладывается. Так что когда вы читаете у Солженицына, что якобы кого-то из видных репрессированных военных шибко пытали, не верьте. Я думаю, что они сами все что нужно про самих себя наговаривали. А всего-то нужно было привести маленькую шаманку из леса, дать ей медицинское образование, обучить современной психиатрии, и дальше она веревки будет вить из последственных. Смешение древних шаманских практик и современной науки порою творит чудеса. И она там такая была не одна. У дяди Бадмы из Девятого рода третья дочь тоже тогда медицине учиться пошла. Вышла она потом за Бадма Будеича из Седьмого (а все южане чаще общались с китайцами, поэтому хоть и были они православные, но у них имена всегда были монгольскими), который тоже сперва полком «васильковых» командовал, а потом воевал генералом-советником у коммунистов в Китае. А моя кузина Софья Бадмаевна, жена его, все это время была главврачом в тюремной больнице в Улан-Удэ. А когда война в Китае закончилась и его вернули домой на персональную пенсию, они тоже в Москву переехали. Так что учили в этих немецких госпиталях будущих сестер милосердия лучше обычного. Все, кто их в те военные годы прошел, потом сказывали, что всем им повезло, ибо тогда всех этнических немцев из армии выгоняли в наши края, а с ними ехали их благоверные, и как раз поэтому в этих немецких госпиталях подобрался уникальный состав из врачей и преподавателей. Иначе когда бы в наших краях появилось столько хороших столичных вра-

чей со всеми их знаниями? Потом-то они — кто-то вернулся, а кто и дальше уехал от революции, кто в Китай, а кто и в Америку — благо из «Хорватии» Заамурской области в Америку давали облегченный вид на жительство, а потом и гражданство, но как раз те, кто в госпиталях тех учился в эти военные годы с 1914-го по 1918-й, оказались потом очень у нас востребованы.

Когда произошла первая Февральская революция, дед мой все еще работал лоцманом на пароме «Байкал», а отец трудился на КВЖД — был инженером-путейцем в городе Куаньчен на стыке между КВЖД и ЮМЖД (это тот южный участок дороги, который у нас по итогам русско-японской отняли японцы). Там в свое время устроили технический цирк: мы построили КВЖД по нашим правилам, и там была колея по русским стандартам. Когда японцы захватили ЮМЖД, то они сперва перешли ее на японский стандарт, а потом переделали на международный, чтобы связать ее с остальными дорогами в Китае. Поэтому от нас до Куаньчена была наша колея, а от Чанчуня, где уже были японцы, дальше на юг шла колея китайская. А на участке между Куаньченом и Чанчунем договорились очень странно: наша колея от Куаньчена в Чанчунь была нашей ширины, а в обратную сторону из Чанчуня в Куаньчен ширина у колеи была китайской. Это вызывало сильную путаницу и проблемы с ремонтом, ибо если надо было починить любой из путей, то менять колесные пары приходилось не там, где обычно, и поэтому весь этот перегон выглядел сплошным «цирком с конями, слонами и верблюдами». Зато отец при этом мог очень часто общаться с японцами и при этом быть руководителем Куаньченского райкома коммунистической партии. Китая, разумеется, так как такое было у него партийное задание.

Это было в последний раз, когда дед получил от отца весточку. Тот написал с оказией, что по решению местной партийной ячейки — в знак поддержки Октябрьской революции они берут власть в Куанчене в свои руки. Он написал это, а на другой день в Куанчене были японцы. Кого-то из коммунистов поймали, и сразу отрубили им головы, а кто-то бежал в Харбин, где тоже объявили советскую власть, а «заамурский губернатор» Хорват в те дни растерялся и не знал, что ему делать. Но через две недели по приказу американских советников он уже просил китайского генерала Чжан Цзолиня войти в Харбин и подавить революцию. По рассказам, отца китайцы схватили и вместе с другими приговорили к смертной казни, но сам Чжан Цзолинь его вскоре помиловал. У китайцев не было своих инженеров для железной дороги, а русским они не шибко-то верили. Поэтому русских членов харбинского ревсовета они повесили, а азиатов всех отпустили, и по совету товарищей на допросе отец сказал генералу, что принял участие в революции — потому что напали японцы, а люди Хорвата перепугались и сдали Куаньчен самураям. Вот он и восстал в Харбине против Хорвата, ибо тот в миг наступления самураев сопли жевал и вместо обороны принялся вывозить во Владивосток свои шмотки. Тогда Чжан Цзолинь его не просто отпустил, но поблагодарил за оборону Харбина против японцев, обласкал, принял к себе на службу и сделал начальником над китайской паровозной бригадой. Ибо образованных инженеров-путейцев у китайцев тогда вообще не было. Так в «Хорватии» началось двоевластие — денежными делами на КВЖД по-прежнему занимался Хорват, а военные силы и средства были у генерала Чжан Цзолиня, который в те дни отбил наступление японцев на Харбин и даже снова занял Куаньчен после трех дней осады и пере-

стрелки. И у Хорвата, и у Цзолиня при этом был один и тот же хозяин — американский наместник, но в те дни американцы разуверились в Хорвате. Тот был умный правитель и хороший хозяин, но — не боец. Сперва он испугался горстки красных в Харбине, а потом два полка у него побежали по приходу японского кавбата в Куаньчен. Вот и вся правда про «хорватскую армию», на кого в грядущем переделе Азии американцы так наивно рассчитывали. Поэтому с того дня они перестали давать деньги на армию Хорвату, а стали вооружать Чжан Цзолиня, который с плохой и необученной армией все же выбил японцев из захваченного ими города.

Чтобы вы лучше понимали, как было дело, вся гражданская война в наших краях шла вокруг железной дороги, да японцы за счет огромного перевеса на море могли на побережье или в долине Амура высаживаться. Железная дорога в наших краях была построена в виде гигантского треугольника. Во-первых, Транссиб, который работает по сей день и идет от Центральной России — через Иркутск, Верхнеудинск, Читу, Хабаровск, Благовещенск и заканчивается во Владивостоке. От Читы у Транссиба начинается ветка на юг — до Харбина и уже от Харбина дальше на юг — Куанчен, Чанчунь и Порт-Артур с Дальним. У Владивостока тоже есть ответвление Транссиба на юг — на Харбин. Короче говоря, большой треугольник с вершинами в Чите, Владивостоке и Харбине.

Японцы были на юге, в Чанчуне — на юг от Харбина. Сам Харбин удерживали сперва Хорват, а потом генерал Чжан Цзолин — оба они были несамостоятельны, и за них платили американцы. Хорват, после того как ушел из Харбина, стал управлять восточной дорогой от Харбина на Владивосток, а там хозяйничали американцы. Западной же

дорогой от Харбина до Читы сперва управляли со дня революции красные, а потом нас и со стороны Харбина, и из центральной России, со стороны Омска, взяли в клещи белые. И красным пришлось отходить на восток по Транссибу. А потом по Амуру с севера от Николаева-на-Амуре приплыли японские канонерки, которые встали на слиянии Амура с Уссури в Хабаровске. Американцы спокойно относились и к белым, и к красным, а вот японцы не любили ни тех, ни других, и поэтому в районе Хабаровска Транссиб практически всю гражданскую был перерезан. А на юге в Харбине, точно так же, как на железнодорожном узле сидел Чжан Цзолинь, и поэтому там проехать ни белым, ни красным было практически невозможно. Отсюда возникают все истории про «Золото Колчака», про огромные клады, которые белые якобы спрятали в окрестной тайге и все прочее. Не было у белых прохода — ни через позиции японцев в Хабаровске, ни через позиции Чжан Цзолиня в Харбине, ни из центра в Приморье, ни из Приморья в обратную сторону. И японцы, и китайцы требовали от любых русских частей разоружиться и сдать в местные лагеря. Так что не мог ни Колчак, ни его люди — ни через Хабаровск, ни через Харбин — свое золото вывезти, поэтому оно — все пропало. Вот и рассказывают про него всякое. Тех же белочехов японцы разоружили в Хабаровске и заставили пройти через свои фильтры, чего уж говорить про всех прочих, так что не могло это золото через их кордоны пройти. Это чтобы вы лучше понимали, как оно тогда выглядело.

Говорят, что «золото Колчака» вывезли из Владивостока американцы, но их командующий генерал Грейвз имел очень плохие отношения с японцами и там у них разве что японцы с американцами друг в друга тогда не стреляли.

Американцы сперва хотели хорошо выглядеть, и в последний раз по старой памяти они помогли Хорвату в начале 1918 года, когда Хабаровский реввоенсовет объявил о национализации Уссурийской дороги и выведении ее из состава КВЖД. Уссурийской дорогой считался кусок Транссиба от Владивостока до Читы по России, но он же принадлежал в те годы правлению КВЖД и стоил больших денег. Хорват не мог эти деньги вдруг потерять. Он просил американцев о помощи, и они в последний раз в жизни снабдили его «заамурскую армию» деньгами и провиантом, и тот со всеми своими силами вторгся в Россию, быстро заняв Владивосток и Хабаровск. Так и завершилась тогда революция на Дальнем Востоке. И началась Интервенция. Хорват после покорения Владивостока с Хабаровском опять попросил западные державы о помощи, но на этот раз во Владивосток прислали генерала Грейвза, командира американского экспедиционного корпуса, и американцы стали всем управлять без помощи Хорвата. Японцы тоже захотели «помочь» Антанте, но Хорват сперва их не пускал, и тогда японцы устроили общее наступление на Харбин якобы против Чжан Цзолиня, и остановились они лишь после того, как Хорват испугался за имущество КВЖД на этой узловой станции и пригласил их в Хабаровск в обмен на отказ японцев продолжать наступление на Харбин. Американцы, которыми в Приморье командовал генерал Грейвз, этой трусостью Хорвата были разгневаны и с того дня прекратили ему всякую помощь, замкнув ее на Чжан Цзолиня. А тот и рад был стараться: его армии окончательно перекрыли КВЖД, а Чжан Цзолинь с этого дня стал самым богатым китайцем, ибо ему теперь КВЖД стало платить вместо того, чтобы платить китайским правителям. Этот период в истории Китая с тех пор называется Правление Генералов,

ибо пример Чжан Цзолия стал заразителен. Отныне все китайские генералы стали требовать «за защиту» деньги с иностранных концессий, а своему правительству они не платили налоги с контролируемых ими провинций. А это значит, что если до этого в отдельных провинциях в этой стране шли свои войны, но хотя бы существовало правительство, которое что-то решало, то теперь правительство самораспустилось, и генералы собирали по Китаю свои огромные армии и жили как средневековые феодалы-разбойники, управляя отдельными частями Китая по своему разумению.

То есть Хорват мог разрешить самураям прибыть в Хабаровск, но туда не пускали через Приморье по восточной дороге американские войска, а через Китай по западной дороге — войска Чжан Цзолия. Тогда японцы прислали свои канонерские лодки к Николаеву-на-Амуре и потребовали от местных жителей под дулами пушек, чтобы те просили «защитить их от революции». Николаев славился золотыми приисками, и местные богатеи испугались, что японцы сейчас начнут грабить город, и согласились на эту «защиту». При этом они же послали гонцов к Грейвзу, чтобы тот что-то сделал и попросил Чжан Цзолия о помощи. Тогда тот прислал вниз по Амуру речную эскадру, чтобы та якобы защитила от японцев местных китайцев, и в Николаеве появилось сразу два гарнизона — японский и китайский, которые были на деле американским. Так что, хоть у нас и считается, что Интервенция была против Страны Советов, но в реальности в наших краях японцы боролись не с красными, но американцами, которые очень не хотели, чтобы японцы у нас тут усилились. Когда же японцы укрепили порт в Николаеве, то стали завозить туда своих колонистов, а их канонерки поднялись вверх по Амуру и привезли с собой оккупационные части в Хаба-

ровск. Это и считается началом японской интервенции в наших краях, причем в отличие от американцев, которые с русскими властями хоть как-то сотрудничали, японцы на всем течении Амура — от Николаева до Хабаровска — везде устанавливали свои порядки и не жаловали у себя ни белых, ни красных.

В итоге раз дорога в районе Хабаровска оказалась пере-резана самураями, все снабжение белых в наших краях шло через Харбин, через китайцев, и паровозы их и бронепоезда чинились на американские деньги в Китае, а в Приморье была Дальневосточная республика Хорвата, где жизнь текла своим чередом, так как китайские и японские войска отделяли местное благолепие от ужасов Гражданской войны в центральной России. А раз Хорват любого куста боялся и не хотел ни с кем ссориться, то именно туда ушли красные, когда их разбили белые в начале Гражданской. Хорват был и нашим и вашим — всем друг, и главное — мечтал усидеть на двух стульях. При этом он же был хороший директор, при нем КВЖД была настоящей «золотой курицей», которая всем несла золотые яйца. Мне обо всех этих делах дед много рассказывал.

Он в начале Революции служил на пароме Байкал лоцманом и одновременно же номинально был его совладельцем. При этом раз уж мы были семьей коммунистов, дед немедля поддержал Октябрьскую революцию и в качестве вклада в рабочее дело отдал свою долю в «Байкале», а больше у нас в семье, кроме древней избы, в которой нынче Мысовская метеостанция, ничего не осталось. За это он был избран в члены местного Ревсовета и стал руководителем партячейки на их пароме. Так и жили они в те годы: возили по Байкалу людей и грузы, пока в августе 1918 года их не сожгли и не потопили в первом и единственном на

Озере морском сражении. В ту пору Иркутск был уже взят белыми Колчака, и иркутская парторганизация перебралась в Мысовск, а на «Байкале» был чуть ли не Реввоенсовет Забайкалья. А воевали они в те дни с семеновскими «желтыми» казаками, которые пытались прорваться на нашу сторону из-за границы в районе Читы. Основные силы красных тогда скопились на дороге к западу от Хабаровска, в котором засели японцы и хватали всех наших, а белые шли в те дни из Маньчжурии от Харбина по железной дороге, а китайцы Цзолия на американские деньги их бронепоездами поддерживали. Поэтому главный Южный фронт в наших краях против белых, которыми стали семеновские казаки, был тогда у Читы, а в Мысовке была управа фронта Западного — против Колчака, но в целом Мысовка считалась тогда нашим тылом. И вот однажды в августе 1918 года со стороны Озера на закате появился пароход «Бурят», который выглядел как мираж в лучах заходящего солнца, и поэтому дозорные не сразу поняли, что на нем был андреевский флаг белой байкальской эскадры. По слухам, на нем были курсанты юнкерского артиллеристского училища с полевыми пушками, которые, как только «Бурят» приблизился к «Байкалу», стоявшему у причала в Мысовке, стали стрелять и по нашему парому, и по зданию порта. Капитан Алексеев, дядин свояк (он был женат на сестре Бориса Башкуева) — он не был человеком военным — сперва попытался вывести «Байкал» из причальной вилки, чтобы нашим пушкам в ответ стрелять было удобнее, но юнкера-артиллеристы свое дело знали, и от фугасных снарядов «Байкал» через десять минут боя весь загорелся. Огонь быстро подошел к угольным погребам. А ведь стреляли юнкера из обычных полевых пушек, да на всем ходу судна, да на легкой волне — поди ж ты! Тогда капитан вернул

«Байкал» назад вилку, и они с дедом под огнем «Бурята» с горящего уже «Байкала» за борт выпрыгнули. А когда дед с другими на берег вылезли, взорвались снарядные ящики, а потом полыхнул угольный погреб. Так сгорел крупнейший за всю историю на Байкале корабль, а мы проиграли белым единственное в истории Озера морское сражение. Так что хорошо учили стрелять в Империи в юнкерских артиллеристских училищах. Этого было у них не отнять. Да и сейчас хорошо у нас учат, ибо — традиция.

После потери «Байкала» и всех его пушек удерживать Мысовск от белых колчаковцев стало нечем и незачем, и наши поспешили по дороге уехать за Читой в район Хабаровска. Там их разоружили японцы, но при этом никого не расстреляли — выставили на продажу, и деда моего вместе со многими красными Хорват из японского плена выкупил. А ведь дед мой и не чаял уже, думал, что расстреляют их на месте, как бунтовщиков и мятежников. Правда, выкупали не всех, а лишь образованных и тех, у кого были документы и патенты на владенье профессией. (За это и Хорвата после не тронули, умер он после отставки с поста главы КВЖД во Владивостоке вполне своей смертью.) А в обмен все выкупленные обещали работать на Хорвата на КВЖД по бессрочному контракту. Считаю — выкупили их тогда в «хорватское рабство».

Так дед мой оказался во Владивостоке в американской зоне, белые же были на западе — от Читы до Урала, а между белыми и американцами в Хабаровске и Николаеве по всей долине Амура засели японцы на своих канонерках. Они-то и выдали белым всех красных пленных, кого не выкупил в ноябре 1918-го Хорват. Их всех казнили семеновцы.

Хорват был не боец, когда Америка признала Колчака верховным правителем, он потребовал от него Присяги

и сдачи и тот испугался с ним связываться, уехал к Чжан Цзолиню в Харбин, а во Владивостоке власть наконец перешла в руки белых. Но при этом Хорват с Грейвзом благословили наших на борьбу с белыми и открыли нам арсеналы «заамурского воинства Хорвата», поэтому дед в те дни из города с оружием в руках в тайгу и ушел — с белыми воевать. Нынче многие изумляются, зачем Грейвз сделал такое, однако нам читали письмо генерала Розанова — нового правителя Приморья Верховному Правителю Колчаку, где Сергей Николаевич докладывал о своей встрече с Грейвзом, когда тот передавал ему все дела. Розанов потребовал от американского генерала объяснений: почему тот передал все оружие американского гарнизона красным, а не законным новым правителям — белым, и тот в ответ, мол, кричал, что русские страной управлять не умеют, за два века в Приморье как не было, так и нет ничего, кроме дикарей, каторжан и нынешней революции, а у них в Америке за всего лишь сто лет самые последние медвежьи углы имеют дороги и электричество. И поэтому весь Дальний Восток должен по праву стать вскоре Америкой, чтоб и сюда пришли дороги и электричество. На это Розанов ему заявил, что и Россия мечтает о том, чтобы сюда пришли дороги и электричество, так зачем Грейвз помогает мятежникам?! И тогда американский генерал отвечал, что если дикари не умеют ничего делать, землю у них надо выкупить — за нитку бус или бутылку огненной воды. Поэтому в нынешних обстоятельствах он желает победы истинным дикарям, которые продадут ему Сибирь за нитку бус, так как те дикари, которые «слегка образованные», к этой нитке бус просят ружье, шоколадную медаль и бутылку огненной воды, и, стало быть, помогать «красным — истинным дикарям» верней, ибо они не просят за землю лишнюю шоколадку!

Это письмо не дошло до своего адресата, ибо Колчака мы к тому времени уже грохнули, но сам факт разговора имел место и очень хорошо объясняет, почему американцы в Приморье были за красных, но при этом их вовсе не стоит думать товарищами.

В общем, американцы из Владивостока ушли в самом конце 1919 года и как бы ни было, пусть Розанов и считался местным правителем, но реальные люди и оружие оказались у наших, и после восстания в январе 1920 года белая власть в Приморье была окончательно свергнута, а колчаковский правитель Приморья Розанов бежал при этом в Японию. Но кто бы в том сомневался, в Америке его уж точно никто не ждал. Правда, оставались японцы в Николаеве и Хабаровске, которые все завозили сюда колонистов и уходить никуда не намыливались. Так что именно против японцев мы готовились воевать в тех краях, и деда назначили начальником рембригады бронепоездов Дальневосточной Республики. А как раз в эти дни в феврале на Николаев напали банды атамана Тряпицына. Как я уже говорил, этот город славился своими золотыми приисками, и поэтому пограбить его собрались лихие люди со всего Дальнего Востока. Когда же они напали на Николаев и стали там убивать богатеев, за тех заступились японцы из местного гарнизона и японские колонисты. Битва за Николаев с бандой Тряпицына случилась кровавая, японцы защищались отчаянно, ибо бежать им было некуда, ибо было это все в феврале, и озверелые бандюки японцев всех вырезали. Живыми из японского гарнизона и почти тысячи колонистов уцелела лишь дюжина японок, которые были замужем за китайцами, а всех китайцев солдаты Чжан Цзо-линя, размещенных в Николаеве, чтобы следить за японцами, пушками лед на реке расстреляв, на своих речных

судах на середину реки вывезли и за счет этого от бандитов отбились. Впрочем, китайцев особо и не трогал никто.

В итоге Николаев был бандюками разграблен и разорен дочиста, а Тряпицын объявил себя новым Николаевским губернатором. Однако среди тех, кто брал город, были не одни бандюки. Среди напавших была особая диверсионная группа под командой Сергея Лазо. Он был из дворян и не большевиком, а левым эсером и поэтому был вхож к анархистам атамана Тряпицына. Правда, после заговора левых эсеров он с ними порвал и считался на нашей большевистской платформе. Почему он оказался тогда в Николаеве, одному Богу ведомо. В январе Лазо командовал восстанием во Владивостоке, сразу после ухода американцев, и злые языки говорят, что это американцы его по знакомству на своем ледоколе подбросили до Николаева. Ибо иначе добраться из Владивостока до устья Амура в середине зимы практически невозможно. Кто-то говорит, что это у него было такое задание партии, а кто-то — что выиграло ретивое и потянуло человека на подвиги. Как бы ни было, пока бандюки город грабили, группа Лазо проникла в здания порта, который был только что отстроен японцами, и подожгла его. А потом они взорвали все портовые сооружения и японские пакгаузы и ушли лишь после того, как весь порт сгорел синим пламенем. Когда пришла весна и вернулись японские канонерки, от Николаева и его порта больше ничего не осталось. Японцам стало негде переваливать грузы с морских судов на суда речные, которые у них ходили в Хабаровск, и вдруг выяснилось, что весь их экспедиционный корпус там будет отрезан на зиму: и ни припасов нет, и доставить их неоткуда, ибо японские торговцы были предназначены для хода морем, а Амур сравнительно мелкий, и японские сухогрузы не могли пройти

до Хабаровска. Так что, как только сгорел Николаев, японцы стали готовиться в Хабаровске к эвакуации. Злости их не было предела. Японские корабли пришли к Владивостоку и там всех участников похода на Николаев потребовали выдать японскому правосудию. Бандиты Тряпицына в это время были еще в Николаеве, но кто-то японцев предупредил, что Лазо и товарищи уже вернулись на том же американском корабле, что и в Николаев поехали, и вот их-то японцы и захватили. Было это весьма неожиданно, ибо при были те из Николаева только что, и почти сразу по их прибытии японцы со своих кораблей высадились. Уже потом насчет этого были многие разговоры о том, кто их выдал, и пришли к выводу, что предателем был сам Тряпицын. Когда сожгли Николаев, японцы по долине Амура от Хабаровска пешим ходом пошли, взрывая перед собой лед, чтобы смогли пройти их канонерки и спастись от них было некуда — разве что уплыть на том же американском ледоколе, что и группа Лазо. Тогда Тряпицын по радиотелеграфу предложил японцам его самого отпустить, а он им расскажет что-то там важное. Японцы согласились и самого Тряпицына через порядки свои пропустили. Его самого и его подругу-любовницу. Так Сергей Лазо и его два товарища попались к японцам, а они — то ли сами, то ли отдав троих героев формально семеновцам — сожгли всех троих в паровозной топке, мол, точно так, как те сожгли Николаевский порт у японцев. Я не знаю, был ли Лазо большевик или эсер, пошел он в Николаев сам или по приказу партии, но тот, кто сжечь японский порт придумал, был умница, а Лазо и его друзья — были героями, и вечная им Память. Вот что я думаю. Если бы не они, японцы может быть никогда не ушли бы из того же Хабаровска, а пока японцы сидели в Хабаровске, наши разлагались по-

тихоньку на американских подачках в Приморье, глядишь и продали бы все за нитку бус, как американский генерал Грейвз и рассчитывал. Кстати, Тряпицына с целым поясом награбленного им в Николаеве золота вскоре наши поймали вместе с его шмарой, когда те, напакостив, пытались удрать от лютующих по всему Амуру японцев, и публично и принародно приговорили к высшей мере социальной защиты — и шлепнули. Так что были они вместе с Лазо в Николаеве, и вышло, что Лазо при этом — герой, а Тряпицын — разбойник и жук навозный. А с ним и вся его банда. Ведь их-то японцы не выпустили, а истребили под ноль. Так что в Николаеве тогда живых практически никого не осталось. Местных ограбили и убили тряпицынцы, самих бандитов порешили японцы, а с ними и всех, кто выжил, так как японцы сочли, что выжившие в убийствах японских колонистов тоже принимали участие. В живых остались только китайцы, которые уплыли на кораблях своей речной флотилии Чжан Цзолия. Долго на месте Николаева была огромная выгорелая пустошь, но потом, дабы хорошее место не пропадало, рядом с гигантским пожарищем построили новый город и назвали его Комсомольск-на-Амуре, но все равно старые шаманы по сей день думают, что такие трагедии просто так не проходят и место то не хорошее, ибо очень много там душ, в могилах не упокоенных.

А еще японцы, озверев от того, что приходится им уходить из Хабаровска, напали на наш северный Сахалин и истребили там всех русских. Сахалин всегда был нашей каторгой, и лихих людей после отбытия срока накопилось там предостаточно. Японцы же по аналогии с бандой Тряпицына решили, что такие же каторжане опасны для японских колоний на юге острова и, напав на наших, перерезали всех, кого встретили.

Вот тогда-то и появился договор с японцами — Карахана, по которому Советская Россия отказывалась от всех наших интересов в Китае, включая КВЖД, в японскую пользу, а японцы за это обязаны были уйти из Николаева, с северного Сахалина и из Хабаровска. Этот договор был ужасен: тогда многие думали, что Карахан его заключил, наблюдая за расстановкою сил по глобусу. Мол, японцы сидят в Хабаровске и Николаеве, вся долина Амура под ними, они захватили нашу часть Сахалина — пора сдаваться. А то, что Николаев стал пепелищем и японцы уходят из района Хабаровска, в Москве было не видно, вот и был подписан сей пораженческий договор. Однако потом уже выяснилось, что Карахан принимал участие в первой русской революции на японские деньги и поэтому стал японским шпионом. Когда самураям стало понятно, что им вот-вот придется бежать из Хабаровска, они заставили Карахана подписать этот безумный договор, которым нам япошки потом всю жизнь в морду тыкали. Ну, что с него взять — иудино племя, все был готов кому угодно отдать, что не его предками добыто.

К счастью, зона КВЖД в те дни была вовсе не под нами, хоть там и числился главным наш Хорват, а под китайским генералом Чжан Цзолинем. Он сказал японцам, что они могут подтереться этим договором, ибо он — власть в Маньчжурии, а русские тут никто и звать их никак. Так что японцы тогда и из Хабаровска ушли, и вместо КВЖД — рукавом лишь утерлись. Правда, и Хорват в те дни подал в отставку, и его у нас здесь ждала почетная пенсия. А новых руководителей на КВЖД мы назначали теперь по разрешению Чжан Цзолия, который заключил с нами новый договор: КВЖД теперь принадлежала Китаю, но управлялась теперь советскими работниками, потому что у китайцев

все равно управлять ей было некому. Да и незачем. Генерал Чжан Цзолинь заявил, что ему все равно, кто управляет дорогой, лишь бы сорок процентов от прибыли КВЖД шло прямо в его карман. А кто там руководит — красные или белые — ему без разницы.

Теперь, как только исчезла японская «прокладка» между красными войсками в районе Владивостока и белыми в районе Читы, и началась последняя часть Гражданской войны в наших краях. Дед мой был паровозных дел мастером, членом партии и командовал рембригадой. Поэтому он наши красные бронепоезда ремонтировал и даже пару раз принимал участие в боях на бронепоезде № 9 в сражениях под Волочаевкой. Это был небольшой бронепоезд — все время ходил сзади тяжелого бронепоезда № 8, на который и пришлись самые серьезные перестрелки, и был он скорей поездом техпомощи, который подвозил к бронепоезду № 8 снаряды и путь сзади основного бронепоезда ремонтировал, чтобы белые рельсы не разобрали и бронепоезду № 8 можно было в случае чего назад отступить, если вдруг станет уже совсем жарко. Но все равно в тех боях мой дед, получается, самолично участвовал. Я не знаю, участвовал ли в тех боях мой отец, но, будучи главным механиком в паровозных войсках Чжан Цзолиня, он по контракту с белыми занимался починкой и подготовкой к боям белых бронепоездов: «Каппелевца», «Волжанина», «Дмитрия Донского» и бронепоезда № 4. Так что в те дни 1921–1922 годов мои дед и отец занимались одним делом, но по разные стороны фронта. Дед потом мне рассказывал, что когда узнал про то, что отец мой все это время готовил белые бронепоезда, то пил потом всю неделю. Хоть и не пил серьезно, ибо для монгола запить — смерти

подобно. У нас биохимия другая, нежели чем у русских, монголы спиваются просто стремительно. Однако потом отпустило его, ибо сказал он себе, что служил мой отец все же не белым, а контракт есть контракт. А Гражданская война потому и зовется так, что сын поднимает оружие на отца, а брат на брата. На этом и успокоился, хотя, по правде говоря, известие это шибко его подкосило, так как не ожидал он, что жизнь выкинет с нашей семьей такой фортель. Особенно когда оба они были партийные и оба — за революцию. Вернулся он тогда домой и года не прожил: пил, по сыну грустил, все ходил вокруг обгорелого остова своего «Байкала», искал из старой команды тех, кто в Гражданскую выжил, мечтал снова собрать команду и отремонтировать «Байкал», чтобы опять на нем в Байкал выйти. Потом умер, и лишь после смерти его мы «Байкал» распилили и на металлолом продали.

А мама у меня в Гражданскую умерла от «испанки», я и не помню ни ее, ни отца, воспитывали меня родственники, и, когда дед вернулся с войны, считался я сиротой — хоть отец мой и жил тогда у китайцев.

Я не знаю, как там и что, почему отец мой оказался в Китае — по слухам жил он там с одной китаянкой, и есть у меня, стало быть, не только бурятские, но и китайские братья и сестры. Может быть. Как бы ни было, в Китае он хорошо рос в чинах и постепенно стал полковником войск тамошней железной дороги, а по заслугам стал чуть ли не главным механиком у теперь уже маршала Чжан Цзо-линя. И при этом был он тайным агентом китайской компартии. Вернее, тогда они все были сперва в гоминьдане, а китайская компартия из гоминьдана позже выделилась.

Рассказывали, что дело было так. Японцы в те годы пытались из Харбина Чжан Цзолиня как-нибудь выдвинуть

и ко всем людям в его окружении в те годы подкатывались. Мне сказывали, что и к отцу в те дни подходили с разговором о том, что он имел касательство к организации забастовок в Первую революцию. Якобы тем самым он работал на разведку японцев, которые таким образом победили в Русско-японской войне. Потом стало ясно, что японцы ко всем сибирским большевикам тогда подъезжали на этой козе, а когда человек не желал с ними сотрудничать, его сдавали на нашей стороне в службы Чека, а на той в белую контрразведку, ибо японских агентов ни мы, ни они в те годы не жаловали. В итоге все старые большевики в наших краях, кто пережил эти события, согласились на японцев работать, и их уже потом в конце тридцатых довычистили. А отцу повезло, иначе бы и его не обошла чаша сия, он хоть и числился русским подданным, но работал тогда на китайцев, а китайцы за косвенную помощь Японии против царской России никого даже не ругали. Не то чтоб — расстреливали. В итоге Чжан Цзолинь в моем отце безусловно уверился, а японских агентов, которые приходили к отцу, китайцы изловили и прилюдно повесили. За это якобы чуть ли не сам Доихара, который руководил в Китае японской разведкой, обещал с отца спустить шкуру. С живого, конечно, в сознании. Так что с японцами отцу стало сильно не по пути. А дальше все вышло так, что в 1928 году американцы перестали Чжан Цзолиню деньги давать. У них началась Великая Депрессия, и всех нахлебников они с начала 1928 года списывали с довольствия. И тогда Цзолинь показал свое истинное нутро. Пока американцы ему богато платили, он весь был из себя патриот и якобы за интересы Китая, а как платить перестали — он стал искать новых господ. А единственными, кто на земли Маньчжурии зарился, были в те дни японцы, которые считали, что по ноте

Карахана Россия им уступила все права на Маньчжурию. Ну и принялся Чжан Цзолинь перед самураями жопой крутить, обещая им и то и это. В итоге договорились они, что японцы входят в его Харбин и принимают управление над всей КВЖД. А отца моего вместе со многими, кто, по их мнению, перед ними как-либо провинился, японцы требовали им выдать на суд и расправу. А Кендзи Доихара был такой человек, который на ветер слов не бросал. Обещал кожу содрать, стало быть — точно содрал бы. Отцу советовали куда-то бежать. А куда ему было бежать? В Советской России над ним висела статья за участие в стачках в годы Русско-японской якобы на японские деньги, в Китае в каждой провинции была своя свадьба, и людей Чжан Цзолиня нигде не ждали. А куда ему еще было идти, кроме родной страны или тех краев, где он нашел любовь и работу.

И вот однажды, по слухам, он подошел к Чжан Цзолиню и попросил, чтобы он его японцам не выдавал. А тот посмеялся и махнул рукой, типа — там видно будет. А к тому времени наши разведчики уже знали, что у Цзолиня все с японцами было сговорено, и моего отца готовили к выдаче. В итоге в июне 1928 года отец, находясь на личном бронепоезде Чжан Цзолиня и будучи его главным инженером-механиком, привел в действие взрывное устройство, которое он сам собрал, так как имел патент взрывных дел мастера, полученный им в ходе прокладки Кругобайкальской дороги. Весь бронепоезд разнесло в щепы, и на том правление Чжан Цзолиня в Китае закончилось. Дело расследовали японские жандармы, которые и обнаружили, что бомба была в купе моего отца, а того должны были вот-вот выдать на казнь к японцам — и головоломка сложилась. Отец мой при этом так и считался российским подданным, и поэтому японцы принялись говорить, что отец

мой был русским разведчиком, приставленным следить за китайским диктатором, и что убил он Цзолиня по «приказу Кремля». А наши от всего отпирались и всячески от моего отца отказывались.

Но это все на словах, а на деле в те дни я ездил помощником машиниста на Иркутской дороге на летних каникулах. Учился тогда в Томском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта, а на каникулах мы подрабатывали помощником машиниста и кочегаром по совместительству, ибо отдельного кочегара у нас тогда не было. И вот пришел ко мне родственник, мой сверстник Георгий Башкуев, который тогда служил уже в «васильковых», но считался артиллеристом и дал мне бумагу о том, что органы благодарят меня за отца, что я буду получать за него пенсию, и что отец мой всю жизнь исполнял приказ Родины и партии, и что я должен был им гордиться. Я горжусь. По сей день горжусь, но на деле я потом плакал, что отец мой уехал в Китай, пока я был еще совсем маленьким, и я даже не помню, чтобы он со мной попрощался. И еще плакал я потому, что все детство мне говорили, что нас отец бросил ради какой-то китаянки, а мы с братьями и сестрой совсем ему не нужны, ибо жили мы тогда совсем бедно, а он по слухам в Харбине и Куанчени — барствовал. Это было обидно. Правда, с меня тогда взяли подписку, что я об этом никому не буду рассказывать, вот я и не рассказывал. Это уже после войны, когда судили японцев в Хабаровске, Наум Эйтингон, тот самый, чья команда добралась-таки перед войною до Троцкого и который руководил в 1928 году Китайским иностранным отделом ОГПУ, в своих показаниях доложил, что мой отец был большевиком, был послан в Китай для подпольной работы как член партии, на время связь с ним у ОГПУ, к сожалению

нию, утратилась, но, как только она была восстановлена, — отец послужил Родине как прекрасный разведчик: в июне 1928 года мой отец, выполняя приказ Эйтингона погиб как герой, но устранил предателя Чжан Цзолия, который переметнулся на японскую сторону. При этом сам Эйтингон, будучи резидентом нашей разведки, числился вице-консулом нашего консульства в Харбине и чудом избежал ареста японской жандармерией, и поэтому его в 1929 году перевели из Харбина в Турцию. Вы знаете, после того как Эйтингон об этом сказал, люди стали ко мне относиться немного иначе. Я думаю, что именно после этого доклада я и стал министром железнодорожного транспорта в Бурят-Монголии. Поэтому все, что мы делаем, обязательно отражается на всех наших потомках. Но, какая бы ни была некая детская обида на то, что отец куда-то пропал, она не забылась. Хоть оно, наверное, и неправильно.

Пока дед мой воевал за красных в Дальневосточной республике, а отец стал главным инженером-механиком на железной дороге в Харбине у Цзолия, здесь у нас случилась история барона Унгерна. В 1919 году мы совместно с юэчжами из Синьцзяна разбили баргутский Меньцзян, и наши «васильковые» полки стали возвращаться в Россию. А здесь шли бои белых с красными. Белыми в Забайкалье командовал атаман Семенов, который некогда служил в Нерчинском полку. Командовал этим полком барон Врангель, а лучшим другом Семенова и был как раз барон Роман Унгерн фон Штернберг. Семеновские казаки были завязаны «желтыми», бурят-монголы за это их не любили, и поэтому для того, чтобы взять под свой контроль полки «васильковые», требовался командир немецкой крови, который бы при случае был против «желтых» казаков. Так атаман Семенов произвел своего друга, Романа Унгерна фон Штернберга,

в генерал-майоры и отдал ему под начало все «васильковые» части. Воевать с «семеновцами» новому командиру «васильковых» было бы странно, поэтому он повел наших сродников против китайцев, которые тогда заняли Ургу. Китайцы эти служили маршалу Чжан Цзолиню, получавшему деньги от американцев, так что друзья сочли, что это будет красивый жест против китайцев Цзолиня, союзных им «желтых» и вообще заморских американцев, которых заговорщикам было не жалко. Опять же отличие «васильковых» войск Унгерна от «желтых» семеновцев было нужно им для того, чтобы за Унгерном пошли бурят-монголы, которые только вернулись из похода против Меньцзяна, но не любили всех «желтых» и оказались крупной военной силой, не задействованной пока в Гражданской войне. Природа не терпит ведь пустоты, и если бы «васильковых» не смогли подчинить ни Семенов, ни Унгерн, то всем было ясно, что тогда наш путь лежал бы на красную сторону. Но нашим родичам была не так важна борьба красных с белыми, как появление китайцев в Урге, а, как я уже объяснял, Урга — это крупный храмовый комплекс среди Степи, который так почитают все ламаисты. Поэтому Унгерн войну свою вел скорее не против «красных», а против китайцев Цзолиня. У Цзолиня хозяевами были американцы, платившие и тому же атаману Семенову, так что вскоре армии Унгерна стали воевать и против «желтых» семеновцев, и в этом заключалась некая историческая неизбежность. При этом барон Унгерн был необычайно удачлив в бою. Злые языки, правда, говаривали, что большая часть его удачи состояла в «васильковых» полках, которые сперва были хорошо немцами выучены, а потом воевали без передышки с 1912 года — сперва за Озеро Далай-нур, а позже по просьбе немцев напали на прояпонский Меньцзян, чтобы оттянуть япон-

ские войска от немецкого Циндао, так что ветераны в этих частях были дальними походами закаленные и суровые, и их не умели остановить семеновские казаки, которые призывались совсем недавно и были фактически добровольцами. Но как бы ни было, Унгерн очистил от китайцев Цзолия Монголию и разбил в боях войска атамана Семенова. За это его славили по всей Степи, и когда пришла пора мне креститься и принимать присягу на верность Родине, крестили меня как Романа именно в честь барона Романа Унгерна. Вот насколько был он популярен в те годы в наших краях. А пропал он по глупости: слишком высоко взлетел — потому и глубоко было падать. Как я уже говорил, Монголия появилась как буддистское государство, во главе которого был далай-лама. Поэтому для того, кто освободил всю Монголию, казалось логичным назваться буддистом, раз уж набирать армию свою он хотел среди монголов. А вот то, что в его армии офицеры были все православные, родились в России и давали присягу на верность России — этого он не учел. Равно как и того, что в самой Монголии военных особенно никогда не было, ибо аратская это страна. Слишком жарко, слишком сухо, для того чтобы вырастить большие стада, а без большого количества лошадей и овец не может быть много военных, ибо для них нужно всегда много мяса, если не баранины, так хоть бы омуля. Посему боевые офицеры легче получались в наших краях вокруг Озера, ибо земля у нас лучше, стада тучней, а стало быть, и родовичи богаче, чем в той же Монголии. Опять же — здесь у нас всегда есть возможность воспитывать детей в военных училищах и доучивать их потом в войсках русской армии. А где учиться военному делу в Монголии? Монголия была в те годы «как бы страной», этаким огромным предпольем, которое наши «васильковые» части вырезали

из распадающегося Китая, для того чтобы у России было время на подготовку — случись нападение Японии. Поэтому в самой Монголии в те годы ни войск, ни способного к войне населения не было, а отвоевали ее у Китая части, лишь называющие себя как «монгольские», но так как Унгерн был при этом не местный, он не понимал все эти тонкости.

Дальше — больше: у буддистов-ламаистов поиски мистического откровения происходят через употребление наркотиков, поэтому Унгерн, став буддистом, быстро превратился в курильщика опиума, а под воздействием опиума быстро погрузился в опиумные фантазии. В этом воображаемом мире его монгольские армии, непобедимые и ужасные, шли по миру, сея кругом Смерть и Разрушения. Так как само имя «монгол» означает «варвар огня» или «варвар пустыни», барон принял на себя титул Джамсарана, или «Бога Огня, Войны, Смерти и Разрушения», думая, что тем самым он укрепит свою власть среди монголов. Беда при этом была для него в том, что ты не можешь быть «Богом Огня» и при этом поощрять «тайнства Воды», то есть — Крещение и Причастие. Бог Огня, это с точки зрения наших старцев — ветхозаветный Яхве, который говорил с Моисеем из неопалимой купины, это Бог синедриона, который распял Спасителя, а это все делало барона Унгерна — новым Антихристом. Так что барон принял буддизм для того, чтобы крепче привязать к себе монгольских буддистов, не осознавая, что в его же армии буддисты были никто и звать их было никак, а буддистские святые и всякие бодхисаттвы для нас, православных, на одном уровне с языческими бесами и мерзостными кикиморами. Я, каюсь, иной раз люблю сам пошаманить или посмотреть на танец шаманки, но буддистские идолы, на мой взгляд, порождение врага рода нашего, и для настоящего верую-

щего молиться на них — язычество. Поэтому, как только барон Унгерн вдруг стал буддистом, армия его тут же начала разбегаться. Многие мои сродники сразу покинули Монголию и вернулись в родные кочевья, где их с радостью встретили русские коммунисты. Армии Унгерна до этого воевали с китайцами и семеновцами, и поэтому красные не считали нас своими врагами, но и склонить наших офицеров на свою сторону им сначала не удавалось. Все изменилось в мае 1921 года, когда барон Унгерн, осознав, что армии его разбегаются и уходят в Россию, объявил себя наследником Чингисхана и начал поход на Русь, чтобы пополнить свои отряды бурятскими аймаками, раз в монгольских для него дельных бойцов отродясь не было. Тем самым он принуждал всех наших нарушить их Клятву — служить России, которую мы все даем при крещении. И тогда все «васильковые» объявили барона «предателем Родины» и его, безусловно, оставили. А мой будущий сват глава Четвертого рода Борис Баиров в те дни даже совершил святотатство, разрушив Алтарь Воды в Священном Роднике в Хонзое, и забрал оттуда древние камни и местную шаманку Воды — сватью мою Матрену. Он сказал, что раз барон Унгерн объявил себя Джамсараном — Богом Огня, Войны, Смерти и Разрушения, то священные камни Святылища Воды из Хонзоя привлекут за собой Духов Воды, Жизни и Исцеления, которые одни лишь и смогут остановить Огонь, Смерть и Войну. И представьте себе, стоило Унгерну пересечь границу России и выйти к Троицкосавску — нынешней Кяхте, как пошли проливные дожди, все дороги размокли, и армия Унгерна увязла в возникшей грязи, растеряв свою страшную скорость. Все буряты увидели в этом «перст Божий» и то, что Духи Воды и Жизни сильнее Духов Огня и Смерти, и лично я на всех лекциях

не упущу при этом рассказе напустить, как бывалый шаман, налету мистического. Однако старики говорят, что в летние месяцы погода у нас всегда неустойчива, и сильные дожди, вызывающие бездорожье в наших краях, очень часто случаются. Именно поэтому в старые времена наши предки ходили в военный поход зимой, а не летом, ибо зимой дороги холодом скованы и по ним где угодно лошадь пройдет, а летом она порой и увязнет. Это знают все местные, и у нас никто не идет в набег летом, так как на войне чересчур многое ставится на кон. Но Унгерн был из Прибалтики, и там привыкли воевать именно летом, вот он и пошел в поход — как ему было привычнее. За это и поплатился. Но я вам ничего такого не говорил, ибо рассказ о борьбе наших Духов Воды, Жизни и Исцеления с враждебными России Духами Огня, Смерти и Разрушения производит на умы слушателей куда большее впечатление.

А дальше произошли события удивительные и просто мистические.

Сват мой — Матренин муж, глава Четвертого рода Борис Баиров к поре той был красный партизан и возглавлял боевые отряды, приданные Чрезвычайной комиссии. Вы удивлены, как именно социально чуждый дворянин стал у нас главным чекистом? А дело было так. Отец Бориса Булат Баиров был посыльным или, на военном языке, ординарцем у Забайкальского губернатора Ренненкампфа, и, когда того после Ленских расстрелов перевели в Виленскую губернию, он перебрался туда за своим покровителем. В начале войны Булат погиб в боях за Восточную Пруссию, а состояние его забрали два его младших брата, так как наследника Булата, будущего моего свата, приняли, как сына погибшего офицера, в юнкерское училище без экзаменов. В 1918 году после революции юнкеров распустили, Борис вернулся

домой и узнал страшный слух, якобы один из его дядьев по пьяному делу хвалился, что с братом заплатил двум нукерам Булата за то, чтобы они застрелили того в ходе боя, так как Булат, уехав в Вильно, за состоянием семьи уже не следил, и стада его стали чахнуть. Вот братьям и надоело ждать, когда он им из своего состояния либо свой надел выделит, либо оставит наследство. Сват мой, человек горячий и жестокий до безрассудства, нашел двух нукеров, которые были с его отцом на войне, узнал, что дядья по возвращении с войны им по полсотни овец жаловали, а этакая щедрость для наших краев — дело неслыханное, пытал убийц, и они во всем ему признались, указав на родных дядьев Бориса как на заказчиков. Тогда Борис с верными нукерами своего отца приехал к дядьям, и их за убийство своего отца прилюдно судил и повесил. А был уже 1918 год, и в Сибири правил Колчак. Такая казнь без ведома белой власти была ими признана бандитизмом, и Бориса объявили преступником, а за голову его давали награду. Так сват мой стал воевать против белых, которые его считали бандитом. А кто не белый в тайге — был либо зеленым, либо же красным. У Бориса была почти кадровая армия из бывалых ветеранов: кто пошел на мировую, кто в далайнурскую и меньцзянскую кампании, да и сам он в юнкерском училище военному делу хорошо выучился. Так что воевал удачно, и вскоре красные пришли к нему с предложением возглавить красные отряды в Иркутской области. А Борис никогда не был сам по себе, ему всегда нравилось кому-либо подчиняться, поэтому он с радостью стал исполнять указания иркутского исполкома советской власти, и поэтому красные на него не могли нарадоваться. Но при этом Бориса так и не приняли в Красную армию, потому что там главным был Троцкий, а сват мой был из тех юнкеров, которых

считали антисемитами. Так его, наверное бы, и выгнали в итоге из армии, но как раз к этой поре выяснилось, что японцы развернули у нас свою деятельность.

Как я уже говорил, японцы воспользовались тем, что первая Революция совпала по времени с русско-японской, и поэтому на стачки с восстаниями в наших краях большевики получали деньги от японской разведки. Теперь по мере того, как советские войска принялись побеждать, японские шпионы стали к тем старым большевикам поочередно наведываться и угрожать им, что сообщат в Чека о том, что те в свое время согласились работать в японской разведке и даже под своим согласием подписывались. Были и такие, кто шел в те годы в Чека с повинной, и их просто выгоняли из партии, не брали в правительство. Были те, кто на японцев работать отказывался, но не признавались партии большевиков в том, что двурушничали, на них японцы передавали сведения в Чека, предателей разоблачали, и это все для них завершалось плачевно. И, наконец, были те, кто продолжал работать — будто ни в чем не бывало. Это изумило руководителя ВЧК Феликса Эдмундовича, который навел справки об этой коллизии и выяснил, что ВСЕ большевики, кто получал деньги от японцев на стачки или восстание в дни первой революции и боев на Красной Пресне, у тех где-то подписывались. То есть посреди войны против Японии совершали предательство. Но раз на них японцы ничего нам не говорят, возможно, что те, кого японцы не сдали, с нашими врагами нынче сотрудничают. А это — все руководство партии и в Сибири, и на Дальнем Востоке!

Феликс Эдмундович сделал негласный доклад по этому поводу, и тогда-то «для укрепления» Сибири и Дальнего Востока к нам и перебросили из Украины Василия Блюхера, которому было тайно предписано заместить все местное

военное руководство, как состоящее у Дзержинского на подозрении. А опираться стало возможно лишь только на тех, кто в первую революцию ни в каких партийных делах не участвовал. Вот тогда-то свату моему и повезло, его лично принимал сам Феликс Эдмундович, который и назначил его главою боевых отрядов местной Чека, в этой должности Борис и приехал тогда воевать с Унгерном.

Не уверен, что сват мой в боевых действиях в те дни участвовал — у людей из ОГПУ или НКВД слегка иной профиль. Но, как глава Четвертого рода, он смог собрать на совет глав прочих родов, где и рассказал, что дал личную клятву на верность главе Чека Феликсу Эдмундовичу, благо тот шляхетского рода и ему клятву дать — не зазорно. Чай, не гольтиба беспортошная, или не жид, прости Господи. Тогда-то все члены знатных фамилий тоже решили дать пожизненную Клятву Феликсу Эдмундовичу служить ему Верой и Правдой и согласились поехать в Москву ради этого.

Я знал несколько стариков, которые присутствовали, а больше всего мне об этом рассказывал сват мой Бадм Будеич, который стал потом «генералом Ма» и командовал армией в далеком Синьцзяне.

Мол, пришли они на Лубянку — кто в «васильковом» мундире, кто в костюме, а кто и в парадном халате и на коленях, стали просить у Феликса Эдмундовича, чтобы тот принял у них Клятву на верность. Тот сперва долго не мог понять, что от него они просят, потом рассердился, затем растерялся, когда сват мой объяснил ему, что он уже принял от него Клятву на верность и теперь по Законам Степи он может убить его, может приказать ему убить кого угодно, может сделать постовым на улице или палачом, исполняющим приговор — все это он, Борис, отныне исполнит

без колебаний, ибо для него Феликс Эдмундович теперь Хан и Хозяин. Таков Закон Степи, такова — Воля Неба.

Услышав этокое объяснение, Дзержинский надолго задумался, а потом объяснил, что не сможет принять подобную клятву, так как сам он слаб здоровьем да и сызмальства был крещен в католичество, а тут, как он понял, Клятва произносится на православном кресте и «тайной Лествице», которую всегда носят с собой староверы, поэтому и принять ее может только лишь человек православный. Поэтому завтра он приведет с собой друга, который сведущ в православных обрядах с обычаями и здоровьем силен, и вот ему-то все наши родовичи смогут принести клятву в верности. Наши при этом заспорили, говоря, что не станут клясться человеку безродному или, не дай Господь, христо-продавцу, но Феликс Эдмундович их всех успокоил, сказав, что они сами должны человека увидеть и решить, заслуживает ли он такой клятвы.

На другой день они снова пришли на Лубянку, к ним вышел Дзержинский, и тогда они впервые увидели Хозяина. Как рассказывал Бадм Будеич, при виде Хозяина они все сами собою построились, как это делали при виде немецкого офицера-инструктора, который учил их военному делу и сделали на него равнение. Сталин в ответ улыбнулся. По словам Бадм Будеича, глаза у него были, как у голодного тигра. Он шел вдоль их строя, каждому лично жал руку, от каждого Клятву выслушивал. Бадм Будеичу показалось, что Хозяин все слова понял, хоть и говорили они по-монгольски. И рука у Хозяина была добрая, сухая и теплая. Сталин подошел к каждому, вернулся на середину, поблагодарил всех и с легкой полуулыбкой спросил, правда ли, что в армии Чингисхана если десяток бежал, то казнили всю сотню, а если бежала сотня, то казнили всю тысячу.

Ему отвечали — правда. Тогда Хозяин сказал, что они сами по своей воле на это все согласились, и сразу спросил, должен ли он их всех казнить, раз они бежали от Унгерна. На это родовичи наперебой закричали, что ни разу не бежали на поле боя, пока сражались за Унгерна, пока тот не напал на Россию. А Россия — Святая, напасть на нее — Святотатство, поэтому Унгерн сам нарушил условие Клятвы. Мы готовы исполнить любое желанье Хозяина, но против России — не пойдём! На это Сталин только кивнул и сказал, что это его устроит. После этого аудиенция закончилась, и всех родовичей стали записывать в местное ополчение, которое не считалось Красной армией, но было в ведомстве Наркома по делам национальностей. Так как в «васильковых» полках больше не было ни немцев, ни русских, стали они считаться бурят-монгольским национальным формированием. Нам при этом были утверждены все «васильковые» цвета нашей формы, а позже эти наши полки стали полками НКВД, а васильковые цвета стали цветами этого ведомства. А тогда, по рассказам, Сталин еще раз вызывал к себе каждого и кого с переводчиком, а кого и с глазу на глаз детально расспрашивал, почему мы так верны России и почему хотим его, Хозяина, во всем слушать? А все ему отвечали, что такова наша вера и обычаи предков. Гоби страшна и огромна — в одиночку ее не перейти и даже малой группой в ней не выжить. Победить Гоби можно только всем племенем, а для этого у племени должен быть Вождь, которого все неукоснительно слушают. Если на переходе тебе одному в приказах Вождя что-либо не понравится, возмутиться нельзя, ибо тогда погибнет все племя, а стало быть, в походе все должны подчиняться приказам, соблюдать иерархию и младшие слушать старших, ибо иначе всех ждет смерть и гибель. Стало быть,

от Вождя зависит все. Можно служить любому Хозяину, и когда выбираешь его, то надобно выбирать сердцем, но понимать, что Хозяину суждено провести вас между жизнью и смертью по пескам Гоби и горам Хамар-Дабан, из которых не всем путникам суждено будет выйти. Из всех вождей нашим глянулись Феликс Эдмундович да он, Иосиф Виссарионович. Феликс Эдмундович не смог по здоровью, поэтому суждено служить нам верой и правдой товарищу Сталину, пока смерть не разлучит нас. На эти слова Сталин спрашивал, а почему именно ему или Феликсу, а не, скажем, товарищам Троцкому, Зиновьеву или Каменеву. На это в ответ все наши смеялись и отвечали, что потомственные военные штатским евреям не служат, ибо те известные лгуны и обманщики: наобещают с три короба, а потом и кинут среди пустыни. Веры им нет ни на ломаный грош. Из всех этих троих военную жилку наши увидели лишь у Троцкого, а монголы, которые согласно поверью рождены с луком и саблей, за версту чуют воина. Но, на их взгляд, у Троцкого была слишком новая форма и чересчур свежая кожанка, а со времен Чингисхана бывалые офицеры у нас обычно носят поношенное. Подбирают в войсках нукера сходного с собой по комплекции и он сперва новую форму для командира обнашивает. Это все потому, что в бою очень страшно, если у командира жмут сапоги или, скажем, новая незамятая кобура с личным оружием. То есть человек может иметь дух бойца, но к реальным боевым действиям он не привычен, а потому не пригоден. Для сравнения — Феликс Эдмундович принимал нас в поношенной и удобной для себя гимнастерке, а сам Иосиф Виссарионович в мягких, уже сбитых сапожках и потрепанном кителе. Нельзя служить людям штатским, а особенно гешефтмахерам, равно как нельзя служить людям хоть боевым, но

кабинетным военным, реального дела не знающим. Именно так наши люди Сталина на всю жизнь себе Хозяином выбрали.

По рассказам, Иосиф Виссарионович все это выслушивал, чему-то посмеивался то и дело, а потом просил рассказать, как именно и почему наши предали Унгерна и с чего так ревностно мы Служим России. На это старики ему отвечали, что история нашего народа не такая и долгая, ибо все, что было в давние времена, нам неизвестно. Первые истории появились лишь во времена Чингисхана, который дал нам нашу письменность, да и та была уйгурскими буквами и осталась записана лишь китайской летописью. Все наши верования были написаны для нас кистью китайских монахов — даосов, которых по приказу императора Китая Хубилай хана согнали в новую его столицу Ханбулак, что сейчас называют по-китайски Пекин, чтобы они создали нам нашу веру.

Думаю, что сперва-то наши предки на сказки даосских монахов только посмеивались, однако если тебя триста лет подряд учат, что ты на самом деле хороший и добрый, или нельзя поэтому убивать без нужды, или пленных женщин насиловать, то со временем ко всем этим разговорам люди прислушаются. Саму-то природу из людей убрать некуда, как рождался монгол с луком и саблей, то нрав наших предков так и остался воинственным, однако люди принялись себя спрашивать: «За что мы воюем? Будет ли когда-нибудь этой бесконечной войне конец? Какой во всем этом смысл?» А «черная вера» им отвечала, что не всякая война для наших предков оправдана, что нет оправдания бесполезной жестокости, а смысл жизни в том, чтобы защищать саму жизнь. Мы теперь верим в то, что для нас написали некогда даосы Хубилая на основании наших более древних легенд и преданий, в то, что называется в Китае теперь

«черной верой». «Черная» она не потому, что по цвету черна, а потому, что слово «черный» в китайском есть эпитет слова «ночной», или «северный». Проще говоря, для китайцев это означает «вера народов Севера» — не больше того.

В китайской натурфилософии весь мир делится на пять частей. В Центре Срединная Империя Земли — Китай — и ее цвет желтый. На Востоке Царство Древа — Синего Дракона, Япония, на Юге — Царство Красной Огненной Птицы — магометанская в те годы Индия, на Западе — Царство Металлического Белого Тигра, под которым тогда понимали народы Европы, а на Севере в годы Чингисхана лежали земли «ночных варваров», или монгольские земли. Царство Ночи было всегда Царством Воды, и поэтому даосы учили всех моих предков, что они, как уроженцы Севера, должны быть милосердны, добры к людям и — всепрощающи. Читая сейчас все эти истории, я теперь понимаю, что китайские мудрецы пытались в те нелегкие для них годы таким образом хоть как-то смягчить жестокие сердца новых своих повелителей. Не думаю, что это им тогда удалось, но созданная ими вера осталась и за века после этого лишь окрепла. Я с детства слышал, что как потомственный монгол происхожу от Духов Жизни, Спасения и Исцеления и поэтому должен жить согласно Вере и Обычаям моих предков. Однако само имя «монгол» означает по-китайски «варвар Огня», и на этом основано другое важное для нас верование.

Согласно ему мы, Дети Воды, дети духов Жизни и Исцеления, за грехи предков были ввергнуты в геенну огненную и живем нынче в Монголии — стране Огня и Пустыни, посреди Духов Огня, Смерти и Разрушения, в стране Вечной Войны, Страдания и земной Скорби. Но где-то дальше на Севере — в черных «ночных» землях — лежит наша Родина, страна полная Воды — в виде Рек, Озер и Болот, и наши

предки оттуда родом, поэтому мы должны ее когда-то найти и потом служить ей верой и правдой, ибо это Земля Святого Духа, Земля Спасения, а вовсе не опаленная Огнем и ослепительным Солнцем Монголия. Согласно преданию, сам Чингисхан воевал ради того, чтобы сыскать эту Святую землю, перенести туда свою ставку, ибо после этого должны были завершиться все Войны, Убийства и Насилия на земле, но ему самому путь туда был заказан, ибо появился на свет он как «джамсаран», мальчик, сжимающий в кулаке подобный рубину сгусток крови, и это делало его непобедимым Богом Войны и Смерти, с одной стороны, но и навсегда укрывало от него «Святую Землю Жизни и Исцеления» — с другой. Поэтому сколько бы Чингисхан в своей жизни ни одержал побед, его армии никогда не ступали на землю «Святой Руси», ибо это было им заповедано. Точно так же барон Унгерн, называя себя «джамсараном», сделал себя непобедимым воином, но как Воин Огня, он не смог бы попасть на «Святую Русь» — Царство Воды, ибо Огонь с Водой не дружат. А раз он напал на Россию и перешел ее границу, стало быть, он не был «джамсаран», а всего лишь самозванец, обманщик, ибо истинный Бог Огня не может ступить на Землю Царства Воды, это невозможно в принципе. А как можно служить самозванцу и обманщику? Поэтому-то все наши и бросили Унгерна, так как воевать мы готовы практически с кем угодно, но при этом присягали России и обещали ее от всех врагов защищать, мы не можем и не будем против нее воевать, ибо мы «монголы» — «варвары Огня», люди, живущие смертями наших врагов и противников, но чьими предками были «Духи Воды, Жизни и Исцеления». Как смеем мы воевать со страной наших предков? Наша обязанность вечно служить нашей Родине, воевать ради нее, ибо страна Лекарей, Исцелителей и Святых старцев не может и не умеет воевать сама, ибо

не дело Детям Жизни чужую кровь проливать. Это лучше умеем мы — «варвары Огня», а Дети Жизни умеют нас за это лечить и учить, они для нас обрабатывают металлы, чтобы у нас было оружие, а уж война — это наше дело и наша обязанность. Вот что говорили товарищу Сталину наши родовичи. А еще они рассказывали, что крестились мы в незапамятные времена, потому что Христианство — наша Вера, Вера в Силу Воды, в Крещение, в Святое Причастие и Исцеление. Поэтому-то вера наша крепка и мы по сей день Верны Вере Предков. Но вера наша сформировалась в Китае и сильна лишь между тех, кто пришел через Гоби и Хамар-Дабан в Россию из-под Стены в царствие Михаила Федоровича.

На сей счет есть даже занимательная история. В свое время хоринский тайши, вождь восточных бурят в Забайкалье, увидав, как хорошо и с виду легко служится нашим родовичам под началом у русских, просил у сибирского генерал-губернатора Сперанского дозволения перейти в христианскую веру и спрашивал — что ему с этого будет? На это Сперанский сперва изумился, потом принялся спрашивать, с чего это хоринский тайши вдруг решил стать христианином? Тайши Лувсан отвечал ему в письме, что все вожди степных бурят-хонгодоров служат Империи, богаты, считаются дворянами русского корня, и он им страшно завидует. Поэтому-то он и просит Сперанского принять его в христианство, чтобы тоже стать богатым и знатным. На это Сперанский ему отписал: для того чтобы на Руси стать богатым и знатным, надо просто креститься, не ища выгоды и безо всяких условий, а потом лет двести честно и преданно служить Родине, и тогда богатство и знатность сами придут, а иначе — просто ради богатства, тайше Лувсану Сперанский креститься совсем не советовал. Случилось это в году 1819-м.

А с Унгерном тогда было так. В Писании сказано, как сыны Духов Огня в Иудее убили Спасителя. Христа распяли тогда на Кресте в жаркий день под палящим солнцем на Лысой горе, перебили при этом голени, которые числятся под символом Водолея, а когда он изнемог и просил пить — поили его губкою, смоченной уксусом. Уксус — враг Воды, и поэтому все это делалось для того, чтобы ослабить его Духов Предков и обессилить. Жаркое иудейское солнце, раскаленный песок, отек членов, дробление костей, при котором кровь не выступает наружу, все это действия, направленные на обезвоживание, на то, чтобы лишить человека всякой воды и надежды на Спасение с Исцелением. Почему Господь допустил Смерть Спасителя? Нас всегда учили так. Духи Воды бессильны в вопросах Смерти, это не их епархия, равно как «джамсарану» не место в России. В процессе Страстей Христовых вопрос не стоял о его спасении, ибо мучители этот вопрос проработали и изгнали от него всех Духов Жизни и Исцеления. Вопрос не стоял о физическом его Спасении или Исцелении, вопрос был о том, отречется ли Спаситель под смертной мукой от Духов Воды и Жизни? Что ж, Духи Огня и Смерти сделали тогда свое дело — они убили Христа.

Но потом день закончился, и пришло время Ночи. А ночная прохлада и утренний туман всегда приносят с собой Духов Жизни и Исцеления. Духи Жизни не могут спасти от Смерти. Но в их силах воскресить того, кто в свой смертный час от них не отрекся. В этом смысле и надобно понимать Смерть Спасителя, который тем самым своей смертью смерть попрал. И тем самым стал Спасителем.

Барон Унгерн фон Штернберг провозгласил себя Богом Огня, Смерти и Разрушения. В знак этого в мистическом смысле он много людей убивал, много чего разрушал,

и Духи Огня вселились в него и сделали — непобедимым. Ибо все те зверства, все ужасы, которые творил с пленными Унгерн — в мистическом смысле были Жертвами Духам Огня, которые при этом делали его все более сильным. Собственно, в мистическом смысле Холокост преследовал те же цели. Печи Освенцима, Майданека и Трешлинка пылали не только и не столько потому, что кому-то моча в голову стукнула. Просто существовала столь милая организация под названием «Анненэрбе», которая детально изучила этот вопрос и пришла к выводу, что для Победы нацистам желательно создать такую гекатомбу из пылающих трупов, причем желательно из тех, в чьей крови есть частицы Духов Огня, ибо тогда эта гекатомба примется пылать жарче. (Чтобы это было понятнее, вообразите, что перед вами печь, которую надобно растопить как можно жарче. Вы ведь не станете топить ее «сырыми» дровами. «Дрова» вам понадобятся самые что ни на есть сухие — с Огнем в своем сердце.) И чем больше будут эти жертвоприношения Духам Огня, тем крепче будет Тысячелетний Рейх и так далее. Они ошибались.

Уровень культуры людей определяется вовсе не их способностью к прочтению неких доисторических текстов или же их способностью убить миллионы всех тех, кто имеет с ними общие природные составляющие, ради достижения Власти чудовищной.

Культурность определяется в миг, когда вы понимаете, что любые методики, рожденные в моменты сна разума, вовсе не основание для того, чтобы их воплощать в жизнь. Особенно если речь идет именно о Холокосте — ритуальном Всесожжении — и высвобождаемых при этом энергиях Огня, Смерти и Разрушения. Есть вещи, которые делать просто нельзя по определению, и тот же Цинь Ши Хуанди,

который был первым, кто прослышал о подобной методике, оказался тысячу раз прав, приказав тут же закопать всех таких мудрецов живьем в Землю, дабы строящаяся Стена стала крепче. (Цинь Ши Хуан был китайцем, и при виде подобного безобразия он, разумеется, призвал на помощь именно тех Духов, которые были у него самого в сердце.)

Кроме того, затейники из «Анненэрбе», возможно, прочитали данный трактат не до конца или прочитали, да не все поняли, или даже поняли, но не придали значения. А речь там дальше о том, что не бывает магнитов лишь с одним полюсом. Любое самое страшное зверство со стороны духов Смерти обязательно вызовет к Жизни столь же мощный, но очень асимметричный — и поэтому Духами Огня не признаваемый — адекватный ответ. То есть духи Жизни, может быть, и не так хороши на поле боя, и с их помощью, особенно при помощи массовых жертвоприношений, ни Фау, ни Тигр, ни любую другую вундервафлю не сделать. Однако в ответ на разверстые и жаркие печи Освенцима у них, Духов Воды, Жизни и Снадобий, есть возможность подсказать их сторонникам о существовании такого плесневого грибка, живущего в прохладе и сырости, как пенициллум, и сделать все, чтобы «добрые люди» из «Анненэрбе» ни за что не получили такого же снадобья. А уж что после этого сильнее повлияет на исход сражений — Сила Смерти и Всесожжения или Сила Жизни и Излечения — решать тем, в чьих сердцах эти самые духи борются. И в этом смысле советский воин с немецкой девочкой на руках в том же Трептов-парке и есть тот ответ, который дорогого стоит.

Унгерн объявил себя «джамсараном» — сыном Бога Войны и Огня, но раз он перешел границу Руси, то таковым не был, ибо попасть в страну Воды Богу Огня заповедано,

а был он лишь одержим какими-то мелкими огненными бесами, и поэтому, чтобы его усмирить, мы сделали так. Здесь надобно понимать один важный момент: согласно теории Духи Воды в целом неагрессивны, и, для того чтобы они проявили себя, нужна явная угроза для их детей (то есть — нас с вами), урожая или, вообще, Жизни в целом. Пока Унгерн гонял по Степи баргутов с китайцами, он мог истреблять их тысячами, Духов Воды эти события никак не касались, и поэтому Духам Огня, вселившимся по его личной воле в самого Унгерна, ни в чем не было препятствия. Однако в миг, когда тот ополчился и посмел напасть на Святую Русь, ситуация для Духов Воды изменилась радикально (вообще, это очень напоминает действия России / Царства Воды в любой войне в целом: пока действия идут посреди Австрии, на сопках Маньчжурии, в лесах далекой Финляндии или даже посреди пустынного Крыма, наши войны идут по одному сценарию, однако стоит врагу в явной форме покуситься на любой клочок Царства Воды — такая война тут же переходит в категорию войны Отечественной со всеми из этого печальными для врага вытекающими).

Поэтому сразу после объявления Унгерном похода против Страны Советов, в Степи посреди сухого сезона хлынули проливные дожди, Степь раскисла, и конница Унгерна потеряла былую маневренность. Наши родовичи, в «черной вере» весьма сведущие, сразу сообразили, что эти неестественные для сухого сезона дожди — лишь первая ласточка озлобления Духов Воды на противника. Так сказать, первые разведдозоры Исполинской Черной Черепахи, этикие цветочки. А ведь потом будут и ягодки в виде ранних необычных по своей силе морозов, густых туманов и утренних изморосей. Затем придет черед Сущностей, которые еще больше и гораздо серьезнее. А уж когда возникнет то, что

называется в китайской натурфилософии «Дыханием Черной Черепахи», то согласно преданиям «сердца самых смелых и храбрых людей будут стыть от смертной тоски, уныния и неверия в свои силы». (Не все Духи Воды — такие уж белые и пушистые.) Поэтому знатные родовичи Унгерна сразу бросили, перешли на русскую сторону, и православные батюшки над всеми ними совершили обряд очищения. Возможно, вы не знаете о таком казусе, но посреди войны с Унгерном давешних нукеров барона массово принимали в ряды Красной армии — через повторное крещение, через полное погружение в воду (а она была ледяной — не июль месяц чай стоял), а потом обязательное принятие Святого причастия. Причем делали это православные батюшки — настолько к данному вопросу мы подходили серьезно. (Да, из-за атеистической пропаганды в годы советской власти подобные факты в истории постоянно замалчивались, но из песни слов не выкинешь — будет видна явная плешь, и поэтому сегодня история войны с Унгерном порой выглядит совсем странно.) Пришел день и час, и монголы с семеновскими казаками схватили своего предводителя и передали его в наши руки. (Да, то есть в полном соответствии с китайским каноном, и здесь не обошлось без предательства — человек, именовавший себя Богом Огня и Смерти не мог быть «схвачен» людьми православными.)

Никто и никогда не описывал историю пленения Унгерна, а она весьма поучительна, ибо в ней прослеживаются явные параллели с одной очень известной историей, и из нее видно, как оно по иному раскладу обычно и выглядит. Монголы привезли связанного по рукам и ногам Унгерна темной ночью к пограничной реке Чикой, воды которой тоже считались священными. Моросил мелкий дождь, и от реки поднимался ночной туман. Монголы-предатели бро-

силы связанного Унгерна в воды Чикоя с их стороны, а здесь его в ледяной воде священной реки уже ждали наши чекисты и бурятские православные батюшки, в «черной вере» сведущие. Вместе они взяли барона, и батюшки его насильно крестили в воде, а потом призывали всех Духов Воды, Жизни и Холода изгнать из негодяя всех Бесов Пустыни, Смерти и Разрушения. При этом барона регулярно топили в священной воде до тех пор, пока он не начал захлебываться, пока тот не стал кричать, что он самый обычный простой человек. Самозванец. И он все это выдумал, и к Духам Огня он не имеет никакого касательства. Лишь после такого признания и добровольного принятия пленником Святого причастия батюшки пришли к выводу, что все бесы из бесноватого изгнаны. По прекращении дождя и уходе тумана они доложили, что Духи Воды, наконец, успокоены. И, как только батюшки пришли к общему мнению о состоянии Унгерна, того наконец из вод священной реки вынули уже на Святорусскую сторону.

Люди, которые потом его уже в наших застенках допрашивали, в один голос изумлялись тому, что «это ничтожество» было способно наводить на людей ужас, ибо, с их точки зрения, это существо ничего из себя не представляло и выглядело скорее пустой оболочкой, в которой не было ничего человеческого. Однако люди, в «черной вере» сведущие, в свою очередь объясняли все тем, что у барона Духи Предков, его Покровители, почти все были из Духов Огня, и как только он отрекся от них, то они ушли, и в душе отступника вообще ничего не осталось, ибо для любых Духов он уже стал Предателем и по деяниям оставался Преступником, поэтому помогать ему они были совсем не намерены. Так бесноватый фюрер, когда все его человеческие жертвоприношения, называемые сейчас Холокостом, не привели

к победе в войне, приказал открыть шлюзы на Шпрее, и тогда вода реки хлынула в немецкие бомбоубежища, и тысячи нецев от этого захлебнулись, а безумный маньяк при этом надеялся умиловать этой жертвой Духов Воды, которые шли на Берлин вместе с Красной армией. Но после всего, что он сделал, какой уважающий себя Дух Воды стал бы с ним разговаривать. Да и человеческое жертвоприношение — пусть и посредством Силы Воды — Духам Жизни противно. Это Духи Смерти от всеожожения людей радуются, а для Духов Жизни подобное приношение оскорбительно. Вот обо всем этом и рассказывали Сталину наши родовичи, за вычетом историй про Холокост и шлюзы на Шпрее, так как они тогда еще не случились, а он их внимательно слушал. А потом всем нашим, как своим верным слугам, безусловно, доверился. А они ему все тоже поверили. Я об этом спрашивал стариков, и они в один голос всегда говорили, что с клятвой все было серьезно. Они с того дня всегда относились к Сталину как к Хозяину. Наверно, это и стало причиной того, что всех родовичей потом все репрессии миновали, а у нас в родах появилось столько старших офицеров и генералов этого ведомства. Я думаю это и есть историческая неизбежность, ибо хоть и были мы все для Страны Советов классово чуждыми, но в делах безопасности опираться можно лишь на тех, кто надежен, а какая тут может быть иная порука, нежели слово чести. Хозяин всегда понимал этот момент, в отличие от кровавого мечтателя Троцкого или гешефтмахера Зиновьева, которые ставили в наших краях на безродных аратов.

А дело было так. В партии было тогда беспокойно. Очень многие в те дни боялись усиления Троцкого, так как он был тогда наркомвоенмор и под его началом были все

вооруженные силы молодой Советской России, а как говорил товарищ Мао, винтовка рождает власть. Любые войска в стране в те годы поступали в распоряжение товарища Троцкого, и это страшило его же товарищей, ибо Троцкий был человек увлекающийся. Именно поэтому в те годы отряды ВЧК и народной милиции были подчинены тому же Феликсу Эдмундовичу, так как он не дружил со Львом Давидовичем и его кагалом, но сам Дзержинский был уже весьма болен и все в ЦК думали, кто его сменит как глава вооруженных сил — альтернативных в случае Красной Армии. При этом и речи не могло быть о том, чтобы создавать альтернативную армию, ибо такая вещь вела бы к расколу и новой гражданской войне уже между красными. А Сталин был тогда дружен и с Зиновьевым, и с Каменевым и поэтому, когда неведомые дикие монголы присягнули на Верность Иосифу Виссарионовичу, те же Зиновьев с Каменевым дали ему добро командовать этими «национальными силами» просто для того, чтобы создать некий противовес товарищу Троцкому. В те дни никто и не думал, во что это все может вылиться. А еще во всем этом был и такой момент, что русским такие полки создать было нельзя, ибо Троцкий был по крови сами знаете кто, и он весьма опасался, что русские его сместят именно по национальному признаку. Бурят-монголов же в нашем правительстве тогда не было, и ему показалось, что будучи «инородцами» мы будем скорей за такого как он «инородца», а не против. Опять же помогли и национальные халаты — дэгэлы, в которых на встречу с Дзержинским и Сталиным прибыли тогда наши родовичи. В наших краях есть обычай, что гость в знак уважения к хозяину обязан вытереть руку о грудь своего парадного халата, мол, ему было так вкусно, что

не жаль и парадного наряда жиром выпачкать. Прибавьте к этому обычай в наших краях — есть руками, помогая себе только ножом. Праздничным лакомством у нас считают лапшу бухлер с жирной бараниной, а почетному гостю обычно предлагают полакомиться вареною головой барана — мозги барана даже жирней, чем курдюк, если честно. И вот все это съедают руками, а руки вытирают о грудь своего халата, так что можно представить, как он после пяти-шести торжественных ужинов выглядит. А теперь предположим, что собрались главы родов, у которых этих торжественных обедов было в жизни за тысячу, пришли они на торжество Клятвы в верности перед новым Хозяином, причем собрались дать эту Клятву, как в былые годы, Русскому Царю, то есть пожизненно, так что халаты они надели на себя самые, по их мнению, лучшие. Но при этом боюсь, что с этих халатов разве что жир не капал! И вот в таком виде наши родовичи пришли на поклон к товарищу Сталину. В революцию Москва видела множество ходоков, но боюсь, что даже по меркам тех лет наши главы родов выглядели на той встрече, скажем так, живописно. Поймите правильно, если бы к Сталину пришло сто офицеров в хорошей форме да с германской выправкой, все враги Хозяина сразу бы насторожились, а тут явились какие-то дикари из кочевий, поэтому это было расценено, как определенное клоунство. Так что само появление «национальных частей» под командованием Сталина прошло незаметно, но без присмотра оно не осталось. Тем более что при подготовке России к новой японской кампании царское правительство создало арсеналы и военные городки именно в наших краях — на узле железных дорог и в то же время

в глубине России, чтобы у нас было пространство для маневра против Японии. Теперь, если там оказывались «национальные силы» под командованием Сталина, возникала опасность появления большого укрепрайона, в котором за-сели бы части не Красной армии.

Поэтому в те дни было принято два решения: во-первых, наши «васильковые» части все выводились в разные стороны из Бурятии: кто-то в Монголию — помогать бороться с китайцами, кто-то в Синьцзян — воевать с уйгурами Туркестана, которыми командовали британцы, а кто-то отправился в Среднюю Азию — подавлять тамошнее басмачество. Вплоть до середины тридцатых все наши «васильковые», которые со временем стали полками НКВД, были разбросаны практически по всей Азии и занимались там щекотливыми операциями, в которых русских солдат было бы использовать несподручно. Ибо, одно дело, когда в Азии воюют синеглазые, русые, да в русской форме, а другое — когда на тебя налетает толпа раскосых с саблями, в халатах иль ватниках, ибо отличить «васильковых» от тех же магометан — юэчжей или же басмачей, было практически невозможно. А задачи у нас в те годы порой были разные. Опять же — постоянные боевые действия против то японских, то британских ставленников приводило к смычке наших отрядов с людьми из политического отдела разведки нашего тайного ведомства, а привычка к совместной работе со временем привела к тому, что полки наши стали называться полками ОГПУ, а после НКВД. Сталин этому не препятствовал, так как мы сохраняли ему личную клятву Верности.

С другой стороны, постепенное подчинение «васильковых» силам ОГПУ было связано с тем, что называться «национальными силами» нам очень быстро стало весьма

неподручно. В те дни всех тогдашних бурятских вожаков, ставших известными в революцию, приглашали в Москву, с ними разговаривали и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, в общем, все тогдашние вожди, кроме Сталина. А после всех этих бесед была создана Бурят-Монгольская АССР, которой в те годы подчинялась большая часть нынешней Иркутской области в виде Усть-Ордынского нацрайона и Читинской — в виде района Агинского. При этом Бурят-Монголия соединялась на карте с той же Усть-Ордой через Байкал и остров Ольхон. Делалось это все нарочно и из-за того, что раз троцкисты не смогли помешать тому, что у Сталина появились свои вооруженные силы, то нужно было их хоть как-то «изговнять» по аналогии, мол, если в Бурятии что-то творится, то и бурят-монгольские полки Сталина по сути такие же. Для этого в бурятские вожаки были выбраны самые обычные араты, которым Троцкий с Зиновьевым говорили, что надо развивать национальную культуру и самосознание, а самый страшный вред для бурят от великорусского шовинизма. Этим закладывались возможные бомбы под «национальные отряды» под командою Сталина. Если бы троцкистские ставленники в Бурятии принялись много говорить о Великой Бурятии, то тогда Сталин стал бы в глазах всех виноват, что «бурят-монголы бунтуют», а он якобы их войсками командует. Вот поэтому Сталин и перевел все наши части под начало ОГПУ при первой возможности и от всех этих аратских проделок в Бурятии всяко отрекся. А в Бурятии в те годы начался ад крошечный и «погоня за ведьмами». Всех «социально чуждых» арестовывали и сажали в тюрьму, так что в двадцатые годы почти все родовичи-мужчины служили в «васильковых» частях, а женщины оттуда уехали, и тогда в республике процвело махровейшее аратство. Этим и объясняются

ужасы, которые начались после этого. Я думаю, что случилось так только лишь потому, что кухарка не должна управлять государством, а когда ей поручают это нарочно, то те, кто ее туда посадил, заведомо враги народа, ибо они «ведают что творят» и чем такие вещи обычно кончаются.

В те годы я был еще маленьким и только школу заканчивал. Дед как раз тогда умер, и мы с сестрою и братьями получились в те дни круглые сироты. Но мир не без добрых людей. Уцелевшие в войну сродники помогли: вывезли нас из республики, вырастили, и поступил я в Сибирский технологический институт. Позже его стали называть Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

История третья,

рассказанная

одной актрисой,

или антракт

*В парке Чаур распускаются розы,
В парке Чаур расцветает миндаль.
Снятся твои золотистые косы,
Снятся мне свет твой, весна и любовь...*

Зовите меня Моника, Моника Еремеевна. Нет, конечно, при рождении меня звали иначе. Крещена я Матреной, а все близкие звали меня просто Моня. А Моникой я стала случайно. Сажу как-то на допросе, оформляю документ на подследственного, и тут входит ко мне коллега и с порога во весь голос:

— Монь, дело № 1861 у тебя закрыто? Меня прокурор спрашивал.

Не помню, что я ему ответила, а подследственный то ли приколоться хотел, то ли уточнить, и поэтому улыбнулся мне на все тридцать два зуба и спросил:

— Моня — это сокращение от имени Маша или, может быть, Моника?

Я смотрю на него — дурак или нет — и вижу, что он со мной заигрывает. Поэтому распахнула я ему навстречу глаза пошире, сделала лицо поглупей и так весело и с придыханием:

— Да, меня зовут Моника. А как вы догадались?

У него аж лыба на пол-лица, мол, во, нашел матрешку с базара, тупую, да лупоглазую, сейчас я ей на уши лапшуту навешаю. Хвост распустил и давай передо мной красоваться и так и этак — петух хренов. А я ему лишь поддакиваю и успеваю записывать. Двадцать с лишним человек он оговорил в этот день, красуясь перед деревенской дурой «Моникой», а ведь скажи ему, что я «Матрена», замкнулся бы ведь, как рак отшельник, и попробуй его тогда из устрицы выковырай!

Взяли потом одного, другого, третьего — они все друг на друга валят, успевай лишь записывать, и, если назовешься им сразу Моникой, говорят они на следствии много легче. Что взять — петухи они и есть голубцы. Баб они вообще за людей не считали, особенно если у женщины имя Моника. Поэтому мне так им представляться сам Бог велел.

Почему педики? Да потому что я вела крупное следствие по выявлению всех этих извращенцев в органах и в Красной армии. Самое крупное дело? Мы взяли наркома Ежова, да, наркома внутренних дел. Баловался он чужой задницей, а порою и свою подставлял. Один раз он подставил ее под мужика, который был по нашим сведениям агентом польской разведки. Тут-то его и повязали, голубчика. Голубца — если точно.

Революция подняла много пены, очень много было таких голубцов в первые годы советской власти — и у нас в органах, и в армии. Даже такая присказка в те годы была: «Если дяденька-крепыш губы на помадил, берегись его малыш — это страшный дядя!» Долгое время на это закрывали глаза, а потом пришло разъяснение, что надобно всех этих голубцов у нас в рядах вычислить и выписать им свинцовую таблетку в один конец.

Почему так сурово? А зять мой познакомился в свое время с одним немецким товарищем. Тогда он был оберстом немецкой военной службы, а на деле работал в немецкой разведке. Очень интересный для нас человек оказался, занимался составлением рационов для немецких солдат перед Первою мировой. Первым обнаружил, что среди молодых юнкеров в военных училищах можно выделить две группы юношей — кто страдал от частых простуд и связанных с простудами заболеваний и кто страдал от мигреней. А вот тех, кто не страдал ни от того, ни от этого из юнкерских

училищ сами дети вымаривали. Потому что при ближайшем рассмотрении эти дети оказывались плохими офицерами в будущем. На том основании он создал две диеты — для «головников» и «простудников», так что заболеваемость среди юнкеров упала более чем в два раза. И это без лекарств и прочих там снадобий, так что его сразу отметили. А особо отметили его указания на то, кого не надо брать в офицеры, потому что все равно ничего не получится. Нынче эту методику вы можете наблюдать в наших оздоровительных санаториях в виде тамошних «столов № 1 и № 2». И еще к ним «общий стол» в тех же санаториях — если вы меня верно поняли.

Прославившись как диетолог, он пожелал изучить, как это выглядит у иных народов, а не только в Пруссии, где все юноши «на одно лицо». Его направили по специальности в Турцию, где он в годы Первой мировой войны лечил немецких солдат, служивших тогда в форме турецкой армии, так как без них турки выглядели совсем бледно. Там он прославился как руководитель операции по борьбе с заразой, возникшей после массового убийства армян. Трупы долго не хоронили, они разлагались на солнце, их ели шакалы, вороны и мыши, и когда началось заражение, все это могло перерасти в катастрофу. А он смог наладить устройство военных госпиталей и похоронных команд и предотвратил развитие эпидемии.

Поэтому после войны его и пригласили в нашу страну бороться с заразой, эпидемиями и антисанитарией, возникшей после того как была революция. В итоге он скорее был русским врачом, чем немецким — если считать по годам активной работы. А кроме того, он в Германии, как оказалось, прославился тем, что довольно случайно встретился с молодым оратором по имени Гитлер и обнаружил, что у того все время горло простужено. Тогда он подарил Гит-

леру шарф, с которым тот потом не расставался даже в тюрьме, куда его посадили после «пивного путча», и составил чудодейственную микстуру, которая позволила тому вылечить наконец свое горло. После этого во время долгих выступлений этого самого Гитлера горло у него больше не саднило. В благодарность же Гитлер сделал этого самого Цейса одним из самых видных и уважаемых членов своей партии. А нас тогда интересовал как Гитлер, так и те, кто вокруг него крутится, и поэтому, пригласив сюда Цейса, мы по его рассказам внимательно изучали окружение будущего господина Германии — с самыми разными целями. Не надо и говорить, что в итоге помимо интересной для него научной работы в нашей стране этот самый Цейс получал невиданную для молодой России зарплату. А с другой стороны, тот же Цейс всегда был офицером немецкой военной разведки, так что любое общение с ним было сложным и скользким. Но это хорошо объясняет, кто в Европе был наш друг после Первой мировой и то, как мы с ними сдружились после Рапалло. Ну, вы меня понимаете.

Самое главное, что он тогда сделал: родил теорию о том, что болезни в теле людей соответствуют их социальному положению в обществе. Так, военные и управленцы чаще маялись болезнями горла или мигренями, рабочие и инженеры больше страдали от болезней сердца и легких, священники, учителя и врачи чаще умирали от заболеваний пищеварительных органов, а буржуи и гешефтмахеры всякие — от простат, венерических болезней и всего подобного. Но если смотреть в обратную сторону, то получалось, что люди с больным горлом и мигренями могли быть и военными, и инженерами, и учеными. Люди с больными легкими или сердцем могли стать не только инженерами и изобретателями, но и врачами или продавцами, но не бывали военными. А люди с проблемами желудка или же

печени умели или торговать, или лечить, но никогда не становились дельными офицерами и изобрести ничего не могли.

В итоге Цейс создал свою «пирамиду Цейса», в которой существовали этакие «юберменьши», которые могли заниматься чем угодно внутри пирамиды, но лучше всего они воевали или служили Родине. При этом сами они не работали, а стало быть, по теории Цейса, должны были обслуживать свой народ своей службой на благо народа, и за это Цейс называл их «слугами народа». Затем шли рабочие, инженеры и крестьяне, которых он называл «пролетариатом физического и умственного труда», и которые своим трудом обеспечивали всю «пирамиду Цейса»; еще ниже шла «интеллигенция», которая обеспечивала лечение, обучение и поддержку народа, то есть «пролетариата», и, наконец, внизу оказывались «унтерменьши», занимающиеся проституцией, воровством и торговлей. И так как все эти люди одним своим существованием и образом жизни понижали общественную мораль, то с ними Цейс предлагал всемерно бороться. Я не хочу ни на что намекать, но обратите внимание, насколько теория Цейса воплотилась в нашей реальности в те времена. И насколько она же воплотилась в реальность фашистской Германии. Так что дяденька был весьма интересный и умел убеждать в своей правоте самых высших лиц в государствах. Будь в нем хоть капельку властолюбия, думаю, что у Германии в итоге оказался бы совсем иной фюрер, так как говорил он с людьми порою не хуже самого Гитлера. А так он стал просто одним из незаметных референтов бесноватого фюрера — обоих это устраивало.

А в нашей стране Цейс в свое время прославился тем, что написал докладную записку на имя самого товарища Сталина, в которой разъяснялась его теория и шла речь о том, что каждое общество порождает собственную «пирамиду». Если два общества смешиваются, тогда одно из них,

в котором уровень производительности труда выше, в целом окажется выше своих визави. То есть, если в нашей стране будет больше народу заниматься творчеством, честно служить стране или даже проповедовать, учить, лечить, то при слиянии двух стран наши люди окажутся выше по социальному положению, чем былые соседи. Если, напротив, у нас в стране будут проститутки на каждом углу, высокая преступность, алкоголизм и наркомания, то при таком же слиянии мы всем нашим обществом будем загнаны в нижнюю часть возникающей общественной пирамиды.

Поэтому пока на земле существуют различные государства, всякое государство обязано повышать свою собственную общественную мораль, увлекая людей к служению другим, или творчеству, и понижать мораль у своих соперников. Пропагандируя для них культ насилия, разврат и педерастию всякую. К примеру, Цейс убеждал, что внутри американского общества находятся известные группы, которые делают все для поддержания внутригрупповой общественной морали, экспортируя в остальное общество пресловутые алкоголизм, организованную преступность, проституцию и извращения всякие. При этом в ходе естественного взаимодействия двух социальных структур данные группы оказываются «природой вещей» вознесены в верхние страты американского общества, а все прочие, не относящиеся к данным группам, оказываются там, где оказываются.

На основании всего вышеизложенного, Цейс просил руководство Советского Союза (и в другом письме — нацистской Германии) «принять меры». В ответ на это Сталин на полном серьезе спросил, что, по мнению Цейса, надо делать с проштрафившимися управленцами и военными с точки зрения его странной теории. А Цейс на таком же серьезе ему отписал, что аристократ, торгующий петрушкой на рынке, равно как аристократка, занимающаяся проститу-

цией, оказывает худшее влияние на общественную мораль, чем такие же аристократ или аристократка, публично расстрелянные, и в качестве примера привел известные всем истории из Великой французской революции и напомнил о том, как зажигали по всей Европе полки Наполеона потом после этого. А на вопрос — как именно лучше всего укрепить общественную мораль, Цейс отвечал, что надобно детей сызмальства приучать к испытаниям. Принадлежность к той или этой группе детей, по мнению Цейса, наследовалась, однако у детей, если начинать сызмальства, в ходе прыжков с парашютом, игр «зарница», занятий в «гитлерюгенде» и всем прочем раскрывались «крипты», а точней гены спящие, унаследованные ребенком от дедушек с бабушками, а то и от прадедов с прабабушками. И в этом случае даже от очевидно по виду пейзажного гешефтмахера можно было получить или хорошего воина, или — рабочего. Поэтому детей надо с детства приучать к занятию спортом, привлекать к военно-патриотическим играм и так далее. Но если в человеке нет хотя бы одной восьмой крови известного воина или изобретателя или происхождение его неизвестно, то лучше такого направить сразу в трудовой лагерь, где в условиях суровой действительности иной раз крипты раскрываются, и из лагеря такой выйдет вполне себе «пролетарием». Это было сказано Цейсом, пока он жил в Советской России в 1928 году — ежели я не забывала, и вы сами знаете, насколько эти слова были признаны нами как руководство к действию. Впрочем, как руководство к действию они были признаны и в фашистской Германии.

А в моем случае на нас спустили приказ — проверить сексуальные наклонности всех сотрудников НКВД, и если кто-то из них окажется голубцом или каким иным извращенцем, то без шума и пыли надо такого привести к стенке.

Ибо руководство и военные считаются у нас образцом морали и нравственности, и в нашей стране среди них не может быть пидорасов и иных извращенцев.

Конечно, у этого приказа было «двойное дно». Дело в том, что в полном соответствии с теорией, подобные отклонения чаще наблюдались в среде «унтерменьшей» по Цейсу, то есть для России — среди лиц определенной национальности. Все эти лица оказывали поддержку своему лидеру Льву Троцкому, которого в 1927 году наши выслали из страны, и поэтому, когда расстреливали очередного выявленного голубца, можно было и к цыганке не ходить, что он оказался бы или роднею, или соплеменником, или сторонником Троцкого. Так что на деле весь этот процесс был затеян и для того, чтобы всех сторонников Льва Давыдовича ущучить внутри нашего ведомства, не ссылаясь ни на их политические взгляды, ни на нацию. Если бы взяли за жопу троцкиста и сказали бы что взяли его как троцкиста, вони было бы целое облако. Если бы взяли еврея и озвучили, что взяли его как еврея, то вони бы было еще больше. А когда мы в рядах выявляли еще одного голубца, то все евреи с троцкистами делали вид, что с подобным извращенцем они не знакомы, и вот оно — дело сделалось. Так что все было хитрее, чем выглядело.

Так получилось, что в начале тридцатых меня с подругами бросили именно на выявление извращенцев внутри наших же органов. Дела эти обрастали подробностями, так как они были не только и не столько петушками, но еще и троцкистами, так что при выходе в коридор они потянули за собою и всех своих друзей и товарищей. А раз дела были связные, то и постепенно переводили нас с подругами с дел извратных на дела политические, так и доросла я до военврача первого ранга со степенью по психиатрии. Я же

ведь была формально не следователь, а специалист по психическому состоянию подозреваемых.

А ушла я после того, как закрыли нас с Пашей в августе 1953-го — вместе со всеми прочими нашими. Расстреливали тогда людей ни за что — по прямому приказу либо Хрущева, либо Жукова. И еще понятно если бы стреляли по плану, а то ведь лишь тех, кому случалось по службе тому или этому поперек слово сказать, то есть из чистой мести за тот страх, в котором все эти годы жили эти два десятилетия. Ну и ушла я. Ну их в пень, с их аппаратными играми, ибо одно дело служить стране, за это можно любой грех взять на душу, а другое двум истеричным взбалмошным «девочкам», которые дорвались до Власти. Тоже мне — два известных «бомбардировщика»... В каком смысле «бомбардировщика»? Забейте, это я так, к слову. Вдруг вспомнилось.

Сперва я была просто психиатром. Поменяла паспорт, имя в паспорте, ибо одно дело ругать кукурузана в колхозной столовой Матреной, а другое в приличном обществе Моникой. Потом из психиатров ушла, пришли ко мне и стали просить, чтобы я написала заключение на одного диссидента, мол, у того с головой не в порядке, и он за это на Хруща наговаривает. Я и сказала им в ответ, что про Хруща и не такое скажу, ибо, как врач, его лучше знаю, да только меня за это на улице по голове ударят насмерть и скажут, что ограбление, а я не дура, чтобы на такое подписываться. И не надо к человеку придалбываться да лепить ему левые ярлыки. Может быть, он диссидент, и строение у него астеническое, и нервный он не по-детски, ибо такие как вы, любого доведут до цугундера, но не шизик это, и поэтому я ваше липовое заключение не стану подписывать. А мне в ответ сказали, что на меня уже тоже целое дело имеется за то, что я рекомендовала этого самого

Цейса принять в нашу Коммунистическую партию, когда он был нашим руководителем во Владимирском филиале Военно-медицинской академии. А он ведь в Германии был группенфюрером СС... Иными словами, за кого давали рекомендацию? Я пыталась объяснить, что он, как личный друг и референт Гитлера, попал и в партию и в СС по умолчанию, а на деле ему всю жизнь было все равно, так как большую часть был за границей — разведчиком... А потом я поняла, что им по фигу, да и нельзя ссылаться на Цейса. Вон у нас так называемый августовский Пленум ЦК в 1948 году случился лишь после его смерти, так как тогда можно было выдать его идеи за идеи Тараса Лысенко. Мол, все ДОСААФы и Осоавиахимы, в которых из детей пытались создать изобретателей с управленцами, были плодом не теории неведомого советскому народу фашиста, а нашего родного агронома и практика. Да только этот агроном двух слов сказать не мог, а от его рассказов аж челюсть сводило. А про то, что нарочно на западе развивают культ содомии, проституции, порнографии да извращений всяческих именно на потребу всяким туземцам навроде нас, а те кто, все это пропагандирует, блюдут лютую мораль внутри своей группы — во времена Хрущева, кстати, даже поминать запрещалось. Еще бы — видный фашист про это сказал, а стало быть, ему ни в чем веры нет, а мы разрешим у себя всех этих стилиг и буги-вуги всяческие. Похабные, в общем, были тогда времена; если приняли решение сажать, так давайте сажать, а не требовать от меня, чтобы я признала этого дохляка шизофреником. Так и ушла я из психиатрии, а заодно и из партии, как скрытый симпатизант фашисту из преступной организации.

Может быть, и надо было бороться, чтобы на меня тогда клеймо не повесили, да только мне в те дни было уже все равно. В том году венгры Пашу убили. Все думали, что

его еще в августе 1953-го расстреляют со всеми нашими, но в тот раз пронесло, потому что он ловил врагов в прифронтной полосе и поэтому с главными нашими упырями по работе не сталкивался. А они стреляли не всех, а лишь тех, на кого у них был личный зуб, вот такие у нас были тогда министр обороны да глава партии.

Я Паше еще говорила: ну зачем, не нужен ты им, уходи пока не поздно, обо мне подумай, о своих сыновьях, о моей Машеньке — ведь подставят тебя, дурака, мы все сейчас под Богом в расстрельных списках у них перечислены. Не простят они страха своего, не простят — я таких чмырей на следствии десятками видела. Не послушал. Сказал, что полк его направляют на подавление в Венгрию и он вместе со всеми пойдет. Вот и погиб он тогда чуть ли единственный из наших старших офицеров в этих событиях. Чуть ли не последним из выпуска их поселка Дзержинского. Ведь он у меня из беспризорников был — родители его, дворяне Ярославской губернии, погибли в ходе подавления мятежа левых эсеров у них в Ярославле. Вот и отобрали его вместе с другими детьми-сиротами благородных родителей по приказу Дзержинского в особое училище. Называли их потом «соколы Сталина». На прежних-то офицеров, тех, что предали Царя и Отечество, надежды никакой не было, а на всяких пархатых голубцов, набранных в армию по прихоти Троцкого — еще меньше. Полегли они все. Практически все в войну полегли. Паша мой был чуть не последним из всего года их выпуска. На прощание все смеялся, говорил: «Кто — кроме нас?» Привезли его на лафете, похоронили на Даниловском, был оркестр, дали прощальный залп... А они меня в это время мучают, все жилы тянут, подпиши, подпиши этого дурака шизиком. Чего тебе стоит? Или назовем тебя фашистской пособницей.

Ну и не выдержала я, сказала — идите вы на хрен. Исключайте из партии, называйте пособницей, мне это по фигу. Только Машкину биографию не марайте, вам ее приказа топить не было. А меня валите — согласна я — благо мы с Машкой служили в разных Управлениях и фамилии у нас разные. Только не подпишу я это ваше сраное заключение, дурак этот мужик, «полезный дурак», как про таких сказал Ленин для наших противников, но в дурку, по моему заключению, вы его не засунете. Так и вышибли меня и из психиатрии, и из партии.

А затем... Затем пригласили меня в экспедицию — то ли снежного человека ловить, то ли еще для чего. Народ знал откуда-то, что я шаманского роду и умею плясать шаманские пляски. На пенсии сидеть скучно, я была в те годы не старая еще, а меня с моим личным делом, где было написано про симпатию к фашистскому группенфюреру, никуда в серьезное место не принимали. Боялись последствий, хоть я никому мое прошлое в НКВД не озвучивала. Ну и поплясала я им там, на природе, попела. Смешно же, ученые все кругом были как дети малые — волосатые да патлатые. И звали они себя кто Вольдемар, кто Альберт, хоть по паспорту были кто Алексей, а кто — Владимир. А я по паспорту — Моника, и они от этого мне завидовали. Вот такие вот — цветы жизни. Ну и понимание природы у них было при том соответственное. А я за годы следачкой по особо важным привыкла смотреть на вещи проще и примечать кругом всякое. В итоге я им одного «снежного человека» поймала, это были на самом деле детишки и действовали из шалости, в другой раз — под видом «снежного человека» преступники воровали еду из амбара в горах. В общем, как могла опускала их на грешную землю. За это про меня пошла слава среди всех этих патлатых, ибо от

дурки спасла диссидента, хорошо выясняет, где и что было на самом деле: там, где думали — мистика, опять же на привале и сплясать по-шамански, и спеть смогу. В общем, стали меня брать на всякие случаи с виду мистические, да с присутствием режиссеров и камеры. Время тогда было такое, когда только-только на западе появлялись всякие Деникены с их «Воспоминаниями о будущем». Там описаны были интересные случаи, так что потом, когда на западе вышли «Икс-файлы», меня называли не иначе, как «русской Скалли». В итоге народ удивлялся, когда при встрече понимал, что я ни капли не русская. А в итоге меня пригласили на Мосфильм на старости лет, и так я стала актрисой. Снималась часто, обычно все в дублях то у Герасимова, то у Шепитько, угощала всех бозами, варила бухлер, танцевала и пела, так что неудивительно, что сейчас все знают меня как актрису.

А хотите, расскажу про самое интересное дело в стиле «русской Скалли»? Хоть бы, к примеру, вызвали меня в съемочную группу снимать научно-документальный фильм про поверия. Был в Бурятии такой Алтарь Воздуха в долине реки Улай. Я-то шаманка Воды из Алтаря Воды у Хонзоя, и у нас с Уляем была разница: наш Алтарь был христианами признан, и к нам веками ездили все самые родовитые монголы на излечение, а Улай считался местом проклятым. Было поверие, что, тот, кто услышит, как ночью плачут «улайские девицы», с тем случится несчастье. И вот загорелось одному из московских ученых либо подтвердить, либо разоблачить этот миф.

Сборы были недолги, подписали на это целую съемочную киногруппу, меня пригласили как местную шаманку и знатока этих мест, мы собрались и поехали... Впрочем, это уже совсем иная история.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

РАССКАЗАННАЯ

ХРАНИТЕЛЕМ ОЗЕРА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Часть III. Начало

Любовь (1933–1940)

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой —
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Я сам столкнулся со всеми этими делами на летних каникулах в конце двадцатых годов. Я тогда учился в Сибирском технологическом институте на инженера-путейца, а каждое лето мы подменяли движенцев на паровозах. Я считался помощником машиниста, но в реальности работал и кочегаром, так как денег у дороги в те дни было мало, на всем экономили, и поэтому должности кочегара на сибирской дороге в те годы не было. То есть была, но не было таких ставок — обязанности кочегара машинист и помощник машиниста исполняли по очереди. Работа эта не сахар, поэтому всем путейцам полагался особый отпуск, а нас студентов как раз присылали их подменять каждым летом. Работа была хоть и интересная, но тяжелая, зато за нее очень много платили, а мы с братьями и сестрой числились при живом отце сиротами, и мне, как в доме самому старшему, приходилось все время работать на разгрузке вагонов. Благо нас студентов-путейцев на станции «Томск» работники дороги вот так вот прикармливали. Так что тяжелой работы я не чурался и ей только радовался. За хорошую работу на дороге меня сначала отметили, потом я стал комсоргом Иркутского депо, хоть и появлялся

там лишь на каникулы, а на работе я стал бригадиром, назначающим на паровозы движенцев: считалось, что я справедливый и честно по народу работу раскладываю. Опять же помогло то, что дед мой долго был главным на дороге в Мысовке и отец числился хорошим путейцем — а на дороге всегда работают семьями. Да и в институте дела шли более-менее гладко.

И вот однажды перед весенней сессией вызывают меня в деканат, а там сидит Георгий Башкуев. Точнее по документам, он был Горможап, но крещен как Георгий. Их было два брата Башкуевых — Боря и Жора, старший по документам Будда, а младший, стало быть, Горможап. Они оба были старше меня, и поэтому будущий мой сват Боря успел учиться в университете в Санкт-Петербурге, а потом пошел добровольцем воевать с немцами в чине прапора, а был он военным переводчиком в нашем Иностранном корпусе, который мы тогда послали во Францию. Особой его заслуги в том не было, просто у нас любили щегольнуть перед Европой экзотикой, и младший офицер с университетским образованием азиатского вида перед нашими европейскими союзниками козырно выглядел. Вот его и послали во Францию. А там его стали странные люди обхаживать на тему, каковы настроения среди наших людей и нравится ли нам жить под русскими, да с вопросами — а где в ваших краях служит такой-то фон-барон, высланный из основных войск в Сибирь. Боря, не будь дураком, доложил обо всем кому надо и в итоге оказался приписан к интересному отделу нашего военного ведомства, так что всю войну он провел по союзным тылам, на разные темы со всякими интересными людьми разговаривая. Через этот казус так же сложилась жизнь и у Георгия. С началом войны Жора поступил в юнкерское училище на военного медика, так как по

крови весь Шестой род не монгольский, и за это им запрещалось носить оружие. Там его нашли те же, кто курировал уже его старшего брата, и в итоге и Георгий учился в училище не только и не столько врачебной науке. А когда произошла Революция, так вышло, что многие подразделения нашей внешней разведки перешли на Красную сторону, а вместе с ними и мои свояки Боря и Жора. Боря при этом так и оставался во Франции и, по слухам докладывал, сколько и какого оттуда белые получают оружия, а Жора попал в ВЧК и был вхож к самому Дзержинскому, так что когда Иосиф Виссарионович с Феликсом Эдмундовичем принимали к себе «васильковых», они уже имели некое представление о работе и способностях, а главное — о Верности наших «родовичей». Я в те годы краем уха обо всем этом слышал и поэтому понимал, что раз в деканате сидит мой свояк Жора, то дело — серьезное.

Сваяк сказал мне, что есть очень важный вопрос, и я должен прямо сейчас решить, готов ли я всем рискнуть ради счастья трудового народа и в одном тайном деле участвовать. Я отвечал, что готов, и тогда свояк попросил подписать меня подписку о неразглашении. С тех пор много воды утекло и нынче уже все всем известно, так что я могу доложить и подробности.

Суть дела для меня сперва была в том, что я, как сын и внук видных большевиков, должен был руководить некоей тайной операцией по перевозу секретных грузов по сибирской дороге. При этом я должен был подобрать поездные бригады такие, кто не проболтался бы ни о роде данного груза, ни о размерах его, и даже по возможности от беспартийных работников дороги мы должны были утаить вес поездов. При этом речь шла не об одном только поезде, а о целой группе поездов через Иркутск на Бурятию. Нами

предполагалось безусловное противодействие как со стороны японской, так и британской разведки. А с учетом того, сколько в наших краях было «спящих» японских шпионов, особенно среди старых членов ВКП(б), задача выглядела весьма сложной. Верней, я тогда не знал про этот момент, и меня лишь предупредили, что я не должен болтать со старыми членами партии. А на прощание свояк мне сказал, что раз я теперь свой, то могу знать, что отец мой убыл в Китай по заданию партии, что с ним теперь восстановлена связь и что я могу если что послать ему весточку. Я просил дать мне время подумать и сперва очень хотел списаться с отцом, но потом подумал, что у него теперь совсем новая жизнь: он где-то живет с женой-китайкой и в ус не дует, а где он был, когда мама моя умерла от испанки и голода? Я не захотел тогда ему ничего написать, да и написать ему, наверное, мне было нечего, а через месяца два он уже взорвал Чжан Цзолия, и писать стало некому. Сегодня я сильно жалею, что не смог ему тогда просто написать, что я его все равно люблю и его всем нам все эти годы так не хватало. А потом я часто думал, что раз я уговорился со свояком, то и сам мог бы быть послан куда-то в чужую страну и даже не иметь ни малейшей возможности сказать жене и детям о том, что я уезжаю и всех их люблю. Я очень надеюсь на то, что отец мой смог бы мне написать, что он всех нас любит. Но — не судьба.

А дело тогда было в том, что в Германии вдруг озаботились той самой «испанкой», которая в годы войны миллионы душ выкосила. Германия, равно как и Австрия, как побежденные, были обязаны открыть свои военные архивы. Россия была из войны выбита, и наши архивы тоже открылись, а во Франции шли бои, и поэтому о том, что происходило с «испанкою» в этой стране медики тоже имели

полное представление, я уж не говорю про всякие нейтральные и минорные страны вроде Италии или Испании. Про то, каковы были жертвы «испанки», осталось неизвестным только лишь про Британию, так как джентльмены в те годы свои архивы и военные потери секретили. Из этого в медицине возникло неприятное ощущение, что при миллионах жертв в континентальной Европе, в самой Британии потери от нее были мизерными. От этого в послевоенной Германии возникло жуткое подозрение, что «испанка» была английской попыткой применения биологического оружия, которая вышла из-под контроля. Возглавил это дело с их стороны доктор медицины и гигиены Карл-Хайнц Цейс, который жил в России с 1921 года. Считалось, что он прибыл сюда с прочими врачами — бороться с голодом в Поволжье, да так и прижился, но в реальности уже в годы Первой мировой войны он считался видным немецким шпионом-биологом, который специализировался на мусульманской Азии, и поэтому войну провел в Османской Империи, располагаясь в Сирии и Армении. Если угодно, это был такой же Лоуренс Аравийский, но на германский манер. Чтобы много не говорить, скажу лишь, что он был среди основателей партии БААС, в которой нынче состоят иракский диктатор Саддам Хуссейн и сирийский вождь Хафез Асад, а раньше, пока были живы, Анвар Садат и Гамаль Абдель Насер. То есть очень серьезный товарищ, впоследствии академик и группенфюрер СС, директор Института гигиены и автор теории «Геомедицины Восточных пространств», кстати, один из немногих видных фашистов, которые до последнего уговаривали бесноватого не нападать на Россию. За это мы его пожалели, и кончил он свои дни как заместитель директора Владимирского института микробиологии Академии меднаук СССР — в медицинской шарашке

уже после войны, передавая нам свои знания. Я хорошо это знаю, потому что моя сватья Матрена (старшая сестра моей Дашеньки — я о ней вам рассказывал) была и его следователем, и его куратором. Так вот этот самый Карл-Хайнц Цейс попал к нам сразу после того, как мы с немцами договорились вместе восстанавливать свое производство после Первой мировой в Рапалло, и сперва он был главным германским спецом по Татарии это с его легкой руки германский концерн ИГ Фарбен открыл целую фабрику по производству медикаментов в Казани, а потом на мощностях местного цеха по ремонту машин стал выпускать первые германские бронетранспортеры для Вермахта, а затем на местных казанских полигонах их испытывать. Ну, заодно и мы, присматривались да и мотали на ус, как немцы делают у нас в Казани свои первые танки. Правда, тогда они вежливо назывались не танки, а трактора и вездеходы для сложной местности, но все уже понимали, зачем нужно для абсурдно низкого трактора еще и полное бронирование. Именно там, в Татарии, Цейс и выступил с предложением о создании на советской территории совместного советско-германского полигона по отработке всех действий в случае биологической угрозы со стороны Англии или Франции. Опыт работы с большими массами «пораженных» у Цейса был. Начинал он в 1915 году в турецкой Армении с биологических и медицинских мероприятий по ликвидации последствий массового убийства армян турками, в условиях жаркого климата и сильного разложения большого количества умерших на сравнительно большой территории. Действия его были признаны образцовыми и для нас представляли большой интерес: наработанные им и его людьми процедуры по ликвидации заражения и захоронению большого числа погибших в условиях серьезного распространения заразы,

так как при резне в Армении в 1915 году тела не были изначально правильно захоронены. С другой стороны, серьезные совместные учения по ликвидации биологического и бактериологического поражения очень сложно было бы сохранить в тайне, особенно посреди многолюдной Татарии, а в-третьих, операцию следовало проводить без дураков, на реальных объектах, а для этих целей тех же татар заражать невесть чем было бы странно. Зато в наших краях в связи с революцией во весь рост встала проблема по борьбе с сифилисом. А случилось это потому, что в республике вся власть перешла к аратам, которые творили черт знает что. Православных батюшек в двадцатые в наших краях всех загубили, за вычетом тех, кто жил в совершенной тайге, революционная мораль у аратов не шибко отличалась по сути от свального греха, а на смену православным священникам пришли буддистские ламы, которые жили, нищенствуя. При этом буддистские дацаны были местами распространения наркотиков со всем из этого вытекающим, а ламы, которые ими и торговали, для простых аратов считались людьми святыми. Кроме того секс с ламами неграмотные бурятки считали лучшим средством от женских болезней, к которым относился и сифилис. В итоге за счет возникновения всех этих бродячих лам-переносчиков, сифилис в Бурят-Монгольской АССР в буддистских районах принял размеры эпидемии, и, по данным наркомздрава, число официально заболевших к 1925 году перевалило за двести тысяч, а по оценкам венотдела наркомздрава, в отдельных аймаках количество заболевших превышало восемьдесят процентов от популяции. То есть, с точки зрения военной науки, перед нами была классическая обстановка серьезного биологического поражения населения бактериологическим оружием с высокой степенью заразности, устойчивостью к лечению

и серьезной патогенностью. Короче говоря, не эпидемия, а мечта для любого военного бактериолога. Ибо приходи и лечи, со всеми карантинами, кордонами, дезинфекцией и прочими мероприятиями.

Был у нас такой заведующий венерическим подотделом наркомздрава РСФСР Вольф Моисеевич Броннер, который на всех совещаниях поднимал эту тему, и соответственно однажды пересекся с комиссией наркомздрава, организованной некогда по вопросу борьбы с голодом в Поволжье. К ней и был приписан этот самый Карл-Хайнц Цейс. Эта комиссия считалась международной, и там за все — даже после поражения в войне — все равно платила Германия, так что немецкий разведчик и наш Вольф Моисеевич на этом деле сразу нашли друг друга, благо Броннер в свое время заканчивал медицинский факультет университета в Берлине. Вольфу Моисеевичу нужны были средства, предоставляемые Германией, а немецкой военно-медицинской службе — бактериологический полигон, на котором их военврачи смогли бы вдоволь потренироваться с карантинными мероприятиями, методиками борьбы с биологическим заражением и так далее. С секретной же точки зрения, Сталина по слухам устраивало, что инициатива в этой истории исходила от ставленника, давеча вытесненного из политбюро товарища Троцкого, но исполнять ее предполагалось за счет подразделений ОГПУ, лично верных товарищу Сталину. Поэтому в случае неудачи все шишки доставались бы «троцкистам-предателям», а реальную боевую и медицинскую подготовку получали полки товарища Сталина. Я думаю, что, с его точки зрения, дело было беспроектным. К сожалению, потом выяснилось, что Вольф Моисеевич, будучи старым большевиком, участвовал в революции 1905 года, поэтому попал на крючок японской разведки и, не желая

терять свой пост в наркомздраве, в те годы работал на японцев, так что все сведения о работе этой экспедиции попали потом и к японцам, по крайней мере, англичане с французами так о ней ничего не пронюхали. Ни японцы, ни немцы никому ничего не сказали, так что научные выводы достались лишь только нам и немцам с японцами — хоть какая-то секретность в этом всем соблюлась. Но мы в том 1928 году землю носом рыли, чтобы ни одна собака ни о чем не пронюхала.

Причем началось все совсем неожиданно. Меня и других дельных комсомольцев из института железнодорожного транспорта сняли с занятий, закрыли нам сессию и поставили на дорогу. Мы и в толк взять тогда не могли, почему особо секретное задание партии поручено нам, желторотым молокососам. А дело было в том, что страшное подозрение Дзержинского по поводу предательства местных старых большевиков, которые не признались в свое время, что японцы к ним с этим подкатывали, у товарища Сталина переросло в стойкое убеждение, что старым ленинцам на востоке страны доверяться опасно. А так как железная дорога была главным средоточием пролетариата у нас до революции, то и полная смена «старых кадров» стала главным приоритетом для органов. Так что этот «весенний призыв» на секретные работы молодых комсомольцев с институтской скамьи на замену всем ветеранам коммунистической партии на дороге стал первой ласточкой к тому, что случилось у нас со «старыми большевиками» в тридцатые.

С другой стороны, раз партия нам такое доверила, то мы на своих местах готовы были землю носом рыть, лишь бы оправдать оказанное доверие. Не у всех получалось, но в целом подобная смена кадров на Сибирской дороге оказалась весьма благотворной, так как после победы советской

власти у руководства дороги оказалось много народу случайного, а первые выпуски железнодорожников из Томского и других институтов Сибири были очень низкого качества. Дело в том, что первым наркомом путей сообщения был Феликс Эдмундович, который и создавал наш наркомат, но потом в начале 1924 года он перешел на пост председателя ВСНХ, а на свое место поставил латыша Рудзутака, так как старым большевикам на просторах Сибири, после того как зашевелились японцы, он доверять уже тогда не хотел.

Таким образом, получилось, что в те годы наркомат путей сообщения стал таким филиалом Чека, а позже НКВД, где все равно политические решения принимал Феликс Эдмундович, а на хозяйство поставили Рудзутака, как человека верного, но с неба звезд не хватавшего. Потому он не смог бы увести столь важный Наркомат из рук Феликса Эдмундовича. Да и что говорить, у товарища Яна Рудзутака, при всем моем к нему уважении, за душою было лишь два класса образования — со всеми из этого вытекающими. В итоге сразу после назначения в одной только Сибири по его приказу открыли аж одиннадцать институтов инженеров железнодорожного транспорта, а после двух-трех лет обучения все их закрыли и перевели студентов в более старые учреждения с потерей года обучения, а то и двух. Лишь тогда выяснилось: чтобы хорошо студентов учить, нужно не только открывать новые институты, но и насыщать их преподавателями. А по приказу Рудзутака в новых институтах должности преподавателей исполняли комиссары с двумя-тремя классами образования, так для усиления десятка образованных институтов разукomплектовывали преподавательские кадры в институтах сложившихся, так что где-то до 1926 года учебный процесс во всех вузах нашего профиля был попросту сорван, и этот момент позже был

упомянут в деле «троцкистского агента Рудзутака — шпиона нацистской Германии» как пример его явного вредительства в наркомате путей сообщения. Так что учебный процесс в старейших институтах как раз к 1928 году хоть как-то выправился, а все новые институты были упразднены или укрупнены по причине отсутствия преподавателей. В дальнейшем от Рудзутака мы уже не ждали ничего хорошего, и все секретные дела делались в обход этого неудачливого наркома. А в 1930 году его сняли с должности, как человека кругом не справлявшегося. Честно говоря, я не думаю, что был он шпионом или же вредителем. Просто человек был не на своем месте, человек в целом хороший, но совсем никакой для железной дороги. Ну да не в том суть. Главное же тут было в том, что в те годы наркомат путей сообщения тесно переплелся с наркоматом внутренних дел, и поэтому люди из НКВД легко и много перетекали отсюда сюда и всячески использовали наркомат путей сообщения как «вывеску» и прикрытие.

Короче говоря, той весной мы, недоучившиеся студенты, получили право управлять и руководить железной дорогой хотя бы на Сибирском участке — от Читы до Миасса в Челябинской области. Я отвечал тогда за проводку эшелонов с медицинскими поездами по Иркутской губернии. Работа была очень необычная, новая и для меня сложная. По требованию немецкой стороны движение поездов происходило только в темное время суток, днем же поезда с военными госпиталями и санитарными станциями отстаивались в тупиках на узловых станциях, а дорога продолжала жить обычной жизнью. Из-за этого в те дни мы, по сути, не спали, а я передвигался от станции к станции на головном медицинском поезде, в котором и ехал этот самый Карл-Хайнц

Цейс, а также упомянутый мною Броннер и сватья мои Башкуевы — Боря и Жора.

Ну, с Цейсом или же с Броннером я почти и не виделся, так как я для них был тогда мелкой сошкой, а вот со сватьями мы вместе ехали, и они поведали мне много нового. Борис рассказал, что находился в Париже до тех пор, пока оттуда шли деньги Деникину, а когда деньги закончились и Деникина из-за этого сменил Врангель, ему посоветовали возвращаться. В итоге Боря поехал домой, под Выборг, на свою колбасную фабрику, ту, про которую я вам рассказывал. В те дни Финляндия начиналась на ленинградских окраинах, и через нее наши люди уходили легализовываться в Европу, а их шпионы лезли к нам — в Ленинград. Ну и легальный способ устроиться на работу на этой колбасной фабрике, получить вид на жительство, легализоваться, а потом уже оттуда ехать в Европу оказался очень кстати для наших товарищей, тем более что фабрика считалась связанной не с нашей, а с германской разведкой (долго объяснять, как так вышло), и поэтому оттуда был зеленый свет не только в Германию, но и в Венгрию или Австрию. Соответственно Боря к тому времени был не просто шпак или русский беженец, а целый майор армии белофиннов, к которому у маршала Маннергейма не было ни малейших претензий. Именно в этой роли его и знали германские камерады, которые через него устроили эту борьбу с сифилисом по всей Бурятии. Боря был в Шестом роду, главном роду Востока, старшим, и поэтому ему араты должны были поверить. Просто никто не знал, как именно они на появление наших германских медиков в белых халатах отреагируют. А тут если бы их сперва об этом попросил знатный родович, все могло быть по-другому. К сожалению, Жора у них в роду был чуть младше, и поэтому его слова не были бы такими же весо-

мыми, а иначе Бориса не пришлось бы для этого тащить из Финляндии. Сватья надеялись, что и я им помогу, как глава Третьего рода, наш род был не такой важный, как Шестой, но в каком деле слово шамана-священника не поможет словам высшего сановника и правителя? К сожалению, согласно обычаю, я не мог бы им пригодиться, ибо главой нашего рода по-прежнему считался мой отец, хоть он и проживал где-то в Китае у Чжан Цзолия. Идеальным для нашей власти было бы привезти его оттуда как Бориса Башкуева, будущего моего свата, которого вытащили тогда из Финляндии, но на нет и суда нет. Чем именно занимался наш Жора — Георгий, я по сей день сказать не могу, но впоследствии он пропал на фронтах Великой Отечественной под Белостоком, а потом выяснилось, что его подобрала те самые немецкие врачи, которые с нами той весной в Бурятию в поезде ехали. Выяснилось, что добрые немецкие доктора были к тому же офицерами немецкого абвера, только в те дни это считалось секретом, правда, насколько я понимаю, не для моего свата Георгия. В итоге, по Бороным словам, Жора попал в Восточный сектор абвера и дослужился там до полковника, но полковника дали ему уже в 1945-м после казни Канариса, тем самым его гестапо пыталось для ареста в Рейх выманить, как перебежчика к американским хозяевам, так что, наверное, это все-таки не считается. А так он числился немецким резидентом в Китае, а в конце войны удачно перешел на работу в американское ЦРУ, был американцами после победы коммунистов из Китая эвакуирован в Мексику, и его сдал только в 1961 году наш иуда Пеньковский. Лишь тогда всем стало известно о том, что большую часть жизни Жора был нашим и действовал по приказу командования. Нынче это все не секрет, ибо имя его, как нашего агента, американцами на суде было засве-

чено. Правда, Жора стал знаменит тем, что он, единственный наш офицер из списка Пеньковского, успел застрелиться, и поэтому американцы с ним лишь утерлись несолоно хлебавши, ну да это уже совсем иная история.

А в те дни сватья мои рассказали, что отца их Василия в Гражданскую расстреляли колчаковцы. Дядя Василий был человек безобидный и много пил, чем утратил у всех уважение, так что дед Борис при жизни передал управление финской фабрикой свату моему Борису, который тогда еще в школу ходил. Вот насколько там все было печально. А в Гражданскую было так. У них в Шолотах был каменный дом с балконами, единственный на всю округу, и дед Борис поставил его на холме, так что дом оказался идеальной огневой точкой, господствующей над всею местностью. Колчаковцы, когда отступали по Иркутской дороге, сделали этот каменный дом этакой мини-крепостью и установили там пулеметы и пушку. Так пьяненький Василий в это вмешался и, как хозяин дома, приказал белым покинуть его хозяйство. Слово за слово, колчаковский офицер сперва хотел его урезонить, потом стал ругаться и злиться и в конце обещал его расстрелять, если тот не утихнет. А Василий всегда был шебутной, когда выпьет, ну и дошло дело до того, что поставили его белые к стенке дома деда Бориса, угрожая расстрелом, ежели он не уймется. Местные просили колчаковцев опомниться, пусть Василий и был тихим пьяницей, но по обычаю он все равно считался главным господином Востока и за него араты должны были мстить если что. А тут вождя попала под хвост и офицеру, который не мог допустить, чтобы его люди его приказов не слушались. И Василий не мог уже уступить офицерам на глазах у аратов. Ну и шлепнули его, дурака, а ночью все его домочадцы снялись и ушли воевать на красную сторону.

Глупая история, правда? Но зато после нее Боря с Жорой всей душой были с советской властью, и если бы они где-то ошиблись, то их же араты никогда бы того не простили, ибо на врагах нашей власти теперь была кровь их отца и родителя. Вот кем были тогда наши руководители этой удивительной экспедиции.

А сама экспедиция началась так. Стоило нам попасть в буддистские восточные районы Бурятии, поезд остановился, мы вышли, и меня, как исполняющего обязанности верховного шамана в отсутствие моего отца и родителя, Боря взял с собой в «этнографическую экспедицию». То есть вылезли мы из поезда и поехали в ближайший бурятский улус — лишь мы, буряты да пара наших и немецких врачей без халатов, якобы штатские.

Приезжаем в улус, а там, батюшки святы, у хошунного, тамошнего председателя колхоза, от сифилиса нос аж проваливается! Да и члены правления гниют практически у нас на глазах. Но принимают Борю, как Главу Востока, со всем уважением, наливают араку, режут самого лучшего барана и подносят ему вареную баранью голову, а я рядом тоже кручусь, читаю то православные молитвы, то насилу припомненные шаманские заклинания из детства, и все это с серьезным видом, будто благословляю моего господина на трапезу и делаю заклинания от всех болезней. А на деле нас перед выходом немцы накачали сальварсаном от сифилиса, и меня аж мутило от этого. Но все сказали, что с достаточной дозой сальварсана можно аж целоваться с любым сифилитиком, так что все мы делаем честь по чести: когда надо — лобызаяемся, когда положено — едим от общего куска мяса. Потом, когда все слова были сказаны, Боря им торжественно объявляет, что эта этнографическая экспедиция создана для поисков и увековечения памятников бурятской культуры,

поэтому сейчас мы будем записывать песни и пляски местных народов, рецепты кухни и всю прочую ересь. К сожалению, в колонне за нами едут европейцы немецкого корня, так что они очень брезгливые и беспокоятся о своей гигиене, и поэтому для записей всех этих песен и плясок они проведут сперва некие гигиенические мероприятия, так что не надо пугаться и разбегаться и как-либо немцам и русским препятствовать. Все понятно? Местные араты важно так закивали, мол, все им ясно, и раз господин сказал, то примут европейских гостей как положено.

На другой день Борис отъезжает — следующий вдоль дороги улус окучивать, а я остаюсь, будто для встречи военных медиков, а на деле — верховный шаман, так как мы заранее уговорились, что дальше будет, и шаман, стало быть, нужен был обязательно. И вот к вечеру подъезжают уже немецкие и русские врачи в белых халатах — с походными госпиталями и все как положено. Появляются местные хошунный и правление, все пьяные или еще не протрезвевшие после вчерашнего, и хошунный нам говорит, что все, на что он как глава улуса с Борею согласился, это была лишь «форма вежливости», а с «иноземными мангусами, демонами в белом» (а белый в наших краях — Цвет Смерти, помните, я рассказывал, что в день возможного шторма дед мой поднимал над Мысовском белое полотнище как символ смертельной опасности) разговаривать они не будут и лечиться поэтому они не намерены. Ну, понятная такая позиция.

В ответ выезжает к нему мой сват Георгий, который до того за чужими спинами прятался и говорит: «Ах ты, пес, смерд, дерьмо собачье, так-то ты уважаешь слово, данное нашему роду?! А ну, живо исполняй, что обещано, или я

за порушенное тобой слово моему старшему брату, главе нашего рода, за себя не ручаюсь!»

Араты все в ужасе, на коленях стоят, в пыли перед нами катаются, молят о пощаде, просят не отдавать их под власть «иноземных мангусов», но на медицинские процедуры соглашаться им еще страшнее и жутче. Тогда Жора выбирает из толпы пятерых самых пораженных сифилисом и облеченных местной властью и последний раз спрашивает: «Так что, не уважаете своего слова, данного моему брату и господину?» Араты боятся, но от врачебной помощи все отказываются. Жора тогда пожимает плечами, пятерых им выбранных отводят чуть в сторону и всем из нагана в упор — пулю в голову. Наступает теперь моя очередь, подхожу к расстрелянным и, читая шаманские заклинания, какие я вспомнил, начинаю посыпать тела хлорною известью, говоря, что это новейшее средство для упокоения усопших, которое мне давеча прислали из Урги от самого далай-ламы. При этом больше всего голосят и клянут нас жены расстрелянных, а у самих тоже носы явно проваливаются, ибо сифилис это болезнь, при которой муж и жена болеют обычно одновременно. Тогда Жора выбирает еще пять человек — самых на вид заразных, и среди них двух жен — расстрелянного хошунного и еще какую-то тетку. Опять вопрос, готовы ли эти поганые араты сдержать слово чести, которое было дано его старшему брату, господину Востока?! Народ ошалел и вряд ли что в реальности слышал, так что второй залп грянул посреди общего крика. Зато после него все араты сразу же замолчали и на расстрелянных трех мужиков и двух женщин уставились. До этого момента баб в наших краях не расстреливали, а ведь по медицинским основаниям женщина точно такой же разносчик карантинной заразы, как и мужчина, а согласно

последней инструкции венотдела наркомздрава РСФСР, при категорическом отказе карантинных больных излечиться, к ним должны были применяться любые методы социальной защиты, так что по закону все было верно. Правда, араты про законы не знали, а видели лишь моего свата Жору, который якобы за обиду своего старшего брата и господина вроде хотел стереть с лица земли весь провинившийся улус нахрен. И тишина, помню, стояла такая, что слышны были какие-то сверчки вокруг да ровный шум моей струйки из хлорной извести, которой я и дальше посыпал свежестрелянных, да мой ровный речитатив шаманских молитв с заклинаниями. И аратов это все проняло!

Когда Жора опять начал выбирать пятерых, все пятеро живо так побежали в палатку наших и немецких медиков от сифилиса излечиваться, и лишь тогда мы втайне все выдохнули. У немецких якобы докторов, а на деле разведчиков при виде подобной агитации гигиены и здорового образа жизни аж рты раскрылись, и они лишь глазами хлопали. Наши-то знали о новом приказе по наркомздраву, правда, им в первый раз пришлось увидеть его применение на практике, так что они при этом помалкивали, а немцы лишь ахали, охали, восхищенно цокали языками да болтали про «*Ordnung*» и на тему «*Das ist fantastisch!*» Думаю, что после этого случая, когда Жоре нужно было завербоваться к ним в абвер, эти камрады приняли его к себе без экзаменов. Тем более что у него было полное военно-медицинское образование, а что именно говорил он аратам перед тем, как начать их расстреливать, было на монгольском, и немцы это не поняли. Ибо до этого они были в России только в Татарии, и хотя именно монголы с татарами некогда организовали монголо-татарское иго, но языки у нас притом сильно разные. Хоть со стороны, ежели не знать языка,

выглядело все оно жутко — типа сидит офицер на коне и на людей, катающихся перед ним на коленях, из своего седла будто гавкает. Погавкал минут пять, махнул рукой, и отлетело пять душ в Вечное Небо. Погавкал еще с полминуты, и еще пяток отправились к Предкам. Махнул рукой еще раз, и все араты, наперегонки подбирая свои лохмотья, кинулись к врачам лечиться и вести здоровую жизнь. Вот так у нас в Бурятии и происходило здравоохранение в 1928 году от Рождества Христова.

Так дальше у нас и пошло: впереди шла этнографическая экспедиция свата моего Бориса — араты его называли Будда Васильевич. Все мы — православные, но, как говорится, с волками жить — по волчьи выть, раз нужно было общаться с буддистами, так и назвал себя Боря Буддой, а не обычным христианским именем. Может быть, оно и было определенным нахальством, но все мы были тогда комсомольцами и, как и все молодые люди, слишком смелыми и решительными. А местные буряты были хоринскими, хоть и считались нашими данниками, но никогда они не были совсем чтобы нашими аратами, поэтому то, что творили мои сватья, было неслыханно. Будь цела в этих краях местная знать, могло быть все что угодно, однако араты без вождей и природных господ были как дети. Так что народ знал, какого мы роду-племени и что нам положено кланяться, вот и кланялись, а делали мы дело нужное, так что я думаю, что все было правильно. А когда меня спрашивают, почему мы начали с земель, где не были никогда господами, так хитрость в том, что сифилис бушевал лишь там, где бродили буддисты, ибо в наших землях православных бурят, что на западе, не было сифилиса, хотя бы потому, что большинство из нас ушло в «васильковые», то есть оказалось за красных, а белыми в наших краях были наши враги —

«желтые» казаки-семеновцы, так вот хоринские и агинские вожди с востока поддерживали в Гражданскую атамана Семенова, так как им не хотелось платить дань и русской казне, и нашим родовичам. Атаман Семенов их обласкал и стал убивать наших сборщиков податей, пока все наши тайши и нукеры воевали с баргутами, и нужно было мясо и деньги на снаряды с патронами, так как были они «васильковские», а агинцы и хоринцы от дела отлынивали. Поэтому-то наши все склонились к врагу семеновцев Унгерну, а потом перешли на красную сторону, а после Гражданской агинским вождям и вождям хоринским пришлось уходить за кордон, а мы, как красные командиры, остались. Да, будучи «социально чуждыми», мы не могли уже избираться в Советы, но управление народом осталось, и поэтому в наших краях заразы почти не было, а на востоке эпидемия была страшной.

Поэтому, как только приходила этнографическая экспедиция Будды Башкуева, следом за ним приходила медицинская экспедиция Цейса — с передвижными госпиталями, санитарными пропускными пунктами и специальными изоляторами для буддистских лам, которые и разносили заразу по местности. Первое время санитарных кордонов не было и поэтому весть о том, что тут и как легко разнеслась по Степи, и в кочевьях народ легко шел лечиться, особо, если учесть, что альтернативой был расстрел на месте без суда и следствия. С ламами — иной разговор, им лечиться запрещалось согласно буддистской религии, поэтому они от лечения отказывались, и поэтому их приходилось расстреливать ради того, чтобы у нас не оставалось распространителей сифилиса. Сперва им зачитывали указ наркомздрава, а потом устали на том заморачиваться и расстреливали всех, кто в желтой буддистской одежде. Сперва соблюдали

процедуру и расстреливали только наши, а потом, когда пошла запарка и врачи с обеих сторон работали без сна и без отдыха, расстреливать повадились и немцы. А я командовал целой командой как верховный шаман, и мы день и ночь засыпали расстрелянных хлорною и гашеною известью. Потом, когда лекарственных средств нам стало не хватать, пошла сортировка пораженных: в тяжелых случаях предпочитали не лечить, а сразу расстреливать, ибо так мы могли спасти больше жизней. А дальше по мере расширения действия экспедиции мы забрели потихоньку в Монголию, и я не помню, когда я спал в эти дни. Работали мы как безумные, мне вручили потом благодарность, потому что благодаря нашим действиям нам удалось не допустить распространения заразы и открытого гниения падали. Работали мы на совесть. И эпидемию мы тогда победили — раз и навсегда, и она уже больше никогда не повторялась в наших краях. В том числе и за счет того, что навсегда исчезли все разносчики заболевания — тибетские ламы, принявшие обет нищенства. Я лично уверен, что все эти тибетские якобы святые и боддхисаттвы на деле есть черти и демоны, о которых говорится в Писании, так что в какой-то мере то, что тогда случилось, было не только медицинской операцией, но и борьбой с нечистой силой, с ее грязью и мерзостью, гниением и срамной заразой, так что, если бы мне завтра сказали, что надо собраться и повторить этот путь еще раз со всеми подробностями, я бы опять встал и пошел, ибо болезнь эта — срамная и страшная, и ее создал сам враг рода нашего, вот что я думаю.

Разумеется, в том, что тогда происходило, из неожиданного было не только истребление разносчиков сифилиса, но и само лечение заразы. В ту пору устойчивого лечения сифилиса еще не было, а лечить его тогда пробовали саль-

варсаном. В этом средстве есть соли ртути, поэтому оно считалось весьма ядовитым и им было запрещено лечить — а то и производить — во многих западных странах, например, в той же Германии, тот же Цейс на основании применения им сальварсана в Турции считал его наиболее верным и быстрым способом лечения сифилиса. Поэтому, когда мы с немцами заключили договор в Рапалло, то с легкой руки именно Цейса немецкий химический концерн ИГ Фарбен построил завод медицинских препаратов в Казани, на котором и стал производить запрещенный для Германии сальварсан, а ввозили они его потом в Германию под этикетками средства от головной боли. И вот как раз к началу нашей экспедиции в Казани было развернуто немыслимое для тех времен по масштабу производство ртутных препаратов, в том числе сальварсана, а наш Наркомздрав дал временное разрешение на широкое применение этого средства на практике. Так что по итогам нашей экспедиции мы не только победили заразу, но и начали производство у нас в стране средств «против социальных болезней», например, против туберкулеза и, разумеется, сифилиса. И я по сей день горд тем, что во всем этом тоже принял участие. А завершилось оно для меня раньше времени и неожиданно.

В начале осени того самого 1928 года в расположение экспедиции прибыл нарочный, который сказал мне, что начальство за разработку плана по секретному движению медпоездов по Сибирской дороге мною довольно и хотело бы поручить новое дело. Тогда-то мне и сообщили, что мой отец погиб в конце июня 1928 года, как герой, забрав с собою предателя Чжан Цзолия при взрыве его бронепоезда. Власть своего отца на севере Китая наследовал маршал Чжан Сюэян, которого в истории Китая навсегда запомнили как «молодого маршала», так как в момент, когда он

возглавил Маньчжурию, ему было всего лишь пятнадцать лет! Даже в Китае столь юный возраст для правителя и командующего крупнейшей армией выглядел изумительно. Сперва этот самый Чжан Сюэлян думал, как и отец, сидеть всю жизнь на шее у американцев, но у тех в стране развивался их ужаснейший кризис, и им было уже не до Китая. Как я говорил, отец мой, как и прочие наши большевики, кто участвовал в первой революции, был в свое время под колпаком у японцев, и они даже пытались его скомпрометировать. Только их художества им же вышли в этом деле боком, так как наши тут же подбросили все их письма с шантажом и угрозами для моего отца юному Чжан Сюэляну и обставили дело будто бы так, что отец мой поддался и по японскому приказу взорвал старого маршала. А японцам даже и отпираться в том деле оказалось некуда. Так что «молодой маршал» на нервах и эмоциях стал готовиться к войне против японцев, и ему понадобились для этого средства. Американцы ему дать ничего не могли, японцы были противники, а британцы на юге помогали всем известному диктатору Чан Кай Ши и, стало быть, тоже для «молодого маршала» оказались слегка недоступными. Тогда молодой олух решил реквизировать у нас КВЖД. Вернее, не так, он стал угрожать, что ее у нас отберет, так как существовала знаменитая нота Карахана, по которой страна Советов отказывалась от всех своих приобретений в Азии в пользу японцев, а чтобы этого не случилось — молодой наглец принялся нас шантажировать, чтобы мы платили за его армию.

Я все понимаю, но когда пятнадцатилетний сопляк из страны, которая, мягко говоря, не славится военными подвигами, начинает качать права перед нашей державой, то это, на мой взгляд, как минимум — наглость, переходящая

в банальное хамство. Юного щенка полагалось показательно проучить, и с этой целью было решено перебросить в Сибирь наши наиболее современные части. Так впервые в советской истории на китайском театре военных действий наше командование хотело попробовать в деле танки. Против более серьезного противника соваться с новым типом вооружения считалось рискованно, а армия травоядных китайцев, возглавляемая пятнадцатилетним дрыщом, выглядела лучшим кормом для того, чтобы посмотреть в деле наконец на новомодную технику.

Однако запас хода у тогдашних танков был совсем крохотный, многие опытные образцы были с импортными двигателями из Германии, и расходовать их без толку считалось неправильным. Опять же немцы, которые нам предоставили двигатели для обкатки, настаивали на своем участии в боевых испытаниях, и руководитель нашей экспедиции по борьбе с сифилисом был в этом деле первым охотником. В стиле, раз уж мы все равно тут работаем — для волка на охоте сто верст не крюк, а давайте вылечим от сифилиса не только бурят, а еще и монголов с китайцами. Типа, какие наши годы! Степь кругом ровная, никаких границ в те годы там не было — подавим все очаги болезни на сопредельной территории, а заодно и посмотрим на первые советские танки, получим первые впечатления, восхитимся, да и на их фоне сфотографируемся. В общем, деятельный был у нас руководитель медэкспедиции — в те годы оберст германского абвера, а позже группенфюрер СС от медслужбы. Очень интересный и запоминающийся был гражданин, начинал в Османской Империи в одно время с Лоуренсом Аравийским и в узких кругах считался сравнимым по подвигам с этим товарищем. Разве что потом Лоуренс пошел против нас, и в двадцатые мы его в Афганистане выследили и

придавили как крысу, а этот с нами, напротив, сотрудничал и поэтому даже поражение Германии пережил. Ибо надо с нами дружить, а не гадить. В разговорах-то Цейс все свата моего Борю расспрашивал — как именно наши взяли некогда Сиднея Рейли, который пошел к нам через Финляндию, в которой у Бори кругом были знакомые, а Боря как раз тогда руководил своей колбасной фабрикой практически на советско-финской границе. Боря, конечно, был сперва как камень, мол, Рейли никогда не знал и вживую не видел, однако Цейс был ушлым и выяснил, что сват мой знал, каков по виду был этот Рейли, какой комплекции и даже что любил он кушать на завтрак. А Цейс откуда-то знал, что Боре пришлось к нам бежать после того, как наши чекисты у нас Рейли приняли, а переход из Финляндии в Россию именно Боря ему обеспечивал. Именно поэтому Боре после истории с Рейли дорога назад на его колбасную фабрику в Выборге была навеки заказана. А знал это Цейс потому, что Финляндия была наполнена агентами германской разведки, которые там любую странную движуху отслеживали. Так что его удивляло, чего мы тут ломаемся, точно целки, ибо «все мы тут одной крови и одним миром мазаны». Лишь после этаких откровений Боре разрешили признать, что знал он Рейли, но шапочно. Это знание гостя нашего весьма успокоило, ибо в их кругах, если нет войны меж разведками, то проще жить меж собратьев по цеху, и опять же понятно, что принимающая сторона тебя уважает, ибо приставила серьезного человека, а не пешку случайную. А в другой раз они, я помню, разговорились, и Цейс Боре про Лоуренса рассказывал, что его ему в те годы показывали, когда Лоуренс туркам наконец-то попался. И Цейс удивительную штуку сказал, что якобы он сам за Лоуренса тогда туркам бакшиш выплатил, чтобы те его не повесили

и подобру выпустили. А все потому, что шел уже 1917 год и Германия дышала на ладан, так что никакого смысла вешать Лоуренса не было, так как война Германией была уже проиграна, а за это британцы самого Цейса пожалели, после войны из лагеря выпустили и даже согласились на его назначение в комиссию по борьбе с голодом в Поволжье по квоте Германии. Так что Цейс к нам бороться с голодом приехал тогда по приглашению от самого Вернадского, как ученого, его интересовала не только борьба с сифилисом или как будут воевать первые советские танки, но и то, где в наших краях или в Монголии расположены месторождения урановых руд и все прочее. Очень разносторонний был этот ученый и этакий зубр в своем ремесле, так что тот же Лоуренс и в подметки ему не годился. Поэтому ухо с ним держать надо было остро. Правда, он с нами в те годы сотрудничал, и поэтому хоть и стереглись мы его, как могли, но делились с ним тогда информацией. А в НСДАП он вступил уже позже, когда навсегда покинул наши края, впрочем, никогда он, на мой взгляд, не был нацистом. Просто разведчик и ученый, которого буквально перло от приключений и авантюр всяческих. Мы все тогда были молодцы. Помните Высоцкого:

«А до войны вот этот склон
немецкий парень брал с тобою,
он падал вниз, но был спасен,
а вот сейчас, быть может,
он свой автомат готовит к бою».

Может быть, это и не совсем правильно, но вот его я никогда не думал нашим противником, хоть зверь он был, безусловно, матерый и очень обрадовался, когда мне сказали, что его из Германии в 1945 году вывезли, и он теперь на наших в шарашке работает.

Я немного отвлекся на немцев, которые тогда с нами работали, потому что это потом стало важно. У меня был приказ проверить состояние полотна железной дороги там, куда обычному обходчику было никогда не дойти, и я считался членом как этнографической экспедиции моего свата Бориса, так и членом экспедиции Цейса по излечению населения от сифилиса. Борис, или для местных Будда Васильевич, продолжал собирать все эти песни и пляски народов Востока, за ним шла экспедиция наших и германских медиков, и все было хорошо, пока шли мы по нашей земле. Но за Читой дорога уходила в Китай, где по Портсмутскому мирному договору нам запрещалось иметь войска южнее нашей границы, за вычетом охраны КВЖД, а по несчастливому договору Карахана мы отказались от нашей охраны дороги, и теперь ее охраняли китайцы «юного маршала», того самого, который от молодой Советской России за это денег потребовал. Поэтому на границе наша охрана нас оставила, а мы стали считаться мирными советскими врачами и немножко этнографами, которые спасают людей от заразы и одновременно собирают разные песни, сказки и музыку. Вот тут-то и выяснилось, какие интересные немцы с нами поехали. Откуда-то у камрадов в белых халатах появились молотки и теодолиты, а также особое оборудование, которое у них постоянно потрескивало. Вот так в тех краях я впервые увидел счетчики Гейгера. Я написал об этом в своем донесении, этим фактом у нас очень заинтересовались, и мне было предложено, с одной стороны, просить у немцев помощи в пикетаже — получении данных о состоянии пути, а с другой — предложить им свои услуги по работе в полях. В отличие от моих сватьев, я был парень крепкий, привычный к работе кочегаром у топки, а немцев все-таки было мало, и крепкие работники им весьма тре-

бывались, а тут молодой, сильный парень с неполным высшим образованием и хорошим знанием немецкого языка. В общем, они меня в свою геологическую команду с удовольствием приняли и помогали мне с расчетами пропускной способности полотна железной дороги и всеми геодезическими исследованиями. Насколько я знаю, все полученные нами данные они шифровали и передавали в Германию, так что, я думаю, что все они этой возможностью получить еще и сведения о состоянии местного железнодорожного полотна были счастливы. Разведка — это такая щекотливая вещь: если вы хотите что-то да выудить, надобно на крючок приладить наживку, а потом молиться, чтоб выловленное было ценней, чем использованная нами наживка. Иной раз бывает так, в другой раз иначе, но в тот раз всем нам повезло.

Вскоре я стал замечать, что немцы идут не просто по степи в поисках особо зараженных улусов, или разносчиков заразы — дацанов, а все дальше отклоняются от железной дороги, упорно двигаясь в какие-то местные дебри. Мне даже было приказано перестать посылать донесения нашим до тех пор, пока, по моему мнению, немцы не найдут то, что ищут, чтобы их не спугнуть и не дать им повода подозревать меня хоть в чем-либо, пока их экспедиция не придет к завершению. То есть формально мы продолжали собирать песни и пляски, а врачи продолжали лечить местных монголов с китайцами, но я уже знал, что все это — для отвода глаз, а по тому, как немцы все сильнее нервничали, я понимал, что вот-вот что-то будет. И наконец наступил тот день, когда очередные пробы грунта и минералов, которые немцы приносили со всех окрестностей, при обработке дали такой треск на счетчиках Гейгера, что я думал, будто они вышли из строя. Тогда немцы всею гурьбой по-

шли туда и меня с собой взяли, так как я был хорошим помощником, и попросили... Они попросили меня держать глаза широко раскрытыми и любую ценой найти следы присутствия японских солдат или геологов. Каюсь, я так и не нашел тогда ничего. На третий день, правда, раздались крики, и мы все опять побежали к загадочным осыпям, там один из молодых немцев нашел камни на вершине гряды, которые были помечены известью, и на них были выведены японские иероглифы. Вы не поверите, когда их нашли, сам наш начальник Карл-Хайнц Цейс над ними три раза перекрестился и чуть не расплакался. Камни от извести немцы почистили и сразу же закопали, а за собою прибрались, будто тут ничего и не было. А вечером за ужином они были так рады и возбужденны, что рассказали мне удивительную историю.

Мол, был в Англии у Резерфорда японский ученик доктор Сайто (или Кайто, точнее, они сами были не в курсе), который занимался опытами по расщеплению атомного ядра. Ему стало известно, что для получения атомной бомбы нужен уран, причем определенный изотоп урана, который в природе сравнительно мало встречается. Так, к примеру, в германской Восточной Африке, которую мы нынче знаем Танзанией, есть большие урановые месторождения, но искомого изотопа урана там нет, и тамошний уран годится лишь для получения краски. То же самое в соседней Уганде, которую тогда занимали британцы. Нужный изотоп урана был найден в каких-то шахтах в Венгрии и Германии, но немцы рассказывали о них неохотно, а вот в Азии подобных месторождений попросту не было. До начала поисков доктора Сайто. Этот самый ученый ядерщик под видом орнитолога объездил весь тогдашний Китай в поисках искомого руд, а всем говорил, что занимается изучением пути мигра-

ции японского журавля. В итоге этот самый Сайто обнаружил в этих краях урановые руды, но самым главным, с его точки зрения, оказался не сам уран, а огромное количество полиметаллов, которое находилось в местных камнях. Япония — страна очень бедная на ресурсы, и скопление цветных руд в сопредельном Китае вызвало немалый интерес у японского командования. Именно поэтому помимо марионеточного правительства Манчжоу в Маньчжурии японцы создали свое марионеточное правительство Меньцзяна в этих горах, а смысл его существования был в том, чтобы японцам достались местные урановые руды и так называемые «редкие земли». Японцы в Азии всегда считались британскими марионетками, а здесь в начале века сильно пересеклись интересы Британии и Германии. Поэтому немцы готовы были помогать нам, русским, чтобы мы здесь воевали с японцами. Когда началась Первая мировая, японцы вероломно напали на германские колонии в Тихом океане, а также на их сэттльмент Циндао в Китае, а в ответ немцы просили нас послать наши «васильковые» полки на Меньцзян, для того чтобы японцы увязли в Меньцзяне и тем самым отвели свои войска от Циндао, ибо это два расходящихся направления. Однако, по словам Цейса, выяснилось, что японцы не успели начать строить свои урановые рудники в этих горах, а бросили их и ушли отсюда к занятому ими до этого Порт-Артуру и Циндао. А когда стало ясно, что наши «васильковые» добывают в 1919 году японский Меньцзян, здесь они все закопали и законсервировали. Германское командование — даже тогда в 1928 году — все еще воспринимало японцев в Азии как противников, которые подло напали на местные немецкие поселения в начале Первой мировой войны, и не желало, чтобы японцы получили местные рудники для перевооружения своей армии. Поэтому экспедиции

Цейса было поручено обязательно найти японские месторождения урана и полиметаллов в Меньцзяне и... сообщить о них русским. Сами немцы не могли отгонять японцев от столь лакомого куса через всю Евразию, но они рассудили, что если их экспедиция найдет месторождения, открытые Сайто, и передаст эти сведения на нашу сторону, то Советская Россия будет обеспокоена этим настолько, что найдет средства, чтобы японского духу на этих урановых рудниках больше не было. В итоге Карл-Хайнц Цейс просил меня немедленно сообщить моему начальству о крайней опасности попадания руд с этого месторождения в японские руки, а со своей стороны написал доклад в наш Радиевый комитет — лично Вернадскому — о том, что в Японии, по-видимому, уже начаты работы по созданию атомной бомбы, и для всех нас (и России, и Германии) будет жизненно важно, чтобы японская армия никогда не добралась в эти края. Сегодня в это трудно поверить, но тогда — в 1928 году — немцы считали нас своими главными камрадами в Азии. Я написал доклад, Цейс послал в Радиевый комитет — свой, и у нас наверху, насколько я знаю, после этого всполошились. Долго шли разговоры на эту тему — как лучше всего защитить от японцев эти края, и очень долго мы помогали китайскому диктатору националистов маршалу Чан Кай Ши в обмен на то, что тот обещал отбивать все японские наступления на Меньцзян. А позже, когда японцы его разгромили, мы стали помогать продуктами, оружием и боеприпасами китайскому коммунисту по имени Мао Цзедун, и он удержал-таки область этих месторождений от того, чтоб японцы хоть раз до туда дошли и к местным урановым пескам сунулись. Возможно, что в те годы у нас в руководстве впервые про такое вещество, как уран, услышали и об урановой проблеме задумались, если уж полыхали

такие страсти между немцами и японцами за безвестный косогор у черта на куличках — за тысячи верст что от Германии, что от Японии. Возможно. Я об этом не в курсе, но уверен, что именно в 1928 году какое-то движение у нас началось по этому поводу. А для нашей родни вся эта история тоже запомнилась. Уже после войны, после того, как стало известно, что Георгий Башкуев всю жизнь служил Родине. Мой сват Борис по секрету сказал мне, что когда Жору немцы приняли в абвер, то его тут же послали в Китай, чтобы тот в Меньцзяне собирал местное ополчение — воевать против японцев. Якобы немцы были уверены, что вот-вот победят нас и готовились к продолжению великой войны, в которой своих же союзников — япошат, они предполагали соперниками. Поэтому хоть Гитлер и обещал японцам всю Россию на восток от Урала, область урановых залежей в Меньцзяне немцы решили придержать для себя, ибо если по русской земле у них с япошками был договор, то по китайской земле они с ними не договаривались, а местные руды были слишком богатыми на уран и «редкие земли», которые нужны для легирования брони танков, чтобы ими стоило делиться с японцами. Так что первое время мой сват собирал здесь отряды для сопротивления против японцев, а потом по приказу немцев он перешел служить в гоминьдан, чтобы те в Меньцзяне воевали с японцами. Так что гоминьдану в какой-то момент помогали воевать с самураями и мы, и американцы, и даже немцы, только эти чанкайшисты все равно все проиграли, ибо из большей части китайцев бойцы, что из говна — пуля.

А какие именно это бойцы, я позже лично увидел. После того как немцы нашли-таки искомые месторождения, обнаруженные некогда Сайто, мы вернулись обратно к железной дороге. Я закончил осмотр полотна и составил

доклад, согласно которому дорога была построена по былым нормативам, в послевоенные годы не обновлялась и не ремонтировалась, и поэтому состояние полотна было таково, что в обычное время насыпь не смогла бы выдерживать вес платформ с перевозимыми танками. Поэтому я рекомендовал либо не везти наши новые, первые советские танки по железной дороге, либо совершить эту перевозку зимой, когда сильные холода укрепили бы местное полотно. На этот доклад мне ничего не ответили, лишь просили продолжать оказывать посильную помощь нашим и немецким врачам по излечению населения от сифилиса.

В те дни я и познакомился с молодой медсестрой — моей Дашенькой. При работе в Китае нашей медэкспедиции не рекомендовалось привозить туда девиц русских, дабы китайцы чего не подумали: вот моя будущая сватья Матрена, которая работала в те годы по линии НКВД в Средней Азии, и просила меня по знакомству принять на работу к нам ее младшенькую. Как я уже говорил, Матренин муж Борис Булатович был главой Четвертого рода, господином Запада и личным другом самого Феликса Эдмундовича Дзержинского, так что подобные просьбы даже не обсуждались в те времена. А когда Дарья в Китай к нам приехала, у нас с ней как-то все само собой сладилось. Она, как и ее старшая сестрица Матрена, была из простых, потомственная шаманка из булагатов, красивая до безумия, так что я недолго сопли жевал да раздумывал. Правда, отношения мы оформили много позже, уже после войны, когда у нас сын в комсомол вступал. Нужно было указать родителей, а тогда-то и выяснилось, что мы с Дашенькой, хоть и венчанные, а в загсе так и не расписанные. Неудобно как-то вышло. Это было все потому, что я в отличие от нее всю жизнь был «социально чуждым» и потому чуть-чуть «под-

надзорным». Так что сидорок со сменой белья и сухариками у меня всегда был под кроватью. Это не хорошо и не плохо, все мы — родовичи из старой знати — так жили, и не след было рисковать свободой моей Дашеньки. Ведь если что, она бы стала «женою врага народа» со всеми из этого вытекающими, а пока в паспорте штампа не было, вроде и арестовывать ее было не за что. Да что я — все так жили, так что и жаловаться тут не на что.

А дальше работали мы в экспедиции, Дашенька медсестрой — лечила китайцев, я — на все руки мастер, там подай, тут принеси и опять же связь с железной дорогой. Китайцы нас не тревожили, «молодой маршал» Чжан Сюэлян прожигал жизнь на автогонках да с девочками, а в наши края китайцы тогда не совались. Считалось, что вот-вот получают они деньги от молодой Советской России и задрут трепку японцам. Однако вместо этого где-то уже поздней осенью нам пришла команда уходить из Китая, но добровольцам предлагалось остаться, чтобы как военному госпиталю помочь нашей армии. Не нужно и говорить, что все мы, комсомольцы, конечно, остались, а с нами и немцы, которые захотели посмотреть на современное танковое наступление. А ведь у нас в тех краях было лишь личное оружие — от хунхузов, ежели что, отстреливаться. Все знали, что хунхузы всех европейцев сперва долго мучают, а потом прилюдно режут им головы, а уж что делают с пленными женщинами — лучше было и не задумываться. В те дни у нас постоянно шли разговоры между собой: мы немцев спрашивали, за что они тут остались, ведь зарежут китайцы их под горячую руку, ежели победят, а тут война будет между армиями молодого подонка и Советской России, а никак не Германии, а они нам отвечали, что здесь в этих диких степях решается судьба Германского Рейха. Если смогут

советские инженеры с германской помощью построить пресловутые танки, что прорвут плотную китайскую оборону, то и у Германии появится шанс взять реванш над нашими общими врагами — британцами, а если выяснится, что советские танки — пшик, то и германские танки, что они сейчас строят в Казани, никому никогда не понадобятся. А потом они у нас спрашивали, а за что мы тут воюем. Вот китайцы зовут всех азиатов воевать против всех европейцев, и их там сейчас сотни тысяч, а «белых» тут только горстка. Мол, присоединяйтесь к своим «черноголовым» да «узкоглазым», ведь ежели они победят — в один ров с «белыми людьми» всех нас положат. Мол, сами смерти не боитесь, так хоть женщин своих вывезите. А мы им в ответ говорили, что предки наши добровольно пришли на поклон к Русиматушке и веками служили ей верой и правдой, так что мы тут все — люди русские, а то, что глаза поуже, так это все обман зрения. Женщины наши стреляют из личного оружия не хуже мужчин, придет нужда — каждый карабин на счету будет. Опять же что немцы, что русские ни пустыни, ни великой степи не знают, а женщины-монголки лучше их в голой Степи спрячутся и на лошадях, если надобно, скачут. Не можем мы домой отпустить наши глаза и уши, полевую разведку. Дело мужчин — воевать, а дело женщин — прятаться да издали добычу высматривать, так всегда было. Смеялись, конечно, а было боязно, но и с немцами отношения стали более дружескими. Когда Отечественная война началась, я подал заявление добровольцем на фронт, но меня в тылу оставили, потому что у меня была броня, и я уже был начальником нашей дистанции. Но на словах родственники мне сказали, что в личном деле у меня, оказывается, стояла пометка, что у меня хорошие отношения с немцами и очень плохие с японцами, и поэтому меня нельзя отправлять на

фронт против немцев, а правильное оставить в Сибири воевать с самураями. Я когда об этом узнал, очень расстроился и даже обиделся, ибо мне казалось, что это несправедливое недоверие, однако после я вспомнил, как мы с немецкими камеродами жили в этой зимней пустыне — одним военным госпиталем без охраны среди Степи, и нас всякий китаец за десять верст мог увидеть и в любой миг всех убить, и как мы по очереди лежали в дозорах на холодном ветру, и как я делил, пряча огонек от этого холодного ветра, папиросу с немцем — то тем, то этим. Я часто думаю, смог ли бы я хорошо воевать на фронте Отечественной, если бы знал, что на той стороне сидит кто-то из этих немцев. Положа руку на сердце я не знаю ответа. Наверное, да, но я рад, что мне сыскалось дело здесь, в Азии, и мне никогда не пришлось отвечать на этот вопрос. Мне было проще воевать с китайцами да япошками, а немцев с той холодной войны я вспоминал как товарищей.

А война началась так. Поздней осенью 1928 года Россия отвергла требования Сюэляна заплатить ему за охрану КВЖД «чрезвычайный налог», и тогда китайский недоносок отдал приказ, и китайцы арестовали всех совработников на КВЖД, сорвали советские флаги со всех наших зданий, а недобитые белогвардейцы стали нападать на совграждан и убивать их десятками. Точных чисел никто не вел, однако за последние дни этого страшного года в Китае без вести пропало как минимум три тысячи советских граждан, а сколько в общем было убито русских, осталось загадкой, ибо вслед за белогвардейцами изо всех щелей полезли хунхузы, которые принялись убивать просто русских, а точнее, белоэмигрантов, которых китайские власти тогда не учитывали. В крупных городах было еще терпимо, а в мелких поселках русские семьи были вырезаны хунхузами начисто.

Это и стало главной причиной того, почему русские потом из Китая уехали. Там было выгодно создавать сельское хозяйство, держать хутор свой или заимку, но когда на такую заимку приходит миллион диких хунхузов и убивает всех мужиков, а потом по очереди со всеми бабами до смерти тешится, то всякое сельское хозяйство приходит в упадок. А те, к кому почему-либо не пришли, сами бегут куда глаза глядят — кто к нам, кто в Америку. Мурло — что у хунхуза, что у китайского националиста — при встрече мало-приятное. А как погибла местная деревня из белоэмиграции, так они и из городов потом разбежались. Не выдержали китайской интересной действительности. Ибо это только с виду там конфуцианская благодать, а на деле — там далеко не все однозначно.

Ну, а когда в Китае началось этакое, наше правительство не могло быть в стороне, и наши составы с новыми танками переехали через границу. Китайцы нас не боялись, американцы за годы сотрудничества со «старым маршалом» Чжан Цзолинем им прекрасную оборону на совесть выстроили. Поэтому задачу нашему госпиталю поставили так: под видом экспедиции по борьбе с сифилисом подойти к городу Джалайнор и изучить китайские укрепления на так называемом «Вале Чингисхана», который прежний китайский диктатор Чжан Цзолинь строил в этих краях до этого лет пять. Строили китайцы все это огромной «рабочей армией» с помощью американских инструкторов и наших белых инженеров из Харбина, и укрепления там выглядели эпическими. Вся китайская пресса трубила о том, что Вал Чингисхана — это новая Великая Китайская стена, призванная оградить страну от новой русской агрессии. Много народу на этот вал ездило и все там осматривало. С виду это укрепление поражало своими размерами, правда, по

нашим сведениям, китайцы туда еще за год до этого орудия не завезли. Но и в таком состоянии крепостные укрепления на «Валу» во много раз превосходили тот же «Турецкий вал» на крымском перешейке, который мы брали некогда у белых с огромною кровью. А тут все это выглядело полной фантастикой.

Короче говоря, послали нас, якобы медиков, на это все посмотреть, а приказы нам отдавали из штаба самого Блюхера, который уже брал «турецкую стену» в Крыму и поэтому считался спецом по взятию таких укреплений. А непосредственное командование нами было у тогда еще полковника Рокоссовского. Его считали специалистом по наведению связей с монголами, так как именно ему довелось командовать армией, которая разбила самого Унгерна и к кому потом влились все наши «васильковые». Так что за тылы нам было спокойно, а вот вокруг «Вала» шастать чуть боязно. Поэтому мы пошли в одной группе с немцами, чтобы это выглядело именно как международная экспедиция. Не могли же мы прийти к китайцам и сказать: «Извините, мы тут походим, посмотрим, с какой стороны ваши укрепления брать легче».

Сказано — сделано. Прибыли мы на место к Джалайнору, огромные крепостные стены стоят, все тихо, и от этого совсем страшно. Ага, стало быть, китайцы нас ждут — и попрятались. Ну, меня, как лучше всех знающего китайский язык, послали вперед с парой немцев — якобы пустите нас с дороги погреться, водички попить. Приходим мы к воротам крепости, а они приоткрыты. Что за притча? Заходим внутрь, идем по самой крепости... Снег хрустит под ногами, кругом огромные стены и — тишина. Только холодно так, что аж зубы сводит. В один дом сунулись, в другой. Нет китайцев. А холодно, и стали мы искать, где

согреться. Но нет ни хвороста, ни дров, ни деревьев. А потом один из моих попутчиков смотрел-смотрел и говорит: «Я вот не пойму, а где они сами-то грелись? Ведь печек нигде нет — ни одной!»

И правда, были в этой гигантской крепости кое-где очаги для полковых кухонь, но не было больших печек. Потом нам сказали, что выстроили китайцы крепость по американскому образцу, а в американских планах для их крепостей больших печей не положено, ибо у себя они их строили на границе с Мексикой, где зимой плюс двадцать, и такую же крепость поставили китайцам в Маньчжурии, а там как удавило минус тридцать, так китайцы и побросали свой хваленый «Вал Чингисхана», удрали в тот же город Джалайнор к печкам греться. Смотрел я тогда, смотрел на эту крепость диковинную, с орудиями насмерть примерзшими на позициях, штабелями снарядов под свежим льдом, и с тех пор не могу считать американцев людьми адекватными.

Вернулись мы назад из этой странной разведки, отстучали телеграмму своим, нам сказали, что принято, и просили идти теперь к Джалайнору. Там китайцы построили линию обороны обычную. То бишь основанную на уже существующем городе. А пока мы туда шли, сразу же вслед за нами по холодной безлюдной степи, через укрепления хваленого «Вала», потекла конница Рокоссовского. А как они взяли безлюдный «Вал», так по железной дороге пошли поезда к Джалайнору с первыми советскими танками. Не скажу, что в Джалайноре укрепления были проще, но если бы китайцы на «Валу» хоть кого-то оставили, то вся эта война могла б пойти по-другому. Наши подрывники потом замучались все это богатство взрывать, когда война кончилась. Страну мы по договору оставляли китайцам, а с такой мощью впоследствии встречаться нам не хотелось.

По Джалайнору я в составе военной комиссии позже ходил и китайские оборонительные сооружения осматривал. Огромные доты, блиндированные ходы сообщений, бескрайние минные поля. Глубина обороны укрепрайона была в двадцать верст! Китайцы, конечно, те еще трудолюбивые мураши, земли они в тех краях выкопали и на тачках с носилками перенесли не на одну пирамиду египетскую, так что даже после падения «Вала», возможного наступления они ждали с куражом и уверенностью. А наша армия в этих боях по числу была в тридцать раз меньше китайской, и все кругом думали, что прорвать столь плотную китайскую оборону просто невозможно. Скажу лишь, что плотность огня у китайцев под Джалайнором достигала тридцати пулеметов и шести пушек на версту фронта, даже для Первой мировой такая плотность огня со стороны по уши закопавшегося в землю противника выглядела убийственно. И все-таки мы их взяли...

Во-первых, удивили мы их нашими первыми советскими танками. Сперва в бой пошли танки импортные, у разных британцев с французами купленные. Горели они страшно, как свечки. Скорость у этих танков была маленькая, все слабые места британским и французским инструкторам да наемникам прекрасно известные, так что били эти заемные танки — как куропаток, привязанных на снегу. А снег кругом, голая степь, бьешь по такому танку как в тире, так как он ползет медленно. Тогда наши наконец перестали глупостью маяться и пустили первые советские танки — МС-1 или машины сопровождения. Китайцы по ним стреляют, а они быстро по полю идут, ибо движки на них мы ставили мощные, поэтому по ним было сложно попасть, а когда попадут, так эти китайские снаряды от наших танков буквально отскакивают, так как у нас было совсем иное бро-

нирование: там, где у британских или французских танков было слабое место, у наших стояла самая толща. Вы не поверите, но в первый день мы из одиннадцати наших танков в боевых действиях потеряли только один, да и тот с поля боя потом вытащили. Он заехал на минное поле, и там ему взрывом один каток выбило, вот и все боевые потери. А не боевые потери из десяти прочих танков были шесть машин. В те дни было холодно, на улице где-то под минус тридцать, а к ночи и под все сорок. Все двигатели на наших танках в те дни были импортные, и их полагалось после интенсивной работы студить. Так, десять наших танков проскочило под огнем противника в мертвую зону к их дотам, но потом шесть из них попросту не завелись на морозе. Вот такой казус! С другой стороны, они встали там этакими неподвижными огневыми точками и огнем пресекали все попытки китайцев передвигаться между их укреплениями. Помните, был такой фильм «Три танкиста» — там еще песня «Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой», так идея из этого фильма как раз появилась на основании этой короткой войны. Наши танки благополучно прорвались к китайцам, там в основном все заглохли, а пехоту к ним на подмогу китайцы пулеметными очередями отрезали. Зато и танкисты своими пушками китайцев прижали и не давали им передвигаться между дотами. Получилось что-то вроде анекдота:

— Кузьма, я медведя поймал!

— Так веди его сюда.

— Так он не идет.

— Тогда сам иди.

— Так он меня не пускает!»

И смех и грех.

А день зимой короткий, скоро стемнело, на улице мороз под все сорок градусов, мы смотрим, стоят наши танки у вражеских дотов, башнями вертят, но сколько они там простоят — пока у них все не промерзнет. Опять же при минус сорок сидеть в железной коробке, когда у тебя за соседней стеной в тепле миллион злобных китайцев, удовольствие малоприятное. Так что надо нам ребят из беды выручать, да и танки китайцам отдать никак нельзя, ибо они тогда были страшно секретные. Тут приходит приказ: всем молодым ребятам с хорошей физической силой и меткостью, кто не боится мороза — собраться для инструктажа у комполка, к которому наш госпиталь был на военное время приписан. Я всегда был здоровым, в бой рвался, да и перед Дашенькой захотел выпендриться, вот и пошел добровольцем. Там нас осмотрели, выбрали с десятков самых сильных, и чтоб руки обязательно были длинные, послали на фланг проходить инструктаж. Тут-то и выяснилось, что на всякую хитрую китайскую задницу есть наш народный русский прибор.

Китайцы очень не любят холода, и ближе к ночи наши дозорные обратили внимание, что из каждого китайского дота вверх тянется тонкая струйка дыма. В общем, не умели рисоеды нашего сибирского холода вытерпеть и поэтому грелись всю ночь вокруг своих печек. Так наша разведка их позиции вокруг по минным полям обошла и обнаружила лишь один китайский секрет, да и те замерзли все уже на смерть и лежали в дозоре, как куски льда. То есть китайцы сидели все в своих дотах, ощетились во все стороны пулеметами, да грели на огне свои ружья, потому что китайцы не умеют держать свои винтовки в порядке, они их чересчур смазывают, а на морозе оружейная смазка застывает и ружья уже не стреляют. Рецепт тут простой — надо затвор

меньше смазывать, но тут надо со смазкою точную меру поймать, а у китайцев с этим делом беда, причем какая-то национальная. У всех трофейных китайских стволов всегда было или чересчур много смазки, или наоборот. Даже не знаю, в чем тут все дело. Поэтому на морозе китайцы затворы у оружия всегда греют, на тех самых печках, дым от которых в ночи за версту со всех сторон виден. Так у наших командиров возникла идея, что китайская печка — это такой же заход в китайский дот или блиндаж, что и открытая дверь. Нужно лишь изловчиться забросить гранату им в дымоход. Правда, для того чтобы это все сделать, нужно пробежать в сорокаградусный мороз по чистому полю через простреливаемую зону китайского пулемета, а потом гранаты в цель кинуть и вернуться назад за следующими. Дело это было опасное, поэтому всех просили три раза подумать, прежде чем решиться на этакое. Да мы ж комсомольцы, нам тогда море было по колено, так что все согласились.

И вот выходили мы по очереди в темноту — в одних валенках, светлом овечьем тулупе мехом наружу на голое тело, а на руках варежки на веревочке, в обоих кулаках гранаты. Товарищ выдерживает обе щеки, надевает на руки с гранатами варежки, и ты бежишь по степи прямо на китайское укрепление и струйку дыма из китайской печки высматриваешь. Увидел, выбежал на нужное расстояние, обе руки резко вниз. Варежки с кулаков падают, и ты со всей дури в сторону китайской трубы с замахом — с одной руки, а потом и с другой. Прибегаешь назад и слушаешь: если попал, то сзади грохнет так, что не ошибешься, ибо китайцы у печек грели не только затворы и руки, но и гранаты вместе со своими снарядами. Так что я потом лазил к ним в доты смотреть — страшное зрелище, там внутри этой консервной

банки был будто фарш из тел, земли и железа. Если попал, переходишь к очередному доту, если не попал — наливают для сугреву и храбрости полстопки спирта, и бежишь еще раз. Я бегал раз десять, пару раз попал в цель — закидывал-таки в китайские дымоходы гранату. Меня за это потом наградили медалью и грамотой. Самое удивительное в этой истории то, что никто из нас, пока бежал с взведенной гранатой, не погиб, оступившись по дороге или случайно споткнувшись. И китайские пулеметы по нам промахивались. Немецкие камрады, которые все эти забеги видели, потом все хотели выпить с нами на брудершафт и говорили, что все это было как у Киплинга в «Книге Джунглей» — это и есть то самое, что Маугли называл «дергать смерть за усы». Я никогда до этого не читал «Маугли», и мне ее тогда дали прочесть на немецком. Интересная книжица, правда, я заподозрил, что немцы помимо прочего еще сказали, что я чем-то им напомнил того индийского мальчика, слегка унтерменьша, по их мнению. Мол, цивилизованный человек никогда не станет рисковать жизнью своей так безрас-судно. Я это запомнил, и осадок на всю жизнь у меня остался. А может, и не имели они ничего в виду такого подобного. Однако, хоть и были они хорошие люди, но все одно уже тогда было видно, что они при этом — фашисты.

Коротко говоря, этот бой в событиях на КВЖД на той войне для меня оказался единственный. Китайцы потеряли всю свою хваленую линию обороны, потери их были ужасны, а наши потери пришлось большей частью на экипажи импортных танков, да и там больше было обожженных, чем раненых. Меня потом просили написать много отчетов об этом сражении. Считалось, что я был там человеком гражданским и поэтому мог видеть все эти события непредвзято. Поэтому меня спрашивали, как со стороны выглядели пер-

вые наши танки, почему, по моему мнению, они в бою встали и прочее. Я имел некий опыт в работе со сложными механизмами, так как учился на инженера-путейца, но что именно творилось с танками, я был без понятия и так об этом и написал. А кроме того, потом в госпиталь поступили не только обожженные из танков импортных, но и танкисты из наших экипажей, они пострадали от угара и выхлопных газов от немецких дизельных двигателей. Оказалось, что бензиновые карбюраторные движки на морозе не запустились, а дизельные, которые работали и на холоде должны были запускаться вроде бы хуже, наши мехводы в момент остановки танков прогревали паяльными лампами согласно инструкции. Поэтому дизеля не остыли, и все четыре танка с опытными дизелями после остановки продолжали движение, а бензиновые — замерзли. Из этого курьеза потом вышла примечательная дискуссия, и я, как свидетель, вынужден был много раз повторять перед разными комиссиями, что я тогда видел. Дело в том, что в Наркомате вооружений на этом примере победила точка зрения о том, что танковые дизеля более устойчивы к холоду, так как их можно прогреть открытым огнем, если оно вдруг понадобится, а бензиновый мотор так не прогреть, ибо бензин просто вспыхнет. А страна у нас северная, холода бывают регулярно, так что на случай зимней погоды лучше на все танки ставить именно дизеля, а не карбюраторы. Противники же отвечали, что дизели очень чадят и танкисты от этого угорают до рвоты, и врачи даже опасаются за последствия от сидения в танке с постоянно чадающим двигателем. В итоге некое время у нас разрабатывали обе ветки, пока не победили сторонники дизелей, а чад и угар тогда победили за счет более чистых моторов, с одной стороны, и принудительной вентиляции в танке — с другой.

Если вы когда-нибудь ездили в нашем танке — даже современном, то видели, что внутри он на редкость железный, и там нет ничего мягкого. А делалось это потому, что первые дизеля очень дымили, а дым и угар в мягкую обивку после этого впитывались, так что и танкисты дурели, нюхая просто внутреннюю обивку даже при выключенном двигателе. Чтобы победить эту беду, у нас на всех ранних танках из танкового нутра удалили все набивное и мягкое, что могло дым впитывать.

Самое удивительное, что немцы, которые вместе со мной наблюдали сражение, сделали выводы, обратные нашим. Они тоже видели эти столбы черного дыма, валящие из дизелей, и написали в своих отчетах, что дизельные движки жрут топлива много больше, чем двигатели бензиновые. Кроме того, в докладе самого Цейса указывалось, что последствия от дизельного угара сказываются на здоровье танкистов очень серьезно, и, по его наблюдениям, все пораженные наши танкисты жаловались потом на головные боли и ухудшение зрения. Поэтому немцы запретили у себя использовать дизели — как по экономическим, так и по медицинским соображениям. А танки у них поэтому внутри были «мягкие», так как в карбюраторе бензин сгорает гораздо лучше, чем соляра в дизеле, и такой проблемы с угаром не наблюдается. Потом уже в конце Великой Отечественной они попытались переделать свои танки под дизели, ибо, пусть и чадающие, дизельные движки в целом мощнее, чем чистенькие бензиновые, но поезд уже ушел, а нынче весь мир предпочитает в танки ставить мощные дизеля. Я часто думаю над этим парадоксом: немцы шли от здоровья танкистов и экономической выгоды, а наши от мощности танка, чтобы он шел быстрее и меньше оставался под китайскими пушками. Жизнь показала: наш подход был более верным. Однако

порой меня при воспоминании об этом деле одолевают сомнения, особенно, когда я вспоминаю про наших танкистов, которые потом с неделю блевали от угара в госпитале. Мне было жаль их, но я всегда знал, что так, как в тот раз решило наше начальство — так было правильно, и потом, в дни войны, когда мы принимали непростые решения по эвакуации наших заводов или срочному строительству железных дорог — я всегда вспоминал тех танкистов и понимал, что и все прочие могут точно так же потерпеть для общей победы.

А победа тогда была замечательная. По слухам, мы потеряли в ходе боев человек двести, притом, что мы наступали на китайские пулеметы и пушки, а китайцы только убитыми примерно полторы тысячи под Маньчжули и Чжалайнором, в боях в которых я принял участие. Это было как раз на границе Маньчжурии и внутренней Монголии, поэтому такое смешение разных имен: сперва мы взяли монгольский Чжалайнор, а потом на плечах бегущих китайцев вошли в их Маньчжули уже в китайской Маньчжурии. При этом мы взяли считавшийся неприступным «Вал Чингисхана», который был построен китайцам американцами, правда, китайцы оттуда без боя удрали, а потом нам сдались все китайские генералы их Северо-Западной армии во главе с Лян Чжу-Цзяном. Вы будете смеяться, но в Маньчжули нам в плен сдалось в три раза больше китайских военных, чем было во всей наступающей Советской армии. Самое серьезное сопротивление оказали нам части недобитых белогвардейцев-семеновцев атамана Кислицына, но это было далеко от тех мест, где я был, так что подробности мне неизвестны. А мне, как старшему комсомольцу, было поручено поговорить с пленными на предмет выявления среди них ребят с правильным образом мыслей для

того, чтобы они сами вступали в комсомол и китайскую компартию. Не буду хвастать — я вроде бы нашел правильные слова к сердцам юных пленников, и человек пятьдесят из них попросилось принять в комсомол, а человек пятьсот захотело стать гражданами Страны Советов и служить в нашей армии. Всех их в итоге потом отправили в Синьцзян воевать за свободный Китай против британских марионеток в Туркестане и американских прихвостней чанкайшистов. Многие потом даже до победы коммунистов в войне дожили-таки и приезжали ко мне со своей благодарностью. А еще за эту работу мне личную благодарность вынес командир нашей кавбригады, который под Чжалайнором командовал. Так, я впервые встретил товарища Рокоссовского, а поставили его к нам потому, что в свое время он командовал нашими войсками против барона Унгерна и первым принимал наших «васильковых», когда они массово стали переходить на советскую сторону. Опять же за счет старых связей из-под крыла Рокоссовского нашим легче было перебраться в ведомство товарища Дзержинского, ибо рука руку моет.

А потом эта война для нас кончилась, а вместе с ней завершилось и мое участие в советско-германской экспедиции по борьбе с сифилисом. Полтора года мы шли по горам, пустыне и степи — от этой страшной заразы народы излечивая, прошли все бурятские земли в нашей стране, всю Монголию, а потом и сопредельный Китай. Честно говоря, когда я смотрю на карту, мне даже не верится, что я за эти два года столько своими ногами прошел. Но так оно и было, и сифилис на этой огромной территории мы вылечили, медицинские мероприятия по изоляции и ликвидации болезни были у нас отработаны, а я получил большой опыт по организации обеспечения всем необходимым большой

массы людей, и в моем личном деле, как потом мне рассказывали, у меня появилась отметка о том, что я хороший хозяйственник и организатор, ибо Цейс в этой экспедиции занимался наукой да разведовал, товарищ Броннер говорил пламенные речи о победе мировой революции перед аратами, причем говорил по-немецки и по-русски, а аратам приходилось это переводить, и делали это мы с моими сватьями Борей и Жорой. Борис организовывал школы в улусах и учил детей грамоте, а среди старших отбирал тех, кто мог бы на учителя или врача выучиться, а Георгий набирал из аратов парней посмышленее и покрепче и забирал их, кого на свои чекистские дела, а тех, кто попроще — в Красную армию. А я, стало быть, за всех сидел на хозяйстве. Ну, так оно в итоге и вышло, Цейс вернулся в Германию и стал там группенфюрером, Броннер был выявлен как балабол и троцкист, после чего расстрелян, Борис сперва был назначен нашим Министром культуры, а потом стал профессором и народным учителем, а Жора — знаменитым разведчиком. Я, как сидел тогда, так и всю жизнь — на хозяйстве или, как у нас говорят, «организовывал движение на транспорте».

В начале нового 1930-го года я вернулся в свой институт — все мои хвосты за полтора года сдавать да к диплому готовиться. Тут-то ко мне и пришли с вопросами по религии. Выяснилось, что по возвращении в Казань Цейс с какими-то татарами разоткровенничался на тему об их религии, и кто-то из них на него в органы стукнул. Он татарам сказал, что у нас есть свобода совести, в том смысле, что бывшая знать все еще хранит свое православие, и нам это властями дозволено, а, мол, почему такого нет у них в Татарстане? Поэтому меня в Томском институте взяли за хобот с вопросами: а не остался ли я, пламенный комсомолец, в душе — в опиум для народа верующим? А кого еще имел

в виду «немецкий шпион Цейс» под «былой знатью», если нас там из знатных родовичей было лишь только три человека — я и мои сватья. А обвинение в тайном поклонении церкви по тем годам для комсомольца было ой каким тяжким. В ответ на это я отвечал, что в церковь я никогда не ходил и не хожу — никто не сможет сказать, что видал, как я в церковь ходил или, положим, молился, а что имел в виду Цейс — мне неизвестно. Это слегка успокоило томских товарищей, и от меня на время отстали. Затем оказалось, что они послали запрос в наши края, и оттуда пришел ответ от каких-то аратов-предателей, что ни в какую церковь в Томске я не смогу ходить по определению, ибо там все церкви никонианские, а я — старой веры, и мало того, будучи Верховным Шаманом, считаюсь для местных, как они написали, «раскольников» природным «батюшкой» и, стало быть, главой русской церкви. Я не знаю, с чего им в голову все это взбрело и откуда такая моча им в башку ударила, но жизнь моя в институте сразу стала не сахар. Меня захотели из комсомола сразу же исключить, а из института выгнать — якобы за хроническую неуспеваемость и прогулы в течение всего года, пусть даже я и был все это время в государственной экспедиции.

Выгнать из института тогда меня, конечно, не выгнали, но заставили прилюдно отречься от христианства и даже на крест при всех плюнуть. Я потом много думал, правильно ли оно было так делать с моей стороны. А старики мне сказали, что раз крест был никонианский, а отверг господа ты на никонианском Писании, то для нас это не так чтоб считается. А кроме того Дашенька моя уже была с нашим будущим сыном Юрой, и остаться без диплома об образовании я не имел права. Слух о том, что я отвернулся от Веры Предков дошел до наших краев, и меня многие тогда

осуждали, ибо одно дело, если бы от Христа отказался простой арат или даже обычный родович, а меня после смерти отца уже считали Верховным Шаманом, а для нас, староверов, это означало, что я стал для своих главным батюшкой. Так что много проблем это отречение мне принесло и многие родовичи от меня отвернулись.

Так написал я диплом и закончил мое обучение, вернулся в Иркутск, и стал я в городском депо секретарем комсомольской организации. К той поре уже умер Дзержинский, без него Рудзутак выказал себя в наркомате путей сообщения как полный ноль без палочки, и его оттуда уволили, а нам вместо него — о покойных плохо не говорят — дали нового наркома Рухимовича Моисея Львовича. Вот тут-то мы и пожалели, что забрали у нас Рудзутака. Тот хотя бы не имел столь кипучей инициативы при отсутствии всякого образования. То есть — вообще всякого. При Рухимовиче у нас в Сибири умудрились упразднить регулярное пассажирское сообщение, так как оно якобы мешало перевозкам угля по железной дороге, а пассажирские поезда стали ходить «по скорости заполнения». То есть заполнился поезд пассажирами — и поехали. Очень забавно было ждать подобного поезда на промежуточной станции, особенно в Сибири и особенно зимой, когда холод под сорок, а поезд приходит неизвестно когда раз в трое суток. Очень большой оригинал был Моисей Львович, и в отличие от Рудзутака, его-то в 1938 году расстреляли более чем заслуженно. Именно по итогам бурной деятельности Рухимовича наш огромный наркомат путей сообщения разделили на много частей, выделив из нас наркоматы речного и морского транспорта, а также все городские транспортные сети, и, я думаю, это правильно. Ибо страдать всем скопом под одним не совсем адекватным руководителем было незачем.

А потом сняли наконец-то и Рухимовича, послав куда-то на Кузбасс — управлять погрузкой и разгрузкой угля, это у него и впрямь хорошо получалось. Порой я думаю, что Рухимовича к нам прислали нарочно, ибо в свое время Феликс Эдмундович пытался объять необъятное и под своим началом имел наркомат, в котором переплелись кони, люди, паровозы, пароходы и даже трамваи. Управлять этим зверинцем на самом-то деле было немислимо, ибо что трамваи, что поезда, что пароходы имеют свою специфику, и к каждому из них нельзя с одним и тем же рецептом. Так что разделение требовалось, но обвинить в бардаке выдвигенца Дзержинского было немислимо, вот и поставили временно Рухимовича, чтобы он окончательно довел дело до абсурда. А когда появился вопрос — как до этого дело дошло, ответ для всех тогда был очевиден, так как наркоматом как раз командовал Моисей Львович, и других объяснений, почему так случилось, народу не требовалось. Вот такое у меня периода Рухимовича есть объяснение, но, возможно, я ошибаюсь. А разгребать весь этот бардак пришел товарищ Андреев. Именно при нем я и попал на дорогу.

Андреева принято ругать за те репрессии, которые при нем пришли на дорогу гораздо раньше, чем они прошли по стране, но и этому есть свое объяснение. Как я говорил, создал наш наркомат Феликс Эдмундович, у которого в подчинении была и Чека, и поэтому сотрудники у нас свободно перетекали между этими двумя ведомствами. В двадцатые годы так уж пошло, что тех сотрудников ВЧК, которые не устраивали руководство, «ссылали» к нам в наркомат, который за годы правления Рудзутака превратился в нечто вроде отстойника. То есть всех чекистов, кто, по их мнению, был к работе не го́ж, ссылали в железнодорожники.

И, наоборот, тех путейцев, кто чекистам по их работе глянулся, забирали в другой наркомат. В итоге внутри нашего ведомства подобрался такой контингент, что хоть святых выноси. Я и сам по молодости просил, чтоб меня приняли в родственник тогда наркомат, пока была возможность туда попасть (с моими сватями), ибо по тем годам считалось, что к нам идут одни неудачники. Но мне отвечали, что я очень хороший хозяйственник, поэтому должен получить путейское образование и мне лучше работать на этой стезе, ибо скоро у нас откроется много вакансий, а работать на дороге тоже кому-то надо. И я смирился.

И вот стоило мне защитить диплом и получить распределение в депо в Иркутск, как во главе наркомата появился товарищ Андреев, который и начал первую чистку. Именно за счет этой чистки я, вчерашний студент, сразу получил назначение на пост руководителя Иркутского депо, и тогда же случилось мое самое главное испытание.

В том году в стране был большой голод. Лето 1931-го случилось засушливое, и хлеб на полях весь сгорел на Украине, на Дону, на Кубани, в Казахстане и даже в Западной Сибири. Беда была не только у нас, но и в соседних Польше, Румынии и Болгарии, но это неважно. У нас в Восточной Сибири хлеб уродился, поэтому все было не так печально, однако и нам пришлось затянуть пояса. Нормы продуктов той зимой были урезаны, большая часть всего раздавалась по карточкам. А у меня как раз в том феврале родился сын Юрочка, и я стал работать в две смены, чтобы хоть как-то содержать жену и ребенка.

Это только так говорилось — в две смены, а на деле я работал тогда в подвижном составе в должности машиниста, а кочегара у нас не было, и мы кидали уголь с моим помощником Володей по очереди, и за это ставку машиниста

делили между нами, а с ними и кочегарские карточки. Их было немного, но для грудного ребенка и это был хлеб.

А ближе к весне в области начался мятеж. Кто принял это решение, я уж не знаю, но, когда все амбары были выметены, кто-то умный придумал пустить на помол семенное зерно. Потом, уже после событий, нам сказали, что это был троцкистский заговор, и такое указание появилось нарочно, чтобы возбудить страсти. За это много народу в иркутском обкоме после было расстреляно, и, насколько я знаю, многих постреляли за дело. Но кажется мне, что все-таки это никакой был не заговор, а просто очередные кухарки пожелали управлять государством, вот и вышло все как оно вышло. А уже потом, когда кровь пролилась да дело вышло на общесоюзный уровень, сумели стрелочников попейсатей найти. На них тогда много что сваливали, благо, было за что. А раз пейсатые, значит, троцкисты, и делу конец. Я так думаю.

Надо сказать, что в наших краях вся жизнь вокруг железной дороги наладилась. По железной дороге приезжали товары и войска, также по ним вывозили в те годы хлеб в голодающие районы. А весь базар получился из-за того, что мужики не хотели семенное зерно на помол отдавать, затем разговоры пошли, что весь хлеб из Сибири вывозят, чтобы комиссаров кормить, а комиссары по местным понятиям были как раз сами знаете кто, и мятежники объявили, что все, кто работает на железной дороге, — за комиссаров, против крестьян и даже, возможно, «обрезанные». И обещали они нас, железнодорожников, убивать за то, что возим хлеб из Сибири, а вокруг голод, за то, что служим «христопродавцам» и прочее.

А железная дорога — дело простое: есть колея, а на ней паровоз вагоны везет. Положили на рельсы бревно, и паро-

возу уже не проехать. Положили сзади второе бревно — и вот уже нельзя сдать задним ходом. Поднимаются тогда бандиты на паровоз, вытаскивают всех дорожников и прямо у насыпи расстреливают. И вся любовь.

В первый раз такое вот началось. Когда шла Гражданская, все рассказывали, что дорожников не трогали ни те, ни эти. Всем надо было ехать. Захватывают красные станцию, вызывают всех машинистов, телеграфистов, путейцев и выясняют, кто служил белым. Всех, кто служил — на лавку, и десять-пятнадцать плетей, но били не сильно, чтобы не убить насмерть. А потом всех на работы — служить красным. Через неделю приходят белые и точно так же всех собирают, выявляют тех, кто был с красными, и тоже всем по десять плетей и работать. Всем нужно было ехать в те дни.

А в 1932 году мужикам ехать было не надо. Они хотели, чтобы по дороге на запад не ездили, не гнали эшелоны с зерном. На дороге в Китай подобного не было, так как оттуда всегда нужно было к нам чай и рис завозить. А вот на иркутской дороге постоянно убивали поездные бригады. При этом просто постреляют наших — и все. Пассажирские поезда при этом не грабили, охотились только лишь на товарные.

Вот и смотрите, на паровозе вас двое-трое, все люди семейные, всем жить охота, а вас — стреляют, причем всех без разбора. И народ начал увольняться в те дни. А я как раз тогда был секретарем Иркутского депо, и мы обращались за помощью наверх. Однако все думали, что вот-вот рассосется, забудется, и поэтому убийства паровозных бригад скрывали до времени.

Видите ли, целью кулаков были не грабежи и не диверсии на железной дороге, целью было планомерное уничто-

жение коммунистов, причем не абы каких, а именно людей реально партийных, с убеждениями, а не тех, кого в свое время понабрали по родству, да по знакомству, да по случаю. При этом случаи нападений на поезда нарочно замалчивались, а ежели мы, железнодорожники, возмущались, то нам говорили, «что мы делаем из мухи слона» и «хотим обратить на себя внимание», «получить какие-то выгоды» и так далее. То есть по полной программе все переваливалось с больной головы на здоровую. Вплоть до того, что бандюки вдоль дороги были все в курсе, что за нападение на село и отстрел, или повешение председателя колхоза из коммунистов или комсомольского вожака скорее всего пришлют отряды милиции, а за отстрел большевика из поездной бригады — никого не пришлют, потому что где-то наверху, в Москве, это выглядит выгодно. (Помните, в 1928 году было такое у нас «шахтинское дело», и тот же Вышинский обвинял «врагов народа» за песок в смазке и железную стружку в сливочном масле, а ведь там дыма не было без огня. То, что творилось на Сибирской дороге в отношении местной организации большевиков, это было вообще нечто. Причем, с ведома и попустительства тех же троцкистов с зиновьевцами.)

Не надо думать, что нападали на любой поезд. В этом случае дорогу точно окружили бы солдатами, и самой проблемы не было бы. Однако ежели где-то два раза в месяц всю поездную бригаду отстреливают или на суку вешают, то народ из депо разбегается. Короче, очень быстро в поездных бригадах остались одни комсомольцы да коммунисты. И вот как-то летом уже, в июне, на Байкале как раз лед стал сходить, нам положили поперек колеи бревно, а патроны в револьверах у нас с Володькой, напарником моим,

быстро закончились. Взяли нас, связали нам руки за спину, спустили под насыпь, поставили на колени, и сзади затворы щелкнули. Я помню, как увидел внизу Байкал, лед на нем уже пошел трещинами, тепло в тот день было и солнечно.

Я закрыл глаза, чтобы было не страшно, и молиться стал для себя, виниться за то, что от веры отцов в комсомол ушел — сподличал. А в ту минуту кто-то мимо пошел, остановился вверху и изумленным так голосом:

— Да вы что, дураки?! Еремееву дочу вдовой что ли делаете? А че вам Еремей потом сделает? — и пошел себе дальше.

Всю жизнь не могу забыть я этот момент. Сперва не понял я, что случилось, а потом слышал: народ заклацал затворами, стал советоваться и поздно голову вверх поднял, не разглядел против света того мужика снизу вверх из-под насыпи. А он стоял там, наверху, и был вокруг головы его нимб, как у святого, и показался он мне похож на деда моего Софрона покойного.

Когда мы вернулись домой, я первым делом в Церкву побежал, там сказал, что от убеждений я не отступлюсь, пусть и дальше знают меня коммунистом, но прошу позволения снова ходить на Службу и быть допущенным к Святому Причастию. И меня назад приняли. Потому что, выслушав мой рассказ, наш батюшка сказал мне, что раз я в смертный час не за себя у Бога просил, а прощения у Господа за то, что отрекся от веры ради дружбы с товарищами, то ответил Господь на искреннюю молитву. Ведь места, где меня поймали, были далеко и от Алари, где командовал Еремей, и от Бохана, где родилась моя Дашенька. Так мог ли среди бандюков найтись человек, который меня опознал? А иной раз я думаю, что это и впрямь за мною пришел кто-то из моих предков, а если я лучше всех деда Соф-

рона знал и запомнил, то вот и было мне видение именно в его облике.

В общем, в Церкви меня назад приняли, позволили и своим быть, и большевиком числиться. Но с того самого раза появился на паровозе у нас пулемет, ибо предки предками, а ну в другой раз они не успеют?! Так что с пулеметом надежнее. А в другой раз поймали меня из-за того, что от мятежа повез я Дашеньку с Юрочкой из Иркутска в Мысовку к родственникам, а места на паровозе немного, и пришлось нам пулемет выкинуть: это был путь на восток, это направление считалось покойным.

И опять бревно на дороге, только в этот раз мы даже не стреляли, чтоб не попали в ребенка. И вот когда бандиты потащили нас, Дашенька вцепилась в меня и ну кричать, что тесть мой у них — главный, и она на них Еремею нажалуется. Ну и отпустили они нас. А у Дарьи Еремеевны, когда бандиты ушли, ноги отказали, и где-то на неделю она «обезножела». Потом, правда, опять поднялась.

А стал Еремей главой мятежа очень просто. Главой Запада испокон веков считался глава нашего Четвертого рода — в то время мой сват Борис Булатович Баиров (я про него уж рассказывал). Он одним из первых наших родовичей попал в систему НКВД и там дал личную присягу на верность самому Феликсу Эдмундовичу. И за это, как человеку верному и ответственному, ему поручили пост руководителя совета профсоюзов Сибири и Дальнего Востока. А еще он командовал одним из «васильковых» полков, который как раз тогда преобразовали в кавбригаду НКВД, так что он был еще и комбриг. А какой потомственный офицер может быть без войны? Вот и командовал он в те годы бригадой НКВД в Средней Азии — гонял басмачей по барханам. А весной свояченица моя Матрена, следовательно

НКВД по особо важным, попала на сохранение, и ее отвезли в Москву в Первую градскую. А сват мой, комбриг и председатель наших всех профсоюзов, без ее шаманского присмотра пошел с прочими на встречу Первомай к узбекам, и там его отравили. На следствии сказали, что убить в бою басмачи его не смогли, поэтому и подошли к нему с ядом.

Вот так ни за понюх табака полег на ровном месте под Ташкентом наш Господин всего Запада, жена его, моя свояченица Матрена, в те дни рожала в Москве, и, пока ребенок был нерожденный, опекуном над ее чревом считался ее отец — мой тесть Еремей. Ну и бунтующие крестьяне пришли к нему со словами: «Пока не исполнится двенадцать лет твоему внуку, ты наш Господин, повелевай нами, приказывай!» Ну и приказал мой тесть собираться в отряды, чтобы воевать против коммунистов, комсомольцев и продуктовых отрядов. С точки зрения обычаев, как Властелин Запада и военный руководитель бурят, имел право. Да только для того чтобы быть Господином Востока или Запада, нужно было иметь нормальное образование да послужить в армии иль чиновником, а без образования да без службы любой из нас, в сущности, безродный арат. Впрочем, он и был арат, хоть и хозяин крепкий и справный. Да и мужик хороший, я так думаю. Это все потом выяснилось, а тогда говорили про то восстание невесть что.

Такие дела не могли пройти незамеченными, и меня вызвали на ковер, выяснять что да как и почему вдруг так вышло, что тесть мой оказался во главе кулаков. Сперва все пугали, обещали посадить Дашеньку, а она тогда плохо ходила и еще кормила грудью нашего Юрочку. Ну и говорил я, что, мол, все это ошибка. Гримаса истории. Еремей Бадмаевич, конечно, по всем понятиям был кулак — у другого арата из простого улуса дочери ни за что не сумели бы

в город выбраться, получить хоть какое-то образование. Поэтому я, мол, вины с себя не снимаю — проглядел в тесте вражеского пособника, но ведь и Дашенька моя, и Матрена, сестра ее, и следователь по особо важным, давно из того улуса уехали. Мало они с отцом, похоже, общались, не успели набраться мелкобуржуазной среды. Так что и сажать или арестовывать Дашеньку мою или Матрену из-за их отца не за что.

А в ту пору уже послабление вышло. Забрали меня в начале осени, а в селах уже пошла жатва, сбор урожая, обмолот и все прочее. Так те самые мужики, что по весне поднялись, принялись зерно государству сдавать. Причем все по-честному оставляли себе по нормативу, лишь бы зиму пережить. Так что кулацкое восстание хоть и кровавое у нас было, но весьма странное: кто-то по лесам бегал — стрелять, а большинство мужиков так и ходили на полевые работы — хлеб убирать. Опять же очень важный момент, если бы в том году поднялись одни буряты или же одни русские, то, конечно, прислали бы из центра карателей. А когда те и другие деревни поднялись поровну да никаких политических требований не было, то власть призадумалась. Пока лето шло, хоть и убивали по сельсоветам да на железной дороге коммунистов и комсомольцев, но полевые работы при этом шли. Государство надеялось, что народ сперва хлеб уберет, а уже потом за ним можно будет прислать карателей. Ибо шел тогда 1932-й — первый год после голодомора 1931-го, и каждое зернышко было у страны на счету; мне потом сказывали, что по НКВД прошла ориентировка: хоть и творится восстание — пусть мятежники сперва хлеб уберут. Потом шло планирование, как зерно с умом отобрать, чтоб кулаки при этом его не пожгли. А тут

вышло, что мужики сами добровольно принялись его сдавать государству, вот государство и подобрело.

Дело было на контроле у самого Сталина, и сперва он серчал, правда, сам же и приказал, чтобы наперво народ зерно все собрал. А потом, как пошли сообщения с мест, что мужики сами зерно государству сдают, вышла от него перемена — разобрался он, что дело все началось с того, что у мужиков семенное зерно по весне пытались изъять, и рассудил дело иначе. Ему, конечно, пытались сказать, что семенное зерно хотели изъять не на помол, а потому что на Украине и в Западной Сибири свое семенное зерно в дни голода съели, но он быстро выяснил, что все это выдумки, которые появились уже много позже, когда стало ясно, что много где народ не отсеялся, так как семенное зимой съел, а в наших краях хотели его забрать именно на помол. Поэтому всех причастных ко всей этой глупости тут же посадили и заставили признание писать, что все это был вражеский заговор. А ни в Бурятию, ни в Иркутскую область он войска вводить не хотел, потому что это испокон веков была верная земля для России да среди тех, кто восстал, было слишком много родни для его «васильковых», которые тогда уже стали костяком войск НКВД. Вот у самого товарища Сталина и возникло решение, что раз никаких политических требований со стороны кулаков не было, то сделаем вид, что и восстания не было. Были отдельные перегибы кое-где на местах, и отдельные личности принялись убивать коммунистов. Но мы их сейчас выявим, и все на этом закончится.

Поэтому мое начальство, а в наркомате путей сообщения и наркомате внутренних дел долго было начальство по сути совместное, обратилось ко мне с просьбой отправиться в центр мятежа, найти там моего тестя и уговорить его

сдаться властям. При этом всем было ясно, поскольку стал он знаковой фигурой, то пощады ему ждать было нечего. Зато в случае сдачи ему обещали прощение для обеих дочерей — моей Даши и свояченицы Матрены, ибо, мол, «дочь за отца — не ответчица». А не сдастся, то очень может быть, что ответчица.

Когда дают такое задание, хочешь не хочешь, а надо ехать. Поехали мы небольшою толпой: я, мой напарник по паровозу Володька Ильин — ему я в трудную минуту всегда мог довериться, пара ребят из НКВД и журналист один, вертлявый такой. Мне он сразу не понравился. А чтобы пропускали нас кулаки через свои посты, вез я весть для тестя. Свояченица моя Матрена родила в августе мне племянницу Машеньку, а по обычаю, мальчика в Степи опекает мужик, а девочку — обязательно женщина. Стало быть, тесть мой, Еремей Бадмаевич, с этого момента переставал быть опекуном и Господином Запада, а возвращался назад в обычное аратское состояние, а опекуншей племянницы моей объявляла себя ее мать, моя свояченица-умница. Вот она-то теперь, как опекун Госпожи Запада — за неимением мужских потомков у нас наследует женщина — приказывала всем аратам сложить оружие, повиноваться властям и всем принявшим участие в восстании самим прибыть в милицию для ареста и следствия.

Честно говоря, я, передавая слова восставшим на их заставах, побаивался, что поднимут нас на штыки, ибо, на мой взгляд, в подобном тоне с мужиками говорить было нагло, однако свояченица не просто так была следователем по особо важным, так что текст свой она придумала верно. Сперва мужики, услышав этакое, стояли как обалдевшие, а потом нас же и спрашивали, куда и кому им сдать оружие. А многие, и хлеще того, кланялись мне до земли и предла-

гали свою помощь сопроводить нас до моего тестя с повелением от моей свояченицы. В итоге в Аларь мы приехали с эскортом в тысячу человек, благо полевые работы к поре той закончились и мужики могли от земли оторваться. А когда вас тысяча да с оружием, совсем по-иному с людьми разговариваешь. Конечно, без наглости или хамства, но формально у меня было предписание от опекунши Госпожи Запада и тысячи тысяч войск НКВД (с момента рождения моей племянницы тесть мой стал нуль без палочки). Так что хоть буйнов и было больше, но мы могли теперь сослаться на обычаи и традиции, а также и на полки карателей в случае, если кто захотел бы вдруг нарушить заветы всех наших предков.

Разговоры были недолги, тесть мой нам сдался с моими шуринами, и мы поехали обратно в Иркутск. На этом весь мятеж 1932 года в наших краях и закончился. Бумагомарака написал об этих событиях целую повесть, где вывел меня таким героем, который мог из нагана муху убить, не боялся пойти на базар с сотней кулаков, увешанных обрезками да гранатами, и, мол, лишь благодаря моему речистому языку — я уболтал легендарного бандита «Корнея» (в книжке тестя моего называли Корней, а не Еремей) распустить всю банду его по домам — к нормальной жизни, а самому сдаться на верную смерть. Это не было правдой, я так и сказал борзописцу, но тот отвечал, что русский читатель не поймет странную историю про «опекунство» и не возьмет в толк, чем опекунство над мальчиком отличается от опекунства над девочкой. А нам, мол, нужен красивый эпос и народный герой без страха и упрека, опять же — близкий к органам. Я только плюнул в ответ, ибо даже разговаривать с этим пустым человечешкой было мне не о чем. Так что про меня в книге той все было наврано. Я — обычный.

А история эта потом — не окончилась. Уже после войны, после смерти товарища Сталина, когда пошла волна про перегибы и развенчание культа личности, этот шелкопер переписал конец своей книжки и принялся всем говорить, что так, как он захотел, ему цензура писать не позволила. Теперь выяснилось, что я якобы знаменитому «Корнею» жизнь обещал, а так как его, разумеется, расстреляли, то герой книжки, то есть я, застрелился. Так сказать — в знак протеста против тогдашней несправедливости. Мне когда об этом сказали, я аж плюнул с досады. Не стал бы я стреляться, ибо этого Господь не велит, если уж выпало умереть, то пусть это будет пуля врага или сабля, но самому стреляться — слабость и глупость и предательство всех товарищей. Но объяснять это бумагомарাকে вертлявому, все равно что кормить свинью апельсинами. Я всего-то просил больше не публиковать в наших краях этого клоуна — так все и вышло.

А меня после всех этих дел вызвали на прием к товарищу Сталину. Прием был общий — не один на один, но все равно было очень приятно. Нас привели в залу, посадили за круглый стол, было нас человек двадцать. Потом стали нас по очереди представлять ему и чествовать. Товарищ Сталин выслушал офицера про мои подвиги, а потом посмотрел так внимательно и спрашивает:

— Значит, вас два раза расстреливали? И вы ни разу не просили пощады, не каялись? Неужто было не страшно?

— Еще как было, товарищ Сталин! Да только если смерть впереди, надо перед ней успокоиться, как же можно в такой миг каяться или подличать? И потом я же всю жизнь на виду у всех моих предков. Убьют меня — они со мной встретятся, и если я при них подличал, они меня проклянут.

— Просить о жизни, стало быть, подлость?

— Никак нет, товарищ Сталин. Только меня с детства учили, что мы обязаны служить своему Государю. Вы — наш Государь, просить Вас о моей жизни — не подлость, служить Вам — обязанность, всех же прочих мои убеждения и моя жизнь не касаются. Мне не о чем было просить кулаков с подкулачниками!

Товарищ Сталин только усмехнулся в ответ, и разговор перешел к следующему награждаемому. А потом, через много лет, мне сказали, что про меня он говорил в тесном кругу: «Молодой еще, горячий, однако говорит хорошо и его люди слушают. Пусть учится. Ума наберется — цены ему не будет. Готовьте из него ответственного партработника». Так что, можно сказать, что в те дни вся судьба моя и решилась.

С того самого года я оказался в Москве на курсах повышения квалификации в школе для партработников. Учили там меня разному. Араты дома сказали, что я, как самый близкий родственник для моей свояченицы, буду отныне исполнять обязанности по охране моей малолетней племянницы Машеньки. Раз аратам было интересно играть в эти игры — государство решило их поддержать. Матрене и Машеньке в те годы выплачивали огромную пенсию за свата моего Бориса Булатовича, как комбрига, погибшего при исполнении, и опять же председателя совета профсоюзов Сибири и Дальнего Востока. А аратам сказали, что это — пенсия в знак уважения Господина Запада, который первым из всех родовичей перешел на сторону красных, присягнул самому Феликсу Эдмундовичу и стал одним из первых офицеров НКВД. Большое дело, большой почет для наших краев, что и говорить. Когда наша бурятская делегация приезжала в Москву на последний перед репрессиями партсъезд, их

всех заставили прийти к нам домой и по очереди поклониться перед моею племянницей — проявить уважение. Ну и перед моею свояченицей, как ее опекушкой, и мною, как их охранителем.

Это было смешно: в стране двадцать лет как произошла Великая Октябрьская революция, всех родовичей араты из нашей республики выгнали, но троцкисты в свое время внушили бурнацикам, что они должны держаться традиций и бороться с русским влиянием, а иных традиций, кроме поклонения родовичам, у бурнациков не было, вот и получилось, что все они как миленькие приползли на поклон к моей племяшке — главе Четвертого рода и мне, главе рода Третьего, как будто никогда не было никакой революции. Честно говоря, я смеялся до слез. Разумеется, про себя.

А там еще был такой хитрый момент, что первый секретарь Бурятии — Николай Ербанов и тогдашний Председатель Правительства — Ардан Маркизов доводились моей племяннице дядями с другой стороны, а стало быть, Матрене и Дашеньке дальними братьями, кузенами. Случилось так потому, что свояк мой Борис Булатович стал по жизни первым краскомом в наших краях и устанавливал власть в нашей Республике, а Матрена и Дашенька были у нас из простых. В те годы назначить кого-то на важный пост из родовичей было немислимо, ибо у всех нас было «чужеродное происхождение», поэтому выбирать надо было именно из простых. Вот он и назначил тогда на все важные посты жениных многочисленных родственников, а потом уехал воевать с Унгерном, а потом и в Китай, затем басмачей подавлять. А люди на местах все остались, и соблазнили потом их троцкисты. Но раз уж Машенька моя с колыбели считалась Госпожой Запада, то все эти дяди ее главенства этого не оспаривали, так как, будучи ее дядями, и они по-

лучали право простыми людьми править, согласно обычаям и традиции. До наших краев, до простого народа, пока идеи марксизма дойдут, проще им объяснить, что правит республикой Николай Ербанов, потому что он родной дядя Госпожи Запада, а сама девочка еще маленькая. А другой ее дядя Ардан Маркизов — Председатель Правительства, именно потому, что он ее дядя. Вот это простые араты понимали легко, и никто их разубеждать не пытался.

Так что встреча эта домашняя выглядела слегка занимательно, ибо люди с виду значительные так уморительно пытались приобщиться к древним родоплеменным заморочкам, что это могло вызывать только смех.

А в доме у нас была в это время прислуга, которая все это снимала, запоминала и подробно записывала. Потом мне говорили, что все материалы с этих приемов пошли прямо наверх, и Хозяин, когда все это прочел, не на шутку взбесился. Говорят, он кричал, что всех этих простых пастухов революция в люди вывела, а они только и мечтали, оказывается, всю жизнь, чтобы прокатиться на карете дворян, на запятках. И что это позор, когда все эти люди считаются лицом нашей партии. А еще он сказал, что раз уж все равно в наших краях всем всегда заправляли родовичи, а они все сейчас верные коммунисты и все служат Родине, то и нечего уже огород городить, да наводить тень на плетень. Пусть служат те, кто приучен тому в поколениях, а те, кто им прислуживал, пусть и дальше прислуживают.

Правда, рассказали мне все это потом, а в тот раз товарищ Сталин нашу делегацию очень хорошо принял, и по всей стране разошлись снимки товарища Сталина, на руках у которого сидела маленькая азиатская девочка. Звали ее Геля Маркизова и ее нарочно из Бурятии в Москву привезли, чтобы она познакомилась и подружилась с моей пле-

мянницей Машенькой. А Сталин ее случайно нашел, когда читал доклады прислуги из нашего дома, и настоял на том, чтобы девочку к нему привели. Вот откуда она взялась на том фото, хотя, на мой взгляд, тащить ребенка, чтобы познакомиться ее с другим таким же ребенком, за пять тысяч верст от дому, нужно было быть неисправимым аратом, чтобы решиться на это. Или, может быть, они думали, что четырехлетняя девочка скажет: «Ой, какая хорошая девочка! Я с ней буду дружить — оставьте ее мне здесь в подружки!»

Представьте себе, двадцать лет прошло уже со дня Великой октябрьской революции, а люди девочку свою за пять тысяч верст в Москву привезли, чтобы ее смогли выбрать для другого ребенка «живой игрушкой». Да не просто какие-то дикие араты из глухой степи, а семья членов правительства... Товарищ Сталин, когда узнал о таком, говорят, потемнел аж лицом, за сердце схватился и пару дней никого не мог принимать. Именно из-за этого в те дни пошел слух, что у Сталина плохо с сердцем, и наши враги стали подбивать всех проголосовать против Сталина — за товарища Кирова. Мол, давайте поможем товарищу Сталину: освободим его от излишней нагрузки. А все члены бурятской делегации шкурой почуяли, что товарищ Сталин на них на всех волком смотрит, и поэтому проголосовали за Кирова. Так что в том, что потом случилось, нет ничего удивительного.

Помню, я тогда при прощании — они же все были мои сводные родственники — их все спрашивал, за каким хреном они голосовали за Кирова? Ведь товарищ Сталин — настоящий Вождь и Хозяин, а товарищ Киров лишь один из его генералов, мы все присягали на верность товарищу Сталину, зачем же пошли против нашего благодетеля? А мне они

отвечали, что, мол, молодой я еще, ничего не понимаю в политике, а они своими голосами против показали Сталину, что он с ними обязан считаться. Я им всем говорил, что, дав клятву верности, я уже не могу выбирать, обязан быть верным товарищу Сталину, быть как сабля или штык товарища Сталина. Не смею иметь с ним хоть какие-то разногласия. А все эти араты смеялись и говорили мне, что они нынче люди значительные, могут иметь свое мнение — и с ними даже Сталину стоит считаться. А я назвал их низкородными аратами и сказал, что считаться с ними будут только бараны, когда придет черед курдюки им крутить. На том и расстались. И думал я, что на этом больше мне никогда не увидеть Бурятии.

А потом, через год, выяснилось, что нашу квартиру у Маленковской, которую в те года нам выделило государство, все время прослушивали, и там не только прислуга про нас все записывала. В те дни уже по Москве шли аресты, занятия у нас в партшколе закончились, которую я в том 1937 году закончил с отличием. Однако, когда пришло время распределения, меня задержали, и я не мог себе места найти. Сами знаете, лето 1937-го: в те дни все комсомольские и партийные деятели по струнке ходили да молились, кто умел, да так, чтобы никто не заметил. Опять же лето — все административные ведомства закрылись на отпуска, так что ни у кого ничего узнать было в те дни невозможно. А мне мой руководитель по школе, у которого я делал диплом, по секрету сказал, чтобы я не суетился в такие дни, не привлекал ничьего внимания. Мол, троцкистов всех уже давно отобрали и вычислили, но мол, спущена разрядка — сыскать определенное количество или там определенный процент врагов народа, и если в эти дни бегать по присутственным местам — точно заметят и могут занести в какие-то

списки. Никто ведь ничего не знал даже в нашей партшколе, вот и выдумывали в те дни всякое. Кстати, руководителя моего в те летние дни взяли, он во всем, безусловно, признался, и шпокнули его за распространение слухов и домыслов. Он ведь не одному мне в те дни подобные гадости говорил, вот и нашлась добрая душа, и не одна, если быть точным. А я его имя запомнил, равно как и имена всех, кто на него кляuzu написал. Я уже в хрущевские времена, когда вышел на освобожденную партию, получил направление на дела бывших тогдашних преподавателей с целью выявления перегибов. Многих мы тогда реабилитировали посмертно, многие были сочтены недостойными реабилитации, а самое главное, по приказу Никиты Сергеевича, нам, членам закрытой парткомиссии, были оглашены списки всех, кто в те года кляузничал. И всех их мы тогда в хрущевские времена вычистили, впрочем, и вычищать серьезно никого не пришлось, товарищ Сталин не любил наушников и предателей, так что кляузы в его время писать было глупо. Глупо не доносить, если при тебе ведется антипартийная деятельность, но еще глупее — стучать на товарищей. Сталин и за это наказывал, не так строго как за антисоветскую деятельность, но — наказывал. Так что времена были сложные: вроде и в стороне сидеть страшно, но и замазываться тоже не стоило. Собственно, весь преподавательский состав тогда расстреляли. А мы, как их ученики и выпускники, сидели все по домам, боялись на улицу нос высунуть да дрожали как заячий хвост.

И вот в один такой день вызывают меня к нам в наркомат путей сообщения. Как раз пошел слух, что только сняли с поста наркома товарища Кагановича, который мне перед выпуском из партшколы дал свою рекомендацию. В те годы, когда Каганович был наркомом путей сообщения,

такая рекомендация дорого стоила, но как только мы его сняли — а в те дни снятие с постов человека означало, что мы его скорее всего более уже не увидим, а опять же фамилия и имя-отчество Лазаря Моисеевича в те дни намекивала на самый худший исход — эта рекомендация стала почти что проклятием. Так что шел я на встречу, а ноги у меня были будто ватные.

Пришел я, меня сажают за стол, а за столом мой старый знакомый Алексей Венедиктович Бакулин, мы с ним вместе в нашей экспедиции по сифилису в Китае работали, вернее, мы работали, а он тогда был помощником по разведке в оперчасти Сибирского корпуса, и поэтому именно ему я все и докладывал. А кроме него еще два человека — оба в штатском, но обоих я видел по работе в родственном для нас ведомстве. И вот сажают меня перед этой «тройкой» и как на трибунале начинают у меня спрашивать, когда я познакомился с Лазарем Моисеевичем, да какие были у меня с ним отношения, да не говорил ли он мне непонятно чего. А я для себя решил, что если уже по мне приняли решение, то делать тут нечего и поэтому лучше гнуть свою линию, так как помирать проще честным человеком — в ладах со своей совестью. Лазарь Моисеевич поручился за меня, никому не известного комсомольца с окраины, так кто я теперь буду, ежели наплюю на моего благодетеля? И поэтому я отвечал, что знаю Лазаря Моисеевича недавно, впервые мы с ним познакомились, когда я на летней стажировке по время обучения в партшколе ходил на работу, знаю я его как исключительно доброго и отзывчивого человека, никаких особых бесед он со мной не вел.

«Троица» меня внимательно выслушала, покивала в ответ, но я так и не понял их реакции. Затем Бакулин сказал мне, что в Бурятии вскрыт антисоветский заговор, нужен

человек на Бурятский участок железной дороги, спросил, готов ли я завтра уже на новое место работы выехать. Усомнившись, что меня в Бурятии ждут, так как местное руководство знает меня как «социально чуждого» для них, аратов, на что мне в ответ дали ознакомиться с моими беседами на кухне в Москве с нашими бурятскими гостями год назад. Когда я удивился, откуда эта беседа стала известна, Бакулин мне отвечал, что «социально чуждым», которые интересны и полезны нашей власти, выделялись специальные квартиры для того, чтобы знать всю их подноготную. А как раз в конце 1936 года, уже после съезда, Матрене с моей племяншкой новую квартиру на Малой Калужской выделили, и, стало быть, они с этой «прослушиваемой» квартиры выехали. Точнее они выехали в расположение их полка, так как уже в зиму 1936–1937 годов полки НКВД перешли на казарменное положение, а на ее квартире жили мы с Дашенькой и нашим маленьким Юрой. Ну и Бакулин, подмигнув, меня как бы в шутку спросил, раз уж сочли, что прослушивать вас больше нет смысла, стало быть, вы теперь уже не такие «социально чуждые»? И у меня прямо от сердца в этот момент отлегло. Я сказал, что, конечно, поеду, куда партия скажет, и на этом закончилось мое обучение, и началась работа по специальности.

Кстати, потом уже выяснилось, что Лазаря Моисеевича в те дни сняли с поста наркома путей сообщения, потому что он был сильно занят именно чисткой рядов в нашей партии, а назначили его вместо наркома тяжелой промышленности Межлаука, которого тоже тогда расстреляли. Но сам Лазарь Моисеевич решил разузнать, что именно про него в наркомате люди за спиной думают, и поэтому в месяц между отставкой с одного наркомата и назначением на другой. «Троица» всех ответственных сотрудников нар-

комата путей сообщения допрашивала обо всем про Лазаря Моисеевича и разговор вела так, будто он чуть ли не «враг народа». И очень многие купились на эту разводку и обмислились, на Лазаря Моисеевича в тяжкую вроде бы для него минуту гадости наговаривая. Память-то у моего начальника по наркомату была как у слона — на редкость хорошая. Впрочем, среди успешных наркомов иных людей не было.

В родные края я вернулся в 1937 году глубокою осенью. Меня назначили освобожденным партсекретарем местного отделения железной дороги с указанием в течение зимы опросить на местной дороге чуть ли не каждого, включая сцепщиков и стрелочников, и набрать из них два отряда железнодорожников. Один из них для специалистов по местным реалиям, которые смогли бы работать на местной дороге хоть и под моим началом, но — самостоятельно. А второй отряд мне приказали сформировать из специалистов, которые бы смогли участвовать в постройке новой дороги с нуля, но не просто построить, а после этого ее еще и эксплуатировать. Пункт назначения был мне не известен, но предполагалось, что будущая железная дорога будет строиться где-то на Южном или Среднем Урале, а оперативной базой для нас значился город Миасс в Челябинской области. Соответственно этот отряд должен был возглавлять я, и туда полагалось набрать людей, готовых жить постоянно в разъездах и вечных командировках вдалеке от Бурятии. Назывался весь этот секретный проект «Зауральская железная дорога», курировали его непосредственно товарищи Каганович и Ежов, а во главе комиссии был назван сам товарищ Сталин. Считалось, что это будет грандиозная стройка — навряд ли построения второго Транссиба,

который тоже в свое время начали строить из того же самого Миасса. Но подробности нам никому не были известны.

Наша работа над самим проектом началась в ноябре 1937 года, и в качестве пробного шара мне приказали организовать строительство полноценной железной дороги на участке Улан-Удэ — Джиды, а места там были сложные: дорога все время вверх, вверх по своеобразному серпантину и, самое главное, непонятно куда и зачем. Там в конце была военная база, а дальше ущелье реки Джиды и глухая тайга. Построили мы эту дорогу за месяц в декабре 1937 года, был сильный мороз — градусов за тридцать, но приказ есть приказ, и дорогу мы выстроили. Сдали мы этот участок как раз аккурат к Новому 1938-му году. И вот — праздник у нас, мы пьем водочку, как положено, и тут новый приказ — разобрать дорогу всю нахрен, причем особо приказано, чтобы снять рельсы, костыли, шпалы, и снять их так, чтобы можно было на новом строительстве снова использовать. Я, грешным делом, решил, что наверно кто-то в чем-либо обмишулился, мол, дорогу мы положили и сдали, но не туда. А приказ — давай-давай, цигель-цигель, за неделю было приказано все рельсы, шпалы, столбы снять и везти все это своим ходом в Иркутск. Безумный приказ, но начальству видней. Сняли мы все, уложились в срок, перебросили все наши материалы в Иркутск, и тут новый приказ — строить железную дорогу в центр местной буравтономии, в Усть-Орду. Куда строить? Зачем? Кто будет ездить по этой железной дороге? Я уже понял, что среди моих начальников дураков нет. Что товарищ Сталин, что товарищ Каганович — всегда имели во всех этих делах свой резон, а пытаться поправлять в приказах, что товарища Сталина, что товарища Кагановича — нема дурных. Ну, построили мы и эту дорогу, только там оказалась другая специфика: в Джиду мы

дорогу погнали по среднегорью — вверх-вверх, и там было важно не напутать с откосами, чтоб углы у дороги были невелики, чтоб поезд с рельсов не сошел, когда станет в горку карабкаться, а дорога в Усть-Орду была особенная: там грунт был слишком мягкий — и мы его бутили. Но опять же — построили, а для ускорения строительства была у нас пара изобретений, и мне в итоге даже дали свидетельство о применении нового способа по строительству железных дорог. Ну, не одному мне, конечно, но все равно было приятно. Сдали мы этот участок дороги в апреле, и как только сдали — новый приказ: опять все разобрать, рельсы снять, шпалы снять, столбы выкопать. Обидно было — хоть плачь. А строили нам это все не зэки, как часто в те годы делалось, а железнодорожники, призванные на службу. Потом их станут звать железнодорожные войска, а тогда считалось, что они просто бойцы Красной армии. И когда пришел им приказ вторую подряд дорогу дотла разбирать, народ, разумеется, скуксился.

Я, как начальник, не утерпел и подал тогда запрос товарищу Бакулину: Что это у нас делается? Неужели у нас другого занятия нет, кроме как железную дорогу собирать-разбирать?! А тот, мол, ничего не знаю, приказ идет от наркома по тяжелой промышленности Кагановича, я человек маленький, мне приказали — я исполняю приказ. В общем, ничего не понятно. А тут приходит новый приказ, опять все срочно-срочно, берите все свои рельсы-шпалы и давайте строить мост через Ангару. Я запрос в центр: если мы строим мост, то давайте бетон, спецсталь, Ангара большая — нужно, чтоб мост много чего в жизни выдержал, а мне приходит странный ответ — ничего не надо, стройте прямо по льду, главное быстро и чтоб пути ваши смогли пропускать по такому ледяному мосту платформы

с танками. Лишь тогда-то я и сообразил, что у Джидинского участка и участка до Усть-Орды было общим то, что там не было ничего общего. Одно дело рубить путь для железной дороги в скале, другое — на осыпях, а третье срочно строить временный мост через обледенелую Ангару, чтобы лед и наши конструкции танки выдержали! Мы, видимо, не дорогу строим, мы команду собираем и тренируемся, чтобы если придет нужда — мы, железнодорожники, первыми за Красной армией могли бы идти и гнать за ней нитку рельсов — куда партия скажет. А раз так, и смысл у всей моей работы вдруг есть, что тяжело в учении — легко в бою. И легче мне стало людей на работу каждый день поднимать и в снег, и в дождь, и в жару, и в грозу — есть приказ, стало быть, тянем железную нитку не важно куда. Нитку тянем, расставляем по ней паровозы на узловых, ибо надо учить людей, как быстро заменить паровоз из-под поезда на паровоз, который тащил эшелон, идущий в другую. Ведь вопрос-то непростой — у нас тягловый паровоз все время идет в одну сторону или движется челноком, передавая поезда по цепочке от одного паровоза к следующему. Сперва думали, что не надо усложнять и должен тянуть один паровоз, а потом от этого отказались, ибо такие новые временные нитки строились в более сложных условиях на скорую руку, и там были участки прямые и ровные, а были и прости меня господи. Так, экономичнее оказалось держать мощные паровозы на сложных участках, а на ровных держать паровозы попроще. Опять же вопрос возник о депо. Мы строили наши дороги, по сути своей, в чистом поле. И где взять депо, которое мы зовем оборотным, для того чтобы набирать воду и уголь да паровоз там обслуживать? Пробовали использовать подвижные рембригады, но они не справлялись. Затем придумали объ-

единять паровозы в так называемую паровозную колонну, в которой были и сменные бригады в специальном «турном» вагоне, и ремонтники, и набор подобранных инструментов — полные комплекты запчастей, и резерв топлива, и даже — походная баня. А что вы думаете, попробуйте покрутить гайки часов пять под дождем, или на морозе, или еще хуже — под обстрелом противника. А тут — баня. Красота! Ну, надо денек побыть хотя бы кочегаром, не то что ремонтником, чтобы оценить ее надобность.

Вот такая колонна — шла вместе с поездами по железной дороге, снабжала и обслуживала свои поезда, а главное — могла распределяться по линии в зависимости от обстановки. Опять же в такую колонну мы подбирали паровозы, только пригодные для ремонта, которые могли бы отремонтировать только своими силами, а они частенько были маломощные. Поэтому мы зачастую пускали их сдвоенными. Пустяк вроде бы: понадеешься на мощного зверя, а он где-нибудь засбоит, и что потом делать с ним в чистом поле? Одно дело, когда надо заменить мощную машину из эшелона, для которой у тебя есть замена в запасе, другое — когда засбоил паровоз в самой паровозной колонне, то есть на самом ремонтнике. И вот такие мелочи, шероховатости, крупинки сперва встречались во всем. И пока мы всех этих вошек сыскали да вычесали, много воды утекло и много они нам крови испортили.

Без лишней скромности вам скажу, что за эти работы по расчетам и организации подобной паровозной колонны, я был награжден очередной государственной премией, прежде всего за то, что все это происходило в обстановке полной секретности, вдали от чужих глаз, дурных да завистливых. Основная железнодорожная сеть у нас оказалась в европейской части страны, именно о ней собирали сведения

агенты противника, а то, что мы всю основную подготовку боевых паровозных колонн к войне вели в Азии — об этом противник и не догадывался. Ибо если у вас есть некая структура, то проще ее испытывать на мощном фланге, там, где у вас есть избыточные ресурсы, а не там, где с виду — даже дорог-то особых нет. А то, что именно там, где дорог с виду нет, проще их строить новые да тренироваться при этом, враги не додумали. Позже, в конце 1942 года, когда наркомом у нас стал Хрулев, эту мою придумку размножили и «паровозные колонны резерва наркомата путей сообщения» — стали формировать десятками как стандартные военные подразделения как раз к Сталинграду, тем более что там местность с условиями была весьма близкой к нашей. А в первый раз мою «паровозную колонну» попробовали в деле при обороне Москвы — там как раз начали перебрасывать по дороге наши сибирские части и соответственно меня поставили на это дело ответственным. А оно — заработало. Дело дошло до того, что сам Сталин меня к себе вызвал и спросил, может ли все это без меня само собой справиться. Я отвечал, что должно — по идее, а он мне сказал: «Давайте проверим, и если оно настолько хорошо все устроено, что и без вас заработает, дам я вам еще одно дело — более сложное». Оно — заработало и меня тогда на другие работы после этого перебросили, а я все эти мои игрища с моей «зауральской железной дорогой» как сейчас помню.

Строили мы эти удивительные дороги, а потом, покатавшись на них, поучившись, разбирали их полностью. Ибо рельсы для нас были дороги, да и шпалы все были считанные и в наркомате учитывались. Зато интересно было выстроить дорогу через крутой косогор и на ней потихоньку учиться водить поезда в особых условиях. А еще строили

дорогу и степь вокруг поджигали, а машинисты должны были вести составы через стену огня и принимать все необходимые для этого случая действия. Так что представьте себе, идет поезд, как будто набитый ранеными, приходит на узловую, там ему меняют паровозы, и дальше тот паровоз, который вез раненых, тащит уже обратно эшелон, как будто набитый снарядами, а поезд с как будто ранеными везет дальше в глубь страны паровоз, который только что притащил на себе эшелон боеприпасов. Сколько, по-вашему, нужно времени, чтобы поменять паровозы у двух поездов, пришедших на узловую. Мы разработали норматив, по которому такая замена у нас занимала не более десяти минут, включая заправку паровозов водой, углем и даже иногда смену людей, если они уже долго работали. У немцев на такой же кульбит уходило... сорок пять минут при всем их орднунге. А теперь представьте себе, что вы фактически меняете паровозы у двух составов одновременно, а это значит, что они должны прийти на эту самую узловую одновременно, причем один при этом катится по, скажем, ровной дороге, а другой между осыпями, где случаются оползни, так что для него надо закладываться на случайности. Но какое же счастье испытываешь, когда оба поезда приходят в пункт встречи вовремя и во все наши нормативы укладываются!

Здесь была еще одна тонкость. На деле в военное время физически невозможно так сделать, чтобы поезда ходили точно по расписанию. Мы пытались, пытались и немцы, но ничего так и не вышло. И придумал я тогда, что в жизни так не бывает, чтобы — «по расписанию». Ведь люди дышат не по расписанию. Так и сложилась у меня метода, которую я назвал тогда — «вдох-выдох». Было это рабочим названием, да так и в приказы вошло. Суть там была

в том, что раз из-за бомбежек противодействия противника мы не можем точного расписания выдержать, то и не нужно его выдерживать. Пусть у нас поезда идут не совсем точно — тютелька в тютельку, а будто человек дышит: долгий и медленный вдох и резкий, быстрый выдох. Пусть поезда наши, идущие в тыл, идут медленно, пропуская все встречники. А вдруг какой-нибудь раненый в том же санпоезде умрет по дороге от того, что его долго по дороге везли. Но это дело врачей санпоезда — ему жизнь спасти и доставить до крупного госпиталя. А нам главное — накопить поезда глубоко в тылу и в один пых их резко в сторону фронта как бы выдохнуть, чтобы к фронту они летели будто стрела, а все встречники им уступали. Тем самым мы создадим эффект неожиданности и уменьшим время для работы шпионов противника, которые обязательно будут противодействовать. Ибо одно дело, если шпионы увидели плетущийся санпоезд с ранеными, и другое, если они успеют обнаружить летящий к фронту эшелон с танковой армией. Почувствуйте разницу.

То есть разные сорта грузов идут по дороге у нас с разной скоростью. Паровозы на участках у нас одни, а движутся они в разные стороны — по-разному. Один и тот же паровоз идет в одну сторону так, а в другую — иначе. Когда я впервые это предложил, то все изумились. Но потом посчитали, подумали и в первые дни войны вызвали с докладом к самому товарищу Швернику. А потом, в ноябре, о проделанной работе я докладывал уже товарищу Сталину. Тут же ведь были свои мелкие хитрости: местами нужно было уплотнять движение сверх нормы, пуская поезда один за другим с минимальной дистанцией, а то и, вообще, закрывать участок, пропуская поезда лишь в одном направлении. Все можно было выяснить лишь путем натуральных экспериментов, и вот все это мы на моей Зауральской дороге и делали.

Конечно, в военное время порою не удавалось разработанные нами графики выдержать, но из того, чему мы людей научили, насколько я знаю, мы сумели перевозить грузов по дороге гораздо больше, чем немцы. До двух с половиной раз больше. Потому как люди у нас умные да понятливые — им один два раза на своем примере покажешь, объяснишь, как и что, на пальцах — и они уже сами смекнут, что от них требуется. И они могли передать понятое ими своим подчиненным, иначе бы у меня руки отсохли всем все показывать. Опять же мне мое прошлое помогло: не так много руководителей было у нас и кочегарами, и машинистами в молодости, так что благодаря моему личному опыту мои объяснения были весомее и понятнее для работников, я всегда знал, что нельзя требовать от людей невозможного. Так что планы и нормативы у меня были реальные, а не от жизни оторванные. Строили мы в те годы наши железные нитки и тянули их в сибирские дебри. Как протянем, проверяем людей, поняли ли они, как работать в этих новых условиях, и, когда ясно, что поняли, разбираем ее и снова пошли в новых условиях в другое место тянуть. А работы наши были не просто так.

Как пригнали мы тою зимой нашу железную дорогу в Джиду, то приехали по ней геологи с неподъемным своим оборудованием и нашли в тех безлюдных краях молибден и вольфрам в 1939 году. По дороге на Усть-Орду прошли в те дни буровые на нефть, правда, тогда там ничего не нашли. Нашли потом чуть глубже, чем думали — рядом с Усть-Ордою в Ангарске — и не нефть, а природный газ, но первые бурения в тех краях как раз начались после того, как по нашей временной железной дороге туда довели первые буровые. Ибо — широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, и без нашей железной дороги просто

так тяжелое оборудование никто никуда не дотащит. Так что хоть и тренировки это были такие по прокладыванию железных дорог во всяких странных местах — на отведенное время, а все равно не просто так, не дуриком мы тогда туда дорогу вели. Так что огромное у меня уважение возникло и к товарищу Сталину, и к товарищу Кагановичу, ибо они точно не напрасно свой хлеб кушали. Казалось бы, обычные тренировки, а все равно — с определенной целью и умыслом. А вот товарищ Бакулин меня расстроил, что за разговор такой: «Я — не я, корова не моя»? Поставили тебя наркомом, так отвечай, хотя бы объясни, что людям мне говорить, когда они меня спрашивают, зачем мы пути то собираем, то опять разбираем.

Так что когда его в том же 1938 году сперва сняли, как с работой не справившегося, а потом расстреляли, я, честно говоря, вздохнул с облегчением. С Лазарем Моисеевичем работать всегда было понятней и проще, а хозяйство мое разрасталось — под Миассом у меня под парами к осени 1938-го было уже семьдесят паровозов, готовых ехать куда прикажут и восемь ремонтно-строительных бригад, обученных работать в совершенно любых условиях: и на каменистом среднегорье, и в пустыне в песках, и даже в топких болотах, а приказы все шли и шли, мол, готовьте, готовьте людей, причем готовьте лучше меньше — да лучше. Вот все это и называлось в те дни Зауральскую железную дорогу, и знали мы уже тогда, что живем мы в империалистическом окружении и поэтому надо не есть, не спать, а готовиться к худшему и для этого строить и разбирать, разбирать и снова строить — на разных грунтах, в разных условиях, по создаваемым нами же нормативам по укладке путей. А при этом мне же было поручено на базе моей Зауральской дороги испытывать новые путеукладчики, составы для

пропитки шпал, телеграфных столбов и вообще древесины. И все это было быстро и срочно. Целый день крутишься как белка в колесе, и так это — здорово. Каждый раз вспоминаю все это, и прямо сердце сжимается — хорошая у нас была все-таки молодость. Правда, времени мало.

Формировать мою Зауральскую дорогу начали в ноябре 1937 года. Даже четырех лет у нас не оказалось, чтобы по уму ко всему подготовиться. А первое наше боевое крещение случилось уже через пару лет летом 1939-го, когда японцы напали на Халхин-Гол. Перед нами была поставлена задача проложить в эти края по пескам железнодорогу в кратчайший срок для обеспечения нашего контрнаступления. За эту работу я и получил мой первый орден.

Дело было так. В мае 1939 года меня вызвали в Москву и сказали, что, во-первых, японцы перешли монгольскую границу в районе реки Халхин-Гол, а во-вторых, нужна моя помощь по очень старому делу. Далее по большому секрету я узнал, что с германской стороны есть шевеления насчет заключения между нашими странами всеобъемлющего мирного договора. То есть в те дни Адольф Гитлер искал нашей помощи в вопросе о так называемом «данцигском коридоре», так как Германия тогда состояла из двух кусков; между основной частью Германии и ее куском в Восточной Пруссии была расположена Польша, которую Англия с Францией после Первой мировой выкроили из земель Германии и России соответственно. Именно поэтому фюрер искал нашей дружбы в польском вопросе. А хитрость при этом всем была в том, что Германия к тому времени создала так называемый «Антикоминтерновский пакт» с Италией и Японией, направленный против нашей Советской России.

Так вот, японцы, напав на Монголию в районе реки Халхин-Гол, даже не подозревали, что товарищ Сталин, па-

мятутя про желание немцев разобраться с поляками, сразу предложит нацистам своего рода сделку. Советский Союз готов был закрыть глаза на германское нападение на Польшу, при условии, что немцы в свою очередь помогут разбить японцев, которые, по недомыслию, вдруг решили напасть на невинных монголов — просто потому, что у самураев была огромная армия. Немцы носом чуть поводили, а потом обещали прислать в Монголию своих «инструкторов» — опять же при условии, что посредниками станут те же бурятские «знатные люди», с которыми немцы уже работали в дни советско-германской экспедиции по борьбе с сифилисом. Кроме того, немцы просили у товарища Сталина особого права на урановое месторождение в китайском Меньцзяне, в том смысле, что мы на него не претендуем, но и японцам захватить не позволим, а Германия получит на него концессию на 99 лет с момента начала разработки. По поводу уранового месторождения мы были всеми четырьмя лапками «за», так как немцы передали нам спецификации на урановый концентрат, который бы они желали получать из Меньцзяна, и по этим спецификациям именно с 1939 года мы узнали, каковы были принципы, применяемые немцами для обогащения урана, и это стало немалым подспорьем для создания нашего собственного «уранового проекта»; а так как я участвовал в самой первой экспедиции с немцами в китайский Меньцзян, то мне и было поручено гостей принять, хорошо угостить, от души напоить и дальше по обстоятельствам. Соответственно, все, что нам в те дни удалось от ученых немцев узнать, было использовано нами на базе моей Зауральской железной дороги, где за счет имеющегося паровозного оборудования под моим руководством мы и построили самый первый обогатительный центр по переработке китайского природного урана, который мы же

с 1940 года и до начала войны тайно поставляли в Германию. Сейчас вместо исходных паровозных депо и мастерских там вроде бы обогатительное предприятие, которое уже в годы войны стало нашим крупнейшим почтовым ящиком, так что название этого места я немного запомнил, а само место, где некогда мною формировалась пресловутая Зауральская железная дорога, стало государственной тайной. Так что и официального следа от Зауральской дороги практически не осталось, но всех нас, причастных, уже в 1940 году наградили государственными наградами, а меня наши недруги почему-то по сей день считают приложившим руку к созданию советской атомной бомбы. Из-за этого то и дело возникали разные непонятки — на Западе порой думали, что я какой-то там то ли ядерный химик, то ли физик-ядерщик, а я всего лишь хозяйственник и умел быстро построить железную дорогу куда угодно, если стране это срочно вдруг понадобилось. А меня почему-то записали чуть ли не в физики-ядерщики. Смешно.

А с немцами у нас вышло так. Приехали практически все те же самые немецкие врачи, что и в прошлый раз, только теперь мы уже точно знали, что все они чины из германского абвера, а самым старшим у них считался тот самый Цейс, который имел партбилет НСДАП с цифрами в первой сотне и чин группенфюрера СС, ежели об этом задумываться. Только сам он, конечно же, не приехал, ибо стал к тому времени уже слишком важной птицей, а с нашей стороны были опять мои сватья Башкуевы Боря и Жора да я, делавший вид, что являюсь обычным дорожником и мелким хозяйственником. Боря к тому времени стал уже нашим бурятским министром культуры, Жора так и выглядел обычным военврачом, правда для обычного военврача, на мой взгляд, у него то ли новые зубы отросли, то ли стали они

слишком хороши, да и немцы с виду были все теми же — добрыми, веселыми и открытыми. Если бы я не знал, что за общение с ними, закончившееся вербовкой в агенты противника, в начале тридцатых сели под сотню человек в Казани, в Татарии, так и подумал бы, что все они были замечательные ребята! Кстати, потом, когда выяснилось, что именно эти же камрады организовывали из наших военнопленных так называемый «Туркестанский батальон», чтобы засылать к нам наших же бывших граждан мусульманского вероисповедания в качестве шпионов и диверсантов-разведчиков, для меня это уже не было новостью. Проводили мы время прекрасно: пели, пили, кушали вкусные позы, а чувство было такое, будто ты на арене под софитами среди стаи пантер и тигров, а они на тебя с интересом поглядывают. Правда, потом вдруг выяснилось, что они в свою очередь докладывали, что с ними работают офицеры НКВД и меня называли в числе ответственных оперработников — ошиблись они в объекте. Я лишь по просьбе сватов делал вид, что мне наши сотрудники все докладывают, немцы на мне сосредоточились, а я не работал в НКВД никогда. Близко работал, но в те дни мне нужно было для врагов делать вид, чтобы они между нами запутались. Почему именно так, а потому что мне пришлось делать заключения по урановым образцам и принимать решения о методах добычи и доставки в Россию, я и оказался потом награжденным за участие в строительстве обогатительной фабрики. Так что и не знаешь, где найдешь, где потеряешь. В любом случае, то, что я свободно балакал по-немецки и по-китайски, наводило немцев на особые размышления, и меня они пасли огромными толпами.

А мне больше было интересно не дело с ураном и процессы его обогащения, а немецкая помощь в организации

движения поездов, важные моменты в построении путей с чистого листа — по безлюдной степи, и немцы мне об этом подробно рассказывали. Они-то думали, что я спрашиваю их ради галочки, как якобы дорожник, который на деле — физик, или химик-ядерщик. И поэтому — ради смеху, они мне все подробно расписывали. А я делал вид, что зевак, когда про дорожные дела слышал, зато оживлялся, когда речь заходила про добычу урана. Но при этом скучнели немцы, а вот про дорогу они мне рассказали много чего интересного. Из этого я сделал вывод, что при общении с потенциальным противником совсем уж молчать неприлично, надо быть во всех обсуждаемых вопросах с виду подкованным. Но когда пошел разговор при обмене идеями — нужно уметь верно выменять что-то вроде бы нужное, но с виду ненужное у своего собеседника. На этом и основаны мои лекции об искусстве дискуссии, которые я вам читаю в нашей школе. Нужно знать то, что нужно для вашего собеседника, и знать то, что собеседник ваш знает про то, что вам нужно. А вот что именно вам нужно узнать у него — ему знать, возможно, не стоит. В этом и состоит суть нашего ремесла. А самое главное — это честность.

Я честно им говорил, что я обычный хозяйственник, инженер-путеец, а кто ж виноват, что они все там были такие вот — недоверчивые. Добрей к собеседнику нужно быть, верить тому, что он говорит, в этом залог покойного сна и успешной карьеры, а если как эти фашисты — не доверять никому, обязательно случится гастрит, раннее облысение и выпадение прямой кишки, то есть геморрой, а меня от всего это всю жизнь Господь миловал. Потому что надо быть честным!

А дальше все было просто. Мы за два месяца тайно построили однопутную железную дорогу — через все эти

пески и пустыню, а потом удивили японцев количеством наших пушек и танков посреди тамошнего безлюдья и пустошей. За всю Русско-японскую царская железная дорога не сумела перевести столько техники и боеприпасов на этот удаленный театр, сколько нам удалось — всего за два месяца! И за этот успех меня — опять же персонально — отметили небольшою наградой от партии и правительства. На этом бы и можно было завершить этот рассказ, если бы не одна странная и занимательная история, которая тогда случилась с моими сватьями Башкуевыми.

Суть дела была в том, что фашисты нас немного надули. Они обещали, что пришлют нам своих немецких инструкторов, дабы, так сказать, связать грядущий Пакт своей кровью, однако же обманули. При ближайшем рассмотрении немецкие офицеры, вошедшие в штаб так называемой «Первой интербригады», оказались вовсе не немцами, а самыми что ни на есть словаками. Однако и они в этих боях, особенно при побоище на Баин-Цаган, поучаствовали, и с десятков их трупов, обутых в характерные сапоги германского образца, достались японцам. Потом-то участие немцев в этих событиях тоже стало нашей государственной тайной, но не потому, что там немцы присутствовали, а потому, что с этими словацкими офицерами наши сотрудники хорошо поработали, и из этого германская контрразведка сочла, что кто-то среди них может быть советским агентом. Однако выяснять это немцы не стали, расстреливать всех огульно не захотели, а вместо этого послали всех словаков, которые на нашей стороне при Халхин-Голе участвовали, подальше от прочих войск из Германии. То есть всем этим офицерам отныне было запрещено воевать на Восточном фронте против наших войск, ибо с точки зрения СД и гестапо, там возникли слишком хорошие отношения между нашими и словаками. В итоге словаки были направлены Гитлером на их

Южный фронт и всю войну провели в Африканском корпусе Роммеля в Африке. Тем самым, даже если там и были наши товарищи и сотрудники, то никакой прямой выгоды от этого нашей стороне вроде бы не было. Однако, как выяснилось уже после войны, наши за дни совместной службы на Халхин-Голе сумели завербовать не одного-другого словака из германской армии, а всю их разведслужбу чохом. Поэтому, когда военная разведка Германии работала против англичан в Африке, то завербованные ими арабы сразу становились двойными агентами как германской, так и советской разведки. А завербовали словаки тогда всех так называемых «молодых офицеров» в египетском корпусе британской армии, так что наша страшная тайна про Халхин-Гол заключалась в том, что все будущие арабские лидеры и политики, например, Гамаль Абдель Насер или Анвар Садат, оказались в советской разведке, но не сразу, а через вербовку фашистами. Поэтому и халхин-гольская предыстория нашей горячей дружбы с Египтом оказалась столь засекречена, ибо из нее получалось, что мы поддерживали в Египте убежденных фашистов. Положа руку на сердце я не думаю, что товарищ Сталин стал бы целоваться с фашистами из арабов, но, когда все это началось, были уже хрущевские времена, и у нас на верхах, видимо, что-то слегка изменилось. Однако родимые пятна всех этих вербовок арабских молодчиков словаками из германской разведки по сей день дурно пахнут, так как вербовали они их все равно в карательный «мусульманский батальон», который потом в Крыму жег и расстреливал, вот поэтому участие немцев в халхингольских боях против японцев так и осталось государственной тайной.

Если бы это все огласили, то Никита Хрущев, лобызавшийся с египетскими фашистами и давший заведомому арабу-фашисту Звезду Героя Советского Союза, совсем бы иначе

выглядел. Впрочем, он и так отмочил много чего, но то, что эта история осталась за рамками, помогало сохранить ему свое реноме. Однако это все лирика, так сказать, вишенка на торте, а на деле в этой истории было еще много чего намешано. К примеру, немцы были вместе с японцами в антикоминтерновском пакте, однако они же стреляли в японцев и убивали их в дни Халхин-Гола. Мы понимали, что если японцы узнают об этом предательстве, то Советский Союз сможет избежать потенциальной войны на два фронта — против Германии и Японии одновременно. Вопрос весь был в том, каким образом об этом рассказать японской разведке?

Мы обещали немцам сохранить все это в тайне. Японский император, да и министр Тодзио, верили бесноватому фюреру и ненавидели наших. Мы не могли сами прийти к японским разведчикам и рассказать им про все, потому что они бы нам не поверили. Стало быть, нужно нам было сделать все так, чтобы японцы сами обнаружили истину, а для этого утечка должна была случиться у нас — на самом верху, чтобы все выглядело как взаправду. Японцы сами должны были у нас этот секрет выведать, а как было его до них донести, если все люди в подобных секретах сведущие, с нашей стороны были либо строевыми офицерами, которые бы не стали сами по себе общаться с японцами, либо потомственными родовичами, которые поколениями служили России, и для них предательство было немислимо. Если бы я, к примеру, или мой сват Борис сами бы пошли к тем же японцам, они бы не приняли ни одного нашего слова на веру, то есть утечка должна была быть мотивированной и личностью изменника обусловленной. Поэтому-то меня, как потомственного шамана и знатока отношений между местною знатью, просили помочь с советом по поводу организации подобной утечки. А так как речь шла

о предотвращении возможной войны на два фронта для моей Родины, сантиментам тут места не было.

В итоге я нашел «слабое звено» в ряду наших родовичей. Девятый род был нашим сродником и тоже считался, как и мы, «черным». «Черным» — значит «злым», способным богатеть и обладать различной мудростью. Девятка — это область Юго-Востока. Восток — это область Мудрости, а Юг — Порок и Богатство. Я — глава Третьего рода, мы сведущи в Мудрости и в том, что происходит с людьми после Смерти, или в том, что толкает людей на Смерть или иные удивительные поступки. Это потому, что мы род Северо-Востока, мы знаем «Ночь», «Тьму» и то, что толкает людей на такое, о чем они даже и не догадывались. Соответственно Шестой род Востока — это род «Господ Востока» и наших лучших учителей и врачей, а, стало быть, Девятка — это род Мудрости и Обогащения, связанного с низменными чертами нашей породы. Испокон веков Девятка контролировала торговлю водкой, наркотиками и доступными женщинами в наших краях. Они держали «дома свиданий» по всей дороге в Китай и были поэтому очень знатны и необычайно богаты. Особое же влияние они имели из-за того, что в Степи порой делать нечего, и тот, кто знает, кто с кем спит, — обладает определенной властью и немалым влиянием во все времена. Это всегда приводило к тому, что глава Девятого рода помимо того, что торговал опиумом, водкой и женщинами, вместе с этим был и начальником тайной полиции нашего хана — тайши, а в более поздние времена и начальником местного отделения жандармерии.

Соответственно, когда произошла революция, главному из местных жандармов было сложно улизнуть от большевиков и чекистов, поэтому они с женой еще в 1918 году были большевиками расстреляны. Однако от него остались

после этого сын и целых четыре дочери. Надо сказать, что в отличие от прочих родов Девятый, безусловно, род Порока, и поэтому у них традиции всегда были особенными. Так, в этом роду главенство всегда шло не по мужской, а по женской линии. Связано это было именно с тем, что основной доход у Девятки был от торговли женщинами, а не водкой или же опиумом. Согласно обычаям, идущим от Ясы Чингисхана, монголам было запрещено торговать водкой между собой, и поэтому в их домах свиданий водку предлагали лишь китайцам и русским. Ну, по крайней мере, так декларировалось. Я не уверен, что именно порой происходило из-под полы. То же самое касалось и торговли опиумом. А вот женщин они предлагали сколько угодно и кому угодно. А раз работницы у вас женщины, то и работать во главе предприятия лучше женщине — меньше шансов, что ее соблазнят собственные же работницы. Из этого шел обычай, что всех дочерей в Девятом роду целенаправленно обучали разным обязанностям внутри семейного предприятия.

Так, самая старшая из дочерей, моя кузина Елена с младых ногтей училась руководить подобным домом терпимости. Поэтому, когда ее родителей большевики расстреляли, кузина моя легко стала первым секретарем Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ, и на этом посту она организовала из своих комсомолок лучшую на свете бригаду девиц по вызову, которые обслуживали местный обком партии и всех членов правительства. А в конце двадцатых, когда в наших краях началась повсеместная борьба с сифилисом, выяснилось, что все ее девицы были заражены сифилисом и перезаражали весь тогдашний обком и членов правительства. Кузину после этого арестовали и судили, но доказать, что она все это сделала с умыслом, тогда не смогли. Однако без протокола все слышали, что Лена говорила, как ненавидит она всю эту голытьбу, всех этих нищих аратов,

которые брали у ее отца с матерью бутылку водки в долг до получки и долгов обычно не отдавали, а потом пришли и у нее на глазах расстреляли обоих, а весь дом их разграбили, и что, мол, и у первого секретаря, и у предсовмина в доме на посуде и столовом серебре метки ее дома, и это значит, что все большевики — воры и едят нынче с награбленного. Она говорила, что убили родителей ее без суда и без следствия не потому, что они торговали водкой или были жандармами, а просто потому, что у них были деньги и бывшего жандарма ограбить в дни революции проще. И за то, что они убили родителей ее без суда, ради выгоды, теперь все воры обречены сгнить заживо. Слов ее мы никому не передали, сами понимаете, что, как «социально чуждый» я не стану рассказывать давешнему арату слова моей столь же «социально чуждой» сестры, тем более, что и впрямь в гибели ее родителей были темные пятна. Как бы ни было, за свое преступление Елена Бадмаевна была осуждена по 58-й на 15 лет лагерей. Правда потом, в 1938 году, когда всех этих зараженных ею аратов, руководителей местной партии и правительства арестовывали, я нарочно просил показывать мне опись имущества арестованных. И вы знаете, на их тарелках и столовом серебре и впрямь стояли клейма и метки Девятого рода, так что, рассказывая, как все эти араты, которые меж собой были родственниками, якобы пришли убивать ее отца с матерью, ради того чтобы украсть все их состояние, троюродная сестра моя все хорошо знала и, возможно, и впрямь той ночью при всем этом присутствовала. Так что я не могу ее огульно судить. Не сомневаюсь, что она знала, что делает, когда посылала насквозь сифилисных комсомолок утешать местных глав партии. Но зная, что она рассказывала про ту страшную ночь и не обманывала меня, судить я ее не могу. В конце концов, любой мужчина обязан или хранить верность своей любимой,

единственной, или залезать на красивую проститутку, но отвечать за этот поступок он должен сам. Нет разницы — член он при этом партии или же просто — член.

Да, чтобы не создать у вас превратного впечатления, расскажу, как с сестрою моей потом вышло. Когда началась Великая Отечественная, Елена Бадмаевна, которая к тому времени на поселении уже стала заслуженным ветеринаром республики, пришла к местным чекистам и просила направить ее на фронт, так как она обладала умениями, которые в целом, по ее мнению, были в Советском Союзе утрачены. Сперва ее подняли на смех, мол, у нас тут не империалистические времена и публичные дома для Красной армии даже в проекте не требуются, но кузина пояснила, что вовсе не это она имела в виду. В итоге ее из поселения выпустили, и она со своим калекой мужем — из западнцев, сосланных после 1939 года в Сибирь, и новорожденным сыном отправилась на родину к мужу и там быстро попала в оккупацию. А уже в оккупации она завербовалась с прочими украинками на работы в Германию и там из местных украинских девиц быстро создала превосходный бордель для офицеров немецкой армии. Бордель стал знаменит и пользовался среди фашистов большой популярностью, а троюродная сестра моя нашла способ то и дело слать на родину весточки про то, что пьяные немцы в постелях своим временным украинским подругам рассказывают. Когда война закончилась, Елена забрала мужа и сына и вернулась к нам сюда свой срок досиживать. И ей уже здесь снова на зоне вручали орден и пару медалей от секретного ведомства, как заслуженной работнице этого ведомства. Так что хоть и села она за свое преступление и надолго, но получилась эта отсидка «с перерывом на подвиг», а когда вышла, то назначили ее главным ветеринаром республики. В наших краях не забывают достойных.

Так обстояли дело со старшей сестрой, но их в том доме было — четыре. Все они воспитывались в рамках семейной традиции как дочери Девятого рода. Если самую старшую готовили к руководству девицами, то вторую по старшинству — к тому, как привлечь гостей в дом свидания. Иные тут думают, что продажные девки должны уметь только лишь на спине лежать да стонать вовремя, чтобы сделать гостю приятное, однако это не так. Наши предки много лет прожили в Китае и в этом вопросе прониклись китайской традицией. А это значит, что в доме свиданий соитие — не самое главное. Если нужно соитие, то богатому и знатному человеку достаточно поманить простую аратку или приказать любому своему арату, чтобы тот привел жену в юрту господину, ежели тому приспичило развеяться. Не думаю, что араты отказывают. Впрочем, мне кажется, что не найдется много родовичей, которые такой покорностью пользуются.

Люди идут в наших краях к девкам не за соитием, а когда им становится скучно, когда одиноко или когда хочется, чтобы кто-то тебя просто выслушал и побыл рядом. А это значит, что для хорошей проститутки нужны не только смазливое лицо и фигурка, нужно, чтобы она смогла спеть, да сплясать, да поддержать умный разговор с богатым клиентом, а то и просто помолчать вовремя, дав тому выговориться. А представьте простую аратку, которая решила заняться таким ремеслом, если у нее нет ни умения петь и плясать, ни опыта общения с клиентами. Мало девиц в проститутки набрать, нужно, чтобы они были в пении и умных беседах так хороши, чтобы богатые люди мечтали взять подобных на содержание. Нет, конечно, бывают гадюшники с сифилисом, где дунул-плюнул и пошел, но лучшие заведения Девятого рода всегда славились тем, что там было чисто и после всего посетитель не чувствовал,

что он посетил что-то там непотребное. Так были устроены такие дома раньше или в Китае, пока не победили там коммунисты, или по сей день в Японии. Это значило, что всех новых девок надо было культуре учить, ставить им голос, танец, умение говорить и слушать. Этим и занималась вторая дочь в этой семье — Мария.

А как можно выучить чему-то, если этого сама не умеешь? Поэтому кухня и сватья моя пели, танцевали и играли на всех музыкальных инструментах. Так ее родители и выучили. Правда, в 1918 году их убили, но умения все остались. Поэтому к 1939-му Мария была уже народной артисткой России, заслуженным режиссером СССР, и учила молодежь актерскому мастерству для нашего Бурятского драмтеатра, который сама создала и была там первой женщиной-режиссером. А мужем ее был мой сват Борис, тот самый, который возглавлял некогда этнографическую экспедицию, работавшую в связке с германской командой Цейса.

Поэтому, когда меня спросили, как лучше всего создать канал утечки к японцам информации о том, что немцы приехали помогать нам вокруг событий на реке Халхин-Гол, я сразу сказал, что Боря — «Господин Востока» в наших краях, он свободно говорит по-немецки, немцы его воспринимают как равного, потому что их род упомянут как род русской аристократии в немецкой Готе, а немецкие лавочники на чужие титулы падки; в Первую мировую Боря служил переводчиком в Иностранном корпусе во Франции, а в Гражданскую был офицером у белофиннов. Японцы знают, что именно он для местных был главным авторитетом в дни борьбы с сифилисом и он же был главным по связям с немецкой стороной, и поэтому если немцы появились на Халхин-Голе, то мимо Бори это никак пройти не могло. С точки зрения местных обычаев, именно мой сват

стал бы для японцев достоверным источником. Но сам он, будучи «Господином Востока», вряд ли стал бы с японцами разговаривать, а уж тем более предавать нашу сторону. Наше древнее право править аратами основано на понятии чести родовичей, а для монголов самый страшный грех — это предательство. Что для меня, что для Бори легче умереть, ибо после этого дети наши унаследуют народное уважение, чем предать господина, ибо на этом народное доверие к нам сразу кончится. Японцам это известно, поэтому сам Боря не может куда-то пойти и все врагам высказать. Они поймут, что это — подстава. Нужно сделать так, чтобы информация сама от него утекла и пришла японцам через те руки, которым они смогут довериться.

Меня спросили, что я имею в виду. Раз все родовичи не могут предать, ибо это для всех их потомков невыгодно, как же повернуть дело так, чтобы слова от моего свата дошли до японцев? Я отвечал, что люди плохо знают чужие обычаи, особенно джапы, которые все прочие народы считают ниже себя. Просто нужно найти человека с достаточно низкой моралью или же основаниями предать советскую власть. На мой взгляд, для любого японца будет обоснованным предположение, что род содержателей публичных домов, винокурен и опийных курилен достаточно аморален для того, чтобы предать свою Родину. Неважно, что эта обязанность появилась у Девятого рода насильно, ибо среди родовичей должен быть тот, кто всегда знает, что происходит в головах у преступников. Неважно, что эта нелегкая доля была тяжкой повинностью, а не проявлением злой воли или жадности. В хорошем доме кто-то должен убирать мусор и разгребать нечистоты, иначе дом зарастет ими на корню. Так было заведено исстари. Но для чужаков, особенно высокомерных японцев, это неведомо, они

легче поверят, что на их сторону перешел член Рода Порока, чем член Рода Воинов, или Рода Учителей, или моего Рода Шаманов. Есть хорошая поговорка: «Вору да шлюхе век придется оправдываться». Не думаю, что японцы, даже очень просвещенные, думают про это иначе. Им легче поверить в то, во что всем легче поверить, и этим можно воспользоваться. Опять же — моих старых дядю и тетю расстреляли в 1918 году местные большевики. Это было уголовное преступление, как недавно на процессе бывших бурятских руководителей выяснилось. Однако дети их все равно обязаны отомстить за родителей. Старшая дочь отомстила на свой манер и нынче осуждена и посажена. Дом стала возглавлять средняя. Теперь она обязана сделать гадость большевикам, то есть не думаю, что она так думает, но так могут думать японцы. А она — жена Бори, который должен знать про немцев на Халхин-Голе. Это самый понятный путь для японской разведки к этим важным для них сведениям.

Мои товарищи меня выслушали и надолго задумались. Лишь на другой день меня опять вызвали в эти места и попросили дать им совет, как лучше всего подвести японцев к утечке. Я уже все придумал, и через пару дней кухню мою, народную артистку России, вызвали из Москвы, где она в эти дни проходила свою режиссерскую стажировку, в Бурятию, якобы для организации концертов для советских солдат и офицеров, которых в те дни перевозили на Халхин-Гол. На этом же поезде ехал японский консул, своими глазами решивший посмотреть на советские войска, которые, по слухам, перебрасывали в Монголию. По дороге поезд чуть не сошел с рельсов. Не сильно, а так, чтоб пара на тележке под паровозом залюфтила-застукала. Поезд остановили, вагоны переформировали, а купе уплотнили.

И в итоге — первая женщина-режиссер на Востоке и японский консул разделили одно купе. Ничего дурного или порочного, благо они там были вместе с охраной: просто японский самурай неделю кормил даму в вагоне-ресторане, она ему пела, а он ей дарил цветы и шампанское. Кроме того в телеграммах он сообщал кому-то в Китай, что «познакомился с чудесной птицей, которая поет ему удивительные истории» и просил разрешения на начало вербовки, а также просил уточнить послужной список моего свата Бориса, особенно его участие в советско-германской экспедиции по борьбе с сифилисом. В очередной телеграмме он написал, что «некий хан нынче находится где-то со своими былыми товарищами-камерадами», а «подробности уточню». По рассказам, японская разведка ото всех этих известий пришла в неистовство, причем повышенная активность была нами зафиксирована в японском посольстве в Германии. То есть то, что против них ополчимся мы, не было для самураев никаким секретом, но то, что их предаст бесноватый фюрер, стало для азиатов выше их понимания.

Когда же поезд прибыл в Улан-Удэ, и моя кузина добралась домой, а японский кавалер оставался в гостинице, у этой самой гостиницы была задержана моя самая младшая кузина из этого рода — Ольга, которая несла Марии от японца записку. В ней тот просил подтвердить, что из Германии в Монголию от Гитлера приехали именно офицеры-словаки. Мы не знали точно, что успела рассказать красавица певица японскому разведчику за неделю совместного проезда в одном купе, но было понятно, что, находясь в Москве, она сама могла мало узнать о том, что именно сейчас происходит в Монголии. Однако в родных краях ее знания бы существенно выросли, и мы не могли допустить, чтобы милая актриса вдруг рассказала бы что-то действительно важное вражескому шпиону, кроме того — что мы

хотели, чтобы она ему между делом рассказывала. Поэтому мы в тот же день арестовали и Марию, и Ольгу по обвинению в шпионаже, а свата моего Бориса арестовали в Монголии за то, что он якобы передавал важные сведения через жену японской разведке. Японский консул был нами из Советского Союза немедленно выслан. И японцы в предательство немцев поверили.

Дальше затеялось следствие. Ольгу, которую взяли с полным, осудили сразу на пятнадцать лет лагерей, так как она вроде бы ничего не знала и, по ее словам, приходила в гостиницу передать какую-то книжку от сестры для японца. Мы нашли эту книжку, это была «Анна Каренина». Никаких пометок или тайных знаков, однако в ней, возможно, была записка и следы от сорванной головки цветка, по-видимому, ромашки. Я думаю, что ничего предосудительного, но актрисы по сути своей профессии обязаны быть впечатлительны, а японец был очень хорош собой, какой-то там пояс по их джиу-джитсу и комплекции соответственной. А зная про то, как готовят и наших, и немецких, и японских разведчиков, не думаю, что любая женщина смогла бы устоять против такого красавца. Так что, с точки зрения политической, там вряд ли что-то было, а вот с точки зрения морали, думаю, что этот фрукт добился бы своего, ибо его этому нарочно учили и долго воспитывали. Однако для пользы дела кузину мою обвинили именно в работе на японскую разведку, а свата в том, что он не донес на собственную жену, хоть с момента знакомства жены с японцем он с нею не виделся. Однако во главе НКВД был тем летом Ежов, который признавал лишь «ежовые рукавицы» и «признание как царицу доказательств». Так что обоих взяли в оборот по всей программе. И ничего нельзя было сделать, так как нам было важно, чтобы японцы в измену немцев

уверовали. Пока свата моего и кузину били в застенках, японцы в немцев на Халхин-Голе поверили, а ежели бы их лишь пожурили да выпустили, то вся правдоподобность истории бы испарилась.

Меня спрашивали, как я к этому всему относился? Нас воспитывали в чувстве, что наши жизни и судьбы всецело принадлежат России и Государю. Место Государя для меня занял Иосиф Виссарионович, а Святая Россия как была, так и осталась. Нас учили защищать страну от японцев, и мы готовились к этой войне не щадя живота своего, и вот дела пошли так, что мы могли не допустить японского нападения. За известную цену. Эту цену нам пришлось заплатить. Потом, через много лет, когда все это выяснилось, сват мой сказал, что он сам сделал бы все то же самое. Просто он боялся, что ему могло бы духу не хватить. Я отвечал, что ради страны, ради Родины, ради жизни и счастья тех же аратов мы обязаны умирать, ибо такова Воля Неба. Кому много дадено — с того и спрос больше. В дни, когда в наших краях был мятеж, я сам поехал в Усть-Орду и Аларь с главарем мятежа разговаривать — с моим тестем. Я говорил с ним о том, что никогда прежде в истории буряты не поднимали оружие против русских, и пусть в его бандах скорее русские, чем буряты, но из-за его персоны все это смогут назвать бурятским восстанием. Приедут каратели, прольют кровь — простые араты должны будут за родных отомстить, а простые граждане в центральной России потом скажут, что это буряты воюют в наших краях против русских. Именно этого и желают японцы, которые дают деньги нашим бурнацикам и одновременно русским фашистам, чтобы мы здесь друг друга все перерезали, а земля наших предков досталась японцам. Я этого не допущу, я убью моего тестя — здесь и сейчас, и все будут знать, что

умер он как японский шпион — все это было японским разговором. И ежели он не хочет, чтобы имя его было проклято в веках, ему должно сдаться властям вместе со всеми детьми. Он — знаменитый «бандит Еремей» — стал слишком знаковой фигурой, чтобы его государство помиловало. Равно как и старших его сыновей, однако я смогу сохранить жизнь его младшему, чтобы род его не прервался, а также обещаю, что никто не тронет обеих его дочерей: ни жену мою Дашеньку, ни Матрену, пусть ее муж и погиб в Средней Азии. Это я ему обещаю, но ему самому и старшим его сыновьям суждено умереть. Это не обсуждаемо. Тесть мой выслушал меня, пару дней думал, а потом на все согласился.

Это было не самое страшное. Самым страшным стало рассказать все это потом моей милой Дашеньке. Матрена всегда была крепче, она весь этот рассказ легче выдержала. Так что после этой истории поступать, как вышло все с моим сватом, мне было проще. Кузина моя Мария вскоре после этого в тюрьме умерла, так ни в чем не признавшись, а по причине смерти ее дело против свата моего развалилось и он был выпущен под надзор. При этом его изгнали из партии, выгнали с поста министра культуры, и он стал просто сперва школьным сторожем, а потом учителем литературы. Затем он стал директором нашей лучшей в республике Первой школы, а к началу пятидесятых получил звание народного учителя. Правда, сперва его прямо с нар из-под следствия вызвали на переговоры в Финляндию. Он как кадровый офицер финской армии и личный знакомец маршала Маннергейма на переговорах об окончании Зимней войны много сделал и хорошо поучаствовал. Так как получилось, что при аресте били его вроде бы ни за что, все это назвали «перегибами при Ежове», и все виновные в превышении

полномочий и распускании рук по приказу Берии были расстреляны. Другой мой сват — младший Борин брат Жора, как брат возможного «врага народа» и «поднадзорного», был из НКВД немедля уволен и стал самым обычным офицером медслужбы при артиллерии в Белостоке. Он тоже считался «поднадзорным», «социально чуждым» и возможным противником советской власти. Это позволило ему в июне 1941 года в самом начале войны перейти на немецкую сторону. Немцы захватили наши архивы, выяснили, что Жора у нас хоть и бывший офицер НКВД, но «репрессированный», «поднадзорный» и «затаивший злобу против советской власти», и на том основании приняли к себе в Восточный отдел своего абвера — военной разведки. Там как раз кучковались все его прежние кореша, с которыми он вместе в медицинских халатах прошел всю Бурятию, Северный Китай и Монголию, борясь с сифилисом. На этом мы его следы потеряли.

Потом уже через много лет меня вызвали кое-куда, там уже был мой сват Боря, который после хрущевской реформы не хотел более учить детей в школе, а стал в институте профессором; и нам с ним сказали, что моего свата Жору выдал-таки предатель, и он, дабы не сдаваться противнику, покончил счеты с жизнью. Последнее, что он сделал, написал письмо брату Боре на трех листах рисовой бумаги. На первом было написано по-немецки «Брат мой», на втором по-китайски иероглиф «Брат», и на третьем стояла просто жирная точка. Боря взял все эти листки, долго смотрел, а потом просто заплакал.

Пока он плакал, принесли Жорины ордена и сафьяновую коробочку, которую нельзя передать даже родственникам, а потом, когда все ушли и мы остались одни, я рассказал, как оно все получилось. Пока Жора был успешным

офицером НКВД, он не смог бы достоверно перейти к немцам, они бы ему просто не поверили. Значит, он должен был стать репрессированным. А лес рубят — щепки летят. Все сошлось одно к одному, я с себя вины за эту историю никогда не сниму, но мне было озвучено, какая судьба для Жоры готовится, и нам нужно было создать для него весомое и подтверждаемое потом немцами основание. Вот я все и придумал. Такова моя судьба и должность — быть шаманом и достоверные для врага сказки придумывать.

Боря в ответ лишь кивнул и спросил, как ему теперь восстановить семейную честь, ибо многие думали, что Жора стал вдруг предателем. В ответ я предложил его сыну-первенцу от погибшей Марии в жены мою племянницу, «Госпожу Запада». Далее можно было ничего не объяснять — для аратов Власть решила, что на Шестом роду нет Бесчестья, с ними можно родниться и далее. На этом и порешили. Сын его тогда учился в аспирантуре и, как все еще пораженный в правах, не мог нигде на нормальную работу устроиться. Пусть и не было доказано, что его мать была японской шпионкой, но недаром говорят, что у грехов длинные тени, особенно там, где все друг другу родня и друг друга все знают. Поэтому он пел в ресторане «Прага» в Москве, голос у него был чудесный, не хуже голоса матери, он даже был в составе квартета лауреатом какой-то музыкальной премии, и это звание дало ему право петь где угодно и на том зарабатывать. Дальше оставалось лишь племяннице посоветовать сходить в ресторан с друзьями-подругами, там они встретились, и у них все вскоре сладилось. И весь их род после этого перестали шугаться на родине.

А умерла кузина моя таким образом. В их роду всем заправляли только женщины. Старшая должна была управлять всем хозяйством, средняя по традиции учила петь

и танцевать падших девушек, а младшую родители учили гинекологии и акушерству, ибо в доме свиданий девки должны быть чистыми, и ежели у какой случится беда, то надо ей помочь с родами, а нечаянный ребенок останется в хозяйстве — прислуживать. Была еще совсем младшая — Ольга, но она родилась уже перед самой революцией и считалась девочкой случайной, так как обязанности по традиции делились между тремя старшими дочерьми. Так вот младшая из дочерей Софья (потом уже после смерти Сталина она вслед за нашей Матреной тоже сменила немного имя, ибо после того, как всех их в 1953 году на все лето арестовали, решили, что сохранять прежние имена неразумно) вышла замуж за одного из командиров «васильковых» полков Бадма Будеича, который прославился потом как один из лучших китайских генералов у Мао. На том основании где-то с 1938 года она была главврачом Улан-удэнской тюремной больницы. То есть, когда ежовские следователи били мою кузину Марию, Софья свою же сестру в больничке откачивала после этого. Однажды Мария сказала, что больше не выдержит — вот-вот наговорит на себя. Сестра попросила мужа наверху поспросить, можно ли тут что-то сделать, а сверху пришел ответ, что дело стало известным, к нему есть интерес у японцев и поэтому оправдать подследственную никак не возможно. Советские граждане должны сознавать всю неотвратимость грядущего наказания. Однако если наказание все же случится, то дело можно не доводить до суда или даже признания.

С этим известием младшая кузина пошла к сестре, они все обсудили, попрощались, поплакали, а потом Соня вколола Марии дозу хлористого калия, и та — ушла легко, как уснула. Дело против моего свата рассыпалось, следakov, мучивших кузину мою, посадили за превышение, а потом

расстреляли, впрочем, на это дело и поставили заранее тех, для кого искали повод избавиться. Так что вот как оно тогда вышло.

С японской же стороны тоже вышло все занимательно. Сперва уже зимой того 1939 года мы узнали про так называемый «путч молодых офицеров», при котором в Квантунской армии тайная полиция самураев целенаправленно отстреляла всех тех офицеров, кто желал дружбы с Германией. То есть в крупнейшей японской армии не осталось никого, кто б верил немцам или на них хоть в чем-то надеялся. А потом на процессе в Хабаровске самураи говорили нам, что это была русская провокация. Смешно. Я всего лишь на торжественном собрании, посвященном победе на Халхин-Голе позволил себе в речи высказаться, что, мол, надменные самураи презирали всех европейцев, и вот в результате даже те европейцы, а именно немцы, которые японцам обещали дружбу и понимание, их в этих событиях кинули. И позволил себе то ли неприличный жест, то ли гримасу, которые японская разведка сочла за косвенное признание того, что немцы были на Халхин-Голе и тем самым Японию предали. Я же на процессе в Хабаровске пояснил, что имел в виду лишь Советско-Германский пакт о взаимном ненападении, который вступил в противоречие с подписанным Гитлером с японцами ранее Антикоминтерновским пактом, с чем я япошат и поздравил, а ничего иного я в виду не имел. И если самураям что и привиделось, так это их личные половые проблемы. Но они решили, что я открыто уже издеваюсь, и ужасно обиделись. И отстреляли всех япошат, которые были в Квантунской армии дружны с германцами — исключительно от горючей обиды. А по-иному и быть не могло. Тот же Доихара всем рассказывал, как «длинноносые уроды» из далекой Европы грабят всю Азию,

а особенно Китай, Индокитай и Монголию, а, мол, японцы как светочи цивилизации призваны спасти всех азиатов от англичан, американцев, французов и русских. Вся эта пропаганда была направлена на потребу японской же армии, которой стало проще завоевывать разных китайцев с вьетнамцами или южными монголами-баргутами под предлогом их защиты от алчной Европы. Только он не подумал, что в эту игру можно играть и вдвоем. Куда сильнее, чем среди тех же китайцев, слова Доихары про то, какие гады все европейцы, распространились среди самих же японцев. А немцы такие же европейцы для любого японца, как русские или американцы. Это Гитлер назвал японцев «желтыми арийцами», чтобы их немцы не гнобили, но все благополучно забыли, что у любой медали две стороны, и ежели вы все фашисты, то мало сказать немцам, что японцы хорошие, а не унтерменьши, надо было еще и вбивать в бошку японцам, что немцы хорошие, а не «белые подлые обезьяны», а вот это дело профукали. И в итоге японцы решили, что немцы их предали, а те, кто дружит с немецкими «носатыми оборотнями», тоже предатели, и в одночасье всех порешили под самый новый 1940 год. Так что с того самого времени Япония отказалась от идеи о нападении на Советский Союз просто потому, что в их армии нападать на нас в знак дружбы с Германией стало попросту некому. И когда все это стало известно, мне дали очередную правительственную награду, а с угрожаемого участка против Японии меня перебросили на Зауральскую дорогу — готовиться воевать против немцев. Так я возглавил особую Комиссию на железной дороге по подготовке к Великой Отечественной войне против Германии. Начинаясь 1940 год.

История Четвертая,

рассказанная

историком РЖД,

или отступление

Изкрытые лиманы, сгоревшие каштаны

И тихий скорбный шепот

приспущенных знамен.

В глубокой тишине, без труб и барабанов

Одессу оставляет последний батальон...

В неприметной квартире, в одном из тихих московских переулков, вечером 1 мая 1941 года встретились двое абсолютно разных мужчин. Пожилой был типичным европейцем, в неброской, но изысканной тройке, с умными, холодными глазами, и представлялся Людвигом Карловичем. Молодой — не менее типичный русский, коренастый крепкий в форме железнодорожника, имя которого история не сохранила. Назовем его, условно, Сергеем Ивановичем...

— Сергей, — сказал Людвиг Карлович, неспешно разминая сигарету. — Вы утверждены на должность руководителя операции «Каскад». Это Вы уже знаете. Моя задача — рассказать Вам про то, что не известно никому кроме узкого круга лиц, выполняющих в аппарате товарища Сталина задачу «последнего контроля». Операцию по-прежнему будет курировать Берия, вместе с Меркуловым и Мильштейном. Но ряд обстоятельств будет известен только Вам, мне и товарищу Сталину...

Итак, первое.

Мы допустили грубую ошибку, не привлекая изначально к планированию специалистов по транспорту. Главной, и по сути единственной задачей считалась подготовка площадок для приема заводов и организационные регламенты по

погрузке. Расчет прогнозных пропорций Вам известен: предполагалось, что в ситуации сокращения перевозок народнохозяйственных грузов, даже при потерях в парке вагонов, народный комиссариат путей сообщения должен вывести заводы без проблем. Сгущение потоков в первые месяцы операции, равно как и их принципиальный дисбаланс, учтено не было.

Ситуацию в полной мере осознали лишь в конце прошлого года. Тогда к разработке принципов операции был призван Владимир Николаевич. Почти одновременно состоялся диагноз по НКПС, который был поставлен в докладной НКВД о мобилизационной подготовке железнодорожного транспорта (№ 245). Ее готовил Мильштейн. Берия завизировал ее 17 января и разослал членам политбюро. Помимо множества фактов нехватки пропускной способности, неготовности лимитирующих узлов, отсутствия запасов, констатировалась взаимная безответственность Генштаба и НКПС; одни не дают информации, чтобы сделать расчет, другие — пишут фиктивные планы и формальные поручения. Вспыхнул скандал...

В результате предпочли пожертвовать фигурой Мильштейна, убрав его с транспортного управления. Но не только из-за члена политбюро Кагановича и начальника Генерального штаба Мерецкова.

В тот момент выяснилось, что реальное состояние нашего транспорта известно немцам с удручающей точностью. Равно как и планируемые грузопотоки, те самые, что военные прятали от НКПС. Задача Мильштейна — «уйти, чтобы вернуться», выявить каналы утечки, а вскоре

после начала войны ликвидировать их и способствовать реорганизации всего, что связано с перевозками и вообще снабжением войск. Тут возникает множество смежных задач, потребуется поменять многих лиц ...»

— Можно вопрос, Людвиг Карлович... извините, что перебиваю... но почему не сделать это прямо сейчас, ведь до войны остались считанные недели!?

— К сожалению, невозможно. Мы столкнулись с уникальной и совершенно критической ситуацией. Против нас работает не только немецкая разведка. Сведения для немцев поставляют и британцы, и американцы. У этих свой интерес. По их мысли, Гитлер должен нанести нам поражение, уничтожить армию и промышленность, но затем необратимо увязнуть в пространстве. Это рискованная игра, и мы еще выставим за нее британцам счета. Но степень опасности сейчас такова, что нам правильнее «прикидываться валенками». Намечать людей и формировать структуры, которые всплывут, когда придет время. Разумеется, оперативная работа ведется обычным порядком. Но на стратегическом уровне все именно так. Немцы и бритты должны быть в полной уверенности, что мы обречены. Теперь, надеюсь, Вы понимаете, почему Ваша подготовка к работе велась в особом режиме и почему сидим мы не в здании НКПС, и даже не в здании НКВД, а на съемной квартире. Впрочем, и разговариваете Вы сейчас лишь с пенсионером, чьим единственным занятием является техническая энциклопедия. Вот такая обстановка...

Теперь второй момент. Армия.

Вам, здесь и сейчас, могу сказать — я не верю нашим военным. Не из-за предательства, хоть заговор в 1937 году

действительно был, и я не уверен, что он исчерпан. Главное, что они еще не умеют управлять войсками в бою, и даже просто перемещать их. И пока что не понимают этого. Поэтому нас ждет очень тяжелое начало войны.

Но шанс есть. Германия проиграет, если война станет долгой. Для этого нам достаточно спрятать от них промышленность и удержать ключевой транспортный узел — Москву. После этого наша победа лишь вопрос времени.

Немцы заказали генералу Краснову анализ причин поражения Наполеона. Мы его прочли. И еще много чего прочли в наших архивах. Так вот, Наполеон, двигаясь на Москву, тогда пренебрег флангами и поставил под удар свои коммуникации. Гитлер не намерен повторить ошибку, он станет блокировать и защищать фланговые группировки, неизбежно делая паузы в наступлении центральной. Соответственно, и мы сосредоточим основные усилия на флангах, давая Вам время.

По начертанию дорожной сети, после приграничных столкновений возможны лишь два генеральных сражения: за Смоленск и за Москву. В первом мы должны выиграть время, а во втором — войну.

Вам ставится дополнительная задача, по ходу выполнения основной операции — поддержать маневром своего ресурса перемещение войск от треугольника Витебск — Орша — Смоленск (севернее от Великих Лук, южнее — до Брянска), до смоленской возвышенности, с центром приложения усилий на пересечении автомобильного шоссе, и железной дороги Минск — Москва (Ярцево). Маневр планируется по сходящимся в узел железным дорогам: Вязьма —

Ярцево — Смоленск, Сухиничи — Ельня — Смоленск, с питающими узлами Вязьма, Великие Луки, Калуга, Брянск. Материалы в зеленой папке.

В этом бою пройдет «крещение» наша кандидатура — Виктор Антонович Гарнык. Анализируйте его действия предельно тщательно. Потому что, в случае непосредственной угрозы Москве, его ждет ключевой пост — Московский узел, которым он станет руководить по известным Вам методикам, через аппарат военизированного управления. С момента его создания Ваша группа вместе с паровозными колоннами, перейдет в штат узла. При сохранении утвержденной схемы провозки эвакогрузов по Горьковской, Московско-Рязанской и Казанской дорогам. Но на этой завершающей фазе тяжесть оперативного управления ляжет на дубль-группу, которая расположится в Свердловске и будет курироваться Образцовым...

Людвиг Карлович положил перед своим собеседником комплект удостоверений, пропусков, конвертов с кодами.

— А теперь о том, с чего вы должны начать. Мы долго искали, как спрятать Вашу группу так, чтобы она и не привлекла лишнего внимания, и была рядом с основным процессом.

Владимир Николаевич предложил рабочее решение. Вас разместят в службе паровозов НКПС, там будет создан маленький сектор по линии НКВД как выделенный элемент военно-мобилизационного аппарата, учет паровозов, резервов и прочее. У нас такого добра много. Расчет на психологию: среди железнодорожников элитой считаются движенцы разного ранга, а паровозники — они же «черная кость», обеспечивающие лошадки. Вы вне закрытой зоны

будете рядовым сотрудником, два раза в сутки собирающим данные о положении паровозов и поездов для своего «начальника». Фактически этот «начальник» будет Вашим офицером связи. Никакого прямого контакта с органами по эвакуации группа иметь не будет.

— Людвиг Карлович! Тогда каким образом будет обеспечено выполнение наших решений?!

— Сергей Иванович, на Вашем рабочем столе будут стоять три телефона. Первый — для связи с аппаратом в транспортном управлении НКВД, оно будет главным проводником Ваших решений. Второй — для связи с Берией. Третий — для связи с членом политбюро Андреевым.

Вы должны знать, что товарищ Сталин внимательно прочел Ваш доклад о технологии процесса и выделил в нем фразу «о приоритете критериев транспортных над решениями политическими и военными» как непременном условии успеха. Он постановил: Вы будете вести операцию абсолютно самостоятельно, вплоть до кризиса в московском сражении, если до этого дойдет. Последовательность вывоза объектов и момент старта операции, после которого она начнет раскручиваться и воспроизводиться, Вы также определите единолично.

О своем первичном решении Вы будете докладывать Андрееву и Берии. Они обеспечат его оформление на уровне политбюро; в начале войны это единственный орган, чье решение будет немедленно спущено по инстанциям, а там его подхватят люди Мильштейна. В дальнейшем к этой паре Вы обращаетесь лишь в случае возникновения кризисов в работе НКПС и ВОСО.

Но... у Ваших полномочий есть своя цена. Это — неизвестность.

Вы не будете награждены. Ваше имя (и имена Ваших людей) никогда не будет упомянуто в связи с эвакуацией. Результат будет связываться с трудами соответствующих комитетов и комиссий, НКПС и ВОСО, тем более, что значимую часть работы действительно сделают именно они. Мы вообще никогда не признаем, что высшее руководство страны настолько сомневалось в своей прославленной армии, что готовило такую операцию. Вы готовы к этому?!

— Вы же знаете, что да. После завершения дела нас...

— Нет. Вас не ликвидируют и не сошлют. Есть «люди процесса», а есть «люди результата». Последних — мало, и они ценны. У Вас будет другая работа. Но об этом мы поговорим через год. А сейчас я расскажу, как мы с Вами выиграем войну.

— Мы с Вами?!

— Да, именно Вы и я. Дело в том, что Сталин не верит в катастрофу. Не верит в появление немцев под Москвой, хоть и предпринимает все положенные шаги. А я знаю, что так и будет. И что обязательно будет кризис, кульминация, когда все повиснет на волоске. Это правило для любой масштабной операции. В этот момент мы и должны предъявить свои карты.

Так вот. Сила немцев — в их подвижности. Их войска, в отличие от наших, имеют примерно полмиллиона автомобилей, а потому могут прорываться на большую глубину, перемещая с собой топливо, артиллерию и снаряды. Наши силы не могут отрываться от баз снабжения более чем на переход. Но этот козырь, в конечном счете, бьется

увеличением длины коммуникаций и климатическими условиями. Они дойдут до Москвы лишь к осени (а по пути их еще ждет Смоленск) и по погодным условиям окажутся прикованы к твердым покрытиям, следовательно, их подвижность резко снизится.

Если мы не дадим им получить наши вагоны и паровозы, а мы им этого не дадим, то им придется перешивать колесо. Они умеют это делать и вполне недурно, но при любых раскладах не успеют дотащить свою линию до фронта. Тоже фактор. А далее их ждет понижение температуры воздуха, уголь другого качества. Их паровозы не смогут обеспечить нужную тягу, частота ремонтов резко возрастет. Поэтому на пике борьбы качество снабжения их армий обрушится, и они начнут задыхаться без обеспечения.

А мы с Вами к этому моменту соберем наши подвижные паровозные соединения и бросим их на чашу весов. Это будет удивительная битва — «автомобили против паровозов», растянутые коммуникации — против грамотно управляемого и подпитываемого с востока узла.

Смотрите: в Московском узле соединения паровозов у нас будут использованы не просто для перевозок, но и для оперативного маневра дивизий по рокадам, окружной дороге, примыкающим железным дорогам. Тем самым наши войска смогут перемещаться вдоль фронта быстрее немцев и повысят стойкость в обороне. А далее основная группа паровозных соединений будет плавно выведена из текущего эвакопроцесса (он пойдет общим порядком) и аккуратно расставлена вдоль линий из Сибири на Москву. Когда оттуда поедут наши войска — они будут перемещаться очень быстро и окажутся под Москвой неожиданно

для врага. Немецкая разведка не сможет вскрыть стратегический маневр такой глубины. Они пропустят удар и побегут. И это будет настоящим завершением нашей с Вами операции.

Вообще, в нашем распоряжении по среднему никогда не будет более десяти процентов паровозного ресурса НКПС, да и получим мы его лишь за счет грамотного накопления в резерв. Формально наше влияние на ситуацию пренебрежимо мало. А фактически... на фоне хаоса первых месяцев войны, трудного перехода больших организаций от мирных форм к военным, наличие «твердого ядра», правильно управляемого и своевременно включающегося, даст огромный эффект. Одно то, что мы сбалансируем своими потоками часть встречных — уже значит многое. И вот смотрите, какую мысль выдал давеча Васильев. По ходу событий, к августу-сентябрю провести размен парка и сосредоточить у себя по преимуществу паровозы серии «Э». Они менее мощные, зато их много, они просты и ремонтнопригодны, они легки и могут проехать по любым участкам. Чтобы работать с ними, мы пойдем на уменьшение веса поездов. Разменяем массу на маневр — что принципиально. Соответственно переиграем наши графики.

Давайте считать ...

...

В апреле 1942 года, Сергей услышал по радио, что академик Образцов среди прочих награжден Сталинской премией за работу «по развитию народного хозяйства Урала в условиях войны». А ведь и верно, подумал он, кто скажет, что Урал не получил развития?! И улыбнулся, поняв, что он, все же нашел способ наградить их всех...

* * *

Было ли все именно так на самом деле?! Не знаю...

Но если без нюансов, по-крупному, то иных вариантов практически нет. Просто из общих представлений, как вообще «делается деятельность» такого масштаба.

Конечно же, они готовили резервные площадки. Возможно, без лишней детализации, просто как инфраструктурный проект, предварявший будущее развитие экономики Урала, Сибири. И тут оно все совпало, благо, главный вопрос — это даже не стены, а наличие железнодорожной ветки, электричества и воды.

А потом события понеслись галопом. Финская война вскрыла не только проблемы армии, но и НКПС, ВОСО и тыловых служб.

Присоединение Западной Украины и Прибалтики привело к такому начертанию ТВД, где пропускные способности дорог по обе стороны границы принципиально различны: мы примерно вдвое проигрывали в темпах сосредоточения, а значит, и в приграничном сражении, скорее всего, на уровне первого стратегического эшелона.

А как это будет происходить — показала война во Франции.

К концу 1940 года становится все более понятно, что следующая цель Гитлера — «санация восточного фронта». В январе-феврале 1941-го все сошлось в «кучку». Немцы ставят задачу завершить войну «за сезон», то есть их главной целью является не только наша армия, но и наша промышленность: если мы ее лишаемся, то наш мобилизационный ресурс окажется бесполезным.

А НКПС, похоже, не готов не только к эвакуационным перевозкам (а ведь 1500–2000 крупных предприятий — это

их часть), но и к воинским. Часть проблем можно решить, заранее вытащив готовые соединения в европейскую часть страны, но тем не менее...

Что делать в такой ситуации?! С теми кадрами, ресурсами, сроками? На фоне всего прочего. Притом, что для экстраординарных мер нет прямых оснований: в армию и так вложена масса усилий. НКПС также прилично развивается. И понять, как и что (кого) в них требуется менять возможно лишь по результатам военных действий. Но и рисковать тоже нельзя. Нужны стопроцентные (и абсолютно неафишируемые) гарантии спасения промышленной базы страны.

Их можно дать, только разделив процесс на две части.

Первая часть пойдет «как пойдет» в рамках понятных структур.

А вторая часть будет реализована по особой логике. Под нее нужен отдельный блок управления: компактный, снабженный ресурсом и программой деятельности, способный самостоятельно получать и обрабатывать информацию об обстановке на железных дорогах страны, имеющий контуры выполнения своих решений. В идеале — работающий автономно и скрыто от агентуры противника.

Но добиться всего этого можно, лишь качественно отработав процедуру планирования, просчитав потоки, распределив их по траекториям, увязав со встречными перевозками. Здесь первичен крупный прогноз, базовый баланс, масштабная рамка, для формирования которой необходимы ученые с их кругозором. И набор заготовленных заранее «частных идей», методических приемов для ситуативного влияния на параметры перевозок.

А далее начинается: вот зоны, где расположены объекты эвакуации, вот приоритеты вывоза, вот «ранг» объектов

(показывающий, какие из них мы держим до последнего, потому что без их текущей продукции не обойтись); по каждому объекту известно количество вагонов, поездов, паровозов; известно куда везем (с вариантами), откуда (из какой зоны выгрузки, из под каких потоков) можно будет забрать порожние под свою погрузку; расчетные объемы «страхования» процесса своим паровозным парком, плюс варианты размена парков (своего — чужого) в узлах.

Теоретически ничего сложного, но это — минимум два месяца плотной профессиональной работы.

А дальше мы знаем.

Где-то была паника и потерянные эшелоны, где-то пытались понять, что вообще нужно делать; еще только оформляются комитеты и комиссии, которые примут рабочий формат много позже под эгидой ГКО. И военная информация противоречива: пошли только первые сведения о приближении немцев к Минску. Но они, взвесив все за и против, принимают решение и стартуют, используя механизм политбюро для запуска маховика операции. И не ошибаются. Были проблемы на Украине, были лишние телодвижения в Москве (когда эвакуация сменилась возвратом заводов), но по большей части «объектов» все прошло просто удивительно, если принять во внимание обстановку.

Да, скорее всего главным куратором операции действительно был лично Берия, его роль в разруливании транспортных кризисов, равно как и участие транспортного аппарата НКВД в организации погрузки, приема, учета движущихся вагонов, прослеживаются вполне четко.

Но я рассказываю вам все это именно ради того, чтобы мы не забыли тех ребят, железнодорожников, что блестяще спланировали логистическую операцию, равной которой нет

в нашей истории. Мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем их имен. Да это, в общем, и неважно. Им выпала уникальная по сложности и ответственности работа. И они сделали ее хорошо.

А потому, поднимая рюмку в День Победы, вспомним и о них...

И завершающий факт: как только они выходят из игры, перестают «усиливать структуру», балансировать потоки, качественные показатели НКПС (оборот вагона и паровоза, пробеги и средние скорости) в начале 1942 года значительно падают. После чего следует финишная серия кадровых замен...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

РАССКАЗАННАЯ

ХРАНИТЕЛЕМ ОЗЕРА

ОКОНЧАНИЕ

Часть III. Продолжение

Любовь (1940–1956)

*Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом Океане
Свой закончили поход...*

В самом начале 1940 года меня и многих других товарищей из нашего наркомата вызвали в Кремль, и наш нарком Лазарь Моисеевич Каганович зачитал всем нам и товарищу Сталину доклад о достигнутом. За последние годы мы сумели преодолеть все прежние трудности, длина нашей железнодорожной сети превысила сто тысяч километров, а объем перевозок наконец-то превзошел царские показатели, учитывая, что в те годы, при царе, считали все российские дороги вместе с дорогами в Польше, Финляндии и даже в Китае. И вот наконец-то мы превзошли все эти давние показатели и по протяженности полотна, и по объему грузов. В ответном слове товарищ Сталин всех нас похвалил и поздравил с этой этапной вехой, но при этом просил не останавливаться на достигнутом. Особо товарищ Сталин отметил роль Лазаря Моисеевича во всех наших успехах, упомянув тот факт, что за недолгий срок, когда в 1937–1938 годы Лазарь Моисеевич был направлен на укрепление наркомата тяжелой промышленности, заменивший его Бакулин умудрился развалить работу нашего наркомата всего за год, и был за это снят с должности. А это говорило товарищу Сталину

о том, что у Лазаря Моисеевича нет смены и прочие ответственные работники мечтают отсиживаться за спиной у нашего нестигаемого наркома. Далее товарищ Сталин сказал, что Бакулин выглядел хорошо, пока «комиссарил» за спиной и по указанию своего начальника и заработал на говорении цветистых фраз дутый авторитет, однако простая проверка жизнью показала нам кто чего стоит. Потом товарищ Сталин спросил, знаем ли мы, что случилось с «врагом народа» Бакулиным? Мы, разумеется, покивали головами, ибо знали, что случилось с бывшим начальником, а товарищ Сталин веско сказал, что отныне мы будем расстреливать не только шпионов, врагов и вредителей, но и тех, кто с работой не справится. Ежели кто не может или не хочет работать на том посту, на который его наша партия на народные деньги выучила, нужно просто встать и попросить об отставке, и он, товарищ Сталин, обещает, что такому он сохранит жизнь. Но если кто-то решится сегодня перед всеми нами обмануть нашу партию, то тогда пощады ему от нас ждать будет нечего.

В ответ на это над столом повисло глухое молчание, и мне, честно говоря, в тот момент было жутко. Мы все знали, что врагов и шпионов расстреливают, но то, что отныне будут расстреливать за плохую работу — нам было впервые озвучено. Однако никто не струсил, не испугался, и товарищ Сталин уже другим, мягким тоном сказал нам, что Европа в огне, война подбирается к нашим границам и что в этих условиях нам нужно к неизбежной войне приготовиться.

В частности, было сказано, что в ходе общей проверки 1937 года в ведомстве покончившего с собою Орджоникидзе были выявлены вопиющие нарушения. Два года подряд товарищ Каганович пытался там что-то исправить, однако,

к сожалению, наблюдаемые перекосы в тяжелой промышленности были таковы, что проще стало разогнать весь наркомат тяжелой промышленности на хрен и разделить его на более мелкие. Партия долго думала, на какой из создаваемых наркоматов поставить товарища Кагановича, который известен тем, что умеет наладить любое дело, а потом после долгого обсуждения решила вернуть его в наш наркомат, потому что он сейчас становится самым главным.

Причиной же такого решения стали сильные транспортные перекосы в промышленности. Былые заводы получали сырье из источников, которые со временем истощились, и для их дальнейшей работы приходилось гонять товарные поезда из-за Урала в центральную Россию, Украину и Белоруссию. Товарищ Сталин признал в свою вину, что он недоглядел за этим вопросом, а нарком тяжпрома Орджоникидзе эту проблему от партии почему-то скрывал и на заседаниях по этому вопросу отмалчивался. Когда же вопрос стал ребром, вместо того чтобы отвечать перед всей нашей партией, этот отщепенец предпочел застрелиться.

Товарищ Сталин перед нами покаялся, сказав, что был очень близок к своему бывшему другу и земляку, однако, почему тот трусил и не решал эти проблемы, он без понятия. Мало того, Орджоникидзе не только обманывал партию, не решая вопрос с возрастающими перевозками сырья к заводам у иссякших месторождений, он нарочно увеличивал выпуск продукции на этих заводах, что усугубляло транспортный коллапс, который и случился летом 1938 года уже после самоубийства Орджоникидзе и привел к снятию Бакулина. Тем самым «этот человек» (при этих словах товарища Сталина даже трясло от плохо скрываемой ярости) добивался высоких показателей на проблемных заводах, а проблему он «отпихивал» в наш наркомат, делая вид, что

он тут ни при чем. Поэтому перед нашим наркоматом сейчас стоит задача — перенести существующие производства ближе к источникам сырья для того, чтобы сократить транспортное плечо перевозок и освободить тем самым железную дорогу от огромного потока вагонов с грузами, которые катаются туда-сюда по стране, вместо того чтобы работать на народное благо. При этом товарищ Сталин почти перешел на крик и чуть ли не плачущим голосом нам сказал, что огромные объемы перевозок, о которых ему мы докладываем, это, конечно же, хорошо, если не знать, что они все сделаны без толку, и поэтому ежели он еще раз услышит, что мы возим уголь и руду через всю страну, вместо того чтобы на месте все обрабатывать, то за такие показатели он точно назначит кого-то из нас вредителем со всем из этого вытекающим, а начнет он с самого Лазаря Моисеевича. После этого он приказал организовать в наркомате команду, которая будет готовить перемещение проблемных предприятий из европейской части страны, где основные месторождения были все уже сильно выбраны, за Урал в Азию, ближе к нетронутым источникам сырья. Причем, из-за серьезной опасности извне он приказывал, чтобы предприятия при этом не останавливали свое производство, а мы должны были все рассчитать так, чтобы простой завода при такой перевозке был минимальным. На этом товарищ Сталин встал из-за стола и приказал товарищу Кагановичу выделить людей в эту команду из всех собравшихся. Далее он приказал, чтобы планы этих работ были готовы для него к майским праздникам и вышел из зала для совещаний. И нам полегчало.

Я не думал, что меня выберут. Я возглавлял железную дорогу в нашей республике, собрал команду, которая могла

экстренно проложить временную желдорозу в экстремальных условиях, но я ничего не знал про работающие заводы и с какой стороны за все это дело браться. Представьте себе мое изумление, когда Лазарь Моисеевич выбрал меня в новую группу чуть ли не первым из всех присутствующих. А когда стали обсуждать персоналии, Лазарь Моисеевич вдруг сказал, что я был среди первооткрывателей урана в Китае, проложил временную тренировочную дорогу именно к молибдено-вольфрамовому месторождению в Бурятии, и это говорит ему о том, что я знаком с геологией и поэтому лучше всех смогу дать предполагаемую привязку грядущих заводов на местности, а кроме прочего, по его словам, я везуч, ибо дорогу для тренировки вели неизвестно куда, а привели к огромному месторождению, и точку на карте поставил я, причем все потом удивились, когда все сложилось. Он со смехом сказал, что, может быть, я и вправду Шаман и через меня и впрямь Духи России говорят свою волю. Ибо иначе случай с месторождением тугоплавких минералов объяснить он не в состоянии. Сказано это было со смехом, чтобы я, самый молодой из них, улыбнулся и немного расслабился — и я и вправду расслабился. Так что в команде, которая готовила план перевоза наших заводов из западной части страны за Урал, я отвечал за привязку грядущих заводов на местности с учетом запасов сырья, чтобы их потом снова не пришлось нам куда-то везти, воды, леса, иных природных ресурсов. Например, для многих производств нужен песок, а где его взять среди России? Значит, надо все это в планах учесть...

Нынче все говорят, что в начале войны мы совершили подвиг, перевезя все наши заводы в Сибирь от наступающих немцев. Однако мало кто знает, что нам все это так легко удалось именно потому, что мы за год до этого

к такому переносу готовились. Ведь перевозили эти заводы не абы куда, а именно туда, где уже были вода, лес, песок, руда, уголь... Без кропотливой предварительной работы такие дела ведь не делаются.

А еще говорят, что это мы якобы хотели напасть на Германию. Да если бы захотели напасть, мы бы точно заранее все заводы наши на восток увезли — ближе к ресурсам, ведь после того как мы перенесли на восток все наше производство, наш наркомат наконец вздохнул легче, а то ведь от мельтешения поездов от рудников и шахт к заводам на другом конце России — голова кругом шла.

Как бы ни было, мы не успели. То есть планы к майским праздникам 1940 года мы, разумеется, подготовили, но когда я сделал доклад, то мне сказали, что концепция изменилась. К тому времени в разных наркоматах разобрались наконец-то, что именно нам досталось в Западной Украине, Белоруссии и Прибалтике и схватились за голову. Не так чтобы там было много заводов и фабрик, но те, что были, оказались привязаны к местному сырью, а большая часть Польши в те годы отошла Германии. Теперь, дабы не останавливать предприятия, мы вынуждены были создать с Германией нешуточную торговлю через границу, а самое главное — у нас с немцами разная по ширине колея. Пока мы говорим о пассажироперевозках, это не самое страшное, но когда речь заходит о тысячах вагонов с углем, рудой или, скажем, с каменной солью, то все это несколько иначе выглядит. Поэтому нашей группе спустили задание: во-первых, проработать планы снабжения этих заводов на западе отечественным сырьем, исходя из предположения, что нацисты на нас все же могут напасть, а во-вторых, подготовить площадки за Уралом для вывоза этих всех производств, в случае осложнения общемировой обстановки.

Так как работа по привязке старых советских заводов на новые места дислокации была уже нами проделана, то новые планы создать стало проще, тем более что мою «паровозную армию» с Зауральской железной дороги у меня никто не забрал, и уже в августе 1940 года мы провели первый пробный переезд предприятия по производству химудобрений из-под Белостока с Осовецкого укрепрайона, где помещения бывшего завода понадобились для создания новой полосы укреплений. Переезд прошел хорошо, нам в планы добавили переброску предприятий из Бессарабии, которую мы нынче называем Молдавией, и так как такими переездами лучше заниматься в летнее время, ибо иначе подъездные пути к дороге разбивает распутицей — начало общей передислокации предприятий с вновь принятых территорий назначили на конец июля 1941 года. Лишь к июлю дороги в той же Западной Белоруссии наконец подсыхают уже окончательно — поэтому и возник этот рубеж.

С того самого времени и вплоть до лета 1941 года мы готовились к началу вывоза заводов и фабрик от новой западной границы к нам за Урал, к тому же я муштровал мои «паровозные армии» для того, чтобы больше народу могло в чистом поле с нуля новую железную дорогу выстроить, и опять же обязанности руководить бурятской железной дорогой никто с меня не снимал. Работы было много, время было прекрасное, и жизнь буквально кипела вокруг. Казалось, что больше работать уже невозможно. Казалось...

Когда у нас все уже было готово к июлю, к грядущему вывозу западных заводов на восток нашей страны, Германия напала на нашу страну. Практически все заводы, которые мы приготовили к вывозу, в неделю-другую были врагами захвачены. Нам не хватило по времени буквально пару-другую месяцев, да и враг напал, по слухам, именно

потому, что уже видел наши приготовления по отводу промышленности от границы в глубь страны. Если бы мы успели все вывезти, то в летние месяцы 1942 и 1943 годов мы бы изменили дислокацию наших исторических предприятий внутри страны на более выгодную, и тогда все могло быть иначе. Враг не мог этого всего допустить, вот и напал без объявления войны, по-предательски.

Первое время был шок, разумеется, от нас в распоряжение Ставки были выделены все «паровозные армии», которые стали срочно расширять узкие места на железной дороге, чтобы увеличить транспортный поток к линии фронта, но так как планы по эвакуации были сорваны по причине отсутствия тех, кого предполагалось эвакуировать, то вся наша группа замерла в ожидании. Мы — перевозчики, мы не можем прийти на завод и сказать там: сворачивайтесь, мы будем вас вывозить. Нужна была команда сверху, а иначе это стало бы махновщиной и тем, что началось при Хрущеве. Короче, волонтаризм.

К счастью, наверху кровавые сопли жевали недолго, и с начала июля нами стал заниматься сам товарищ Николай Михайлович Шверник, который был до этого Председателем Верховного Совета Национальностей, и поэтому был мне знаком больше прочих. Я же был министром путей сообщения в национальной республике и поэтому пересекался с Николаем Михайловичем чаще обычного. Николай Михайлович был тогда назначен председателем Совета по эвакуации, то есть руководил он не только нами, транспортниками, а еще и всеми профильными наркоматами, то есть мог отдать приказы любому заводу или фабрике, чтобы те начинали сворачиваться. Само собой, первым делом Николай Михайлович пожелал ознакомиться с нашими планами по предполагаемой эвакуации. А так как планы эти

были у нас постепенными, то и пунктов новой привязки заводов у нас было немного, то все предприятия на новые площадки не влезли бы. И вот тогда Николай Михайлович принял волевое решение и приказал уплотнять существующие заводы на востоке страны, то есть большую часть предприятий повезли не просто в чистое поле, как нами планировалось, а на уже существующую структуру. Особое значение при этом придавалось моей Зауральской железной дороге и Челябинской области, где и был расположен Миасс, вокруг которого я и обживался до этого. Так что в основном уплотнение случилось не в безвоздушном пространстве, а там, где мной уже была развита местная железнодорожная сеть, которая нам до этого мнилась, как временная, а оно — вон как вышло. Кроме этого Николай Михайлович вышел с предложением к Ставке вернуть в его распоряжение «паровозную армию», ибо эвакуация наших заводов ему представлялась более важным делом, чем обслуживание наших отступающих армий. Товарищ Сталин нас просил сделать доклад, и я вместе с прочими подписал обращение Шверника о том, что средства производства для страны в долгой войне гораздо важнее, чем сами армии, и поэтому армии должны любой ценой прикрывать наши поезда, которые повезут на восток средства производства, а не поезда должны помогать воевать нашей армии. Когда я подписывал — каюсь, мне было страшно, враг рвался вперед, а мы, по сути, просили пожертвовать еще парой миллионов наших солдат, чтобы успеть на восток заводы все вывезти.

Сталин, когда этот доклад прочитал на заседании Совета по эвакуации, прошел мимо нас, а мы сидели за длинным столом, и каждому, начиная со Шверника и заканчивая мной — так как я был моложе других, смотрел прямо в глаза, а потом сухо сказал:

— Страна даст вам время для того, чтобы народное добро вывезти. За каждую минуту будет людской кровью заплачено. Вы знаете цену, если вы не успеете.

Мы успели. Что смогли, то успели — за исключением тех заводов, которые уже были в руках немцев. Потом уже в 1944 году нас всех за это наградило правительство. А больше про войну мне особо рассказывать нечего. Я пару раз просился на фронт — хотя бы с нашими частями, которые протягивали железнодорожное полотно, но мне сказали — нельзя, так что все мое участие в боевых действиях свелось к тогдашней разведке под Джалайнором в дни инцидента на КВЖД.

Честно говоря, не люблю я про военные годы рассказывать, потому что фронта не видал даже издали, и от этого всю жизнь у меня есть чувство какой-то неполноценности. Вроде здоровый мужик — с руками-ногами, с детства тяжелых работ не боялся, вон по сей день есть у меня билет кочегара, полученный в молодости, а на фронт меня не пускали. Мол, ты же коммунист, должен все понимать. А все равно родные и знакомые косились на меня после этого. Мол, раз монгол — обязан скакать, обязан в бою шашкой рубать или на худой конец стрелять вдаль из лука, ежели господь силой обидел. Легче мне стало уже после войны, когда я снова с моим сватом Борисом увиделся.

Я его след чуток потерял, когда его отовсюду погнали — и из наших наркоматов, и с поста министерства культуры. Был он тогда поднадзорный и пораженный в правах, работал сперва тапером в кинотеатре, а потом в школе сторожем. Затем уже ему разрешили быть в школе учителем, преподавать литературу и русский язык, а еще географию. Затем стал он школьным директором, а когда наступила война, пошел добровольцем на фронт. Офицером, конечно,

раз он уже был офицером у белофиннов. Только из-за этого же его в войска не пустили, и он наших курсантов учил артиллеристской премудрости — где по идее расположены батареи противника, чтобы вести контр-батареиную борьбу. Ну, учил он их, учил, пришли как-то к нему на урок проверяющие, тоже послушали и удивились, ибо в обычном курсе про все эти хитрости не было. Сват и сказал им, что как правильно он не знает, а знает лишь, как его учили в учебке во Франции, когда он был в Иностранном корпусе прапорщиком, а потом еще были курсы по переподготовке, когда он стал артиллеристским капитаном у фиников. Собственно, ничего особенного — просто он помнил, как французы и финики, а верней их немецкие учителя, учили его обустраивать позицию. Стало быть, он всего лишь искал на карте позицию, сходную с той, которая понравилась бы французам иль финикам, и предлагал курсантам по ней чуток пострелять. Для очистки совести. Тогда-то ему и сказали, что ученики его на фронте прославились, ибо вели контрбатареиную борьбу с фашистами лучше обычного, и поэтому командование решило, что забирает его в артиллеристскую фронтовую разведку. Раз ученики хороши, то чего уж их учителю в тылу пропадать?

А когда привезли его на фронт, то он опять стал «социально чуждым» и для всех поднадзорным, или, как тогда говорили, «груз сто». «Груз двести» — был мертвый, «груз триста» — раненый, а вот он был «номер сто», то есть «пассажир» хоть и наш, а по «накладной» — хуже убитого. Редко кому на фронте такая литера выпала, и хуже нее не придумать. Так что и сват мой тоже провел всю войну — хоть и вроде рядом с войной, а войны сам ни разу не видел. Даже личного оружия ему там не выдали. Очень он переживал после этого, так что когда услышал, что на войне я

тоже ни дня не был, то очень обрадовался, мол, нашел родную душу. Ибо нехорошо монголу в дни войны да ни дня не воевать, да ни разу не выстрелить.

Только не знал он, что мне по чину положено все знать про подобное. Так что порадовались мы с ним, что оба не воевали, а потом, как в те дни было положено, стали наградами хвастаться. Сперва он все стеснялся, а потом все же выложил свой иконостас: полный кавалер Отечественной, другие ордена да медали. Выложил и молчит. Я тогда пихнул его в бок и говорю: «Да ладно тебе, бывших у вас не бывает, другие показывай». Он даже порозовел от смущения. Показал он мне медали диковинные, я такие никогда и не видел: сват мой после того, как отличился во фронтовой артиллеристской разведке, получил назначение по старой памяти в финскую армию. Мы когда Финляндию из войны в 1944 году выбили, ее войска под нашим началом воевали с фашистами, и любой офицер со свободным владением финским стал тогда на вес золота. Воевал сват за финнов, как и в гражданскую, тоже успешно, вот за это его и наградили наградами финскими. Так что реально не воевал он на линии фронта лишь за наших, а вот за финнов у него опять иначе вышло. Видать — Судьба, благоволило ему Вечное Небо не под нашими звездами, а под финским крестом. Бывает.

Так что подивились мы на его неведомые награды, а потом сват меня спрашивает, а ты что? Теперь свои награды показывай. Я и показал ему мои китайские звезды. Видно, так уж Судьба моя была у Вечного Неба прописана, что на войне мне лишь в Азии побывать немного пришлось. Правда, если у свата были погоны финские серо-голубые с синим кантом и тремя как будто цветочками, по-фински — *Eversti*,

у меня соответственно — китайские коммунистического образца, они были тогда похожи на наши, и звезда была лишь одна, «как у майора». Ну, и награды тоже, как наши ордена, так и ордена от китайцев. А в остальном, так мне повоевать на войне не пришлось. Уже после войны мне сказали, что в моем личном деле, оказывается, было прописано, что с детства я свободно говорю по-немецки, и имя у меня Роман, как у барона Унгерна, и семьи наши были в родстве с немецкой аристократией, и то, что в нашей родне всегда были сильны прогерманские настроения. Вот и закрыли нам со сватом дорогу на войну с немцами. Такая подробность потом уже открылась. Так что нарочно нас с ним, оказывается, не пускали на фронт — такие дела.

А не попал я на войну таким образом. Когда немного спала горячка начала эвакуации и жизнь вошла в ритмичное русло, вызвали меня в Совет по эвакуации и говорят, что, мол, работаю я хорошо, однако раз работа на моем участке налажена, то есть мнение, что можно ее поручить моему заместителю, а мне есть дело на другом более важном участке. Я, было, запротестовал, но Николай Михайлович Шверник мне на это заметил, что обязанности по руководству бурятской железной дорогой с меня никто не снимал, а там возникло угрожающее положение. То есть дорога пока работала как часы, однако к нам обратилась дружественная Монголия с предложением: чем сможет, поможет против немецко-фашистских захватчиков. За это всем монголам — почет и уважение, но, тем не менее, работа там идет ни шатко ни валко. Ибо монголы хорошие люди, но привыкли жить по приказу, а отдать его могут лишь те, кто для них — уважаемые. Так даже товарищ Сталин для местных аратов чужой, и его они вежливо выслушают, но делу оно, не так чтоб поможет. Отсюда возникла

идея — прислать туда кого-либо из тех, кто мог отдать такой приказ в прошлом, чтоб ускорить работу по отгрузке мяса баранины, полушубков и всего прочего.

Я тут же вспомнил, что сват мой Борис почитается «Господином Востока», и мог бы быть тем, кого местные араты выслушают. Лучше было бы, конечно, чтобы им приказал «Господин Запада», но его место пока занимает моя племянница, а она маленькая и, к сожалению, девочка. На это Председатель Верховного Совета Национальностей мне отвечал, что этот вопрос ими был уже подробно изучен и по всему получается, что сват мой — Учитель от Бога и, как кадровый военный, пусть и царской армии, сейчас занят на срочной подготовке офицеров-артиллеристов на смену вышедшим. Учит он хорошо, недаром после он стал народным учителем, так что армия его сейчас никуда не отпустит, стало быть, надобно его заменить. А заменить его можно лишь на другого родовича из «Восточных». Девятый род, род Порока, там наследуют женщины, и есть опасение, что араты в сопредельной стране женщину не послушают, даже пусть и весьма уважаемую. «Господин Востока» занят сейчас работой с курсантами, так что остался лишь один я, мне и ехать в Монголию, там местных нойонов пинать, чтобы они веселей заставляли аратов собирать шинели и полушубки для Красной армии. Мол, время сейчас сами знаете какое, враг стоит у Москвы, нам сейчас монгольское мясо и полушубки очень важны. Не считайте это ссылкой в глубокий тыл: вы должны наладить поставки продовольствия и обмундирования из Монголии, а самое главное — перестроить работу всей Восточно-Сибирской железной дороги, так как она на дополнительный прием грузов из Монголии у нас не рассчитана. Мы все время готовились к нападению японцев, и поэтому дорога настроена на то, чтобы пропускать повышенный грузопоток с запада на восток — к нашей

границе. А вам нужно создать условия для усиления грузопотока с востока на запад; мы на вас очень надеемся. И еще — если нужно будет строить мосты, расширять полотно железной дороги, строить новые узловые станции, постарайтесь справиться имеющимися ресурсами, все мужчины у нас должны служить в армии, так что постарайтесь как-нибудь без мужчин справиться. Вот так я в середине ноября 1941 года вместо того, чтобы заниматься делом на фронте, был практически сослан в солнечную Монголию — баранов пинать да собирать овечью шерсть по кошарам. Так что даже рассказывать мне об этом неприятно. Правда за то, что Монголия в итоге собрала для Красной армии какое-то невообразимое количество шерсти, мяса и уже готовых полушубков, мне выдали очередную правительственную награду, но, на мой взгляд, это не считается. Люди на фронте кровь проливали, а я в тылу курдюки баранам крутил. Опять же, поймите правильно, люди там все хорошие — не саботажники или лоботрясы какие. Будь иначе, нам никогда бы не удалось собрать в Монголии столько мяса, шерсти и полушубков для нужд Красной армии. Однако при этом, еж — птица гордая, пока ее не пнешь, сама она не полетит. К примеру, едешь по железной дороге и видишь, что все вокруг заросло молодыми деревьями. А в той же Белоруссии, как нам известно, вот именно из такого молодого подлеска наши партизаны немцам хорошо жару дают. Так вы что, хотите чтобы под такому же подлеску к нашей дороге подкрались японские диверсанты? Подкрались и взорвали здесь все к чертовой матери?! Если за три дня вдоль всей дороги останутся подходы к путям и скрытые зоны для диверсантов — разговаривать мы с вами будем по всем законам военного времени. Я понятно все объясняю? Хорошо.

Едем по той же дороге через неделю. Деревьев нет, подходов для диверсантов нет ни одного, придорожная территория вычищена будто расческой. А то — и зубной щеткой. Внимание — вопрос: почему это нельзя было сделать сразу, почему я должен кого-то пинать, распекать и орать на всех дурным голосом? Отвечаю, потому что менталитет и дурные традиции. Еж — птица гордая, не пнешь — не полетит. Да только если много ежей пинать — у самого все сапоги будут в дырочку, а ноги исколоты. Так и живем. Дело изменилось лишь к лету 1942 года, когда поставки из Монголии наконец-то наладились, Восточно-Сибирская дорога во всех узких местах была нами расшита, а товаропоток раза в три увеличился.

В это время меня опять вызвали в Кремль, ознакомились с докладом и результатами, а потом предложили заняться другою работой. Сами знаете, лето было непростое, лето было тяжелое, немцы рвались на Кавказ и к самой Волге, а заводы, перевезенные тогда на восток, работали в те дни еще не на полную мощность. Нам нужно было вооружение, и часть его приходила в те дни по ленд-лизу, но что-то приходилось и покупать. А денег в казне в те дни не было. Ну, то есть, может быть, они и были, но их надо было беречь, и возникло желание для страны — заработать. Опять же, пока заводы не вышли на проектную мощность, можно было на них что-то подправить, закупить новые станки, пошукать на рынке определенные редкоземельные и тугоплавкие материалы, а для всего этого стране нужно было платить нашим иноземным союзникам золотом. С золотом в стране было плохо, зато хорошо было в соседнем Китае. Там тогда шла война местных националистов с коммунистами и всех вместе с японцами. Мы были в этих сражениях за коммунистов, но у тех денег не было, зато

деньги были у вроде бы враждебного нам правительства Чан-Кайши. А «вроде бы» — потому что сам Чан-Кайши в свое время учился у нас, и жена у него была русская комсомолка. Однако до 1942-го идеалы марксизма для нас выглядели важней, и мы дружили с коммунистами Мао, а с чанкайшистами не общались. Впрочем, когда враг был близок к Волге, в Кремле стали подумывать о том, что случится, ежели немцы все же прорвутся вперед на Кавказе и перережут нам перевозки по Волге. Тогда у страны осталось бы только две линии сообщения — Кировская железная дорога на Мурманск, причем в сторону Ленинграда она уже была перерезана, и наша, Восточно-Сибирская линия. Поэтому было решено постепенно переходить на торговые отношения с чанкайшистским Китаем и начинать продавать ему боеприпасы с оружием в обмен на рис и на золото. Да, с точки зрения политической, такой кульбит выглядел неспортивно против коммунистов в Китае, так как ежу было ясно, что националисты пустят нашу стрелковку, и устаревшие пушки против внутренних врагов, а не только против японцев, как они обещали, но деваться в том году им было некуда.

С другой стороны, существовал любопытный вопрос: как именно поставлять чанкайшистам оружие, ведь КВЖД шла по захваченной японцами Маньчжурии, а другой дороги в Китай в те годы не было. Тут вспомнили про события, которые привели к войне на реке Халхин-Гол. В свое время всех изумляло, что именно японцы забыли в этом краю среди пустыни, зачем они поперлись через этот медвежий угол Монголии. От пленных вдруг выяснилось, что в те дни японцы реально готовились к нападению на нашу страну, и для этого они проложили нитку железной дороги по китайскому Меньцзяну прямо к нашей границе. В зоне реки

Халхин-Гол монгольская территория сильно выступает в Китай и близко подходит к этой самой железной дороге, а японцы хотели сохранить это строительство в тайне (они даже убивали китайских рабочих, чтобы те об этой тайной дороге никому не рассказывали), и поэтому они вошли в зону реки Халхин-Гол, для того чтобы обеспечить секретность своей подготовки к нападению на нашу страну. Откуда им было знать, что тут у нас идут тайные переговоры с Германией, и товарищ Сталин изо всех сил морщит лоб, придумывая повод, чтобы немцы в одном строю с нами были в крови замазаны. Поэтому и случилась столь жесткая реакция в ответ на малое нарушение границы в медвежьем углу сопредельной страны, где живет один человек на сто квадратных километров, да и тот прикочевывает туда лишь по праздникам.

А когда разбили мы япошек на Халхин-Голе да выяснили они, что друзья-немцы их подло предали и воевать им теперь против России один на один если что, то бросили они это строительство и забрали свои саперные войска из Меньцзяна, внутренней Монголии. Потому как стали они готовиться воевать с англичанами, да американцами на островах, а дорогу списали и совершенно забросили. Так как Квантунской армии больше не надо было выдвигаться к нашей границе, японцы перестали этот угол Меньцзяна удерживать, и к 1942 году эта область перешла под контроль чанкайшистов. Былая дорога была при этом сильно разрушена, бросили японцы ее в чистом поле, и поэтому в нашу сторону шла она в никуда, а с японской стороны тот конец контролировала японская армия. То есть у чанкайшистов под контролем оказалась рабочая нитка рельсов, местами попорченная, которая обрывалась с нашей стороны на полуслове, а на юге упиралась в японский укрепрайон. Поэтому

использовать ее никому смысла не было. Однако же меня вызвали и предложили кинуть к этой дороге с нашей стороны по китайской территории соединительную ветку с нашей сетью и по ней пустить поезда с оружием для чанкайшистов, а те будут нам везти чай и рис для фронта и золото для закупок.

Работа была весьма странной и, с политической точки зрения, сомнительной, никто не давал нам разрешения на это строительство, китайцы Чан-Кайши нам были формально враждебными, а поставками этими мы нарушали наши прежние отношения с коммунистами, однако на фронтах положение было аховое, и в таком положении утопающий хватается за любую соломинку. То есть потом уже выяснилось, что Сталинград тогда выстоял, и такой уж опасности не было, но в дни, когда пал Ростов и появился приказ «Ни шагу назад!», об этом мы не раздумывали. Опять же из причин политических мне было сказано, что, если что-то пойдет не так, я должен буду взять все на себя и сказать, что начал строительство по враждебному Китаю самовольно, по своему разумению, и это значит, что отвечать я буду по всей строгости наших обязательств как перед коммунистами, которые были против такой торговли, так и перед чанкайшистами, которые не разрешали мне это строительство. Я недолго раздумывал и сразу же согласился, хоть за подобную операцию получить клеймо «врага народа» было, честно говоря, легче легкого. Однако Бог миловал, и вот этим я был занят вплоть до 1944 года. Так что большая часть золота, которым мы расплачивались за тугоплавкие присадки и прочие редкоземы с империалистами, была нами получена в Китае за не используемое по причине устарелости на Западном фронте оружие. (Не выкидывать же его,

раз нельзя использовать против немцев!) Вот так я и не попал на войну, а мне за эту работу было присвоено генеральское звание и вручены иные награды.

Порой меня спрашивают, откуда взялись в стране бесхозные эшелоны снарядов, когда в те дни была страшная нехватка боеприпасов на фронтах. Дело в том, что готовились мы к войне не совсем той, что случилась в реальности. В свое время, когда за вооружение у нас отвечал Тухачевский, который стал им лишь за свою кровь по прихоти нашего врага Троцкого, мы пошли по тому же пути, за который ратовали наши друзья из Америки. Это означало, что армия предполагалась у нас высокотехническая, то есть механизированная и с высокой огневой мощностью. Причем механизированная она по идеям умников из окружения Тухачевского была за счет большого количества танков, а танки эти были разработаны в разных КБ, где и кормились дружки Тухачевского всей этой межпухой. То есть в мехкорпусах в начале тридцатых был у нас истинный зоопарк, так как всем этим умникам из разных КБ нужно было хорошо кушать и получать деньги, то все их танки одновременно принимались на вооружение. Танки все были разные, к ним полагались разные пушки, а к пушкам — разные снаряды, причем с разной номенклатурой — не ко всем орудиям эти снаряды подходили. Я считаю, что это было обдуманное вредительство, так как любые попытки унификации — как ремкомплектов для разных танков, так и орудий для танков — натывались на кучу взаимных обид и амбиций у конструкторов разных КБ, а все мы знаем, что евреи обычно умные, но самолюбивые и амбициозные. И вот этот бардак творился у нас до тех пор, пока всех таких врагов

народа не расстреляли, включая и маршалов, и конструкторов. То есть привели всю систему, в том числе и танковый парк, к некоему общему знаменателю. И к 1941 году по танкам уже вырисовывалась некая общая концепция по производству зипа, ремкомплектов и номенклатуры используемых снарядов.

Хозяйство у нас в стране — плановое. Многие сейчас не помнят, что третья пятилетка началась в 1938 году, и это значит, что планы по производству снарядов были в целом приняты в 1937-м, то есть еще во времена вредителей Тухачевского. С годами они корректировались, но те же разномастные танки от разных расстрелянных за свое еврейское упорство КБ продолжали выпускаться, а самое главное, в полную силу работали патронные заводы, которые выпускали номенклатуру снарядов для этих танков. Ведь их после расстрела вредителей никто не списал, указа на сей счет так и не было, стало быть, и снаряды для всех этих пушек мелких калибров, которыми были вооружены быстроходные танки для Тухачевского, на заводских складах все это время накапливались. Мало того, из Америки этот нарком привез идею об «огневом вале», которая сама по себе неплоха, однако у нас ее воплощали в жизнь негодными средствами. К сожалению, наша промышленность к началу войны так и не освоила производство артиллеристских стволов особо крупных калибров, и мы использовали после профилактики уже готовые стволы царских времен. А так как концепция «огневого вала» по Тухачевскому требовала большого количества артиллерии, то предлагалось использовать устарелые пехотные пушки со стволом 76 мм и противотанковые орудия со стволом 37 мм. И в полном соответ-

ствии с госзаказом все эти орудия сопровождалось выпуском снарядов старого образца. Все эти безумные пукалки к началу войны тоже стали менять на противопехотные орудия с большей длиной ствола, которым требовались иные снаряды того же калибра 76 мм, а производство противотанковых орудий калибром 37 мм было прекращено сразу после начала войны, так как они не справлялись с немецкими танками. Армия от устаревших орудий, как пехотных, так и противотанковых, с лета 1941 года как умела отказывалась. Ведь если орудия попадали на фронт, то начальство справедливо считало, что пушки в распоряжении у армии есть, и за это спрашивало, а эти орудия по причине устаревания не выполняли уже своих функций. Поэтому возникла странная ситуация, когда армия требовала орудий, снарядов и танков, вполне объективно нужных орудий и танков в наличии не было, зато были такие, которые горели под немецким огнем точно свечки, а в качестве стволов против пехоты, по сути, не исполняли своего предназначения.

Дальше — больше. По инерции производство снарядов малых калибров на патронных заводах все еще продолжалось, остановили все ненужные армии серии лишь к августу 1941-го. При этом ящики новых снарядов к никому не нужным орудиям заполнили тыловые склады, а также заводские склады и цеха — приказа на их утилизацию не было.

Представьте себе картину — враг рвется к Москве или Волге, а с патронного завода вывозят эшелон снарядов, чтобы освободить заводские склады готовой продукции, и в лесу этот самый эшелон подрывают. Любой советский человек, который не ведает, что в ящиках ненужные против немцев снаряды, сильно изумится и решит, что перед

ним враги и предатели. А писали в те дни много и часто, одно дело, если донос попадет к толковому следователю, а другое — если к кому-нибудь прости господи. И доказывай потом, что были взорваны ненужные снаряды: ибо они уже взорваны, а на месте воронки особисту можно долго доказывать, что ты не верблюд. Да и скорей всего, не получится, потому что разбирались в те дни по законам военного времени, и такое уничтожение боеприпасов смахивало как минимум на вредительство. Вот и не мог никто отдать подобный приказ. А эти чертовы снаряды заполнили собой основные склады, свежая продукция отгружалась порой прямо в снег и хранилась потом без укрытия, что само по себе было опасно, так как пресловутое отсыревание пороха никто не отменял, а крытые склады ненужной продукцией были заполнены. Так что торговать в те дни нам было чем.

Я не шучу. Как стало известно, что в наших краях появился потребитель на снаряды старых и малых калибров, так к нам пошли ходоки со всей страны с просьбами продать эти самые снаряды китайцам как можно быстрее, к лешему, чтобы заводские склады разгрузить. Ибо, если ты вывез да взорвал свой склад за околицей, ты — диверсант, если отдал приказ произведенные уже снаряды развинчивать, добывая из них детонаторы, то ты — вредитель и неумелый хозяйственник, а если те же самые снаряды ты продал за золото и валюту для нашего государства — тогда ты честный и преданный коммунист и пример для обожания и подражания.

При этом надобно понимать, что преданный коммунист не поедет ни с того ни с сего во враждебный Китай продавать там снаряды со склада, поэтому для такой торговли

нужно было придумать легенду. Тут-то мне и сказали, что на самом-то деле японцы ушли из северного Меньцзяна не просто так, а потому что на самом деле их оттуда выгнали местные монгольские партизаны, которые получили деньги и оружие из Германии, а возглавлял этих самых загадочных монгольских партизан мой сват Жора. Оказалось, что после того, как он перешел в июне 1941 года на немецкую сторону, те его сразу в абвер приняли, а потом послали в Китай — организовывать партизанский отряд из местных монголов против японских агрессоров. Дело было в том, что как раз в этой зоне Меньцзяна, к югу от реки Халхин-Гол, как раз и располагались те самые урановые пески, которые мы нашли в экспедиции по борьбе с сифилисом. Пески эти были хорошие, с высоким содержанием урана, и немцы решили, что все события вокруг Халхин-Гола связаны не только с подготовкой к нападению японцев на Советский Союз, но и началом японской разработки этого уранового месторождения. Дорога японцев к советской границе в тех краях шла хитро, с интересным выгибом в сторону урановых месторождений, японцы объясняли этот выгиб тем, что они якобы хотели обогнуть монгольскую территорию, но немцы им не поверили. А дальше меня посвятили в совсем странную тайну: мол, германское командование обратило внимание, что все японские адмиралы в молодости проходили свое обучение в британских военных училищах, а до этого они учились в частных британских колледжах, а некоторые даже выросли в частных школах Великобритании.

В годы Русско-японской войны — это было не удивительно — англичане фактически японцев на Россию натравливали, а перед самым Цусимским сражением британская

эскадра была даже нарочно выставлена в море в боевом порядке и шла в параллель с нашей погибшей эскадрой. Так как Рождественский не знал о намерениях англичан, он перестроил свою эскадру в боевой порядок, на это ушло драгоценное время, а англичане внимательно изучили состав нашего флота и передали эти данные японским союзникам. Тем самым они дали время япошкам нагнать нашу эскадру к Цусиме и подойти к нам так, чтобы нас бить было удобнее. Памятуя обо всех этих историях, немецкое командование предполагало, что Япония может немцев предать и выступить в войне на стороне Англии, причем не против Германии, а против Соединенных Штатов Америки. То есть немцы считали, что англичане подзуживают японцев напасть на американцев, так как те откровенно вытесняли англичан из Тихого океана, а это значило, что научные программы японцев и англичан могли иметь много общего. Англичане точно уже разрабатывали свою атомную бомбу, и немцы обеспокоились, что японцы готовы передать им меньцзянский уран, который по качеству был выше добытого самими немцами в Венгрии и Силезии. С точки зрения немецких стратегов, Германской империи было слегка безразлично — появилась бы бомба у японцев с британской помощью или же у англичан, которым японцы стали бы поставлять богатый меньцзянский уран.

Не забывайте, что речь идет о событиях лета 1941 года, когда все в Германии были убеждены, что Советский Союз вот-вот рухнет и наша земля будет разделена между немцами и японцами по Уралу. По всему выходило, что именно Япония становилась после этого для Германии стратегическим противником, как и была в годы Первой мировой,

когда она предательски напала и захватила у Германии Марианские и Маршалловы острова, а также уничтожила германскую колонию в китайском Циндао. Немцы в этом смысле народ памятный и зло себе помнят долго. А если к этому добавить то, что японский адмиралитет с молодых ногтей воспитывался во враждебной для немцев Британии, то возникает некая картина маслом, от которой немцам было нехорошо. Вот поэтому-то, как только к ним в руки попал знатный родович, который сам перешел к ним на службу, немецкая разведка тут же послала его собирать монголов воевать против Японии, чтобы джапам не достались богатые урановые пески тех краев.

Начальное оружие, куча немецких денег и военное образование моего свата сыграли свою важную роль, и вскоре он очистил от японцев замонгольское приграничье. Тем более, что наши товарищи из соседнего с моим наркомата его всецело в этом поддерживали, ибо в те дни любая серьезная заруба немцев с японцами была для нас как истинные именины сердца. Так что его успехи в Меньцзяне с нашей стороны были всецело поддержаны и втайне, конечно же, согласованы. А японцы и ведать не ведали, почему дикие китайские монголы столь успешно и усердно режутся как раз вокруг урановых месторождений да отгоняют их именно от секретной железной дороги к советской границе и этих самых урановых месторождений.

Дальше сват мой пробился через япошек со своими партизанскими отрядами на соединение с чанкайшистами — те были рады любому военному соединению, особенно тому, которое хорошо воевало с японцами, и сват мой получил чин и должность в китайской администрации. Так как он не был китайцем этническим, чанкайшисты забрали у него

армию, а вместо этого предложили занять должность штатскую. По совету как наших, так и немецких товарищей сват мой попросился в китайский департамент вооружений. Немцы, оказывается, решили в Китае на бесчисленных толпах китайцев свое новое оружие тайно испытывать. Нашей стороне эти испытания и новые образцы немецких вооружений тоже стали весьма интересны, а кроме того, весьма полезно иметь своего человека на посту главного закупщика вооружений для всей китайской националистической армии.

Вот тут-то и меня приплели ко всей этой истории. По немецкой легенде для китайцев сват мой был вовсе никакой не офицер абвера, а всего лишь дезертир, который бежал во Внутреннюю Монголию, спасаясь от призыва в Красную Армию. Для китайцев эта история выглядела весьма привлекательно, ибо такой человек не смог бы работать с советской разведкой, а китайцы в те годы кроме японцев боялись лишь коммунистов, и раз человек якобы бежал из Советской России, то с коммунистами у него уже явно не сложилось. Однако это был живой человек с известной всем родословной, у него в России остались жить родственники, и уже по этой легенде к нему с нашей стороны явился «коррупцированный чиновник, который, опасаясь поражения Союза в войне, решил тайно продать советские легкие танки и горные пушки, стоявшие на складах в Бурятии». То есть — я.

Опять же все чанкайшисты знали мою родословную, знали, что я отвечаю за Восточно-Сибирскую дорогу и что в наших краях большие склады с ненужным на войне против немцев оружием. И дело пошло. То есть с Советским Союзом, который был дружествен китайским коммунистам, чанкайшисты дел иметь не желали, а вот с коррупцированными чиновниками, которые якобы по родственным связям

тайно продают на сторону со складов танки и пушки, китайцы иметь дела были счастливы. Китайский менталитет, народные обычаи и повальная коррупция — вот это они понимали, а то, что человек должен служить государю и Родине — это для них было все пустой звук. Удивительные, честно говоря, сволочи.

А дальше все стало еще интереснее. К осени 1942 года у нас появились ходоки из Америки, которые прослышали, что мы успешно сбываем в Китай наше устаревшее оружие со складов, и тоже пожелали во всем этом участвовать. Всем известно, что американцы поставляли китайским нацикам боеприпасы с оружием, однако если кто-то говорит мне, что с этим-то все понятно, я обожаю спросить — а откуда американское оружие попадало в Китай в 1942-м, если в том году японцы высаживались уже местами в Австралии да бились с американцами за Гуадалканал на Соломоновых островах. Ведь весь Тихий океан был перекрыт японской авиацией, а на юге японцы дошли аж до Бирмы. Как в Китай, отрезанный океаном, могли приехать американские танки? Да все оттуда же, по бывшей японской железной дороге в Меньцзяне. А за железнодорожный транспорт на этой дороге отвечал я, как начальник этого участка Восточно-Сибирской дороги, а за прием грузов с китайской стороны — мой брат Жора. Так что мимо нас пройти тем же американцам было негде и некуда. Ну и, согласно нашей легенде, я, как якобы коррумпированный советский чиновник, получал за предоставление платформ и вагонов, а также окна в регулярном движении большие конверты от наших американских друзей под столом, а потом сдавал все до цента под расписку в родственном ведомстве. А Жора их потом тряс

уже как китайский коррупционер за то, что закупал для чанкайшистов американское вооружение. Все это было очень забавно.

Для меня эта деятельность завершилась в 1944 году, когда меня попросили отношения с Жорой сворачивать, ибо для нас стало уже не так интересно то, что он кадровый офицер немецкой разведки, интереснее были его связи с американской разведкой, становившиеся все более тесными. Этих щеглов было за версту видно, хоть они и делали вид, будто они американские коммерческие толкачи или подрядчики. Начинаясь 1944-й, и всем было ясно, что для фашистов песенка уже спета, но жизнь продолжалась, и нам все интереснее было, что именно происходит в американской разведке, а вовсе уже — не в немецкой. Знакомый сказал мне, что сани надобно готовить летом, а телегу — зимой и мало кто знает, когда именно какое ружье на какой стене выстрелит. Вот, мол, ездили вы все втроем с немецкими медиками по дикой Монголии, лечили там сифилис, а через десять лет все это вон как обернулось. Сегодня Жора молодых американских разведчиков поит да водит по девкам, кто его знает, чем оно кончится? В общем, решай: будешь дальше изображать из себя нашего коррупционера — придется тебе со временем уехать в Америку. Или же пора тебе пропасть из Жориной жизни, чтобы американцы перед тобой не смущались. Так я и видел свата моего в том году последний раз и двадцать лет подряд не мог его старшему брату сказать, где Жора и что с ним. А рассказал я ему все это уже после того, как пришло известие, что Жору нашего предали, и, чтобы не сдать врагу, он сделал все верно.

Были потом и другие наши разведчики, которые сдались в плен, и их потом на кого-то там обменивали, но я

думаю, что это неправильно. Впрочем, все те, кто из наших сдавался, дабы сохранить свою жизнь, оказывались при рассмотрении или хохлами, или евреями, и это, на мой взгляд, все объясняет — но не это я хотел вам сказать.

Обставили мой уход таким образом, что между нами с Америкой появилось межправительственное соглашение об урегулировании поставок из Америки в Китай через Советский Союз. Соответственно для меня в этой системе взятки с откатами места более не было, и я передал Жоре всех моих американских подрядчиков вместе с контракторами, а сам занялся более интересным делом, чем с американцами и китайцами водку пить да баб щупать. Где-то что-то по урановому проекту у нас с места сдвинулось, и мне был приказ — обеспечить бесперебойные поставки из враждебного нам Китая уранового песка из Меньцзяна. На меня была возложена задача построить транспортный узел на урановом руднике, организовать там же первичное обогащение урановой руды и поставлять ее эшелонами на Зауральскую дорогу в обстановке полной секретности. Особо было подчеркнуто, что шныряющие по той же дороге американцы не должны были знать, что этот источник поставок урана в Союз был самым коротким и прибыльным. Ведь недаром секретные заводы на Зауральской дороге были так близко к китайской границе выстроены.

Соответственно после работы на китайской границе я был переброшен на построение специальных железных дорог и обеспечение их работы под началом Михаила Георгиевича Первухина, тогдашнего наркомхимпрома, который и дал отмашку на переоборудование нашего спецдепо под Миассом, бывшего центром моей секретной Зауральской

дороги, так как именно туда мы и везли наш урановый песок из Меньцзяна. Со временем он там стал образовывать целые залежи. Я посмотрелся на чанкайшистов и знал, что век их недолог, так что, пока туда не пришел нормальный хозяин, я приказал вывозить урановые пески из Меньцзяна по максимуму. За это меня потом, уже при коммунистах, в эпоху Мао, объявили врагом всего китайского народа и сделали в Китае персоной нон грата. Но дело было сделано, мы привезли из Меньцзяна этого уранового песка столько, что хватило не на одно специзделие, а наши американские кореша это дело прохлопали, так как месторождения урана редки, а они их всех после войны контролировали или хотя бы отслеживали. По их данным, наши месторождения были еще к работе негодными, и заводов по обогащению, которые должны находиться рядом с подобными месторождениями, у нас, по их мнению, не было. Им и голову не пришло то, что в Меньцзяне был настолько богатый ураном песок, поэтому мы не поленились проложить туда железнодорожную ветку и этот самый песок вагонами вывезти, а завод поставили у конечного пункта транспортировки. Так нынешние ученые порою в недоумении, как именно китайцы построили Великую Стену или египтяне — их пирамиды. А вот так и построили — по кирпичику. Голодному волку сто верст не крюк: был приказ привезти уран в укромное место, так что мы собрались толпой и лопатами да тачками пару гор песка в вагоны перекидали и куда надо вывезли. И это все посреди Великой войны, силами одних баб, стариков да детей. Так что я хорошо понимаю, как тогда строили Пирамиды и Великую Стену. Империалисты урановую бомбу давно уже делали,

и нам отстать от них было никак нельзя. А жить всей страной захочешь — не так раскорячишься. И все это в обстановке строжайшей секретности.

За эту работу Михаил Георгиевич стал руководителем всего атомного проекта, а я, как закончил строительство номерного завода, в который обратилась моя Зауральская дорога, был направлен на решение новой задачи. Война с Германией потихоньку заканчивалась, и мне велено было изыскать возможности срочного расширения путей Восточно-Сибирской дороги в целях будущей переброски наших войск с запада на восток для войны против враждебной Японии.

Ну, против японцев-то повоевать сам Бог велел, так что принялся я за эту работу со всем моим удовольствием. Опять же особых работников у нас не было — строили силами баб, стариков да детей, и китайские беглецы от войны нами тоже были к этому делу припаханы. Если кто возражал, разговор был короток: «Ах, не хочешь помочь своей Родине освободиться от гнета Японии...» — и передаешь дело саботажника самим китайским товарищам, а уж они сами его своими рабочими тятками наставляють на путь истинный. Или там же прикапывают, если он урок не выдерживает. В этом смысле китайцы сильно нам помогли, да и злоба на япошат у них была зверская. Довольно было ткнуть в провинившегося и сказать, что он плохо работает, потому что против Китая и за Японию, и больше подобного лоботряса наши люди не видели. Так что в отличие от времен строительства КВЖД, когда наши предки китайцев сторожили, чтобы они в бега не ударились, теперь китайцы сами себя сторожили и к работе подстегивали. Я в это дело не вмешивался. А когда мои знакомые из соседнего ведомства поняли, как китайцы свою дисциплину поддерживают, то вообще от всего открестились, мол: «Роман Савельевич,

уволь нас от подробностей. Работают китайцы ради победы Китая над японскими оккупантами, ну и слава Богу. А как именно они у себя жизнь наладили, нам знать без надобности. Нужно охрану прислать — мы пришьем, ты только свистни. А не нужно, так и не беспокой нас, китайцы сами меж собой разбираются, и шут с ними!» Вот так и происходило это строительство, и, как я уже говорил, хорошо понимаю, как китайцы в свое время свою Великую Стену выстроили.

А когда война с японцами началась и быстро закончилась, меня перевели с Восточно-Сибирского на Южно-Маньчжурский участок дороги, и я с моими войсками помогал отстраивать и восстанавливать Порт-Артур, сильно разрушенный всеми этими войнами. И жизнь у меня стала налаживаться. Мой дед некогда всеми деньгами и силами нашего рода в построении этих самых Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской дорог поучаствовал, и я был страшно горд, что исполнил искреннее желание моего предка и сам на этой дороге работаю. В этом была некая преемственность — Воля Вечного Неба, мною исполненная. Я был тогда счастлив. Все мы созданы для того, чтобы исполнять волю наших предков, вот что я, как шаман, думаю. Наши предки некогда завоевали Китай и служили великому Чингисхану, будучи его личной охраной и слугами. Когда род Великого хана пресекался, мы собрались в его ставку в Ханбулаке, который нынче все называют Пекин, и стали выбирать себе нового хана.

Дело это, если задумываться, с виду странное, но для монголов привычное. В этом мире вечно лишь Вечное Небо, а все прочие смертны. Голод, война и лишения пресекают роды, даже великие, и тогда главы уцелевших родов соби-

раются на курултай и выбирают павшему роду нового основателя. Правила тут просты, глава нового рода не может быть из аратов, ибо не дело высокородному монголу прислуживать кому-то, и он не может быть из родовичей, ибо любые наши деяния не помогут изменить нам наших предков. Мы принадлежим к родам по праву рождения и менять их не можем, а это значит, что ежели род пресекался, то он пресекался, и теперь Дух Волка — основателя рода сам должен выбрать нового главу своего рода из пришельцев. А из этого получается, что главой рода взамен выбывшего может стать лишь инородец, не монгол по рождению, ибо все монголы — или араты, или высокородные.

Так из фамилии моих сватов Башкуевых из Шестого рода все понимают, что предок их был лекарем из хууэйцзы, или иначе — юэчжей, древнего народа магометанской веры из долины Тарима, что впадает в озеро Лобнор. Наша фамилия Сафроновы имеет русские корни, и это значит, что наш нынешний Третий род некогда возглавил какой-то русский, когда прежний Третий род почему-то пресекался. Фамилия моих кузенов из Девятого рода, рода Порока, переводится с китайского наречия как «рыжая крыса», и это значит, что их предком был некий китайский еврей из Сиани, но когда это случилось и при каких обстоятельствах — нам нынче неизвестно. Род «рыжих крыс» пришел в Сиань с запада по Великому шелковому пути уже после завоевания Чингисхана, а в годы джунгарских нашествий они в Сиани все были вырезаны. Значит, возраст нынешнего Девятого рода где-то от пятисот до семисот лет, но как, когда и при каких обстоятельствах некий китайский еврей стал монгольским родовичем, нам нынче неизвестно. Однако то, что у них по сей день все добро и власть переходят по женской линии, подсказывает нам, что некогда они возникли именно так.

Это я лишь про «черные» роды так подробно рассказываю, ибо мы роды «мирные», те, кто в походах и набегах обычно никогда не участвовал, и от этого мы — роды «долголетние», а «белые» роды — роды «войны» пресекались и заново основывались по понятным причинам гораздо чаще. Собственно раз все три «черных» рода судя по фамилиям очевидно моложе, чем события времен Чингисхана, а «белые» роды в целом моложе «черных», то из этого следует, что все фамилии у родовичей со времен Чингисхана давно поменялись, а роды остались все прежние. Так что и желание выбрать себе нового хана — взамен семени Чингисхана было в рамках традиции.

Только в отличие от родов Учителей, Шаманов, Сборщиков податей или Воинов-ханов мы не смеем выбирать. Истинного хана в час великой нужды нам дает Великое Небо, и он согласно традиции может быть кем угодно. С тех самых пор у нас, хонгодоров, нет Пятого «Ханского», срединного рода и никто из нас не может так себя называть, ибо Хан по традиции не может быть избран; когда придет срок, мы сами узреем и узнаем его. Такова Воля Неба.

Когда после падения империи Цинь объявился в наших степях нынче известный всем барон Унгерн, многие сочли что он джамсаран — Бог Войны и новое воплощение Чингисхана. Даже я был крещен как Роман, когда мне исполнилось двенадцать, именно в честь этого самого Унгерна. Да только не был он второй Чингисхан, а был обычный обманщик и самозванец. Много веков назад наши предки пришли на службу в Россию, потому что Монголия — земля Огня, Войны и страданий, а Святая Русь — земля сладкой Воды великих рек и озер, самой Жизни и Утешения. Ибо для монгола, побывавшего в Гоби, нет ничего ценнее самой

обычной чистой Воды, прохлады великого Озера и возможности укрыться, спастись от врагов под сенью бескрайнего леса. Сызмальства мы знали, что Россия — та Святая земля, которую всю жизнь искал Чингисхан, чтобы жить там, а не в огне бесконечной войны посреди раскаленной Гоби или бескрайней Степи. Сам он был из малого леса в долине реки Керулен и всю жизнь мечтал, что страна его будет столь же мягка и прохладна, как его малая родина. Наши предки — знатные главы родов, не пожелавшие стать арами для маньчжурского хана, нашли то счастливое место, о котором всю жизнь мечтал Чингисхан, и решили, что станут жить здесь, дабы исполнять его волю и защищать саму жизнь — чего бы нам это ни стоило. И раз сама Россия — колыбель и средоточие жизни, значит, тот, кто называл себя вторым Чингисханом и пошел войною на саму жизнь, был лишь кровожадным демоном из пустыни, который пытался смутить нас, и мы стали ждать пришествия второго Чингисхана — истинного. Природа не терпит ни в чем пустоты, и место главы Пятого срединного рода не может пустовать вечно, а в дни испытаний, называемых революцией, Небо обязано было изъявить свою волю.

Мне повезло, я был счастливейшим из людей, ибо мне довелось служить настоящему хану — у него были все признаки, все приметы воплощения великого Чингисхана, и я всю жизнь посвятил моему господину, товарищу Сталину. А служил я ему и воле всех моих предков, потому что Великое Небо не лжет, и воля моего хана всегда была и волей России, страны сладкой Воды, колыбели всей Жизни. Небо не умеет нас обманывать и не может заставить служить хану против долга всегда служить Родине. Ибо оно — справедливо и поэтому вечно. Вот я как думаю.

Когда пришло известие о смерти товарища Сталина, я весь день плакал. Это было несправедливо, я не должен был пережить моего господина. В те дни я руководил работами в Дальнем по расширению местного вокзала для того, чтобы этот незамерзающий порт мог бы больше принимать кораблей. У японцев колея была узкая, поэтому пространство между перронами они сделали под узкий вагон, и, когда мы снова заняли Дальний, вернувшись туда после того, как в Русско-японскую оставили этот построенный нами город, даже после расширения колеи перроны стояли так узко, что два вагона под наши колесные пары рядом стоять там не могли. По слухам, японцы нарочно так сделали, потому что с 1905 года боялись, что мы в этот свой город обязательно когда-то вернемся, и заранее гадили. Из-за этого пропускная способность вокзала была ниже обычного, и вот к 1953 году у нас как раз дошли руки, чтобы местный вокзал модернизировать. К тому же в те дни мы с Дашенькой, помимо работ на вокзале, ухаживали за нашей племянницей. Я уже говорил, что моя племянница — дочь главы Четвертого рода Бориса Баирова родилась уже после его смерти и все еще считалась для наших людей «Госпожой Запада», а я считался ее опекуном. Когда шла война, свояченица моя, как следователь по особо важным, не могла много времени уделять Машеньке, а мы с женою считались в тылу, так что почти всю войну племянница была с нами, вместе с моими детьми выросла. А вернулась она домой к матери с отчимом Павлом Николаевичем где-то в году 1944-м, когда тех по причине большого количества пленных вернули назад с немецкими военспецами работать. Матрена-то у нас умела наладить к людям подход, у нее любой фашист со временем начинал работать на новую советскую Родину. Она даже тому же группенфюреру СС Цейсу в итоге настолько мозги

промыла, что он работал в качестве научного директора в филиале медакадемии под Владимиром и свершениям нашего народа лишь радовался. Так что перевели их с поимки шпионов на перевоспитание важных пленников не случайно. А племянка моя и со мной побывала, и по Азии от Урала до Китая помоталась, а потом пожила в военных городках, пообщалась с немецкими пленниками. И думал я, что вырастет она такой же, как все обычные офицерские доченьки из военного городка, станет в итоге врачом или гарнизонной учительницей, и кончится на этом Четвертый их род — род потомственных Воинов. И все к тому шло: кончила она школу с золотой медалью, впрочем, для гарнизонной школы да для дочери командира части дело это не самое удивительное и мало о чем говорит. Затем поступила она в Плехановский институт нархозяйства, и я грешным делом понял так, что ей мало стать гарнизонным врачом или там учителем — решила она в будущем стать начфином какой-нибудь военной части. Хорошо, нормальная стезя для молодой девушки, почти стезя воинская. А вот затем...

А затем случилась война в Корее, и однажды мне пришла телеграмма в Далянь: «Буду проездом, встречайте». Я уж перепугался, думал, что из института ее исключили, так как дело было зимой, а не на летних каникулах. Приезжает, с порога обнимается: «Здравствуй, дядя Рома, здравствуйте, тетя Даша, как же давно я вас не видела. Мама с папой сказали, что вы вместе с ними меня вырастили, поэтому надо поцеловать вас всех если что — на прощание». Я так и сел.

А племянница мне рассказывает, что после того как война в Корее стала позиционной, туда поехали китайские добровольцы, вернее, доброволки, и стали китайцы делать из них девушек-снайперов. А из китайянок, равно как и из китайцев, воины как из говна пуля. Перебросили против них

американцы своих снайперов, а еще австралийцев с новозеландцами, и стал счет в снайперских дуэлях что-то вроде сорок на ноль — не в китайскую пользу. И запросили тогда китайцы пощады, просили от нас тайной помощи, мол, пришлите инструкторов по стрельбе, чтобы счет в снайперах с противником выровнять. Мол, советские девушки-снайперы в войне против немцев прославились, спасите нас теперь, помогите — нет житья от американцев и австралийцев с новозеландцами. Ну, наши подумали, почесали в ответ свою голову, но обычных девчонок посылать опасно. Мы в этой войне в наземных операциях не участвовали, и поэтому девчонку со светлыми волосами на помощь китайкам было ну никак не прислать. Решили собрать что-то вроде аналога испанских интербригад, только в Испанию собирали больше евреев с еврейками, ибо они на испанцев чем-то да смахивают, а на корейскую войну подбирали девиц, чтобы можно было спутать их с китайками. Но опять же, страна только что вышла из войны, люди навоевались, родные их даже и думать не хотели, чтобы посылать дочерей на войну, поэтому разговаривали лишь с родственницами тех, кто был связан с армией или органами, чтобы не было утечки и было соответственно понимание оказанного доверия и того, что стране это действительно нужно. А племянка моя сызмальства была «ворошиловским стрелком» — в их роду все стреляют на заглядение, ее племянница, к примеру, сейчас уже в молодежной сборной страны по стрельбе из лука, так что Машка на моих глазах творила с ружьем чудеса, когда бывала у нас на охоте в свои студенческие каникулы. Вот и пришли к ней с вопросом — не хотела бы она по Китаю да Корею поездить — на чисто добровольной основе, негласно поучить наших молодых китайских подруг стрелковой премудрости. Маша посидела, подумала, с матерью

да отцом посоветовалась и потом дала согласие. Никто не давил, ничего не говорил, сама все решила, взяла в деканате академический отпуск, пришла домой и сказала отцу и матери, мол, простите ежели что, а это мой долг — оказать китайским друзьям нашу интернациональную помощь. Зять мой, отчим моей племянницы, Павел Николаевич аж всплакнул, когда мне все это рассказывал. Мол, никто ее не учил, не настаивал, выросла бы простой учительницей или даже начфином — никто бы слова ей не сказал. Да только у них в системе для продвижения нужна отметка про то, что участвовал в военных действиях, иначе рост по службе совсем иначе выглядит. А ежели девчонка приняла участие добровольно, там у них уже совсем иной разговор. Так что не думал он, не надеялся, что Машенька наша на такую судьбу все же отважится. Не женское это дело — быть воином, однако ежели в роду все мужчины вдруг погибали, место их занимали иногда женщины. В истории нашего народа были такие случаи. И вот поехала моя Машенька на войну в Корею инструктором. Я помню, как ее на прощание обнял и сказал: «Ну что, доченька, вот и твоя очередь пришла выдавать себя за китайцев. Не умеют они воевать, прости господи, так что не ударь в грязь лицом, не посрами».

Потом мне сказали, что сперва племяшка моя китайских девиц всей этой премудрости выучила, пошли они на передовую, и за неделю-другую почти всех их американцы с австралийцами выщелкали. А племяшка моя ждала их в тыловом блиндаже и каждый божий день по две-три войлочных кошмы, которые были у них вместо матрацев, сворачивала. Свернула она этих матрацев штук тридцать, ибо китайцы хорошие работники, но не вояки, а потом сказала,

что не может больше посылать подруг на убой, и, хотя бы с теми, кто их убивал, у нее теперь счет есть. В итоге она на этом стоячем фронте прославилась, да так, что американцы откуда-то добыли ее фото и на своей стороне развешили, мол, работает среди китайцев наемница, валит только снайперов, но валит качественно, и назначили большую премию за ее голову. Хотя на самом деле, когда Машеньку к нам в Далянь привезли, было у нее на прикладе лишь двенадцать зарубок, но все они по истинным упырям, которые били этих несчастных китайянок десятками. Поэтому и сочли ее американцы наемницей, мол, не умеют китайки настолько дивно стрелять да так упорно за снайперами охотиться. А привезли нашу Машу в Далянь в военный госпиталь, потому что в азарте охоты на какого-то особенно умелого снайпера она три дня пролежала внутри туши погибшей лошади и, видать, хватанула с голоду ее трупного яда. Вот и привезли ее к нам в госпиталь с микробным гепатитом и ревматизмом. А еще с кучей наград от китайцев с корейцами. А потом умер Сталин, и мы вместе с женой пошли к Маше в госпиталь, там все вместе обнялись и — плакали.

Именно от племянницы я узнал дурные вести о том, что было после. Она в принципе уже выздоравливала, война в Корее закончилась, однако Матрена и Паша нас с женой просили задержать Машу, так как в Москве все уже не так просто. Поэтому племянницу перевели из больничного корпуса в местный профилакторий, и она там жила все каникулы, чтобы поехать в Москву лишь к учебному году. И вот в один мой приход Маша сказала мне, что маму ее и отца только что арестовали в Москве, и знакомые посоветовали ей быстрее из больницы выписываться, так как есть слух,

что уже был расстрелян Берия, а стало быть, могут расстрелять и всех его заместителей. Поэтому мы забрали племянницу из местного госпиталя и с оказией отправили негласно в Бурятию. Правда, потом оказалось, что все обошлось: Матрену нашу подержали на нарах с неделю да выпустили, Павла Николаевича мурыжили дольше, и когда выпустили, то с него сняли две звезды и убрали из органов, а многих тогда у них расстреляли. Так что ему повезло, и он по знакомству перешел из МГБ в артиллерию и стал дальше служить там подполковником. Впрочем, так как адекватной замены ему все же не было, в итоге он вернулся в свой полк, и там было весело наблюдать, как «васильковые» офицеры исполняют приказы якобы артиллериста и во всем его слушают.

Думаю, что именно этот момент и стал переломным в моей биографии. Наши «васильковые» полки стали основой для частей НКВД в свое время, а после смерти Сталина части госбезопасности считались преданными опальному Берии и поэтому на госбезопасность при Хрущеве пошли гонения. Так вышло, что после войны особое внимание мы уделяли не чему-либо, а именно КВЖД, области Порт-Артура и Дальнего, так как именно они и были желанной мечтой наших предков. Все основные ресурсы, которыми располагали наши семьи, были брошены на укрепление и усиление именно Порт-Артура и Дальнего, как единственных незамерзающих портов нашей Родины. Поэтому разгромить нас экономически, с точки зрения Хрущева и его банды местечковых хохлов, было проще обычного. В 1954 году Никита Хрущев в беседе намеренно оскорбил китайского руководителя Мао Цзэдуна, тот не на шутку обиделся, слово за

слово, и наш кукурузник сказал, что не готов поддерживать деньгами и ресурсами китайскую нищету и что ради того, чтобы не иметь дела с китайцами, он выводит наши войска из Порт-Артура и Дальнего. Мне был отдан приказ подготовить наши заводы, военные городки и население к срочной эвакуации и...

Я отказался. Сказал, что все мои предки строили эту КВЖД, чтобы возить наши товары к теплomu морю, что, сколько я себя помню — все, что со мной случилось, было следствием нашего поражения в Русско-японской войне и нашего отступления из Порт-Артура. Я обещал на клинке, что вернусь сюда, в этот русский город, я помню рассказы, как по приказу дурака и подлеца наместника Алексева расстреливали русских офицеров, когда те отказывались уходить отсюда, из Южной Маньчжурии, и я не могу отсюда уйти, потому что это все — мои предки, хоть они мне не родня по крови. Стар я для таких дел — вот что. Хрущевы придут и уйдут, а Россия останется. Много их было таких: Богдан Хмельницкий, который то служил русскому царю, то польскому королю, то султану; гетман Мазепа, атаман Петлюра, недавний Бандера. Для хохлов естественное состояние души — предавать и отдавать чужим не ими нажитое. И так далее. За все эти слова я был снят с моего поста, взят под арест и находился под следствием вплоть до конца 1955-го.

Меня часто спрашивали, какая именно муха меня тогда укусила, но на этот вопрос я не могу дать ответ. Наверно, все сразу в эти дни на меня навалилось. Видите ли, у меня тогда было состояние человека, который сидит перед разверстою пропастью, и сзади огонь, который к тебе подбирается, и кроме пропасти шагнуть ему некуда. Собственно

дело было уже не в Хрущеве и не в том, что он сделал, а в том, как пошли события после смерти товарища Сталина — и в Китае, и у нас.

Сама суть нашей Власти предполагала, что люди хотели сделать как лучше и при Сталине отвернуть от своего пути, в чем-либо смалодушничать было сложно, а чаще и вовсе невозможно. В общем, так вышло, что в момент смерти Сталина вокруг него остались не те, кто чего-либо добивался, а приспособленцы и прочие хитрованы политики. К примеру, возьмем Кагановича. Мой руководитель по наркомату путей сообщения попал в немилость потому, что не захотел понимать нужд страны и задумок товарища Сталина. Я сам был в группе, которая разрабатывала «план Кагановича» по переносу старых наших заводов и фабрик в глубь страны — за Урал и в нашу Сибирь. План был хороший и во всем замечательный. Однако по итогам войны вся западная часть страны была немцем разбита, наши города были разорены, а заводы разрушены. На той же Украине, откуда мы должны были забирать предприятия по «плану Кагановича» просто потому, что на том же Донбассе возможности для их промышленного роста были уже ограничены, по причинам гибели всего производства работать было попросту негде и в значительной степени — некому. Мало того, большинство хохлов, по нашим сведениям, предали в ходе войны нашу страну, работали на фашистов и массово вступали в их армию. В том же Бабьем яру евреев расстреливали вовсе не немцы, а свои же — украинские полицаи. Теперь население за эти пакости страшилось ответных мер от правительства, очень многие скрывались от наших войск, а на Западной Украине всю процветали бандеровцы. Товарищ Сталин, обрисовывая эту ситуацию, сделал вывод: для

того чтобы не беречь старые раны, украинское население, пусть и нелояльное, по сути, к России, надо чем-то занять. Надо вернуть на Украину вывезенные нами заводы, чтобы население могло на них работать и возрождать свои города. Надо занять людей полезным трудом на благо всего народа, и тогда проявившиеся в годы войны проблемы в отношениях украинцев и русских отойдут на второй план, а потом, может быть, и совершенно залечатся — как стерлись из памяти у тех же хохлов годы, когда они воевали против советской власти на стороне Махно и Петлюры. Мы только что победили в самой страшной войне в истории человечества, и сейчас не время шашкой махать. Мне этот подход был понятен, и я весьма изумился, когда узнал, что наш руководитель вдруг в бутылку полез, мол, мы уже на цифрах доказывали, что возрождение и развертывание крупнотоннажного производства на Украине не выгодно, с точки зрения экономической. Когда товарищ Сталин такие слова услышал, он аж вскинулся и закричал, что Лазарь Моисеевич ненавидит хохлов и хорошо все время это скрывал, а любит он только деньги и цифры, а речь не о деньгах, а о людях, которым надо дать жилье, работу и заработок, и поэтому Лазарь Моисеевич засунет сейчас все свои умные расчеты себе в задницу и первым побежит исполнять возвращение заводов на Украину, ибо все эти «еврейские экономические кунштюки сейчас не ко времени». Каганович на это Сталину отвечал, что возвращение заводов на Украину приведет в итоге к росту транспортных издержек и банкротству наркомата путей сообщения, а товарищ Сталин в ответ на это разогнал вообще наш наркомат и создал на его месте Министерство, а самого Лазаря Моисеевича прогнал куда макар телят не гонял.

Это случилось именно потому, что у наших ведомств были задачи сугубо ведомственные, а товарищ Сталин, как истинный Чингисхан, смотрел выше и дальше, и за это он со временем опалился на всех основных наркомов, потому что они пытались отвечать за дела своих наркоматов, а эти ведомственные интересы часто шли вразрез с интересами всей страны и лично товарища Сталина. И поэтому так получилось, что к моменту смерти Иосифа Виссарионовича вокруг него практически никого не было. Это и привело к тому, что на встрече лидеров Коминтерна после смерти товарища Сталина Мао Цзедун заявил, что раз в России больше нет никого равного товарищу Сталину, то его место должен занять истинный соратник, руководитель крупнейшей коммунистической партии и самой большой Красной армии — товарищ Мао Цзедун. А нашу страну на этой проходной в целом встрече представлял новый генеральный секретарь Никита Сергеевич Хрущев. На месте Сталина на такую наглую и хамскую, по сути, предьяву, умный человек смолчал бы, предоставив самому Мао сделать в глазах окружающих из себя дурака, но Никита Сергеевич в ответ расмеялся и сказал, что полководец из Мао — известный, ибо он потерял в войне с чанкайшистами всю свою армию, а новую ему создали мы из вооруженных сил Синьцзянской республики, которой командовали наши командиры НКВД из «васильковых». Их все знали под общим именем «генералов Ма», они и по сей день занимают практически все важные посты в китайской армии, и если все реально принимающие решения китайские военачальники на деле есть генералы советского НКВД, то весьма странно после этого китайцам дуть щеки и воображать, что их армия без наших генералов чего-то да стоит.

В ответ на это дурацкое заявление, Мао сильно побагровел, побледнел и в ответ ляпнул, что сам Хрущев в военных делах не семи пядей во лбу, ибо всякий раз когда его посылали на фронт в годы войны, на этом фронте обязательно случалась ужасная катастрофа, вроде разгрома под Харьковом или окружения Киева. Это уже вывело из себя самого Никиту Сергеевича, который сам знал за собой сильные пробелы в военных познаниях и невероятную военную неудачливость. В этот миг он настолько вышел из себя, что сказал Мао слова совершенно ужасные слова: «Я, может быть, и плохой генерал, но при этом я не предатель. Крупнейшую красную китайскую армию Чжан Готао в песок не закапывал, у синьцзянских генералов тайно не просил, чтобы те перебили всех коммунистов!» Воцарилась страшная тишина. Мао сидел белый как мел. В свое время, когда чанкайшисты разбили всю его армию, на пост главного коммуниста в Китае претендовал коммунист Чжан Готао, который сумел собрать и выучить крупнейшую красную армию. При встрече Чжан Готао потребовал у Мао подчинения себе, и тот мнимо послушался, а сам тайно послал своих людей в наш Синьцзян и просил покровительства у товарища Сталина. Он просил, чтобы наши «васильковые», воевавшие тогда с армиями Восточного Туркестана, руководимыми британской разведкой, развернули свои армии с запада на восток и напали на Красную армию Чжан Готао, который, в свою очередь, не считал Россию своим союзником, ибо был под влиянием Троцкого. За это Мао Цзедун обещал товарищу Сталину свою верность и преданность. В итоге наши «генералы Ма» напали на красную китайскую армию и полностью ее истребили в недельном сражении. Мао Цзедун после этого стал главным коммунистом в Китае, синьцзянские «генералы Ма» — у него главными китайскими военачальниками, а Чжан Готао бежал из страны

и жил на деньги рокфеллеров в Соединенных Штатах Америки. Что в очередной раз нам доказывает, чей заказ в России исполнял Троцкий и все его прихвостни. Однако, будучи якобы «истинным коммунистом», Мао Цзедун создал в Китае целый этакий культ «красных героев армии Чжан Гутао», которые были якобы уничтожены китайскими националистами, и на их памяти в Китае была выстроена своя пропаганда, а то, что сам Мао просил Советский Союз именно китайских коммунистов немножко повырезать, этого его пропагандоны в Китае, конечно, не говорили. И вот эти слова были сказаны, причем, при всей китайской делегации в Коминтерне, а Мао в ответ мог только сопли жевать и делать вид, что это его не касается. Но, с политической точки зрения, всем было ясно, что либо Мао по этому поводу что-то придумает у себя в стране, либо пойдут разговоры про то, что Хрущев его прилюдно назвал предателем, причем предателем именно китайского коммунизма, а в Китае с такими делами всегда было строго, ибо — традиция.

В итоге Мао вернулся домой, тут же уволил в запас и выслал в Россию всех наших родственников из «генералов Ма», но, к счастью, никого при этом не пострелял, так как этнические китайцы воевать не умеют и поэтому синьцзянцы по сей день составляют становой хребет его армии, посадил всех невольных свидетелей этой ссоры из китайской делегации Коминтерна, так как в отличие от генералов синьцзянцев с партийными функционерами он не шибко-то церемонился, также по его приказу были разобраны железные дороги от нас на Меньцзян, по которой мы вывозили в Союз меньцзянский уран, и дорога из Казахстана на Синьцзян, чтобы наши военные больше в Китай без его ведома просто не ездили. А дальше в том же Порт-Артуре и Дальнем китайцы принялись нам мелко гадить, и все это было

санкционировано приказом самого Мао. Мы уходили из Порт-Артура не только и не столько потому, что так хотел тот же Хрущев, а потому, что нас выгоняли сами китайцы, так как их красный богдыхан на нашего руководителя люто обиделся.

С китайца взятки гладки, они все, как немного в чинах вырастут, тут же впадают в лютую несознанку, и надобно понимать, как с такими китайцами разговаривать. Ибо если им потакать, то они начнут требовать, чтобы перед каждой аудиенцией наши послы нюхали и целовали богдыханскую тапочку. Поэтому надобно понимать их этот менталитет и не злить собак попусту. А Никита Сергеевич прошел школу политического мастерства у самого товарища Сталина, так что можно было немного подумать, прежде чем со всем Китаем в лице Мао навсегда ссориться.

Так что именно Хрущев, как человек более вменяемый, чем Мао, и об интересах России должный заботиться, нам гораздо сильнее нагадил во всей этой истории. Именно из-за этого я тогда и не выдержал. Честно говоря, думаю, что этот эмоциональный взрыв меня несколько не красит.

А пока я находился под следствием, мы ушли из Порт-Артура и Дальнего, причем ушли в смысле бегства — по личному приказу Хрущева многие важные объекты были нами разрушены, и китайцы от этого были в ярости. Когда же пошли разговоры о том, что в отличие от моих преемников я умел найти общий язык с китайцами, по прямому приказу Хрущева китайской стороне были переданы секретные сведения о том, что именно под моим руководством на протяжении всей войны нами хищнически проводился вывоз урановых песков из Меньцзяна. На тот момент в Меньцзяне находилось марионеточное правительство местных баргутов, причем управляли ими из Токио, но китайские

коммунисты не признавали это правительство, хоть от их областей до зоны урановых месторождений их отделяли армии чанкайшистов и меньцзянские армии. Так что в тот момент коммунисты эти области точно не контролировали. Однако Мао, уже обиженный Хрущевым, тут же сказал, что, прикрываясь сладкими речами, русские уже тогда всю грабили несчастный Китай, и я был назван чуть ли не главным врагом китайского народа, за то, что якобы как настоящий империалист всячески вывозил из их страны уран — китайское национальное достояние. На этом, вместе с исчезновением меня, как потенциального переговорщика, наши попытки договориться с Китаем закончились, и в этом смысле, я думаю, Хрущев оказался мудрым политиком. Он не оставил выбора никому.

Меня часто спрашивают, не было ли в этом враждебного умысла? Не был ли Никита Сергеевич иноземным шпионом? Отвечу так, умысел был, но вражеским шпионом Никита Сергеевич не был. Думаю, что началось это все как банальная базарная ссора, какая бывает у торговков на рынке. Мао слишком поверил в наши тогдашние песни и лозунги типа «Сталин и Мао слушают нас!» А правда тут была в том, что в отличие от товарища Сталина Мао не был фигурой независимой. Он даже не смог создать свою Красную армию, и нам пришлось притворяться, что наши генералы — это будто китайцы. А хлеще того, в итоге мы делали вид, что главные китайские коммунисты — это генералы Синьцзяна, при том что исходно в Синьцзяне просто не было коммунистов, а Мао обо всех этих штуках похоже запомнил. Вот Хрущев и напомнил ему, что на деле он всю жизнь был нашей марионеткой, а у Мао, как это часто бывало в истории у восточных диктаторов, разыграла амбиция. Так они и поссорились.

Другое дело, что потом, когда Никита остыл, он вдруг осознал, насколько ему ссора с китайцами выгодна, и будь на его месте, я, наверное, действовал бы так же. Власть возникает как воля народа, а она основана на интересах трудящихся. Поссорьтесь с Китаем, и у вас на востоке страны исчез потребитель — практически единственный потребитель наших товаров, который был важен для советской казны. Нет потребителя, и поток товаров по той же железной дороге устремляется на запад, так как это экономически выгодно. Окончательно отменяется план Кагановича по переводу старых заводов с той же Украины на восток, за Урал, от истощенных месторождений сырья к месторождениям более выгодным. Если бы по плану Кагановича все украинские заводы были передвинуты на восток, а Украина согласно его плану стала главной нашей житницей, то влияние украинских коммунистов от этого резко ослабло, и они не могли бы влиять на наше политбюро и делать украинцев генсеками, а влияние их парторганизаций тоже ослабло, а усиливалось бы влияние парторганизаций Урала и Сибири, куда переезжали наши заводы. А раз продукцию сибирских заводов за границую покупать стало некому, то с точки зрения валютных заработков они стали бесперспективны, и стало выгоднее возрождать заводы украинские, те самые, которые мы пытались по плану Кагановича с Украины убрать и за Урал вывезти. Хрущев не был врагом, он был всего лишь местечковым политиком, который ради сиюминутной выгоды убил нашего крупнейшего потребителя и союзника на востоке, для того чтобы сохранить старые исторические производства на западе. И что самое главное — бороться с этим было нельзя. Можно было снять Хрущева, дальше строить заводы на Урале и в Сибири, но это не открыло бы нам снова китайский рынок. Нужно было бы убить Мао

и уничтожить всех коммунистов в Китае для этого. Вот что сделал Хрущев. И даже когда зашел разговор в 1957 году о его предполагаемом снятии, я выступил против этой глупой затеи, так как она стала бессмысленна. Даже снятием Хрущева мы не могли исправить отношений с Китаем, ибо таков там местный менталитет. Раз стороны закусили удила, нужно было стиснув зубы дальше гнуть свою линию. Мы не могли расстрелять Хрущева или, скажем посадить его на кол, дабы Мао с нами дальше сотрудничал. Так в Китае дела не делаются — раз мы бы пошли на попятный. Мао решил бы, что мы перед ним прогнулись и стал бы сразу же наглеть дальше. А это значит, что на востоке у нас от смещения Хрущева проблемы только усиливались бы. Раз так, то сибирские и уральские заводы и дальше не нашли бы своего потребителя, а это значит, что и дальше усиливались бы заводы украинские. Украинские заводы обеспечивают работой украинских рабочих, и это значит, что украинские парторганизации становятся в стране более важными, чем уральские или сибирские, а выражать интересы самых сильных парторганизаций должен только украинец — нравится это нам, или нет, и не важно как именно мы относимся к тем же хохлам. Поэтому лучше пусть и дальше страной руководит Хрущев, ибо если его заменить, то на замену ему нужно ставить другого украинца, который в политическом смысле будет проводить точно такую же как и Хрущев, политику. И зачем нам менять — шило на мыло?

Другое дело, что ситуация с исчезновением потребителя на востоке в нашей истории уже была. Нарастающие логистические и транспортные проблемы привели к гибели Российскую Империю после того, как распалась китайская Империя Цинь, и это не случайно, что дом Романовых

рухнул через каких-то пять лет после падения маньчжурской династии, ибо на самом деле растущие транспортные издержки при концентрации заводов на Украине рано или поздно добьют всякую экономику — будь то царская или нынешняя советская, и чем больше будет рост заводов на Украине, тем выше станут транспортные издержки, и тем верней и стремительней произойдет крах экономики. Поэтому бороться с глупостями Хрущева сейчас невозможно, но в будущем плоды его действий приведут к катастрофе. Вот что я говорил моим следователям в ходе расследования моей «антипартийной деятельности».

Я объяснял им, что все что мы сейчас можем сделать, это крепить оборону нашей страны, а для этого надо развивать производство — те самые заводы, которые развиваясь загонят нас в убытки. Потому что враг вокруг нас не дремлет, и за неимением гербовой пишут и на простой. Можно долго лить слезы о том, что именно сделал Хрущев, и как хорошо было если бы Китай остался нашим союзником, но как народ говорит, если бы у бабушки, да были мудюшки, была б она дедушкой. А тот, кто этого нынче не понимает, такой же дурак, как был Хрущев, когда ссорился с Мао. Вообразите мое изумление, когда мои объяснения и рассуждения были сведены в секретный доклад, который сторонники Хрущева стали распространять с начала 1956-го. Я был выпущен под домашний арест и был весьма изумлен оказаться посреди странной дискуссии в партии о том, нужно ли снимать Хрущева с поста генерального секретаря. Сторонники Хрущева при этом козыряли моими же показаниями и говорили, что с Китаем все дела уже сделаны, былого уже не воротить, план Кагановича стал просто невыполним и нужно дальше развивать украинские и южнорусские заводы, так как внешние потребители для нас есть

только на западе, а Хрущев нужен как руководитель, так как на переправе лошадей не меняют. Меня вызывали на разные совещания, где я повторял, что решения о ссоре с Китаем были продиктованы для Никиты Сергеевича логикой внутрипартийной борьбы, и логика экономических последствий этой борьбы ставит фактически крест на развитии моей родной Сибири, и за это я осуждал и осуждаю Никиту Сергеевича. Однако Сибирь это — не вся Россия, и если мы хотим сделать нашу страну успешней и лучше, мы теперь вынуждены развиваться не на восток, а на запад, и в этой ситуации мы вынуждены передать управление генсеку украинцу, и нет смысла в нынешней ситуации изображать из себя монашку и девственницу. Мао не тот человек, под которого можно прогнуться, китайцы не те люди, которых стоит о чем-то просить. Просить можно лишь людей сильных, истинных воинов, а китайцы не воины и поэтому если их о чем-то просить, они станут требовать от нас исполнения всяких мерзостей для утоления своих психологических комплексов. А нам это нужно? Поэтому я объяснял, что альтернатива Хрущеву может быть лишь такой же украинской и эта самая альтернатива будет неизбежно проводить точно такую же — в принципе самоубийственную для нас экономическую политику. Но из всех нынешних вариантов этот все равно окажется лучшим.

Потом, через много лет, меня вызвал на собеседование очередной генсек — Леонид Ильич Брежнев. Он со мной детально и обо всем поговорил, а потом вдруг признался, что именно мои речи и объяснения в какой-то мере помогли ему, Брежневу стать Генеральным Секретарем нашей партии, и такой огромной услуги он мне не забудет. После этого он спросил, что нам делать в нашей нынешней ситуации? Я отвечал, что пока нужно оставлять все как есть,

осознавая, что это — путь в никуда, и наша экономика со временем рухнет от транспортных издержек в таком же манере, в каком рухнула экономика Российской империи. Наша задача сейчас дотерпеть до поры, когда точно такие же проблемы подкосят наконец китайскую экономику. У любой дороги — две стороны, есть пункт прибытия, но есть и пункт отправления. Самой прибыльной железной дорогой в Китае была и остается КВЖД — в эпоху до Русско-японской и в короткий период между Второй мировой и смертью Сталина. Из-за ссоры с Китаем у нас не развиваются сейчас районы Сибири и Зауралье, но точно так же из-за ссоры с нами у китайцев не развивается вся северная часть, обращенная в нашу сторону, а в геологическом смысле Китай очень разный. Богатейшие ископаемые в этой стране лежат у нашей границы — в Синьцзяне и Внутренней Монголии, той самой, которую мы знали Меньцзяном, но, пока нет русских потребителей на эти ресурсы или продукцию передела этих ресурсов, китайские производства в Синьцзяне и Меньцзяне тоже не развиваются. У китайцев в той же мере, как и у нас, возникает перекося в экономике, когда растет транспортное плечо от ресурсов Меньцзяна и Синьцзяна до китайских заводов на их побережье. Когда с нами китайцы помирятся, то КВЖД снова станет «дорогой жизни», толчком для развития всего региона, который сейчас у китайцев оказался в глубокой заднице. Пока в Китае жив Мао или его ближайшие люди, между ними и нами ничего не изменится, потому что ни Мао, ни клеветы его не захотят «потерять лицо», признавая, что в той ссоре они больше нашего напортачили. Поэтому в их экономике проблемы будут неизбежно накапливаться точно так же, как и в нашей. Придет день, обязательно придет, когда нашим экономикам станет настолько невмощно, что будут восстановлены старые связи.

И я мечтаю о том, что в минуту, когда китайцы дозреют до понимания, что не мы идем к ним на поклон и не они идут к нам на поклон, в нашем руководстве будут достаточно мудрые люди, чтобы не упустить сей момент. Момент, когда можно и нужно будет провести «план Кагановича».

Леонид Ильич от моих слов надолго задумался, а потом будто про себя еле слышно сказал:

— Мао у нас девяносто третьего, так? Значит преемники у него примерно двадцать третьего... А шестьдесят им будет в восемьдесят третьем. Стало быть, их преемники придут к власти в девяностых, не раньше... Не доживу... Ей-богу — не доживу, не увижу...

Потом он будто встрепенулся и стал говорить. Он сказал, что ему кажется, что я умею хорошо объяснять людям, как все происходит на самом деле, а не как оно с виду кажется, и поэтому он хотел бы видеть меня профессором Высшей партийной школы для того, чтобы я смог передать мой опыт будущим поколениям советских коммунистов-политиков. Так я и стал учителем для нынешних секретарей и ответственных партработников. Вот какая удивительная история. А первыми меня с этим новым назначением поздравили моя племянница Маша и ее муж, старший сын моего свата Бори. Они были в курсе по долгу службы. Но это было потом.

Оглядываясь на свою жизнь, думаю, что эта история была по сути единственной, которая должна была для меня скверно кончиться, но похоже, что я потрафил в чем-то духам всех моих предков и они надо мной сжалились. Скорей всего, мне просто повезло, что меня арестовали в 1955-м и причиной ареста называлось мое нежелание покидать Порт-Артур. За такую провинность у нас не сажали. Парой лет позже, когда группа Маленкова и Молотова попыталась

отстранить Хрущева от власти, с ними обошлись много жестче, а мелких сошек, вроде меня, втаптывали в те дни в грязь пачками. Но те пошли против самого кукурузника, и за это он с ними расправился, а в моем случае получалось, что я не хотел заниматься эвакуацией, обвинял Хрущева в том, что в разговорах с Мао был сильно не сдержан, но самое главное — из моих показаний следовало, что Никите Сергеевичу в нашем правительстве не было альтернативы. Разве что на его место вырос бы какой-нибудь другой украинец — как оно в итоге и вышло. Но в тот момент мои аргументы сам Хрущев и его люди стали использовать во внутрипартийной дискуссии, и со стороны стало выглядеть, будто я не выступил против Хрущева и его бездумной азиатской политики, а против китайцев с безумным Мао Цзэдуном и того, что они вместо благодарности нас из Порт-Артура попросту выгнали. Похоже, что эта версия польстила самолюбию Никиты Сергеевича, и хоть я ему, конечно, не глянулся, но по его распоряжению я был выпущен из заключения и даже не был выгнан из партии.

Как раз в эти дни я, находясь в бессрочном отпуске, встретился с моим сватом Борисом Башкуевым. Слово за слово — разговорились: выяснилось, что мы оба не знаем, что делать. Наш господин, наш Чингисхан, товарищ Сталин, умер, и многое потеряло свой смысл. Я не был в восторге от того, что творилось на железной дороге, сват ругался из-за хрущевских реформ в народном образовании. Он сказал, что был взят курс на все хорошее против всего плохого, отменены переходные экзамены между классами, отменены единицы нерадивым ученикам, а качество обучения, по причине расширения программы и снижения количества часов для основных дисциплин, катастрофически падает. А кому как не ему, директору первой школы Улан-Удэ и народному

учителю СССР, было это не знать? В ответ я ему тоже на все, что случилось, пожаловался, и мы вместе решили выйти в отставку, так как жить, в сущности, нам стало незачем. На этом и можно было бы завершить этот рассказ, однако когда я пришел домой, то там меня ждал спецпакет, в котором говорилось, что, по решению партии и правительства я, как человек в нашем регионе сведущий, персона нон грата в Китае и «враг китайского народа» по определению самого Мао, самой жизнью определен к тому, чтобы стать инспектором от секретариата КПСС по сооружению оборонительных укреплений на восточной границе, правда, уже не против Японии, а против китайцев. К приказу была приписка самого Никиты Сергеевича, в которой он попросил меня известить об этом китайцев, чтобы те «просрались от радости».

Честно говоря, я отчаялся от того, что железную дорогу после ссоры с китайцами по решению кукурузника по факту загоняли в долги, а быть главным банкротом на Восточно-Сибирской дороге мне не хотелось. Однако строительство укреплений было мне близко и знакомо, опять же была некая обида на китайцев, которым мы много чего сделали, а они теперь называли меня «социал-империалистом» и «русским захватчиком». Так что долго я не раздумывал. Была лишь одна проблема — мы со сватом вдвоем уговаривались, что оба выйдем в отставку, а тут такой поворот. Пока я мялся и думал, как ему позвонить, объясниться, он мне сам позвонил. Позвонил и первым делом спросил, не подал ли я уже заявление об отставке. Я сказал, что тут есть одна заковыка, и сват этому обрадовался. Оказывается, стоило ему подать заявление в горно о том, что он больше не желает работать директором школы и школьным учителем, ему тут же позвонил ученик из Сибирского отделения

Академии Наук и сказал, что они хотели бы, чтобы сват возглавил кафедру в институте в Улан-Удэ и занял должность профессора. Мол, они давно уже хотели ему предложить, чтобы вес института от этого увеличился, но все думали, что он — Учитель, это его призвание, и подобное предложение неуместно. А как только он подал в отставку, ему сразу сделали интересное предложение, и сват загорелся возможностью интересной работы. Он говорил мне, что очень извиняется, но совершенно не представляет, что будет делать на пенсии, а тут есть возможность подумать, пописать на всякие темы статей, и у него уже есть задумки по этому поводу. Я лишь рассмеялся в ответ и признался, что тоже не знаю, что буду делать на пенсии, и что мне тоже предложили что-то взамен железной дороги. На этом сват мой успокоился, что не совершил в моем отношении предательства.

А я на другой день пошел на новое место работы. Назначение на должность инспектора от секретариата ЦК по обустройству госграницы с Китаем в изменившихся политических условиях считалось секретным, и поэтому для несведущих я занял пост зампредсовмина Бурятии, и у меня началась совсем новая жизнь.

Впрочем, это уже совсем иная история...

История Пятая,

рассказанная

одним министром,

или Эпиплог

*Вычислить путь звезды,
И развести сады,
И укротить тайфун —
Все может магия...*

В один прекрасный день я был назначен Первым Секретарем Чечено-Ингушской Республики. Не скажу, что это была награда, скорее наоборот — серьезное испытание. Собственно говоря уже то, что меня поставили именно Первым Секретарем, говорило о потенциальных проблемах, ибо обычно русские в таких образованиях назначались Вторыми, а при таком раскладе это всегда означало, что Москва намерена рулить там «железной рукой» (пусть и в бархатной перчатке), и ни к кому из местных лидеров у Москвы нет доверия. Ну, или в более мягкой дипломатической форме это звучало таким образом: при постоянном соперничестве чеченов и ингушей Москва назначила русского, чтоб не вставать на чью-либо сторону.

При этом, учитывая, мягко говоря, непростую историю обоих народов и историю их взаимоотношений с русской / советской властью следовало понимать так: пост Первого секретаря в подобной республике был чем-то сродни и трону царского наместника, и раскаленной сковородке одновременно. Замнем для ясности.

В общем, шло начало работы на столь трудной должности, когда возникла первая же проблема. Так вышло, что в республике началась засуха. То есть восточные, чеченские, районы, которые ближе к Каспию имели дожди, а в ингушских горах — не было ни капли.

Ни денег из казны нет, ни знакомств с теми же соседями, чтобы с водой помогли, ибо только начало работы,

то есть что делать — неясно. И вот в один день стою я у окна, смотрю на закатную сторону и вдруг вижу первые признаки будущего сильного шторма. А в свое время я проходил обучение в разных партшколах. Так вот в Иркутске, откуда я родом, под это выделялась так называемая дача Эйзенхауэра близ Листвянки, где нас, молодых партработников, учили всему маститые зубры коммунистической партии. Так вот местный зубр, которого молодежь иногда за глаза называла то «Верховным Шаманом», то «Хранителем Озера» (и который, по случаю, был дядей жены моего закадычного друга), любил нам по-родственному рассказывать всяческие занимательные истории, а также показывать разные удивительные приметы, которые простому люду были неведомы. Среди них встречались и такие, которые противоречили данным метеосводки, однако почему-то сбывались. Всякий раз Роман Савельевич, когда ему удавалось в очередной раз посрамить гидрометеоцентр, этому страшно радовался. А нам он всякий раз повторял эти удивительные приметы и приговаривал: «Когда-нибудь это вам очень понадобится. Аратов привлекают вещи с виду мистические. Ежели партработник знает погоду и природу лучше, чем все эти метеорологи, это для него большой плюс». Другие во все эти приметы не верили, а я родился и вырос в городе Бабушкине, что на самом берегу Байкала, и сызмальства многие из них воочию наблюдал, так что мне все эти байки легко легли на душу.

И вот, смотрю я в окно, а там — первая примета грядущего шторма, за нею — вторая, третья, и по всему видно, что шторм близится. А за спиною просители стоят — воды просят. Поворачиваюсь я тогда к местным и спрашиваю: «А что прогноз говорит?» А те в ответ мнутя: мол, барометр указывает на «великую сушь». Тогда второй вопрос:

«А местные аксакалы чего говорят? Может быть, есть приметы какие?» На это местные мнутя еще больше: мол, аксакалы в свое время от рук советских карателей полегли да в казахских степях навсегда остались в изгнании. В общем, прервалась традиция. На гидрометеоцентр одна надежда, да и там — «великая сушь».

Ну что поделывать, поехали на места — на поля будем смотреть. Приехали на поля: сухо кругом, почва от жары еще не лопается, но видно, что еще дней пять без воды — и прощай урожай. Сели в теньке, разложились, выпили, закусили — принимали меня как родного, барана завалили, все честь по чести. Ну и в конце трапезы я, как дед Роман когда-то учил, водкой во все стороны света побрызгал, перекрестился и поклонился — опять же на все четыре стороны. А потом в машину пошел. У местных на лицах шок, переходящий у кого-то в скрытый смешок, у кого-то в явное изумление. Очень осторожно, будто с большим разговаривают, спрашивают, что это было. На что получают резонный ответ: «Вы просили у меня дождь? Дождь будет». Какой вопрос, такой и ответ.

Сели в машину, едем назад в гробовом молчании, слышно, как у всех часы тикают. У меня предчувствия самые нехорошие, типа сейчас назад будем, уж сигналы точно посыпятся. А вдруг дед ошибся? Вдруг в Чечне приметы совершенно иные, чем на Байкале, должны быть?! Все ж таки районы разные, все разное...

Однако где-то на поддороге домой догоняет нас неожиданная туча, и начинается страшный дождь. Сильнейший ливень, чуть ли не месячная норма осадков. И вот пока мы ехали, все то же гробовое молчание, но уже не насмешливое, а такое — с благоговением. Вернулись домой, там все хорошо. Через пару дней надежные люди уже сообщают, что народ

своими глазами видел, как из разбрызганной мною водки образовались огромные тучи, из которых и пролился обещанный дождь. В итоге я замечаю, что у людей, заходящих ко мне в кабинет, спина немного сама собою сгибается. А надобно понимать и чеченов, и ингушей — насколько это для них дорогого стоит.

А неделки через две приходят ко мне опять ходоки, теперь уже с равнинной Чечни. Мол, на западе дожди вот прошли, и там сейчас все цветет, зеленеет, а у нас на востоке — великая сушь, давно дождей не было. Может быть, вы и в нашу сторону наведаетесь?

С одной стороны, почему бы и нет, но за окном ни одной приметы по дождю на востоке. А отказать невозможно: специфика такова, что раз уж вызвал дождь ингушам, изволь сделать то же самое для чеченов, иначе потом на всю жизнь будешь слыть «ингушским ставленником»... Ну и отвечаешь, что обязательно к вам выберемся, но вот сейчас срочный телефонный разговор с Москвой, потом совещание, в общем, как только так сразу. Лишь на четвертый день опять все приметы грядущей грозы на востоке начинают проглядываться, и я еду теперь уже на чеченскую сторону.

Там опять же приняли как родного, барана зарезали, расстелились — и все дела. И опять в конце, как учил дед Роман в партшколе на «даче Эйзенхауэра», сбрызгиваем водкой во все стороны света, широко крестимся и кланяемся на все стороны. Только в этот раз шофер говорит, что машина сломалась и нужно ее немного отремонтировать. А на небе — ни облачка.

Садимся опять к столу, ведем умную беседу о том, об этом, а вокруг на глазах темнеет, лица у местных — нечто среднее между восхищением и ужасом. Потом через полчаса падают первые капли, и шофер бежит со всех ног, мол,

машина только что починилась. И местные провожающие будто получили все вдруг прострел в пояснице, не могут спину прямой удержать. И пошел сильный дождь.

А дня через два мне звонок сверху, и там так весело говорят, будто в шутку: «Тебе чего там голову совсем напекло? Заканчивай нам религиозный дурман населению распространять. Ты им хотя бы цитату из Манифеста в тот момент прочитал... Нет, конечно, с работой ты справился, к людям подход нашел, но ты там это... Полегче...» Ну и я воспользовался этим случаем: сказал всем доверенным, что кто-то про меня наверх стукнул, и теперь я больше не могу дождь вызывать, ибо сверху мне пригрозили, что еще раз — и положу я билет на стол. Местные все сразу поняли — мухой стукача меж собой вычислили, тот реально сознался, так что больше никто дождя от меня не просил, но уж из песни слова не выкинешь. И в целом карьера моя удалась.

Самое забавное в этой истории случилось потом, месяца через два.

Когда я был с отчетом в Москве, вызвали меня в одну чистую комнату, а там сидят трое дедушек, причем один из них в сутане и наперсным крестом, я даже подумал, что по каким-то причинам у меня будет разговор о проблемах христиан на Кавказе.

А они меня спрашивают, мол, слышали мы про то, что вы обладаете особыми знаниями и умеете дождь вызывать. Я как есть им все рассказал, что, мол, никакой это был не вызов дождя, а просто знание особых примет, которым меня научили на выездной партшколе в Иркутске. Тут они меж собой понимающе переглянулись и спрашивают: «А почему вам Роман Савельевич все рассказывал? Он по правилам может о сием лишь с членами своей семьи разговаривать!»

Я растерялся и объяснил, что в Иркутске мы дружны были с моим другом Эдиком, он по документам Эрдимто Буддич, а для своих — Дмитрий Борисович, так как они староверы и скрывают, что они все крещеные. Мы с ним вместе в одном квартете в Иркутске выступали на сцене, типа «Четыре брата». Так случилось, что нас было четверо: русский, бурят, еврей и украинец — поэтому это всем нравилось как пример интернационализма и комсомольской работы. Я через него еще с моей женой познакомился, правда, была ли она родственницей Роману Савельевичу — я не в курсе. Может, и так.

Меня внимательно выслушали, покивали в ответ, а потом говорят:

— Ну, хорошо, с этим выяснилось. Однако раз вы сведущи в магии и умеете видеть приметы, приходилось ли вам наблюдать определенного противодействия своим действиям? Не было ли при вас необычной засухи, или не загорался ли огонь рядом с кем-либо из вашего местного окружения? Чечня — регион специфический, там очень сильны слуги Огня — наши противники. Поймите нас верно.

Вот тут-то я и понял, что попал в непонятное...

Впрочем, это уже совсем иная история.

Содержание

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ, рассказанная самим автором, или Пролог	5
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ, рассказанная Хранителем Озера	67
Часть I. Вера (1891–1911)	68
Часть II. Надежда (1912–1932)	123
ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ, рассказанная одною актрисой, или Антракт.....	195
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ, рассказанная Хранителем Озера. Продолжение	209
Часть III. Начало. Любовь (1933–1940)	210
ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ, рассказанная историком РЖД, или Отступление	317
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ, рассказанная Хранителем Озера. Окончание	331
Часть III. Продолжение. Любовь (1940–1956)	332
ИСТОРИЯ ПЯТАЯ, рассказанная одним министром, или Эпилог	391

Для связи с автором
footuh@ya.ru

Александр Эрдимтович Башкуев
БАЙКИ СТАРОГО ШАМАНА

Технический редактор *М. А. Острейко*
Дизайн обложки *А. П. Будников*
Редактор (корректор) *Е. В. Тархова*

Подписано в печать 16.11.2015. Формат 60×88 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,4. Тираж 200 экз.
Заказ № 234Р.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru

Весь спектр издательско-полиграфических услуг

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме» оказывает услуги по изданию и печати книг. Специалисты высокой квалификации превратят рукопись в полноценную книгу.

Издание книг любой тематики.

Полный цикл редакционно-издательской подготовки издания:

- верстка,
- литературное редактирование, корректура,
- художественное оформление книги.
- Присвоение международного номера ISBN.

Собственное полиграфическое производство.
Изготовление тиража на современном оборудовании.

Печать от одного экземпляра.

Сотрудничество с авторами по всей территории России и за границей.
Доставка готовой продукции заказчикам из других регионов.

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40

Тел./факс: (812) 766 05 66, тел. (812) 766 06 83

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru